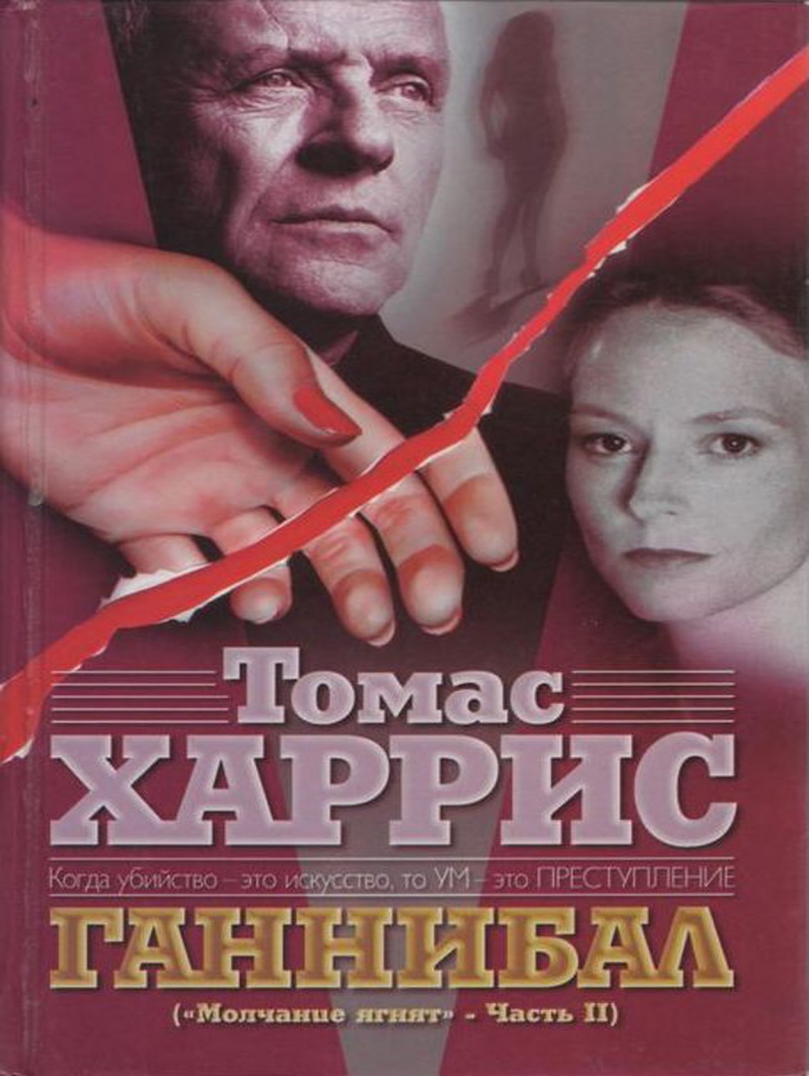

Томас ХАРРИС

Когда убийство – это искусство, то УМ – это ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ГАННИБАЛ

(«Молчание ягнят» - Часть II)

Ганнибал
Томас Харрис

Аннотация
Томас Харрис. Ганнибал
Часть I. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
  Глава 16
Часть II. ФЛОРЕНЦИЯ
  Глава 17
  Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Часть III. В НОВЫЙ СВЕТ
Глава 41
Глава 42
Глава 43

Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Часть IV. ВЫДАЮЩИЕСЯ СОБЫТИЯ В КАЛЕНДАРЕ

УЖАСОВ
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Часть V. ФУНТ ПЛОТИ
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Глава 85
Глава 86
Глава 87
Глава 88
Часть VI. ПИРШЕСТВО
Глава 89
Глава 90
Глава 91

Глава 92
Глава 93
Глава 94
Глава 95
Глава 96
Глава 97
Глава 98
Глава 99
Глава 100
Глава 101
Глава 102
Глава 103
От автора

Аннотация

Самый знаменитый серийный убийца наших дней преспокойно живет в Италии инкогнито.

Он — доктор Ганнибал Лектер. Каннибал, маньяк, изворотливостью которого можно только восхищаться. Лучший друг и консультант агента ФБР Клэрис Старлинг.

И — вот оно, новое дело Клэрис и Ганнибала!

Дело об убийствах? Естественно!

Дело о тайнах? А как же иначе!

Но — дело о мистике? О невероятном и непостижимом? О связи прошлого и современности? Почему бы и нет, если к этому делу причастен доктор Лектер.

Читайте роман «Ганнибал» — продолжение величайшего триллера «Молчание ягнят»!!!

Томас Харрис
Ганнибал

Часть I
ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Глава 1

День содрогнулся бы,
узнав, что так начнется…

«Форд-мустанг» с Клэрис Старлинг за рулем с ревом взлетел по пандусу, ведущему к входу в Управление контроля за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия (УКАТО) на Массачусетс-авеню. Штаб-квартира управления размещалась в доме, арендованном в целях экономии у самого преподобного Муна.

Штурмовой отряд ждал ее в похожем на пещеру гараже, разместившись в трех автомобилях: изрядно побитом микроавтобусе без опознавательных знаков и двух стоящих чуть сзади него черных автобусах отряда спецназа. Двигатели всех машин уже работали на холостом ходу.

Старлинг подхватила сумку со снаряжением и побежала к грязно-белому микроавтобусу, обе дверцы которого украшала надпись: «Мандавошкин дом».

Через открытые задние дверцы за ее приближением наблюдали четверо мужчин. Даже в камуфляжной форме Старлинг выглядела строй-

ной и, несмотря на тяжеленную сумку, двигалась легко и быстро. В призрачном сиянии ламп дневного света ее волосы слегка поблескивали.

— Ох уж эти женщины, — сказал полицейский из округа Колумбия, — постоянно опаздывают.

Отрядом командовал специальный агент управления Джон Бригем.

— Она не опаздывает, — ответил Бригем, — я вызвал ее лишь после того, как мы получили подтверждение. Бедняжке пришлось волочить сюда задницу от самого Квантико. Давай сумку, Старлинг.

— Привет, Джон, — бросила она, махнув высоко поднятой рукой.

Бригем что-то сказал сидящему за рулем полицейскому в штатском, и микроавтобус со все еще открытыми задними дверцами выкатился в приятный осенний день.

Старлинг — ветеран наружного наблюдения, пронырнув под окуляром перископа, заняла место в хвосте машины рядом с семидесятикилограммовой глыбой сухого льда, призванной служить кондиционером в то время, когда слежка велась с заглушенным двигателем.

В старом автобусе стоял устойчивый запах «обезьянника» — запах страха и пота, запах, от

которого невозможно было избавиться никакими силами. Дверцы автобуса в разное время украшали разные надписи. Последняя, похабная и наполовину стертая, появилась всего полчаса назад. Пулевые отверстия, заделанные мастикой «Бонд-О», — значительно раньше.

Задние стекла были односторонними, умеренно тонированными зеркалами, Старлинг видела катившие следом черные машины спецназа. Она надеялась, что долго торчать в наглухо закрытых автомобилях не придется.

Находящиеся в микроавтобусе мужчины начинали на нее пялиться, как только она поворачивалась к окну.

Специальный агент ФБР Клэрис Старлинг, тридцати двух лет от роду, выглядела как раз на эти тридцать два, и выглядела при этом прекрасно, несмотря на камуфляжную форму.

— И как только ты, Старлинг, ухитряешься постоянно влипать в эти дела? — спросил с улыбкой Бригем, беря с пассажирского сиденья рядом с водителем свой блокнот для записей.

— Потому, что тебе постоянно требуется мое присутствие, — парировала она.

— В этой операции ты мне действительно необходима. Но я же вижу, что ты лезешь во все

боевые вылазки просто так, заради Христа, можно сказать. Вопросов я не задаю, но думаю, что в «Гнезде сарыча»[1] тебя кое-кто ненавидит. Тебе надо переходить на работу к нам. Познакомься, кстати, с моими парнями. Агенты Маркес Берк и Джон Хар. А это Болтон из Департамента полиции округа Колумбия.

Оперативная группа, состоящая из сотрудников алкогольно-табачного управления, УБН[2] и ФБР, явилась специфическим продуктом сурового времени бюджетной экономии, в ходе которой из-за нехватки средств пришлось закрыть даже Академию ФБР.

Берк и Хар были похожи на агентов. Полисмен Болтон больше смахивал на помощника шерифа. Он выглядел лет на сорок пять, был тучен и весьма жизнерадостен.

Мэр Вашингтона после того, как его осудили по делу о наркотиках, стал проявлять великое рвение в борьбе с этим злом и настаивал на том, чтобы в каждом рейде обязательно участвовал представитель полиции округа. Таким образом в

---

[1] Примечания: 1

«Гнездо сарыча» (Buzzard's Point) — название местности, где расположена штаб-квартира вашингтонского отделения ФБР.

[2] Примечания: 2

Управление по борьбе с наркотиками.

команде появился Болтон.

— Банда Драмго занимается сегодня варевом.

— Эвельда Драмго. Я с ней встречалась, — заметила Старлинг без всякого энтузиазма.

— Она открыла цех по производству «льда» у самой реки на рыбном рынке Феличиана, — кивнув, сказал Бригем. — Наши ребята сообщают, что сегодня Эвельда варит новую порцию кристаллов. Она зарезервировала билет на ночной авиарейс до Большого Каймана, так что ждать мы не можем.

Кристаллический амфетамин, именуемый на улицах «льдом», быстро приносил мощный кайф и столь же быстро обеспечивал смертельную наркотическую зависимость.

— Вообще-то это дело УБН, но Эвельда нужна и нам — по делу о транспортировке огнестрельного оружия третьего класса через границы штата. В ордере на арест особо указаны пара пистолетов-пулеметов «беретта» и несколько глушителей пистолетов. Кроме того, ей известно, где спрятана еще куча оружия. Тебя, Старлинг, я попрошу сосредоточиться на Эвельде. Ты уже имела с ней дело. Эти парни послужат прикрытием.

— Нам досталась непыльная работенка, — радостно произнес Болтон.

— Старлинг, думаю, что было бы неплохо рассказать им кое-что об Эвельде, — сказал Бригем.

Старлинг молчала, пока машина не кончила дребезжать, проезжая через какие-то железнодорожные пути.

— Эвельда без боя не сдастся, — сказала наконец она. — По внешнему виду этого не скажешь, «леди» когда-то работала фотомоделью, но сопротивление она окажет обязательно. Не забывайте, Эвельда — вдова Дижона Драмго. Мне пришлось арестовывать ее дважды. Первый раз вместе с Дижоном. При втором аресте у нее в сумочке оказались пистолет девятого калибра с тремя обоймами, а в бюстгальтере — выкидной нож. Не знаю, чем она вооружена сейчас. Во время второго ареста я очень вежливо попросила ее сдаться, и она послушалась. Но уже в тюрьме округа Колумбия с помощью черенка столовой ложки убила заключенную по имени Марша Валентин. Так что заранее ничего сказать нельзя… По ее лицу трудно что-то понять. Большое жюри признало тот случай актом самообороны. Первый пункт обвинения ей удалось отвести, а по второму она добровольно признала себя виновной. В незаконном ношении оружия Эвельду обвинять не стали, так как у нее оказались малолетние дети, а муж

только что был убит на Плезант-авеню, возможно, ребятами из банды Сплиффов. Я начну с того, что по-хорошему попрошу ее сдаться, Надеюсь, она согласится — наше появление произведет на нее впечатление. Но — и теперь слушайте меня внимательно — если придется брать Эвельду силой, я рассчитываю на реальную помощь. Не пяльтесь на мою задницу, наваливайтесь на нее скопом. Джентльмены, не думайте, что вам предстоит всего лишь любоваться, как две дамочки дубасят друг друга.

В другое время Старлинг обязательно выслушала бы мнение этих людей. Она видела, что ее слова пришлись им не по вкусу, но ей надо было предусмотреть все, и времени для дискуссий не оставалось.

— Эвельда через Дижона связана с бандой Крипсов, — вмешался Бригем. — Наши ребята доносят, что Крипсы держат ее крышу и распространяют «лед» по побережью. Не знаю, как они поступят, увидев нас. Парни, по возможности, стараются не схлестываться с правительством.

— Следует учитывать, что Эвельда ВИЧ-инфицирована, — продолжила Старлинг. — Подарок Дижона через иглу. Она узнала об этом в тюрьме и съехала с катушек. В тот же день убила

Маршу Валентин и учинила битву с охраной. Запомните, если Эвельда безоружна, то она будет использовать против вас все виды жидкости, содержащейся в ее теле. При захвате она попытается вас укусить, будет на вас мочиться, плевать и испражняться. Перчатки и маски обязательны. Если вам придется сажать Эвельду в патрульную машину, то, наклоняя при посадке ее голову, будьте очень осторожны — в волосах может быть скрыта игла. Не забудьте удерживать ее ноги.

Физиономии Берка и Хара вытягивались все больше, а полисмен Болтон выглядел и вовсе несчастным. Мотнув своим двойным подбородком в сторону главного оружия Старлинг — изрядно потертого «кольта» сорок пятого калибра правительственной модели, — он спросил:

— Вы его носите все время на боевом взводе?

— Взведенным, но на предохранителе. Не расстаюсь ни на секунду, — ответила Старлинг, прикасаясь к обмотанной изоляционной лентой рукоятке пистолета, высовывающейся из открытой кобуры у ее правого бедра.

— Опасно, — заметил Болтон.

— Приходите в тир и я вам все объясню.

— Болтон, — вмешался Бригем, — я тренировал Старлинг в то время, когда она три года подряд

выигрывала межведомственный чемпионат по стрельбе из пистолета. Так что пусть ее оружие вас не тревожит. Как тебя назвали эти парни из команды спасения заложников после того, как ты их выдрала? Острый Глаз?

— Острый Язык, — ответила она и выглянула в окно. В заполненной мужчинами и пропахшей козлом машине наружного наблюдения Старлинг ощущала себя брошенной и одинокой. К устоявшемуся козлиному духу примешивался коктейль из дезодорантов «Олд спайс», «Брут», «Чапс» и запах кожи. Ей было немного страшно, и страх этот имел привкус медного, положенного под язык пенса.

Перед ее мысленным взором возникли образы прошлого. *Пахнущий табаком и душистым мылом отец в кухне их дома чистит перочинным ножом с отломанным кончиком апельсин и делит очищенный плод на двоих. Исчезающие габаритные огни его пикапа. Отец отправился на ночное дежурство, с которого не вернулся. Его убили. Одежда отца в шкафу. Рубашка, в которой он танцевал кадриль. Красивые, так ни разу и не надетые наряды в ее шкафу. Грустные вечерние платья на вешалках, похожие на старые, забытые на чердаке игрушки.*

— Еще минут десять, — бросил, чуть обернувшись, водитель. Бригем глянул вперед через ветровое стекло, а затем посмотрел на часы.

— Изучим еще раз обстановку, — сказал он, разворачивая грубо начерченную черным маркером схему и еле различимый поэтажный план дома, полученный по факсу из Архитектурного управления. — Здание рыбного рынка стоит вдоль берега на одной линии с лавками и складами. Парселл-стрит упирается в небольшую площадь перед рынком. Взгляните, строение расположено у самой воды, сзади, вдоль всего дома — вот здесь — тянется причал. На первом этаже рынка и находится лаборатория Эвельды. Вход в нее здесь — рядом с аркой. На время варки «льда» Эвельда выставляет дозоры по меньшей мере в трех кварталах от рынка. Дозорные должны предупредить ее заранее, с таким расчетом, чтобы она успела вылить варево в реку. Поэтому команда УБН из третьего автобуса пересядет в рыбачий катер и вступит в дело в пятнадцать ноль-ноль, если мы не затребуем помощи раньше.

— Каким образом мы вскрываем дверь? — спросила Старлинг.

— Если там все тихо-спокойно, используем таран, — ответил Берк. — Если услышим разборки

и стрельбу, тогда скажет свое слово «Глас Эйвона». — Он ласково погладил свое оружие.

Старлинг знала, о чем идет речь. «Гласом Эйвона» называлось ружье, которое заряжалось особым длинным патроном с зарядом из высококачественного пороха. Он был способен пробить любой замок, не причинив вреда укрывшимся за дверью людям.

— А как быть с детьми Эвельды? Где они?

— Информатор сообщает, что видел, как она отвозила их в дневную группу, — сказал Бригем. — Наш парень уверен в этом не меньше, чем человек, пользующийся презервативом, верит в безопасный секс.

Старлинг услышала шорох в радионаушнике Бригема. Джон посмотрел через заднее стекло микроавтобуса на небо и произнес в закрепленный на шее микрофон:

— Возможно, он наблюдает за уличным движением. — И, обращаясь к водителю, добавил: — Вторая штурмовая группа заметила вертолет службы теленовостей компании «Дабл-ю-эф-ю-эл» минуту назад. Вы что-нибудь видели?

Водитель отрицательно покачал головой.

— Лучше бы он наблюдал за движением. Ладно, пора седлать коней и застегиваться на все

пуговицы.

Даже глыба искусственного льда не способна принести прохладу пяти человеческим существам, закупоренным теплым днем в железном чреве микроавтобуса, особенно в тот момент, когда эти человеческие существа натягивают на себя бронежилеты.

Подняв руки, Болтон еще раз доказал, что несколько капель дезодоранта «Каное» не способны заменить душ.

Изнутри под плечи камуфляжной куртки Клэрис Старлинг подшила плотную прокладку, призванную принять на себя вес жилета из кевлара, который — и в это хотелось верить — считался пуленепробиваемым. Жилет утяжеляли закрепленные на груди и на спине керамические пластины.

Несколько трагических случаев продемонстрировали ценность дополнительного прикрытия сзади. Вести на штурм отряд, собранный из незнакомых людей с разной степенью подготовки, — предприятие довольно опасное. Когда вы идете во главе колонны, состоящей из необстрелянных и напуганных новичков, позвоночник вам может раздробить пуля, выпущенная рукой друга.

Не доезжая трех километров до рынка, идущий последним автобус откололся от колонны и повез штурмовую группу Управления по борьбе с наркотиками на свидание с рыбачьим катером, а микроавтобус поддержки, чтобы не вызывать подозрений, немного отстал от головной, не имеющей опознавательных знаков машины.

Кварталы, по которым они проезжали, становились все более обшарпанными. Треть домов стояли заколоченными, а у тротуаров там и здесь виднелись остовы сгоревших машин. На перекрестках, перед входами в бар и у дверей крошечных лавчонок бесцельно топтались юнцы. На тротуаре, вокруг горящего матраса, резвилась детвора.

Если Эвельда выставила дозорных, то те сумели успешно раствориться среди обитателей округи. В автомобилях, запаркованных у винных и продуктовых магазинов, сидели, оживленно беседуя, мужчины.

Приземистая «импала», с открытым верхом и пятью молодыми афроамериканцами на борту, проехав на зеленый свет, двинулась за машиной штурмовой группы. На радость проходивших по тротуару девиц, пассажиры «импалы» врубили свое стерео так громко, что металлический

корпус оперативного микроавтобуса начал вибрировать.

Бросив взгляд через заднее стекло автобуса, Старлинг поняла, что молодые люди в открытой «импале» угрозы не представляют. Боевые дредноуты банды Крипсов были либо мощными седанами, либо столь, же мощными универсалами, достаточно подержанными для того, чтобы легко раствориться в уличном движении. При этом стекла на их задних дверцах оставались всегда опущенными. Экипаж боевой машины состоял обычно из трех и лишь в редких случаях — из четырех человек.

Баскетбольная команда в «шевроле» могла показаться устрашающей лишь тому, кто мало что соображает.

Когда микроавтобус остановился перед светофором, Бригем снял колпачки с окуляров перископа и, постучав Болтона по колену, сказал:

— Посмотрите, не появились ли на тротуарах местные знаменитости.

Линзы перископа скрывались в вентиляторах на крыше и имели только боковой обзор.

Болтон, сделав полный оборот, оторвался от прибора и протер глаза.

— Эта штука ужасно дрожит от работы двига-

теля, — сказал он.

Бригем связался по радио с командой в катере.

— Прошли четыреста метров вниз по течению. Уже на подходе, — повторил он полученную информацию.

Машина остановилась на красный сигнал светофора в квартале от Парселл-стрит, и им пришлось торчать перед рыбным рынком, как всем показалось, бесконечно долго. Водитель, сделав вид, что поправляет боковое зеркало, слегка повернулся, скривил рот и пробормотал, обращаясь к Бригему:

— Похоже, покупателей не очень много. Все, поехали.

Зеленый глаз светофора загорелся в два часа пятьдесят семь минут, и ровно за три минуты до начала операции потрепанный микроавтобус остановился у тротуара рядом с входом на рыбный рынок Феличиана.

Люди, выжидающие в глубине оперативного автомобиля, услышали негромкий скрип — водитель поставил машину на ручной тормоз.

Бригем уступил перископ Старлинг.

— Взгляни, — сказал он.

Старлинг вращала перископ, и перед ней проплывала картина всего, что происходило перед

зданием рынка. Под установленными на тротуаре брезентовыми навесами тускло поблескивала лежащая на льду рыба. Улов с мелководья у побережья Каролины был искусно разложен на измельченном льду, в открытых ящиках шевелили клешнями крабы, а омары карабкались друг на друга в заполненных водой баках. Какой-то хитроумный торговец укладывал мокрую тряпицу на глаза большой рыбины, чтобы те продолжали блестеть до вечера, когда на рынок ринется поток рожденных на Карибах, чрезвычайно подозрительных домохозяек, всегда внимательно изучающих и даже обнюхивающих разложенный перед ними товар.

Над столом для разделки рыбы играла радуга. Мужчина латиноамериканского вида умелыми ударами рубил на куски серо-голубую акулу, одновременно поливая ее из шланга с мощным разбрызгивателем. Кровавая вода стекала в сточную решетку, и Старлинг слышала журчание под днищем машины.

Водитель что-то спросил у рыботорговца. Старлинг увидела, как тот бросил взгляд на часы, пожал плечами и показал в направлении ближайшей закусочной. Водитель еще с минуту потолкался у рынка, закурил сигарету и зашагал

в сторону кафе.

Мощное стерео, установленное на рынке, изрыгало «Макарену» так громко, что все слова были ясно слышны в закрытой машине. Старлинг подумала, что никогда в жизни больше не сможет слушать эту мелодию.

Интересующая их дверь находилась чуть справа от микроавтобуса. Это были двустворчатые стальные ворота в металлической раме. К воротам вела единственная бетонная ступенька.

Старлинг уже была готова оторваться от окуляров перископа, как вдруг одна створка дверей открылась и оттуда вышел крупный белый мужчина в гавайской рубашке и в сандалиях на босу ногу. Одной рукой мужчина придерживал на груди сумку, другая скрывалась под этой сумкой. За ним на улице появился жилистый негр с плащом в руках.

— Внимание, — сказала Старлинг.

Следом за мужчинами из дверей выступила Эвельда. Ее авантажная голова на шее, как у царицы Нефертити, виднелась из-за плеч телохранителей.

— Эвельда шагает позади двух парней, судя по всему, хорошо укомплектованных.

Старлинг не смогла достаточно быстро ото-

двинуться от перископа, и Бригему пришлось ее оттолкнуть. Она стала надевать шлем.

— Всем группам штурмовая команда «Один», — произнес Бригем в микрофон. — Представление начинается. Представление начинается. Она вышла на нашей стороне. Приступаем.

— Уложите их на землю, по возможности, без шума, — сказал Бригем, передергивая затвор винтовки, обычно используемой для подавления массовых беспорядков. — Катер будет на месте через тридцать секунд. Пошли.

Первой из машины выскочила Старлинг, она успела заметить, как на ветру развеваются косицы Эвельды. Зная, что следом за ней спрыгнули мужчины с оружием в руках, она крикнула:

— Лежать! Всем лежать!

Из-за своих телохранителей выступила Эвельда.

В рюкзачке, висевшем у нее на груди, находился младенец.

— Погодите-ка, — сказала она идущим по обе стороны от нее мужчинам. — Мне не нужна лишняя головная боль, — продолжила, величественно выступая вперед, Эвельда.

Она подняла ребенка и теперь держала его перед собой на расстоянии вытянутых лямок.

Конец одеяла, в которое был завернут младенец, свободно болтался внизу.

Надо дать ей возможность идти дальше. Старлинг не глядя сунула пистолет в кобуру и протянула вперед руки с раскрытыми ладонями.

— Эвельда! Сдавайся! Подойди ко мне.

Позади нее раздался рев восьмицилиндрового двигателя, за которым последовал визг шин. Группа поддержки, решила она. Возможности оглянуться у нее не было.

Не обращая внимания на Старлинг, Эвельда двигалась в сторону Бригема. Детское одеяло дрогнуло одновременно с грохотом выстрела. Бригем упал. Прозрачное забрало его шлема наполнилось кровью.

Белый телохранитель выронил сумку. Берк, увидев в его руке пистолет-пулемет, выпустил в него «Эйвона» — залп совершенно безобидного в данной ситуации порохового заряда. Затем он сделал попытку отскочить в сторону, но опоздал. Телохранитель дал очередь, целясь Берку в живот, под самый край бронежилета. Однако прежде чем бандит смог повернуться лицом к Старлинг и выстрелить, та успела выхватить «кольт» и влепить две пули в самый центр гавайской рубашки.

Где-то сзади началась пальба. Жилистый негр отбросил скрывавший оружие плащ и нырнул обратно в здание. В этот миг Старлинг ощутила сильнейший удар кулаком в спину. От удара у нее перехватило дыхание. Она обернулась и увидела боевой корабль банды Крипсов, ведущий огонь всем бортом, Это был «кадиллак». Все стекла в машине были опущены. Два человека, высунувшись из обращенных в противоположную сторону окон, что делало их похожими на индейцев-шайенов, стреляли поверх крыши, а третий палил с заднего сиденья. Из трех стволов вырывались пламя и дым. Вокруг Старлинг свистели пули.

Старлинг укрылась между запаркованными машинами и увидела извивающегося посередине улицы Берка. Бригем, напротив, лежал неподвижно, а вокруг его шлема успела образоваться лужица темной жидкости. Хар и Болтон стреляли откуда-то из-за машин с противоположной стороны улицы. Огонь из «кадиллака» не позволял им высунуться — вокруг них сыпалось стекло автомобильных окон и взрывались пробитые пулями шины.

Старлинг, стоя одной ногой в сбегающем в водосток ручейке, выглянула из своего укрытия.

Два человека, высунувшись из окон, продолжали стрелять поверх крыши. Водитель тоже открыл огонь, держа пистолет в свободной руке. Четвертый член экипажа, открыв заднюю дверцу, пытался втащить в машину Эвельду и ребенка. Брошенная телохранителем сумка оказалась у нее в руках. Бандиты целились в укрывшихся на противоположной стороне улицы Болтона и Хара. Но вот из-под задних скатов «кадиллака» вырвались дымки, и машина рванулась с места. Старлинг поднялась и, разворачиваясь по ходу движения «кадиллака», выстрелила в висок водителя. Затем она дважды выстрелила в спину сидящего на окне человека, и тот выпал из машины на мостовую. Не спуская глаз с «кадиллака», Старлинг выбросила из «кольта» пустой магазин и, прежде чем тот успел удариться о землю, вогнала в рукоятку новую обойму.

Боевой корабль банды Крипсов повело в сторону. С лязгом цепляя стоящие на противоположной стороне улицы машины, он остановился.

Старлинг спокойно направилась к «кадиллаку». Один из стрелков все еще оставался в окне. Глаза его вылезли из орбит, и он судорожно скреб пальцами по крыше машины. Парня сплющило, когда он оказался между «кадиллаком» и запарко-

ванным автомобилем. Его пистолет соскользнул с крыши. За стеклом заднего окна появились чьи-то ладони. Дверца машины открылась, и из нее, подняв руки, выполз человек в голубой бандане. Он сразу бросился бежать, но Старлинг не обратила на это внимания.

Откуда-то справа послышались выстрелы. Беглец упал на мостовую и, скользнув по инерции на животе, попытался заползти под стоящий автомобиль. Над головой Старлинг шумел винт вертолета.

На рынке кто-то вопил истошным голосом:

— Лежать! Лежать!

Люди спрятались под прилавками. На брошенном столе для разделки рыбы высоко в воздух била струя воды.

Старлинг приближалась к «кадиллаку». Шевеление на заднем сиденье. Движение в машине. Автомобиль качнулся. Внутри «кадиллака» заплакал ребенок. Раздался выстрел, и заднее стекло разлетелось. Осколки посыпались в машину.

Старлинг подняла руку и, не оглядываясь, крикнула:

— Стоять! Не стрелять! Следить за дверью за моей спиной! За дверью дома! Эвельда! — Дви-

жение на заднем сиденье и пронзительный крик ребенка. — Эвельда, высунь руки из окна.

Теперь из машины выходила Эвельда Драмго. Младенец вопил не переставая. Динамики продолжали оглушать рыбный рынок «Макареной». Эвельда шагала к Старлинг, обхватив ребенка и опустив свою прекрасную головку, Сзади на мостовой все еще бился в конвульсиях Берк. По мере того как он истекал кровью, конвульсии все больше превращались в слабые подергивания. Кто-то, пригибаясь к земле, подбежал к раненому, улегся рядом и попытался зажать рану.

Старлинг направила ствол пистолета на мостовую к ногам Эвельды.

— Эвельда, — сказала Старлинг. — Покажи мне руки. Подойди и покажи руки, пожалуйста.

Выпуклость на одеяле. Эвельда подняла украшенную множеством косичек голову и обратила на Старлинг свои темные египетские глаза.

— Так это, значит, ты, Старлинг, — сказала она.

— Эвельда, не делай этого. Подумай о ребенке.

— Махнемся кровью, сука!

Одеяло чуть дрогнуло. Прогремел выстрел. Старлинг в тот же миг нажала на спуск. Выпущенная ею пуля вошла в лицо Эвельды над губой, а на выходе разворотила затылок.

Старлинг обнаружила, что сидит на мостовой. Правая сторона головы звенела от боли, а дыхание перехватило. Эвельда тоже в некотором роде сидела, склонившись на собственные ноги. Из ее рта хлестала, заливая ребенка, кровь. Тело матери приглушало вопль младенца. Старлинг подползла к Эвельде и расстегнула липкие от крови застежки на лямках рюкзачка. Затем, вытащив спрятанный в лифчике Эвельды выкидной нож, она открыла лезвие и освободила ребенка от сбруи. Малыш с головы до ног был покрыт скользкой красной пленкой, и Старлинг удерживала его с большим трудом.

Не отпуская ребенка, Старлинг подняла голову. Заметив бьющую из шланга воду, она, с младенцем в руках, побежала к рынку. Отодвинув в сторону ножи и рыбьи потроха, Старлинг положила малыша на стол и направила на обнаженное тельце сильную струю воды. Крошечный темный младенец лежал на белых досках разделочного стола среди ножей и кишок рядом с акульей головой. Зараженная смертельной болезнью кровь Эвельды, смешавшаяся с кровью Старлинг, единым потоком, столь же соленым, как морская вода, лилась с разделочного стола в сточную канаву.

Вокруг разбрызгивателя издевательски сверкала радуга — искрящееся, яркое знамя над слепым молотом судьбы. На тельце ребенка Старлинг не заметила никаких повреждений. Динамики ревели «Макареной». В глазах девушки снова и снова возникали яркие вспышки. Они продолжались до тех пор, пока Хар не оттащил фотографа в сторону.

Глава 2

Заканчивающаяся тупиком улица в населенных рабочим людом кварталах Арлингтона, штат Виргиния. Время чуть за полночь. Теплая осенняя ночь после только что закончившегося дождя. Пахнущий влажной землей и листьями воздух медленно движется, отступая перед приближающимся холодным атмосферным фронтом. Одинокая цикада поет свою песню. Она замолкает, когда до нее долетает приглушенный шум пятилитрового двигателя «мустанга», за которым следует машина федеральной полиции. Оба автомобиля сворачивают в тупик и подъезжают к аккуратному домику на две семьи. «Мустанг» подрагивает, пока его двигатель работает на холостом ходу. Но вот мотор стихает. Выждав несколько секунд, цикада возобновляет песню — последнюю песню перед приходом холодов, последнюю песню в жизни.

Из «мустанга», оставив сиденье водителя, появляется федеральный исполнитель в форме. Он обходит вокруг машины и открывает дверцу для пристроившейся на пассажирском месте Клэрис Старлинг. Клэрис вылезает из автомобиля; Ши-

рокая белая повязка вокруг головы удерживает марлевый тампон на ее ухе. Шея Клэрис чуть выше выреза зеленой хирургической блузы, которую она носит вместо куртки, испещрена красно-оранжевыми пятнами антисептика бетадин.

В пластиковой сумке на «молнии» Старлинг несет свои пожитки — немного денег, ключи, удостоверение личности специального агента ФБР, скорозарядное устройство с пятью патронами, небольшую баночку крема. В той же руке Клэрис тащит пояс с пристегнутой к нему пустой кобурой.

Федеральный исполнитель передает ей ключи от машины.

— Спасибо, Бобби.

— Вы не хотите, чтобы мы с Фароном немного у вас посидели? А может быть, прислать Сандру? Она ждет моего возвращения. Я скоро ее привезу, вам не стоит оставаться одной…

— Не надо, Бобби. Я пойду к себе. Вот-вот вернется Арделия. Еще раз спасибо.

Федеральный исполнитель садится в машину к ожидающему его напарнику. Как только Старлинг оказывается в безопасности за дверью дома, машина отъезжает.

В прачечной тепло и пахнет жидкостью для смягчения ткани. Шланги стиральной машины и сушильного агрегата в полном порядке. Они прикреплены пластмассовыми прищепками к туго натянутой струне. Старлинг кладет свои пожитки на стиральную машину. Ключи стучат, ударившись о металлическую поверхность. Девушка извлекает из машины выстиранное белье и заталкивает его в сушилку. Затем вылезает из камуфляжных брюк и отправляет их в стиральную машину. За брюками следуют зеленая блуза и залитый кровью лифчик. Машина включена. На Старлинг остались только носки, трусики и револьвер тридцать восьмого калибра в прикрепленной к лодыжке кобуре. Ее спина и ребра покрыты темно-багровыми кровоподтеками, а на локте содрана кожа. Правая щека у нее распухла, и глаз заплыл.

Машина разогревается, и барабан начинает вращаться. Старлинг заворачивается в большое пляжное полотенце и бредет в гостиную. Вскоре она возвращается с широким стаканом в руке. Стакан ровно наполовину наполнен «Джеком Дэниельсом». Старлинг, не включая свет, садится на резиновый мат, лежащий рядом с машиной, и прислоняется спиной к теплому, тихо булька-

ющему агрегату. Она сидит на полу, запрокинув лицо, и всхлипывает несколько раз, прежде чем появляются первые слезы. Горячие, обжигающие капли катятся по ее щекам.

***

Приятель Арделии Мэпп подвез ее к дому в двенадцать сорок пять. Им пришлось проделать длинный путь от самого Кейп Мей, и Мэпп распрощалась с приятелем у дверей. Уже находясь в ванной, она услышала журчание воды в трубах и шум работающей стиральной машины.

Арделия отправилась в глубь дома и зажгла свет в кухне, которую она делила со Старлинг. Из кухни можно было заглянуть в прачечную. Мэпп сделала это и увидела сидящую на полу Старлинг с повязкой на голове.

— Старлинг! Детка! Что случилось? — спросила она, вбегая в прачечную и опускаясь на колени рядом с подругой.

— Мне прострелили ухо, Арделия. Рану обработали в госпитале Уолтера Рида. Не зажигай свет, ладно?

— Хорошо. Чем я могу тебе помочь? Я ничего не знаю — в машине мы слушали музыку.

— Джон умер, Арделия.

— *Только не Джонни Бригем!*

Мэпп и Старлинг обожали Бригема, когда тот был инструктором по стрельбе в Академии ФБР, и развлекались тем, что пытались изучить татуировку под его футболкой.

Старлинг утвердительно кивнула и, подобно ребенку, вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Мы вышли на Эвельду Драмго и нескольких ребят из банды Крипсов. Застрелила его Эвельда. Они убили и Берка. Маркеса Берка из команды Бригема. Мы были вместе. Эвельду кто-то заранее предупредил, и шайка телевизионщиков прибыла туда одновременно с нами. Я брала Эвельду. Сдаваться она не пожелала. С ней был ребенок. Мы стреляли друг в друга. Она мертва.

Мэпп никогда не видела Старлинг плачущей.

— Арделия, сегодня я убила пятерых.

Мэпп села рядом со Старлинг на пол, обняла ее за плечи, и они обе оперлись спиной о машину.

— А как ребенок?

— Я смыла с него кровь. Повреждений на коже я не заметила. В госпитале сказали, что физически он в полном порядке. Через пару дней младенца отдадут матери Эвельды. Знаешь, Ард, что она сказала мне напоследок? Она сказала мне: «Мах-

немся кровью, сука».

— Все-таки я должна для тебя что-то сделать.

— Что?

Глава 3

Серый рассвет принес газеты и ранние телевизионные новости.

Услышав, что Старлинг зашевелилась, Мэпп пришла к ней, захватив с собой несколько горячих булочек. Вскоре они обе уселись перед телевизором.

Си-эн-эн и все остальные крупные телесети купили у «Дабл-ю-эф-ю-эл ТВ» право на показ пленки. Эти эксклюзивные кадры были сделаны с вертолета, кружившего над головами участников событий.

Старлинг их уже видела. Ей надо было убедиться в том, что Эвельда выстрелила первой. Переведя взгляд на Мэпп, она увидела, что темное лицо подруги искажено гневом.

Неожиданно почувствовав тошноту, Старлинг выбежала из комнаты, чтобы облегчить желудок.

— Мне муторно на это смотреть, — вернувшись, сказала она. Ноги у нее дрожали, а с лица схлынула краска.

Мэпп, как обычно, сразу взяла быка за рога:

— Знаю, ты хочешь спросить, что думаю я в

связи с убийством женщины афроамериканского происхождения с ребенком на руках. Что же, могу ответить. Она выстрелила в тебя первой, и я рада, что она промахнулась. Мне очень хочется, чтобы ты жила дольше. Но вспомни о тех, кто разрабатывает подобные безумные операции. О чем думали эти тупые задницы, сводя тебя и Эвельду Драмго в таком месте, где вы могли разрешить ваш конфликт лишь с помощью пистолетов? Разве это умно? Надеюсь, что ты хорошенько подумаешь, прежде чем снова идти у них на поводу. — Чтобы подчеркнуть значение этих слов, Мэпп сделала паузу и налила себе чаю. — Хочешь я останусь с тобой? Я могла бы взять день за свой счет.

— Спасибо. В этом нет необходимости. Позвони мне.

«Нэшнл тэтлер» — таблоид[3], больше других выигравший во время расцвета желтой прессы в 90-х годах, вышел дополнительным тиражом, что само по себе являлось событием экстраординарным. Кто-то поздним утром подбросил газету к дверям дома Старлинг. Она обнаружила ее, когда вышла выяснить причину глухого удара у дверей. Клэрис ждала самого плохого, но получила даже

[3] Примечания: 3

Tattler (англ.) — сплетник. Автор пародирует название желтой газеты «Нэшнл инкуайерер». Таблоид — бульварное издание.

больше того, чего опасалась.

«АНГЕЛ СМЕРТИ: КЛЭРИС СТАРЛИНГ — МАШИНА ФБР, НЕСУЩАЯ ГИБЕЛЬ» — кричал заголовок, набранный крупным жирным шрифтом. На первой полосе размещались три фотографии: Клэрис Старлинг, стреляющая на соревнованиях из пистолета сорок пятого калибра; Эвельда Драмго посередине улицы с младенцем — поворотом головы чем-то похожая на Мадонну кисти Чимабуэ[4], но с раздробленным затылком; снова Старлинг, кладущая обнаженного темного младенца на белый стол рядом с акульей головой, среди ножей и рыбьих кишок.

Подпись под снимками гласила: *«Специальный агент ФБР Клэрис Старлинг, уничтожившая серийного убийцу Джейма Гама, может сделать по меньшей мере еще пять зарубок на рукоятке своего пистолета. Провал рейда привел к тому, что среди убитых оказались мать трехмесячного младенца и двое полицейских».*

В статье рассказывалось о карьере Эвельды и Дижона Драмго на поприще наркобизнеса, о рождении банды Крипсов в раздираемом криминальными войнами округе Колумбия, а также

[4] Примечания: 4

Чимабуэ, наст. имя Чено ди Пепо (1240–1302) — итальянский живописец периода Проторенессанса.

кратко упоминалось о военной службе агента Джона Бригема, павшего при исполнении служебных обязанностей, и перечислялись все полученные им награды.

Самой Старлинг была посвящена колонка на второй полосе. Открывался материал не вызывающей теплых чувств фотографией. На сделанном в ресторане снимке изображалась хохочущая Старлинг в платье с весьма смелым вырезом.

> Специальный агент ФБР Клэрис Старлинг имела свои четверть часа славы[5], после того как семь лет назад застрелила серийного убийцу Джейма Гама по кличке Буффало Билл в подвале его собственного дома. Теперь же ей грозят служебное расследование и гражданский иск в связи со смертью во вторник матери малолетнего ребенка, подозреваемой в незаконном производстве амфетамина.
>
> «Возможно, что это означает конец ее карьеры», — заявил наш источник в Управлении контроля за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия,

---

[5] Примечания: 5

Имеется в виду постулат американского художника и кинопродюсера Энди Уорхола: чтобы прославиться, достаточно четверти часа.

которое, как известно, является братским ФБР учреждением. «Мы не знаем всех деталей, но Джон Бригем должен был остаться живым. Для ФБР после того, что произошло в Руби Ридж, данное событие крайне нежелательно», — добавил тот же пожелавший остаться не названным источник.

Яркая карьера Клэрис Старлинг началась вскоре после ее поступления в Академию ФБР. Поскольку она с отличием окончила Виргинский университет по курсу психологии и криминологии, ей было поручено провести допрос смертельно опасного безумца — доктора Ганнибала Лектера, которого наша газета первой назвала «Ганнибал-Каннибал». В ходе бесед ей удалось получить важную информацию, способствовавшую обнаружению Джейма Гама и освобождению Кэтрин Мартин (дочери бывшего сенатора США от штата Теннесси), захваченной им в качестве заложницы.

Агент Старлинг три года подряд была чемпионкой по стрельбе из боевого пистолета, но позже перестала выступать в

соревнованиях. По иронии судьбы погибший в трагическом рейде офицер Бригем был инструктором по стрельбе в Квантико и являлся ее личным тренером.

Представитель ФБР сообщил, что агент Старлинг на время расследования будет отстранена от оперативной работы с сохранением содержания. В конце текущей недели состоится первое слушание в Комиссии по служебным расследованиям, которая является своего рода инквизицией ФБР.

Родственники покойной Эвельды Драмго сказали, что намерены вчинить гражданский иск правительству и лично агенту Старлинг за не правомерные действия, приведшие к смерти Эвельды Драмго.

Трехмесячный сын Драмго, которого можно увидеть на одном из опубликованных снимков, ранений не получил.

По мнению адвоката Телфорда Хиггинса, выступавшего в качестве защитника Драмго на многих уголовных процессах, оружие специального агента Старлинг — модифицированный полуавтоматиче-

ский «кольт» сорок пятого калибра — не получил официального одобрения для применения в правоохранительных органах округа Колумбия. «Это смертельное и чрезмерно опасное оружие не пригодно для охраны закона, — подчеркнул Телфорд Хиггинс. — Сам факт его применения бесспорно доказывает, что мы имеем дело с безответственным отношением к человеческой жизни», — добавил адвокат.

Репортер «Тэтлера» ухитрился купить у одного из своих информаторов не внесенный в справочник номер телефона Старлинг и названивал ей до тех пор, пока она не сняла трубку и не стала пользоваться для связи с офисом лишь сотовым телефоном.

Пока Старлинг не дотрагивалась до повязки, ухо и распухшая щека не причиняли ей больших неприятностей. Острой боли, во всяком случае, не было, и двух таблеток тайленола ей вполне хватало. Прописанный врачом перкокет она глотать не стала. Опершись спиной на спинку кровати, Старлинг задремала. Газета выскользнула из рук и упала на пол. На пальцах Старлинг остались следы пороха, а на щеках — полоски от

высохших слез.

Глава 4

Вы влюбляетесь в Бюро, но Бюро не отвечает вам взаимностью.

Максима консультативной службы отдела кадров ФБР

В этот ранний час спортивный зал в Центре Дж. Эдгара Гувера был почти пуст. Два немолодых человека отмеривали неторопливые круги по беговой дорожке. Из дальнего угла доносился лязг тренажера, а в малом зале слышались выкрики и стук мячей. Там играли в ракетбол. Шум игры эхом отражался от стен главного зала.

Голосов бегунов слышно не было. Джек Кроуфорд бегал в обществе Директора ФБР Танберри по его просьбе. Они пробежали уже три километра и начали слегка задыхаться.

— Блейлок за этот провал вверх тормашками вылетит из своего алкогольно-табачного арсенала. Это случится не сейчас, но его песенка спета, и он это знает, — сказал Директор. — Он также может известить преподобного Муна, что освобождает его территорию.

Сотрудников ФБР немало забавлял тот факт,

что Управление контроля за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия арендует служебное помещение у преподобного Муна.

— А Фарридею придется уйти за историю с Руби Ридж, — продолжал директор.

— Этого я не понимаю, — сказал Крофорд. (Он служил вместе с Фарридеем в семидесятых, когда криминалитет пикетировал нью-йоркский офис ФБР на углу Третьей авеню и Шестьдесят девятой улицы.) — Фарридей — хороший человек, а операцию готовил не он.

— Вчера утром я его об этом известил.

— И он воспринял ваши слова спокойно? — спросил Крофорд.

— Сказал только, что желает, чтобы за ним сохранили все привилегии. Настали очень опасные времена, Джек.

Они бежали рядом, изредка поглядывая друг на друга. Ритм бега немного ускорился. Краем глаза Крофорд видел, что Директор наблюдает за его физическим состоянием.

— Сколько вам лет, Джек? Пятьдесят шесть?

— Точно.

— Значит, еще год до отставки по выслуге. Многие уходили в сорок восемь и в пятьдесят, когда еще могли рассчитывать на другую работу. Вы к

этому никогда не рвались. После смерти Беллы вы хотели, чтобы у вас не оставалось свободного времени.

Когда они пробежали полкруга, а Крофорд так и не ответил, Директор понял, что ляпнул что-то не то.

— Не думайте, Джек, что я отношусь к этому легко. Дорин недавно говорила…

— Нам еще многое предстоит сделать в Квонтико. Надо произвести общее подключение к Интернету, чтобы им мог пользоваться каждый коп. Впрочем, вы это видели в предложениях по бюджету.

— Джек, вам хотелось стать Директором?

— Нет. Я никогда не считал, что это моя работа.

— И вы правы, Джек. Эта работа не для вас. Вы не политик и просто не могли бы быть Директором. Вы, Джек, не могли бы стать Эйзенхауэром или Омаром Брэдли[6]. — Он знаком предложил Крофорду остановиться, и продолжил: — Но зато

[6] Примечания: 6

Дуайт Эйзенхауэр (1890–1969) — генерал, 34-й президент США. *Омар Нелсон Брэдли* (1893–1981) — американский генерал, участник Второй мировой войны, в 1949–1953 гг. — председатель Комитета начальников штабов США.

из вас получился бы отличный Паттон[7], Джек. Вы вели бы их через ад, а они бы вас боготворили. Я этим даром не обладаю. Мне всех приходится подгонять кнутом.

Танберри быстро огляделся, подхватил со скамьи полотенце и набросил его себе на плечи, что сделало Директора похожим на выносящего смертный приговор судью. Однако взгляд его при этом оставался безмятежным.

Некоторым людям, чтобы произвести впечатление, надо демонстрировать свой гнев, подумал Крофорд, следя за тем, как двигаются губы Директора.

— Что же касается покойной миссис Драмго, с ее пистолетом, подпольной лабораторией и младенцем на руках, то Комитет юридического контроля требует жертв. Они желают, чтобы это была живая, трепещущая плоть. Того же ждут газеты и телевидение. УБН просто обязано кинуть им большой кусок мяса. Так же как и УКАТО. Нам тоже придется кое-что швырнуть. В нашем случае их удовлетворит и кусок куря-

---

[7] Примечания: 7

Джордж С. Паттон (1885–1945) — американский генерал, участник Первой и Второй мировых войн, создатель первой танковой части в армии США (1918 г.), был командующим 1-м бронетанковым корпусом (с 1941 г.), 7-й и 3-й армией союзников, освобождал Францию.

тины. Крендлер считает, что если мы отдадим Клэрис Старлинг, то нас оставят в покое. Я с ним согласен. Наркоборцов и алкогольно-табачных оружейников следует публично выпороть за планирование операции. Старлинг же просто нажимала на курок.

— Но Старлинг стреляла в убийцу полицейского. Кроме того, Драмго выстрелила в нее первой.

— Кто что видел, Джек! Неужели вы этого не понимаете? Публика не видела, как Эвельда Драмго стреляла в Джона Бригема. Публика не заметила, что Эвельда первой нажала на курок. Чтобы это увидеть, надо знать, на что смотреть. Зато двести миллионов, из которых треть являются избирателями, видели Эвельду Драмго сидящей на мостовой и закрывающей своим телом ребенка. Они ужаснулись, увидев, что пулей у мамочки разнесло мозги. Помолчите, Джек, — я знаю, что вы некоторое время назад хотели сделать Старлинг своей протеже. Но она несдержанна на язык, Джек, и сразу не поладила с некоторыми людьми…

— Крендлер — дерьмак.

— Слушайте и молчите, пока я не закончил. Карьера Старлинг, так или иначе, зашла в тупик. Она будет уволена административным решени-

ем без взыскания. Бумажная работа в конторе для меня выглядит не хуже, чем перекличка в положении «смирно». А без работы она не останется. Вы, Джек, совершили в ФБР великое дело — создали Отдел изучения моделей поведения. Многие в нашей Конторе считают, что если бы вы более энергично отстаивали свои интересы, то занимали бы не пост начальника отдела. Вы, по их мнению, заслуживаете гораздо большего. Я первый готов это произнести публично. Вы, Джек, завершите свою карьеру на посту заместителя Директора. Я вам это обещаю.

— Если я останусь в стороне от этого дела?

— Если события будут развиваться предначертанным путем, а в королевстве сохранится мир, то ваше повышение, Джек, обязательно произойдет. Взгляните-ка мне в глаза, Джек.

— Слушаю вас, Директор Танберри.

— Это не просьба, Джек. Это — прямой приказ. Держитесь от этого дела подальше. Не отказывайтесь от новых возможностей. Нам всем иногда приходится смотреть в сторону и делать вид, что ничего не происходит. Я сам неоднократно был вынужден так поступать. Я понимаю, насколько это тяжело, и знаю, что вы сейчас чувствуете.

— Что я чувствую? Я чувствую, что мне надо

принять душ, — сказал Крофорд.

Глава 5

Старлинг была хорошей хозяйкой, но ей не хватало методичности. На ее стороне домика, который они занимали вместе с Арделией, царила чистота, и она могла найти любую вещь, но в то же время дела имели тенденцию накапливаться. Это могло быть стиранное, но не разобранное белье или большая гора журналов, для которых на полках не осталось места. С невыглаженной одеждой она смирялась, так как считала себя мировой рекордсменкой по скорости глажения, да и наряжаться ей приходилось очень редко.

Но когда ей хотелось настоящего порядка, она через общую кухню отправлялась на территорию Арделии Мэпп. Если Арделия была дома, то Старлинг обращалась к ней за советами. Советы эти, как правило, оказывались весьма полезными. На тот случай, если Арделия отсутствовала, между ними имелось соглашение: Старлинг может сколько угодно предаваться размышлениям в атмосфере полного порядка, при условии, что ничем данный порядок не нарушает. Вот и сегодня Старлинг сидела на половине Арделии. Это было жилье, в котором постоянно ощущалось

присутствие его владельца.

Старлинг смотрела на заключенный в самодельную рамку страховой полис бабушки Мэпп. Этот полис висел здесь на стене точно так, как он когда-то висел в хижине, когда бабушка арендовала землю у фермера. Полис украшал стену и в дешевой квартире, где прошло детство Арделии. Бабушка продавала овощи и цветы, экономила каждый цент, чтобы вовремя внести очередной страховой взнос. В итоге старушка под залог своей страховки ухитрилась получить ссуду, которая помогла Арделии преодолеть последнее препятствие на ее нелегком пути в колледже. На стене висела и фотография миниатюрной старой женщины в платье с белым крахмальным воротником и соломенном канотье на голове. Женщина даже не пыталась улыбнуться, а из-под полей шляпы смотрели ясные, исполненные древней мудрости глаза.

Обращаясь к прошлому, Арделия ежедневно черпала новые жизненные силы. Вот и для Старлинг настало время сделать то же самое. В лютеранском приюте в Бозмене девочку не только кормили и одевали, но и привили ей навыки достойного поведения. Но сейчас этого было недостаточно, сейчас она хотела прислушаться

к голосу крови.

Что ты имеешь за душой, если происходишь из нищей белой семьи и родилась в таком месте, где Реконструкция[8] завершилась лишь в конце пятидесятых годов этого века? Что ты имеешь в заначке, если родилась среди тех людей, которых именуют белой голытьбой, деревенщиной, в лучшем случае снисходительно — синими воротничками, или белыми бедняками с Аппалачей. Что может дать тебе силы, если даже сомнительные аристократы Юга, считающие физический труд унизительным, называют твоих сородичей белыми голодранцами. Может быть, то, что мы первыми задали им взбучку в битве у Булл-Ран? А может быть, то, что твой прапрадед отличился под Виксбургом, после чего тот забытый Богом угол стал навеки именоваться Язу-Сити?

Гораздо больше чести и еще больше смысла в том, если тебе удается преуспеть с той малостью, что ты имеешь — будь то жалкий клочок земли и хромоногий мул. Но ты должна дойти до этой истины своим умом, подсказывать тебе некому.

Старлинг преуспевала в Академии ФБР только потому, что ей не на кого было опереться в про-

---

[8] Примечания: 8
Имеется в виду Реконструкция Юга после Гражданской войны.

шлом. Большую часть своей жизни она провела в различных учреждениях и выжила там лишь благодаря тому, что уважала эти заведения и повиновалась их правилам. Ей постоянно удавалось продвигаться вперед. Она добивалась стипендий и всегда играла в команде. Невозможность подняться по служебной лестнице в ФБР после столь удачного старта стала для нее чем-то новым и пугающим. Она беспомощно билась о толстое стекло, подобно угодившей в бутылку пчеле.

У Старлинг было четыре дня на то, чтобы оплакать погибшего на ее глазах Джона Бригема. Когда-то давным-давно Джон Бригем кое о чем ее попросил, но она сказала: «Нет». Бригем спросил, останутся ли они друзьями. Он действительно хотел этого. Старлинг ответила: «Да». Она этого тоже хотела.

Она научилась жить с мыслью о том, что на рыбном рынке Феличиана собственноручно убила пять человек. Но в ее памяти постоянно вставал сплющенный между машинами парень из банды. Каждый раз, закрывая глаза, Старлинг снова и снова видела, как он царапает скрюченными пальцами крышу автомобиля и как с крыши на мостовую падает его револьвер.

Однажды она пришла в больницу, чтобы взгля-

нуть на ребенка Эвельды. Там же оказалась и мать Эвельды. Бабка держала внука на руках, готовясь унести его домой. Узнав Старлинг по фотографии, она вручила младенца медсестре и, прежде чем Старлинг успела сообразить, что происходит, изо всех сил ударила убийцу дочери по голове со стороны раны.

Старлинг не стала отвечать ударом на удар. Вместо этого она схватила старуху за руку и, прижав ее физиономией к стеклу родильной палаты, держала до тех пор, пока ведьма не перестала брыкаться. В пылу борьбы бабушка вывозила соплями и слюнями все стекло. По шее Старлинг текла кровь, и от боли кружилась голова. В палате неотложной помощи ей еще раз зашили ухо. Исковое заявление Старлинг писать отказалась, а санитар неотложки проинформировал обо всем «Тэтлер», за что ему и обломились три сотни баксов.

Ей еще дважды пришлось выйти из дома. Первый раз — отдать распоряжения в связи с похоронами Джона Бригема и второй — проститься с ним на Национальном кладбище в Арлингтоне. У Бригема осталось очень мало родичей, все седьмая вода на киселе, и он назвал Старлинг своей душеприказчицей.

Лицо Бригема было настолько изуродовано, что тело пришлось положить в закрытый гроб, но Старлинг до этого успела увидеть останки Джона. В последний путь специальный агент Бригем отправился в своем безукоризненно сшитом мундире офицера Морской пехоты и с Серебряной Звездой на груди. Остальные награды были представлены ленточками.

Когда церемония закончилась, начальник Бригема передал Старлинг коробку с личным оружием Джона, его наградами и предметами, которые находились на его постоянно захламленном письменном столе. Среди этих предметов оказалась и глупейшая, предсказывающая погоду пластмассовая птичка. Птичка ритмично кланялась и пила воду из стакана.

Через пять дней Старлинг предстояло разбирательство, которое могло поставить на ней крест. Ее рабочий телефон молчал, если не считать единственного сообщения от Крофорда, а ей самой после смерти Джона звонить было некому.

Она позвонила лишь своему представителю в Ассоциации агентов ФБР, и тот посоветовал ей не являться на слушание в открытых туфлях и с броскими серьгами в ушах.

Телевидение и газеты ежедневно возвра-

щались к Эвельде Драмго. Средства массовой информации раскручивали эту историю так, как мальчишки крутят дохлую крысу, держа ее за хвост.

Погрузившись в идеальный порядок жилья Арделии Мэпп, Старлинг пыталась привести в такое же состояние и свои мысли.

Искушение потрафить недругам и тем самым попытаться заслужить их одобрение — тот червь, который всегда гложет вас изнутри лишь для того, чтобы вас уничтожить.

Но вот в ее мысли ворвался какой-то посторонний звук, Старлинг попыталась точно вспомнить слова, сказанные ею в автобусе наружного наблюдения. Не наболтала ли она чего-нибудь лишнего?

Снова посторонний звук.

Бригем попросил ее проинформировать остальных об Эвельде. Не проявила ли она тогда враждебности, не очерн…

И снова ход ее рассуждении прервал посторонний звук.

Старлинг вернулась к действительности и поняла, что слышит дверной звонок со своей половины дома. Скорее всего какой-нибудь репортер. Кроме того, она ожидала повестку с

требованием явиться в суд по гражданскому иску. Отодвинув занавеску, Старлинг посмотрела в окно и увидела возвращающегося к своему грузовичку почтальона. Чтобы остановить его, ей пришлось выбежать из дома. Став спиной к расположившимся на другой стороне улицы и вооруженным телевиками фотографам, она расписалась за доставленное экспресс-почтой письмо. Это был розовато-лиловый, прошитый шелковой нитью конверт из прекрасной бумаги. Конверт, несмотря на то что ее мысли были заняты совсем другим, пробудил какие-то смутные воспоминания. Вернувшись в дом, Старлинг внимательно посмотрела на адрес, написанный великолепным почерком гравера.

В мозгу Старлинг, заглушая постоянно звучащую там мелодию, раздался сигнал тревоги. По коже живота вдруг забегали мурашки, словно на нее плеснули холодной водой.

Старлинг, взяв конверт двумя пальцами за уголок, отнесла его на кухню. Затем она извлекла из сумочки постоянно находящиеся там белые перчатки для работы с вещественными доказательствами. Положив конверт на твердую поверхность кухонного стола, девушка осторожно пробежала по нему пальцами. Она не

сомневалась в том, что, несмотря на плотную бумагу, сможет нащупать батарейку для часов, способную привести в действие детонатор тонкого листа пластиковой взрывчатки. Вообще-то для проверки лучше было бы использовать флюороскоп. Если она откроет конверт, то могут возникнуть большие неприятности. Да, неприятности. Ну и черт с ними!

Старлинг вскрыла конверт кухонным ножом и извлекла из него единственный, шелковистый на ощупь листок бумаги. Даже не взглянув на подпись, она поняла, кто писал это письмо.

> Дорогая Клэрис!
>
> С огромным интересом, если не сказать восторгом, я наблюдал за вашим позором и публичным унижением. Подобное отношение ко мне меня никогда не трогало, если не обращать внимания на неудобства, связанные с лишением свободы. Однако вам такая широта взглядов, возможно, несвойственна.
>
> В ходе наших дискуссий, что мы вели в узилище, мне стало ясно, что ваш отец — погибший ночной сторож — играет в вашей системе ценностей огромную

роль. У меня создается впечатление, что, положив конец карьере «модельера» Джейма Гама, вы больше всего радовались тому, что подобное мог бы свершить (и вы были способны себе это живо представить) ваш отец.

В данный момент ваши отношения с ФБР приобрели неприятный душок. Не представлялось ли вам, что за вашими успехами с гордостью наблюдает отец? Не рисовали ли вы его в своем воображении начальником департамента (более сильным, чем Джек Крофорд) или даже — ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ДИРЕКТОРА ФБР? Не предстает ли он теперь перед вашим мысленным взором стыдящимся своей дочери и надломленным обрушившимся на вас позором? Какой жалкий конец столь многообещающей карьеры! Не ставите ли вы себя на место матери, вынужденной заниматься поденной работой после того, как наркоманы раздробили череп вашего ПАПОЧКИ? Хм-м. Как отражается ваш провал на близких вам людях? Не считаете ли вы, специальный агент Старлинг, что отныне все люди

с полным правом станут называть ваших родителей белой голытьбой? Откройте мне всю правду, агент Старлинг.

Прежде чем мы пойдем дальше, подумайте немного над этим опросом.

Теперь я намерен открыть вам глаза на некоторые качества, которыми вы обладаете и которые способны вам помочь.

Пусть вас не слепят слезы, у вас должно хватить духу читать дальше.

Вот упражнение, которое может оказаться полезным. Я хочу, чтобы вы проделали его вместе со мной.

У вас найдется черная чугунная сковорода? Ведь вы родом с южных Аппалачей, и я не могу представить, чтобы в вашем доме не оказалось чугунной сковороды. Поставьте ее на кухонный стол. Включите верхний свет.

Мэпп получила в наследство от бабушки прекрасную чугунную сковороду и часто ею пользовалась. Дно сковороды являло собой черную, никогда не соприкасавшуюся с мылом глянцевитую поверхность. Старлинг поставила сковороду перед собой на стол.

Посмотрите в сковороду, Старлинг. Склонитесь и посмотрите. Если эта сковорода принадлежала вашей маме, что вполне вероятно, то она сохранила в своих молекулах отголоски всех разговоров, состоявшихся в ее присутствии. Обмен мнениями, мелкую раздражительность, смертельно опасные откровения, сообщения о катастрофах, стоны и поэзию любви.

Сядьте за стол, Клэрис. Всмотритесь в сковороду. Если она хорошо обожжена, то похожа на черный омут. Разве это не так? Создается впечатление, что смотришь в глубокий колодец. Вы не можете увидеть там свое лицо в деталях. Но оно ведь там отражается? Верно? Свет горит над вами, лицо затенено, а волосы окружены пылающим нимбом.

Мы все, Клэрис, не более чем производные углерода. И вы, и эта сковорода, и покоящийся в земле, холодный, как эта сковорода, папочка. Все они здесь. Теперь прислушайтесь. Услышьте, как по-настоящему звучат голоса ваших сражающихся родителей, приглядитесь к

тому, как они живут. Попробуйте увидеть близких во плоти, а не в тех образах, которые разрывают ваше сердце.

Почему ваш отец перестал быть помощником шерифа, вечно ссорившимся с судебными крысами? Почему ваша мама убирала в мотелях, чтобы поддержать вас? Пусть ей это и не удалось до конца.

Какие наиболее живые воспоминания связаны у вас с кухней? Не с больничными койками, а именно с кухней.

Мама, смывающая кровь с папиной шляпы.

А какие самые приятные воспоминания рождает у вас кухня?

Отец чистит апельсин перочинным ножом со сломанным лезвием и раздает дольки мне и маме.

Ваш отец, Клэрис, был ночным сторожем. А мать — горничной.

Кто надеялся на то, что вы сделаете успешную карьеру в каком-нибудь федеральном учреждении? Они или вы? Стал ли ваш отец гнуть спину перед вонючи-

ми бюрократами? Сколько задниц он был готов поцеловать ради карьеры? Разве вам доводилось когда-нибудь видеть его в образе лизоблюда или виляющего хвостом пса?

Какой системой ценностей обладают ваши начальники, Клэрис? И какой — родители? Сравните. Разве это одна и та же система?

Взгляните еще раз в неспособный лгать металл и ответьте. Разве вы опозорили чем-нибудь своих покойных родителей? Разве захотели бы они видеть вас цепляющейся за эту службу? Разве такой представляли они себе стойкость духа? Человек может быть сильным ровно настолько, насколько хочет этого.

Вы, Клэрис, воительница. Враг убит, но ребенок жив. Вы — настоящая воительница, Клэрис.

Наиболее устойчивые элементы расположены в середине Периодической таблицы. Примерно между железом и серебром.

Между железом и серебром. Мне кажется, что это относится и к вам.

Ганнибал Лектер

P.S. Если помните, вы передо мной все еще в долгу. Задолжали мне кое-какие сведения. Скажите, просыпаясь, вы все еще слышите ягнят? Можете поместить ответ в секции персональных объявлений в любом воскресном выпуске «Таймс», «Интернэшнл геральд трибюн» и «Чайна мейл». Обращайтесь к А.А. Аарону, так, чтобы объявление оказалось на первом месте. Подпись — Ханна.

Читая, Старлинг слышала голос, который издевался над ней, проникал в сердце, словно скальпелем препарировал ее жизнь и в то же время просвещал. Этот голос звучал в камере особого режима больницы для невменяемых преступников, когда она была вынуждена обменять сведения о своей жизни на информацию о Буффало Билле. В ее снах иногда все еще продолжали звучать слова, произнесенные этим скрипучим голосом. Его обладателю в то время редко доводилось пользоваться своим даром речи.

Под потолком в углу кухни паук соткал новую паутину. Старлинг долго смотрела на прозрачную сеть, а ее мысли витали где-то очень далеко от

дома. Радость и сожаление, сожаление и радость. Ее радовала помощь, которую она получила, радовало то, что для нее открылась возможность исцеления. Она радовалась и огорчалась тому, что служба пересылки доктора Лектера в Лос-Анджелесе была вынуждена прибегать к дешевым трюкам — на сей раз они использовали фальшивую почтовую печать. Джек Крофорд придет от письма в восторг. У почтового начальства оно вызовет живой интерес. В лаборатории им тоже заинтересуются.

Глава 6

В палате, где проводит свою жизнь Мейсон, царит покой. Однако и там негромко пульсирует жизнь. Шипит и вздыхает аппарат искусственного дыхания. В помещении темно, светился лишь большой аквариум, в котором экзотический угорь выписывает бесконечные восьмерки, отбрасывая на потолок и стены палаты похожую на ленту тень.

Заплетенные в толстую косу волосы Мейсона кольцом лежат на крышке респиратора, прикрывающей его грудь. Подголовник кровати приподнят, а перед лицом больного висит прибор из набора трубок, внешне очень похожих на свирели.

Длинный язык Мейсона скользит между его зубами и прикасается к кончику одной из трубок. Когда аппарат искусственного дыхания совершает очередное движение, Мейсон дует в трубку.

В то же мгновение из установленного на стене динамика раздается:

— Слушаю, сэр.

— «Тэтлер». — Первое «Т» не слышно, но в целом голос звучит глубоко и четко. Радиоголос.

— На первой полосе…

— Читать не надо. Выведите текст на «Помо». — Звуки «д», «п» и «м» в произнесенных Мейсоном словах исчезают.

Установленный над кроватью монитор оживает: сине-зеленый экран становится розовым и на нем появляются красные буквы заглавия ведущей статьи.

«АНГЕЛ СМЕРТИ: КЛЭРИС СТАРЛИНГ — МАШИНА ФБР, НЕСУЩАЯ ГИБЕЛЬ».

Пока Мейсон читает, дыхательный аппарат успевает сделать три медленных вдоха. Теперь надо увеличить фотографии.

Кисть одной его руки высовывается из-под одеяла. Кисть, похожая на бледного паука или краба, начинает двигаться. Движется она не силой парализованной руки, а лишь усилием цепляющихся за одеяло пальцев. Поскольку Мейсон не может повернуть голову и увидеть, куда ползет рука, его указательный и средний пальцы действуют как антенны, ощупывая путь, а большой, безымянный и мизинец тянут руку вперед. Наконец он нащупывает пульт дистанционного управления, с помощью которого можно переворачивать страницы и увеличивать фотографии.

Читает Мейсон медленно. Защитный окуляр

над его единственным глазом дважды в минуту едва слышно шипит, брызгая жидкость на оголенное, лишенное век глазное яблоко. От мелких брызг сам окуляр затуманивается. На то, чтобы прочитать основную статью и боковую колонку, у него уходит двадцать минут.

— Покажите рентген, — произнес он, закончив чтение. На это ушло некоторое время. Для того чтобы большой рентгеновский снимок был хорошо виден на мониторе, его предварительно следовало поместить на освещенный изнутри экран. Но вот на мониторе возникла заметно поврежденная человеческая кисть. Следом на экране появилась и вся рука. Нанесенная на пленку стрелка указывала на старый перелом плечевой кости — примерно посередине между локтем и плечом.

Аппарат сделал много вдохов, а Мейсон все продолжал разглядывать снимок.

— Покажите письмо, — наконец распорядился он.

На мониторе возникли слова, начертанные прекрасным почерком гравера. Многократно увеличенные буквы казались нелепо большими.

Дорогая Клэрис, читал Мейсон, *с огромным интересом, если не сказать восторгом, я наблюдал*

за вашим позором и публичным унижением…

Одного ритма этих слов было достаточно для того, чтобы пробудить старые, казалось, забытые мысли Мейсона. Вспыхнув с новой силой, они закружили его, закружили его постель, закружили всю комнату. Сорвав тонкую корку, под которой скрывались фантастические мечты паралитика, мысли эти заставили сердце биться сильнее. Аппарат почувствовал возбуждение пациента и начал чаще заполнять его легкие воздухом.

Мейсон во все том же мучительно медленном темпе прочитал письмо до конца. Человек, читающий с монитора, испытывает мучения не меньшие, чем пытающийся читать на скаку всадник. Мейсон не мог закрыть свой единственный глаз. Однако, когда он закончил чтение, глаз утратил связь с пространством, а мозг с глазом, предоставив Мейсону возможность погрузиться в раздумье. Аппарат искусственного дыхания замедлил свой ритм. Несколько минут спустя Мейсон дунул в трубку.

— Слушаю, сэр.

— Соедините меня с конгрессменом Веллмором. Принесите наушники. Отключите динамик… Клэрис Старлинг, — сказал он себе, как только аппарат позволил ему сделать очередной вдох.

Поскольку имя не содержало ни единого взрывного звука, Мейсон произнес его очень четко. Ни один из звуков не потерялся. Ожидая соединения, он ненадолго задремал, а тень от угря проползла по одеялу, лицу и уложенным кольцом волосам.

Глава 7

Место, где располагалось отделение ФБР города Вашингтона и округа Колумбия, получило название «Гнездо сарыча» потому, что во время Гражданской войны там был госпиталь и туда тучами слетались стервятники.

В этот день сюда слетелись руководители среднего звена из Федерального бюро расследования, Управления по борьбе с наркотиками и Управления контроля за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия. Слетелись они для того, чтобы решить судьбу Клэрис Старлинг.

Старлинг одиноко стояла на пушистом ковре в кабинете своего босса. Она чувствовала, как под повязкой на голове пульсирует кровь. Пульсация отдавалась легким шумом в ушах. Из-за стеклянных дверей примыкающего к кабинету конференц-зала, перекрывая шум в ушах, до нее доносился приглушенный гомон мужских голосов.

К матовому стеклу двери была прикреплена элегантная золоченая пластинка, на которой красовалась эмблема ФБР с девизом организации: «Верность. Отвага. Неподкупность».

Шум голосов за дверью то усиливался, то чуть стихал; Старлинг расслышала свое имя, но остальных слов понять не смогла.

Из окна кабинета открывался прекрасный вид на расположенный за стоянкой яхт форт Макнейр, в котором после суда повесили заговорщиков, убивших Линкольна.

Старлинг вспомнила фотографии, на одной из которых изображалась прошедшая мимо своего гроба, поднимающаяся на эшафот Мэри Сурратт. На втором снимке Мэри уже стояла на крышке люка — ее лицо закрывал капюшон, а юбка, дабы избежать нескромной картины при падении во тьму, была перевязана вокруг ног бечевкой.

В конференц-зале раздался шум отодвигаемых стульев. Через несколько секунд в кабинет, следуя друг за другом в затылок, начали входить мужчины. Некоторых Старлинг знала в лицо. Боже, подумала она, неужели сюда явился и Нунан — помощник Директора, курирующий работу всего Следственного управления? Среди участников собрания оказалась и ее Немезида в лице Пола Крендлера из Министерства юстиции. Башка Немезиды торчала на длиннющей шее, а округлые, растопыренные уши сидели очень высоко, что придавало ей сходство с гиеной. Крендлер слыл

карьеристом, и все видели в нем серого кардинала за спиной Генерального инспектора. Семь лет назад Старлинг сумела раньше, чем он, схватить серийного убийцу по кличке Буффало Билл. Дело получило широкую огласку. С тех самых пор Крендлер использовал любую возможность для того, чтобы по капле добавлять яд в ее личное дело и шептать нужные слова тем, кто ведал вопросами повышения по службе.

Ни один из этих людей ни разу не был с ней в деле: не предъявлял ордер на обыск или арест, не стоял рядом под пулями, не вытаскивал застрявшие в волосах осколки битого стекла.

Мужчины вначале избегали смотреть на Клэрис, а затем все разом покосились в ее сторону так, как стая волков косится на своего покалеченного сородича.

— Присаживайтесь, агент Старлинг, — произнес ее босс специальный агент Клинт Пирсал и потер запястье с таким видом, словно ремешок часов причинял ему неудобство.

Стараясь не встречаться с ней взглядом, он указал на обращенное к окну кресло. Место, предназначенное для допросов, вряд ли можно было считать почетным.

Семь мужчин остались стоять, и их силуэты

темнели на фоне светлых окон. Их лиц Старлинг рассмотреть не могла, но зато хорошо видела ноги в ботинках. Пятеро мужчин были обуты в мокасины на толстой подошве с кожаной кисточкой на подъеме. Такую обувь обожали провинциальные пижоны. Они продолжали их носить, даже обосновавшись в столице. Две пары оказались туфлями на шнурках в стиле «Оксфорд» на подошве из искусственной кожи. Разница между ними состояла в том, что одна пара была от Тома Макана, а другая от фирмы «Флорсхайм». Итого — семь. В воздухе витал запах гуталина, разогретого теплом ног.

— Если вы не со всеми знакомы, агент Старлинг, то я хочу вам их представить. Помощник Директора мистер Нунан, впрочем, уверен, что его-то вы знаете. Джон Элдредж из УБН, Боб Снид из УКАТО, Бенни Голкомб — помощник мэра и, наконец, Ларкин Уэйнрайт — дознаватель Комиссии служебных расследований, — сказал Пирсал. — Пол Крендлер — вы знакомы с Полом — явился к нам не в своем официальном качестве. Правда, в некотором роде он будет представлять интересы Министерства юстиции. Все же Пол здесь в основном для того, чтобы помочь уберечься от возможных юридических осложнений, если вы

понимаете, что я этим хочу сказать.

Старлинг знала крылатую фразу, бытовавшую в Бюро: федеральный дознаватель — тот человек, который появляется на поле битвы после завершения сражения, чтобы добить штыком раненых.

Головы некоторых силуэтов качнулись в приветствии. Затем мужчины, наклонившись, принялись изучать молодую женщину, ради которой они здесь собрались. Некоторое время все молчали.

Первым тишину нарушил Боб Снид. Старлинг знала его как одного из тех, кто всеми силами пытался погасить скандал, вызванный чудовищной катастрофой в Вако. Он был большим приятелем Крендлера и тоже считался карьеристом.

— Агент Старлинг, вы, конечно, обратили внимание на материалы газет и телевидения, в которых утверждается, что именно ваш выстрел послужил причиной смерти Эвельды Драмго. К сожалению, при этом они демонизируют ваш образ.

Старлинг не отвечала.

— Агент Старлинг?

— Я не слежу за новостями, мистер Снид.

— Женщина несла на руках ребенка, и это со-

здает нам огромные проблемы.

— Не на руках, а на груди, в сумке на лямках. В руках же у нее, кстати, скрытых одеялом, был пистолет с глушителем.

— Ознакомились ли вы с протоколом вскрытия? — спросил Снид.

— Нет.

— Вы никогда не отрицали того, что застрелили миссис Драмго.

— Неужели вы полагаете, что я стану отрицать этот факт только потому, что вы не нашли пулю? — Она повернулась к своему шефу и спросила: — Мистер Пирсал, правильно ли я поняла, что это неофициальное, дружественное дознание?

— Безусловно.

— В таком случае почему мистер Снид явился сюда с записывающим устройством? Инженерное управление уже много лет назад разработало микрофоны в виде булавки для галстука. Взгляните на его булавку. Во внутреннем кармане у него найдется миниатюрный диктофон. Неужели мы теперь стали записывать служебные беседы?

Лицо Пирсала залилось краской. Если Снид и вправду принес с собой магнитофон, то это был акт величайшей низости. Но в то же время

ни один человек не решался предложить ему выключить аппарат, так как не хотел, чтобы его голос остался на пленке.

— Ваши обвинения неуместны, — побледнев от ярости, бросил Снид. — Мы собрались здесь для того, чтобы вам помочь.

— Помочь в чем? Ваше управление обратилось в ФБР с просьбой направить меня для помощи в вашей операции. Я дважды предоставила Эвельде Драмго возможность сдаться. Под детским одеялом она держала автоматический пистолет. Эвельда уже успела застрелить Джона Бригема. Я очень хотела, чтобы она сдалась. Она не послушалась. На этом месте я делаю паузу, чтобы вы, мистер Снид могли проверить, сколько пленки у вас осталось.

— Вы знали заранее, что там будет Эвельда Драмго? — поинтересовался Элдредж.

— Заранее? Агент Бригем сообщил мне в машине наружного наблюдения, что Эвельда варит «мет» в хорошо охраняемой лаборатории. Агент Бригем поручил мне взять ее на себя.

— Не забывайте, что Бригем мертв, — вмешался Крендлер. — Так же как и Берк. Отличные были агенты.

Старлинг буквально затошнило, когда она

услышала, что Крендлер произнес имя Джона.

— Вряд ли я могу забыть, что агент Бригем погиб, мистер Крендлер. Он действительно был отличным агентом и моим очень хорошим другом. Но то, что он попросил меня заняться Эвельдой, остается непреложным фактом.

— Бригем поручил ее вам, несмотря на то что вы с ней уже устраивали потасовки? — вернулся к допросу Крендлер.

— Полегче, Пол, — вмешался Клинт Пирсал.

— Какие потасовки, мистер Крендлер? — сказала Старлинг. — Имели место вполне мирные аресты. Она сопротивлялась, когда задержание проводили другие агенты. Мне она при прежних арестах сопротивления не оказывала. Мы с ней даже немного поговорили, и она проявила острый ум. Мы были весьма вежливы друг с другом. Я рассчитывала, что так случится и на этот раз.

— Делали ли вы устное заявление о том, что «согласны иметь с ней дело»? — спросил Снид.

— Я подтвердила, что поняла свою задачу.

Голкомб из мэрии и Снид зашептались, сблизив головы.

И вот Снид сделал ход козырным тузом:

— Полисмен Болтон из полицейского управления округа Колумбия проинформировал нас о

том, мисс Старлинг, что, находясь в оперативной машине по пути к месту события, вы допустили подстрекательские выпады в адрес миссис Драмго. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Следуя инструкциям агента Бригема, я рассказала участникам рейда о том, что Эвельда Драмго в прошлом вела себя агрессивно, что она вооружена и ВИЧ-инфицирована. Я сказала также, что предоставлю ей возможность добровольно сдаться, и одновременно попросила оказать мне физическую помощь, если дойдет до силового захвата. Должна сказать, что желающих иметь дело с миссис Драмго было совсем немного.

Наконец и Клинт Пирсал решился вступить в дело:

— Старлинг, после того как «кадиллак» остановился и один из преступников бежал, вы не могли не видеть, как раскачивается машина и не могли не слышать плача ребенка.

— Вопля, мистер Пирсал, — поправила его Старлинг. — Я подняла руку, чтобы все прекратили стрельбу, и вышла из укрытия.

— Но это же совершенно против правил, — вмешался Элдредж.

Не обращая внимания на реплику, Старлинг

продолжила:

— Я приближалась к машине в состоянии готовности. Оружие обнажено, ствол обращен к земле. В это время на мостовой умирал Маркес Берк. Кто-то подбежал к нему и наложил тампон на рану. Из машины вышла Эвельда Драмго с ребенком. Я потребовала, чтобы она показала мне руки. «Эвельда, не делай этого», — сказала я… Или что-то в этом роде.

— Она выстрелила. Вы выстрелили. Она сразу упала?

— Ее ноги подкосились, — кивая ответила Старлинг, — и она села на мостовую, склонившись над ребенком. Эвельда была мертва.

— Вы схватили ребенка и побежали к воде, — сказал Пирсал. — Свидетели утверждают, что вы при этом проявляли признаки тревоги.

— Не знаю, что я проявляла. Он с головы до ног был залит кровью. Я не знала, инфицирован ребенок или нет, но что она инфицирована, мне было точно известно.

— И вы полагали, что ваша пуля могла попасть и в ребенка? — спросил Крендлер.

— Нет. Я знала, куда попала пуля. Могу ли я говорить совершенно свободно, мистер Пирсал? — Поймав его взгляд, Старлинг продолжила:

— Рейд оказался отвратительным. Я была поставлена перед выбором: умереть или застрелить держащую ребенка женщину. Я сделала выбор, и теперь этот выбор отравляет все мое существование. Я застрелила мать, несущую свое дитя. Даже животные так не поступают. Мистер Снид, вы можете проверить, как звучит на пленке мое признание. Мне отвратительно то, что меня вынудили сделать это. Мне противно находиться здесь. — Старлинг снова увидела перед собой лежащего на мостовой Бригема и, не выдержав, явно хватила через край: — А от вашего вида меня воротит.

— Старлинг… — возмущенно произнес Пирсал, глядя ей в глаза.

— Я знаю, что вы пока не смогли представить отчет по форме 302, — сказал Ларкин. — После того как мы с ним ознакомимся…

— Нет, сэр. Отчет написан и сейчас находится на пути в Комиссию служебных расследований. На тот случай, если вам не терпится, у меня есть с собой копия. Там зафиксировано все то, что я видела и сделала. Теперь вы видите, мистер Снид, что не обязательно было приносить диктофон.

Старлинг в этот момент видела все необыкновенно четко. Уловив опасность, она понизила

голос:

— Рейд провалился в силу ряда причин. Осведомитель УКАТО соврал о местонахождении ребенка, так как отчаянно хотел, чтобы операция состоялась до того, как откроется заседание Большого жюри в Иллинойсе. Кроме того, Эвельда Драмго была предупреждена о нашем приходе. Она вышла из дверей с сумкой денег в одной руке и с «метом» в другой. На ее пейджере все еще стоял номер телекомпании. Она была на связи с ними за пять минут до нашего появления. Вертолет телевизионщиков прибыл на место событий одновременно с нами. Выдайте ордер на проверку всех телефонных разговоров «Дабл-ю-эф-ю-эл ТВ» и узнайте, откуда идет утечка. Это, джентльмены, должен быть человек, завязанный на местные интересы. Если бы утечка произошла из УКАТО — как в случае с Вако — или Управления по борьбе с наркотиками, то в дело были бы вовлечены общенациональные средства массовой информации, а не местное телевидение.

От имени города слово взял Бенни Голкомб.

— Ничто не указывает на то, — сказал он, — что утечка произошла из городского правительства или полицейского управления Вашингтона.

— Выпишите ордер и узнайте, — повторила

Старлинг.

— Где находится пейджер Эвельды Драмго? У вас? — поинтересовался Пирсал.

— Он в Квантико. Опечатан в помещении для хранения вещественных доказательств.

В этот момент пискнул пейджер Нунана. Помощник Директора бросил взгляд на номер телефона, нахмурился и, извинившись, выскочил из комнаты. Через несколько секунд он вернулся и попросил Пирсала выйти вместе с ним в коридор.

Уэйнрайт, Элдридж и Голкомб, держа руки в карманах, принялись изучать через окно форт Макнейр. У них был такой вид, словно они ждали вестей из реанимации. Пол Крендлер поймал взгляд Снида и кивком показал на Старлинг.

Снид положил руку на спинку кресла, в котором сидела Старлинг, наклонился к ней и негромко произнес:

— Если вы в своих показаниях на официальном слушании заявите, что участвовали в рейде по поручению ФБР и что вы убили Эвельду Драмго, Управление контроля за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия готово со своей стороны подтвердить, что Бригем поручил вам обратить… особое внимание на Эвельду Драмго и

произвести ее арест по возможности мирно. Она была убита из вашего оружия, и ваша Контора должна понести свою долю ответственности. Обещаю, что межведомственного конфликта по поводу правил проведения операции не возникнет и мы, со своей стороны, не станем упоминать о подстрекательских словах, которые вы произнесли в автобусе, характеризуя личность Эвельды Драмго.

На сей раз перед мысленным взором Старлинг предстала Эвельда Драмго. Она увидела, как Эвельда с гордо поднятой головой выходит из дверей лаборатории, как появляется из машины. Старлинг поняла, почему Эвельда Драмго, несмотря на всю ничтожность своей нелепо растраченной жизни, решила взять ребенка и встретить свою судьбу с открытым забралом, а не бежать от нее.

Наклонившись поближе к микрофону на галстуке Снида, она как можно четче произнесла:

— Я счастлива еще раз сказать, какого рода личностью была Эвельда Драмго, мистер Снид. Она была гораздо лучше, чем вы.

В комнату вошел Пирсал и, закрыв за собой дверь, объявил:

— Помощник Директора Нунан вернулся к себе.

Сейчас, джентльмены, я вынужден прервать нашу встречу. Если возникнет необходимость, я с каждым из вас свяжусь по телефону.

Крендлер резко вскинул голову. Он сразу уловил, что здесь запахло политикой.

— Но мы должны принять решение… — начал Снид.

— Нет. Мы ничего не должны.

— Но…

— Поверьте, Боб, нам ничего не надо решать. Я с вами свяжусь позже. И еще кое-что, Боб.

— Да?

Пирсал так резко рванул провод на груди Снида, что с рубашки посыпались пуговицы, а микродиктофон вылетел из внутреннего кармана.

— Если вы посмеете еще раз появиться у меня с подобным устройством, то получите хорошего пинка в зад, — сказал Пирсал.

Они все уходили, не глядя на Старлинг. Исключением оказался лишь Крендлер.

Направляясь к дверям, Крендлер не смотрел, куда ставит ноги. Он обратил лицо в ее сторону, изогнув свою длинную шею так выразительно, что, как никогда раньше, стал напоминать гиену, изучающую потенциального кандидата в вожаки стаи. Так был способен смотреть только Кренд-

лер. Казалось, что с одной стороны, он любуется формой ее ног, а с другой — прикидывает, как лучше подрезать на них сухожилия.

Глава 8

Отдел изучения моделей поведения имеет дело с серийными убийствами и находится в цокольном этаже здания. Там всегда царит тишина, а в постоянно холодном воздухе не чувствуется ни малейшего движения. Дизайнеры несколько лет не оставляли попыток придать подземному интерьеру более или менее угрюмый вид. Но результаты их стараний выглядели столь жизнерадостно, как и макияж на лице покойника.

Расположенный этажом выше кабинет начальника отдела сохранил первоначальную отделку, решенную в коричневых и бежевых тонах. Остались там и клетчатые занавеси на высоких окнах. В кабинете, в окружении своих дьявольских папок, сидит за столом и что-то пишет Джек Крофорд.

Раздается стук в дверь. Джек Крофорд поднимает глаза, и то, что он видит, явно доставляет ему удовольствие. В дверях стоит Клэрис Старлинг.

Крофорд с улыбкой встает с кресла. Он и Старлинг часто разговаривают стоя. Это одна из тех немногих неписаных формальностей, которые они привносят в свои отношения. Им не надо

пожимать друг другу руки.

— Я узнала, что вы вышли из госпиталя, — сказала Старлинг. — Прошу прощения за то, что я как-то потеряла вас из виду.

— Очень рад, что они быстро оставили вас в покое, — произнес Крофорд. — Расскажите мне о вашем ухе. Как оно?

— Выглядит прекрасно, если вы любитель цветной капусты. Врачи утверждают, что оно придет в норму. Во всяком случае, большая его часть.

Ухо было прикрыто волосами, и Старлинг не проявила желания его продемонстрировать.

Недолгая тишина.

— Они хотели повесить на меня вину за провал рейда, мистер Крофорд. И за смерть Эвельды Драмго. Вначале они вели себя как гиены, а затем вдруг притихли и умчались прочь. Их что-то спугнуло.

— Может быть, у вас есть ангел-хранитель, Старлинг.

— Возможно. Чего это вам стоило, мистер Крофорд?

— Закройте, пожалуйста, дверь, Старлинг, — сказал Крофорд, покачивая головой. Он извлек из кармана бумажную салфетку, тщательно протер стекла очков и продолжил: — Я все бы сделал сам,

если бы мог. Но у меня одного пороху для этого не хватило. Если бы сенатор Мартин[9] все еще оставалась в Вашингтоне, у вас было бы отличное прикрытие… В этом рейде они принесли в жертву Джона Бригема и были готовы точно так же пожертвовать вами. Вышвырнуть из игры. У меня было такое чувство, что я нахожусь во Вьетнаме и гружу ваши тела в джип.

Щеки Крофорда залились краской, и Старлинг вспомнила выражение его лица, с которым он стоял над могилой Бригема. Крофорд никогда не рассказывал ей о своем участии в войне.

— Но вы ведь что-то сделали, мистер Крофорд?

— Кое-что сделал, — утвердительно кивая, ответил он. — Но не уверен, что это вас обрадует. Речь идет о работе.

Работа. Слово РАБОТА в их лексиконе считалось очень хорошим словом. Оно означало конкретное и очень срочное задание, призванное разрядить ситуацию. Впрочем, они никогда не говорили вслух, что работа для них — одно из средств борьбы с бюрократической машиной ФБР. Работа делала Старлинг и Крофорда чем-то похожими на врачей-миссионеров.

---

[9] Примечания: 9

Дочь сенатора Мартин Клэрис спасла от серийного убийцы Джейма Гама. См. роман Т. Харриса «Молчание ягнят».

Врачи понимали, хотя и не говорили об этом, что Бог ни черта не сделает для лежащего перед ними больного ребенка. Вопросы теологии занимали их только в том смысле, что они знали — Бог даже не пошевелит пальцем, чтобы организовать дождь и спасти тем самым пятьдесят тысяч умирающих детей племени ибо.

— Получилось так, Старлинг, что человек, недавно приславший вам письмо, стал в некотором роде вашим заступником.

— Вы говорите о докторе Лектере? — Старлинг давно заметила, что Крофорд терпеть не может произносить это имя вслух.

— Именно. Все это время ему удавалось от нас ускользать. Он жил где-то, оставаясь вне подозрений. И вот он пишет вам. Почему?

Прошло семь лет с того момента, когда знаменитый серийный убийца доктор Ганнибал Лектер бежал из заключения в городе Мемфисе, захватив по пути еще пять жизней.

Хотя многие считали, что Лектер вообще исчез с лица земли, дело в ФБР не закрыли. Дело, заведенное против него в Теннесси, тоже не закрывалось. Эти два дела будут открыты вечно, а закроются только в том случае, если преступник будет схвачен. В то же время активные поиски

доктора Лектера никто не вел, а родственники его жертв обивали пороги Законодательного собрания штата Теннесси и лили слезы ярости, требуя действий.

Анализу психики доктора Лектера посвящено бесчисленное множество томов, авторами которых были психологи, никогда не встречавшиеся с объектом своего исследования. Несколько работ написали и психиатры, над которыми Лектер когда-то издевался в их же профессиональных изданиях. Эти люди, видимо, решили, что теперь могут ответить своему противнику, не опасаясь удара с его стороны. Некоторые из них утверждали, что отклонения в психике Лектера должны были неизбежно привести его к суициду и он, по всей вероятности, уже мертв.

Однако в виртуальном, кибернетическом мире интерес к доктору не ослабевал. В закутках Интернета теории Лектера множились как поганки, а количество людей, видевших Ганнибала-Каннибала живым и здоровым, уступало лишь числу тех, кто в последнее время встречал Элвиса Пресли. В чат-румах было тесно от самозванцев, выдававших себя за Лектера, а в фосфоресцирующих цветными огнями болотах Сети шел активный обмен добытыми в полиции

фотографиями как доктора, так и его жертв. Среди коллекционеров жутких артефактов эти снимки ценились почти так же высоко, как фотографии казни Фу Чули.

Единственным следом реального существования доктора стало письмо, полученное Клэрис Старлинг в тот момент, когда ее распинала желтая пресса.

На письме не было никаких отпечатков, но ФБР почти не сомневалось в его аутентичности. Что касается Старлинг, то она в подлинности послания была уверена.

— Почему он сделал это? — повторил Крофорд чуть ли не сердито. — Я никогда не делал вида, что понимаю его лучше, чем эти ослы психиатры. Поделитесь со мной своими соображениями.

— Он считал, что все случившееся со мной… уничтожит мои иллюзии в отношении ФБР. Он всегда радуется, видя, как рушится чья-то вера. Для него это было то же, что разрушение святынь, сведения о событиях подобного рода Лектер коллекционировал. Особенно он обожал тот случай, когда в Италии во время мессы рухнула церковь, придавив молящихся старух, а на горе битого кирпича какой-то весельчак затем поставил рождественскую елку. Я казалась ему забавной.

Он играл со мной. Во время бесед доктор Лектер постоянно указывал на прорехи в моем образовании и посмеивался над моей наивностью.

— Вам никогда не приходило в голову, Старлинг, что вы ему просто нравитесь? — спросил Крофорд, пользуясь правами, предоставленными ему возрастом.

— Думаю, что я просто забавляла его. Предметы и люди его или забавляют, или нет. Если нет, то…

— И вы не чувствовали, что ему нравитесь? — стоял на своем Крофорд, делая упор на различие между мыслями и чувствами в отличие от баптистов, настаивающих на их полном слиянии.

— За время нашего короткого знакомства он говорил обо мне некоторые вещи, которые оказались правдой. Думаю, что очень легко принять понимание за сочувствие — ведь мы все так сильно хотим его услышать. Умение отличать первое от второго, видимо, и является одним из признаков взросления. Очень больно и противоестественно думать, что кто-то читает в твоей душе, не испытывая к тебе симпатии. Столь же отвратительно видеть в понимании только оружие хищника. Я… я не имею представления, как относится ко мне доктор Лектер.

— Не могли бы вы сказать, что он о вас говорил?

— Лектер утверждал, что я всего лишь маленькая, амбициозная и жутко деятельная деревенщина и что мои глаза блестят, как дешевые камушки. Он сказал, что я ношу дешевые туфли, но тем не менее у меня есть вкус. Толика вкуса, уточнил он.

— И это показалось вам истиной?

— Да. И до сих пор кажется. Стиль обуви я, во всяком случае, сменила.

— Не считаете ли вы, Старлинг, что, посылая вам письмо, он рассчитывал, что вы предпримете попытку выкурить его из норы?

— Он наверняка знал, что я попытаюсь выкурить его из норы. Он не мог в этом сомневаться.

— Лектер прикончил шестерых еще до того, как суд отправил его в психиатрическую лечебницу. Он убил Миггза в психушке за то, что Миггз брызнул вам в лицо спермой. Еще пятеро были убиты при побеге. Если доктора поймают, то в существующей политической обстановке смертельной инъекции ему не избежать.

При мысли об этом Крофорд улыбнулся. В свое время он выступил пионером в деле расследования серийных убийств. И перед ним уже

маячит отставка, а причинивший больше всего хлопот серийный убийца все еще разгуливает на свободе. Перспектива неизбежной кончины доктора Лектера доставляла ветерану службы огромное удовольствие. Старлинг понимала, что Крофорд упомянул о поступке Миггза для того, чтобы привлечь ее внимание, чтобы вернуть в то ужасное время, когда она пыталась допрашивать Ганнибала-Каннибала в лечебнице для невменяемых преступников. Лектер забавлялся, а в это время, скорчившись в яме, ждала смерти похищенная Джеймом Гамом девушка. Крофорд обычно прибегал к такому приему, когда переходил к наиболее важной части беседы. Так он поступил и сейчас.

— Вам известно, Старлинг, что одна из первых жертв доктора Лектера осталась в живых?

— Да. Очень богатый человек. Его семья даже предложила вознаграждение.

— Точно. Его зовут Мейсон Вергер. Он обитает в Мэриленде и прикован к аппарату искусственного дыхания. Его отец умер в этом году. Старик всю жизнь занимался мясным бизнесом и оставил сыну большое состояние. Старый Вергер завещал ему и конгрессмена — члена Юридического комитета палаты представителей, который

без помощи Мейсона не может свести концы с концами. Мейсон утверждает, что располагает сведениями, способными помочь нам найти доктора. Он желает с вами встретиться.

— Со мной?

— Да, с вами. Мейсон пожелал, и все согласились, что это замечательная идея.

— Мейсон высказал пожелание после вашей подсказки?

— Они хотели избавиться от вас, Старлинг. Выбросить вас, как потертый половик. С вами было бы покончено, как с Джоном Бригемом. И все для того, чтобы вывести из-под удара алкогольно-табачных бюрократов. Вас можно было спасти, лишь напугав их, оказав на них давление. Иного обращения они не понимают. У меня нашелся человек, не пожалевший десяти центов для того, чтобы позвонить Мейсону и объяснить, как пострадает охота на Лектера, если вас уволят. Что произошло потом, кому звонил Мейсон, я знать не хочу. Возможно, это был конгрессмен Воллмер.

Еще год назад Крофорд повел бы себя совсем по-иному. Старлинг внимательно посмотрела ему в лицо, пытаясь отыскать признаки безумия, овладевающего людьми, перед которыми маячит

призрак неизбежной отставки. Однако, кроме печати усталости, на лице Крофорда она ничего не смогла увидеть.

— Мейсон не очень приятная личность, Старлинг. И я имею в виду не только его внешность. Постарайтесь узнать, что ему известно. Затем приходите ко мне, и мы наконец поработаем вместе.

Старлинг знала, что вот уже много лет, начиная с того момента, когда она окончила Академию ФБР, Крофорд бьется, чтобы ее перевели на работу в Отдел изучения моделей поведения.

Однако только теперь, став ветераном ФБР и выполнив множество второстепенных поручений, она стала понимать, что триумфальный захват серийного убийцы Джейма Гама в самом начале карьеры явился одной из причин ее будущих неудач. Старлинг стала восходящей звездой, но затем эта звезда вдруг остановилась на своем пути к зениту. Захватив Гама, она обрела как минимум одного могущественного врага и вызвала зависть у множества коллег мужчин, своих сверстников. Это обстоятельство наряду с некоторой несговорчивостью характера привело к тому, что она несколько лет подряд выезжала на банковские грабежи, вручала ордера и пред-

писания, сидела в бесплодных засадах. После того как ее объявили чересчур неуживчивой для работы в группе, Старлинг стала так называемым техническим агентом и начала прослушивать телефоны гангстеров и негодяев, занимающихся детской порнографией. Много часов ей пришлось провести в одиночестве, не снимая наушников. А когда какое-нибудь братское агентство обращалось с просьбой предоставить ему на время в помощь надежного человека, таким человеком почему-то всегда оказывалась Старлинг. Она была сильной и выносливой и к тому же прекрасно владела оружием.

И вот Крофорд нашел для Старлинг еще один шанс. Он считал, что она мечтает поймать Лектера. Однако истина, как всегда, была гораздо сложнее.

— Вы так и не избавились от порохового ожога на щеке, — сказал он, внимательно посмотрев на Старлинг.

Крупинка сгоревшего пороха из револьвера покойного Джейма Гама оставила на ее скуле черную точку.

— Никогда не хватало времени.

— Вам известно, что у французов означает мушка, расположенная так же высоко, как у вас?

За время работы Крофорд сумел собрать прекрасную справочную библиотеку татуировок, телесной символики и разных образцов ритуального членовредительства.

Старлинг в ответ отрицательно покачала головой.

— Такая мушка должна говорить о смелости, — сказал Крофорд. — Поэтому вы должны носить ее. На вашем месте я не стал бы ее удалять.

Глава 9

Ферму «Мускусная крыса», расположенную в северной части Мэриленда неподалеку от реки Саскавана, венчал особняк семейства Вергер, который отличался какой-то дьявольской красотой. Династия мясных королей Вергер приобрела его в тридцатые годы, когда задумала перебраться из Чикаго поближе к Вашингтону. Семейство Вергер могло себе это позволить. Благодаря своей деловой хватке и политическому чутью клан начиная с Гражданской войны не упустил ни одного контракта на поставку мяса для армии. Скандал с поставкой мяса павших животных во время американо-испанской войны обошел бизнес Вергеров стороной. Когда Эптон Синклер[10] и его «разгребатели грязи» расследовали ужасающее состояние дел на чикагских бойнях, они обнаружили, что несколько служащих компании семейства Вергер были неумышленно превра-

[10] Примечания: 10

Эптон Синклер (1878–1968) — американский писатель, имеется в виду его роман «Джунгли» (1906).

щены в лярд[11], расфасованный по банкам и поступили в продажу под маркой «Чистого свиного жира Дарема» — продукта, столь любимого всеми хлебопеками. Клеймо позора, однако, к Вергерам не пристало, и они не лишились ни единого правительственного контракта.

Вергеры сумели избежать этого скандала, так же как и многих других, благодаря тому, что щедро субсидировали политиков. Их единственной неудачей стал принятый в 1906 году Закон о мясной инспекции.

В настоящее время компания Вергеров ежедневно забивает 86 000 голов крупного рогатого скота и 36 000 свиней. Число может варьироваться в зависимости от сезона.

Запахи свежепостриженных газонов «Мускусной крысы» и колышущейся на ветру сирени ничем не напоминали ароматы скотного двора. Единственными животными на ферме были пони, на которых катались приходящие детишки, да забавные гуси. Гуси бродили стаями. Двигая из стороны в сторону высоко поднятыми жирными гузками и вытянув длинные шеи, птицы щипали траву. Собак на ферме не было. Дом,

---

[11] Примечания: 11
Топленое свиное сало.

амбар и лужайки располагались почти в центре раскинувшегося на полутора тысячах гектарах государственного лесного заповедника. Ферма «Мускусная крыса» будет стоять там во веки веков в соответствии со специальным разрешением Министерства внутренних дел.

Подобно другим, принадлежащим очень богатым людям анклавам, найти ферму с первого раза было очень нелегко. Клэрис Старлинг проскочила один съезд со скоростного шоссе. Возвращаясь назад по служебной дороге, она вначале миновала широкие ворота, проделанные в высокой металлической изгороди. Створки ворот были скреплены цепью и большим висячим замком. За воротами в глубину леса уходила накатанная просека, выполнявшая как хозяйственные, так и противопожарные функции. Никакого переговорного устройства у ворот не было. Проехав еще километра три, она увидела кирпичную сторожку. Сторожка стояла примерно в ста метрах от дороги, и к ней вела прекрасно ухоженная подъездная аллея. Охранник в униформе занес ее имя в журнал.

Три километра отполированной дороги привели ее на ферму.

Старлинг остановила рокочущий «мустанг»,

чтобы дать возможность стае гусей перейти через проезжую часть. Со своего места она увидела, как из расположенной метрах в пятистах от дома премиленькой конюшни один за другим появляются шотландские пони с детишками в седлах. Главное здание фермы «Мускусная крыса», в стиле Белого Стэнфорда, прекрасно гармонировало с окружающими его пологими холмами. Дом выглядел основательным, а земля дышала плодородием. Реальное воплощение приятного сна. Старлинг всем своим существом ощущала притягательную силу этого места.

У Вергеров хватило ума оставить дом в его первозданном виде. Единственным исключением являлась современная пристройка, которую Старлинг пока не видела. Пристройка примыкала к восточной стороне здания и походила на чужеродную конечность, вживленную в тело в ходе нелепого медицинского эксперимента.

Старлинг остановила машину у центрального портика. Как только умолк мотор, наступила такая тишина, что она услышала свое дыхание. В зеркале заднего обзора Старлинг увидела приближающегося к дому всадника. Когда она вышла из машины, стук копыт за ее спиной слышался уже очень ясно.

С седла соскочила какая-то широкоплечая личность с коротко стриженными светлыми волосами и не глядя сунула поводья подбежавшему слуге.

— Отведите в стойло, — произнесла личность низким, скрипучим голосом. — Меня зовут Марго Вергер, — добавила она, издалека протягивая руку.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что личность принадлежит к женскому полу. Марго Вергер, вне всякого сомнения, увлекалась культуризмом. Мощные руки и тело обтягивала футболка. Глаза сухо поблескивали и были чуть воспалены — казалось, что ее слезные железы плохо работают. Дама носила бриджи и сапоги без шпор.

— Что вы водите? — спросила она. — Старый «мустанг»?

— Да. Восемьдесят восьмого года.

— Пятилитровый?

— Да.

— Вам он нравится?

— Очень.

— Сколько выжимает?

— Не знаю. Думаю, что много.

— Боитесь его?

— Уважаю. Скажем так, использую с уважением.

— Вы знали о нем или купили случайно?

— Знала достаточно для того, чтобы купить на аукционе. Увидела и купила. Окончательно узнала его много позже.

— Как вы думаете, он обскачет мой «порше»?

— В зависимости от того, какой «порше». Мне необходимо поговорить с вашим братом, мисс Вергер.

— Минут через пять они покончат с его туалетом. Но мы можем начать беседу здесь.

Саржевые бриджи на внушительных бедрах Марго Вергер зашелестели, когда она начала широкими шагами подниматься по ступеням. Ее волосы, по цвету напоминающие кукурузные рыльца, настолько поредели, что Старлинг спросила себя, не увлекается ли Марго стероидами.

Большую часть своего детства Старлинг провела в лютеранском приюте, и дом Вергеров, с его просторными помещениями, ярко раскрашенными балками на потолках и портретами каких-то важных покойников на стенах, казался ей музеем. На лестничных площадках красовались китайские вазы из перегородчатой эмали, а коридоры были застланы длинными ковровыми

дорожками из Марокко.

Но на подходе к новому крылу особняка высокому стилю пришел конец. В сугубо функциональное, современное строение вели широкие двери из непрозрачного стекла, резко контрастирующие со сводчатым потолком зала.

Пройдя через эти двери, Марго Вергер остановилась и, обратив на Старлинг свои блестящие воспаленные глаза, сказала:

— Некоторым трудно общаться с Мейсоном. Если вам станет не по себе и вы не выдержите, я смогу ответить на все те вопросы, которые вы забудете ему задать.

Помимо общеизвестных чувств, люди обладают еще одним. Это чувство присуще всем, оно признано всеми, но пока не получило названия. Впрочем, его можно назвать удовольствием от предвкушения возможности выразить кому-то свое презрение. По лицу Марго Старлинг поняла, что та надеется именно на это.

— Благодарю вас, — бросила она.

К удивлению Старлинг, первое помещение в новом крыле оказалось большой и прекрасно оборудованной комнатой для игр. Среди бесчисленных мягких игрушек огромного размера резвились два малыша афроамериканского

происхождения. Один из них катался на пластмассовом велосипеде с широкими шинами, а второй толкал перед собой по полу игрушечный грузовик. В углах комнаты были припаркованы разномастные трехколесные велосипеды и иные подобные им транспортные средства, а в центре высился отличный гимнастический городок, декорированный как джунгли. Пол под «деревьями» для лазанья был устлан войлочным покрытием, В одном из углов комнаты на коротком диване сидел мужчина в медицинском халате. Мужчина читал журнал «Вог», На стенах комнаты было установлено несколько видеокамер. Некоторые из них находились под потолком, а иные на уровне глаз. Одна из видеокамер следила за Марго и Старлинг, ее объективы вращались, чтобы придать необходимую четкость изображению.

При виде детей Старлинг вдруг ощутила боль. Однако веселая детская возня с игрушками ее тут же успокоила. Об этих детишках можно было не беспокоиться.

— Мейсон любит наблюдать за детьми, — пояснила Марго Вергер. — Они же все, за исключением самых маленьких, боятся его, и брат нашел свой способ общения. Поиграв здесь, они катаются на

пони. Ребятишек привозят из дневной группы Благотворительного фонда Балтимора.

В палату Мейсона Вергера можно было попасть лишь через ванную комнату. Впрочем, ванной комнатой помещение могло именоваться лишь условно. Скорее это была водолечебница, занимающая крыло здания во всю его ширину. Сталь, хром, пластик пола, душевые кабины с широченными дверцами, трубы из нержавеющей стали, аккуратно свернутые спиралью оранжевые шланги со сменными наконечниками, парилки и емкие стеклянные шкафы с мазями и кремами из Флоренции от «Фармачия Санта-Мария Новелла» поражали воображение. Воздух водолечебницы, наполненный свежим паром, благоухал хвойным бальзамом.

Старлинг заметила, что из-под дверей комнаты Мейсона пробивается свет. Стоило Марго прикоснуться к ручке двери, как свет погас.

Угол комнаты, отведенный для посетителей, освещал льющийся с потолка поток яркого света. Над кушеткой на стене висела вполне приличная репродукция картины Уильяма Блейка «Древние дни» — Бог, меряющий циркулем создаваемую им землю. Картину обрамляла широкая черная лента в память о недавно ушедшем из жизни

патриархе семейства Вергер. Остальная часть помещения тонула в темноте.

Из тьмы доносился звук ритмично работающей машины. Каждое ее движение сопровождалось вздохом.

— Добрый день, агент Старлинг, — произнес гулкий металлический голос. Взрывное «д.» в процессе речи куда-то задевалось.

— Добрый день, мистер Вергер, — ответила в темноту Старлинг.

С потолка на нее лился поток света. День остался где-то в другом мире. Здесь дней не бывало.

— Присаживайтесь.

Я должна сделать это. Все в порядке. Надо собраться.

— Мистер Вергер, предстоящая беседа будет считаться показаниями, данными под присягой, и я должна записать ее на пленку. Вы не возражаете?

— Естественно, нет. — Ответ прозвучал между вздохами машины, и на сей раз потерялись шипящие «с». — Марго, полагаю, ты можешь нас теперь покинуть.

Не глядя на Старлинг, Марго, шурша своими бриджами, направилась к двери.

— Мистер Вергер, мне необходимо закрепить

микрофон. На вашей одежде или на подушке. Если вас это не устраивает, я могу пригласить медсестру.

— Действуйте, — ответил Мейсон, потеряв «д» и «т». Дождавшись очередного вздоха машины, он продолжил: — Вы можете сделать это самостоятельно, агент Старлинг. Я здесь.

Старлинг не смогла сразу найти выключатель. Решив, что сможет лучше видеть, находясь в темноте, где ее не будет слепить свет, она вытянула руку и шагнула в том направлении, откуда исходил аромат хвойного бальзама.

Включив наконец свет, Старлинг увидела, что стоит к кровати гораздо ближе, чем думала. При виде Мейсона Вергера ее лицо не изменило выражения, а рука с микрофоном, слегка дрогнув, отодвинулась не более чем на сантиметр.

Когда Старлинг удалось подавить подступившую к горлу тошноту, она увидела, что дефекты речи Мейсона вызваны полным отсутствием губ. Затем она с удивлением обнаружила, что Мейсон вовсе не слеп. Его единственный голубой глаз взирал на нее через своего рода монокль с прикрепленной к нему трубкой. Трубка подавала на лишенное век глазное яблоко жидкость. Много лет назад хирурги сделали все, что было в их

силах, и трансплантировали обрывки кожи на кости лица.

Безносый и безгубый, лишенный всех мягких тканей и состоящий из одних зубов, Мейсон Вергер был похож на чудовище, обитающее в темных океанских глубинах. Посторонний наблюдатель содрогался, когда осознавал, что перед ним человеческая голова, в которой пульсирует живая мысль. Этот шок возвращался каждый раз, когда на лике чудовища начиналось движение. Двигалась нижняя челюсть, глаз смотрел на посетителя. Смотрел на нормальное человеческое лицо.

Волосы Мейсона Вергера были по-настоящему красивы, и, как это ни странно, смотреть на них было труднее всего. Черные, чуть тронутые сединой пряди были заплетены в косу столь длинную, что, ниспадая петлей до пола, она снова возвращалась концом на подушку. Сегодня свернутая кольцами коса покоилась на кожухе дыхательного аппарата, очень похожем на панцирь черепахи. Живые волосы на руинах черепа — коса поблескивала так, словно ее отполировали.

Изголовье больничной кровати было приподнято, и чем ближе к ногам, тем больше давно

парализованное и теперь скрытое под покрывалом тело Мейсона сходило на нет.

Перед его лицом была укреплена панель управления, похожая на свирели или на губную гармонику из прозрачного пластика. Мейсон захватил кончиком языка одну из трубочек и при очередном вздохе респиратора дунул в нее. На этот сигнал его кровать откликнулась легким гудением. Изголовье поднялось чуть выше и немного развернулось. Теперь лицо Мейсона было обращено к Старлинг.

— Я возношу хвалу Господу за все то, что со мной случилось, — сказал Вергер. — Это было мое спасение. Вы принимаете Христа, мисс Старлинг? Носите в сердце веру?

— Я воспитывалась в весьма строгом религиозном духе, мистер Вергер. И в моем сердце осталось то, без чего невозможно существовать, — ответила она. — А теперь, если не возражаете, я прикреплю микрофон к подушке. Надеюсь, он вам не помешает? — Слова прозвучали чересчур резко, а тон голоса был как у медсестры, что Старлинг крайне не понравилось.

Живая рука рядом с мертвой годовой. Плоть живая и мертвая. Эта картина не помогла Старлинг обрести душевное равновесие. Не содействовал

этому и вид кровеносных сосудов, пересаженных на лицо, чтобы питать голову кровью. Темные жилы равномерно пульсировали и походили на заглатывающих пищу червей.

Старлинг, пятясь к столу, аккуратно уложила провод. На столе уже стояли ее магнитофон и еще один микрофон.

— Специальный агент Клэрис М. Старлинг, номер ФБР 5143690, берет показания у мистера Мейсона Р. Вергера, карточка социального страхования номер 475989823. Допрос производится в доме мистера Вергера, в упомянутый ранее день. Показания даются под клятвой, что должным образом удостоверяется. Мистер Вергер поставлен в известность о том, что прокурор тридцать шестого округа и местные власти гарантируют ему судебный иммунитет. Это подтверждается их совместным меморандумом, заверенным и зарегистрированным в установленном порядке. Итак, мистер Вергер…

— Я хочу рассказать вам о лагере, — прервал он ее на следующем вдохе машины. — Вспоминая свое детство, я стал понимать, что приобрел тогда замечательный опыт.

— Мы коснемся этого позже, мистер Вергер, а сейчас, как мне кажется, нам сле…

— Нет, мисс Старлинг, мы поговорим о лагере сейчас. Вы увидите, что это имеет отношение к делу. Именно тогда я повстречал Иисуса и ничего более важного я сказать вам не смогу. — Дождавшись очередного вздоха машины, Мейсон продолжил: — Это был Христианский лагерь на берегу озера Мичиган, и все расходы по его содержанию нес мой отец. Он платил за все. За всех его обитателей числом сто двадцать пять человек. Некоторым из них не повезло в жизни, и они были готовы на все ради одной конфеты. Может быть, я пользовался этим, может быть, я был груб с ними из-за того, что они отказывались от шоколадки и не желали делать то, что я от них требовал. Вы видите, я ничего не скрываю. И не скрываю только потому, что прошел очищение.

— Мистер Вергер, не лучше ли обратиться к материям, связанным…

Но Мейсон ее не слышал. Он всего лишь выжидал, когда аппарат сделает очередной вдох.

— Я получил судебный иммунитет, мисс Старлинг, и теперь все в порядке. Я получил иммунитет от Иисуса, я получил иммунитет от прокурора Соединенных Штатов и от окружного прокурора графства Оуинг Миллз. Аллилуйя. Я свободен, мисс Старлинг. Теперь все в полном

порядке. Я сейчас с Ним, мисс Старлинг, и поэтому мне ничего не страшно. Вы можете спросить, кто же этот ОН? Отвечу. Он — это восставший к жизни Иисус, и в лагере мы называли Его просто Ис. Великий Ис. Никто не может справиться с Исом. Мы сделали Его своим современником. Я служил Ему в Африке. Аллилуйя. Я служил Ему в Чикаго, вознося хвалу имени Его. Служу я Ему и сейчас. Я знаю, Он поднимет меня с ложа страданий, поразит недругов моих и представит их предо мной. Я еще услышу стенания жен врагов моих. Вы видите, мисс Старлинг, что теперь все в полном порядке. — Мейсон подавился слюной и умолк. Кровеносные сосуды на его лице стали еще темнее, и их пульсация усилилась.

Старлинг поднялась, чтобы позвать медсестру. Но ее остановил голос Мейсона:

— Со мной все хорошо, я в полном порядке.

Наверное, лучше задавать прямые вопросы, подумала Старлинг. От постепенного подхода толку не будет.

— Мистер Вергер, встречались ли вы с доктором Лектером до того, как по определению суда он стал вашим психотерапевтом? Были ли вы с ним знакомы?

— Нет.

— Но ведь вы оба были членами попечительского совета Балтиморского филармонического оркестра.

— Не совсем так. Мне было предоставлено место только потому, что я поддерживал оркестр деньгами. Когда нужно было голосовать, я посылал своего адвоката.

— Вы ни разу не давали показаний во время суда над доктором Лектером. Почему?

Старлинг научилась синхронизировать вопросы с ритмом работы аппарата искусственного дыхания.

— Они сказали, что у них хватит материалов для того, чтобы осудить его шесть раз. Девять раз. А он их всех обманул, заявив о своем безумии.

— Доктор Лектер ничего не заявлял. Невменяемым он был признан по решению суда.

— Неужели вы считаете, что подобная тонкость может иметь значение? — спросил Мейсон.

В этом вопросе Старлинг впервые смогла почувствовать ум Мейсона. Ум цепкий и тщательно скрываемый. Во всяком случае, думал он не теми словами, которыми объяснялся с ней.

Огромный угорь, привыкнув к свету, выполз из своего каменного укрытия на дне аквариума и принялся выписывать бесконечные восьмерки —

извивающаяся коричневая лента, беспорядочно испещренная красивыми кремовыми пятнами различной формы.

Старлинг узнала о существовании рыбы, лишь уловив краем глаза ее движение.

— Это мурена Кидаки, — сказал Мейсон. — В Токио в аквариуме есть даже более крупный экземпляр. Моя мурена по размеру занимает второе место в мире. В просторечии ее зовут Жестокий Мюррей, вы хотите узнать почему?

— Нет, — ответила Старлинг и перевернула страницу своего блокнота. — Итак, в ходе предписанного судом лечения вы пригласили доктора Лектера в свой дом.

— Я больше ничего не стыжусь и поэтому расскажу вам все. Теперь все в полном порядке. Мне воздалось за это наделавшее столько шума совращение малолетних. Отдал пятьсот часов общественным работам и лечился у доктора Лектера. Приглашая доктора к себе, я рассчитывал втянуть его во что-нибудь неблаговидное, чтобы он дал мне послабление в лечении и не жаловался, если я пропущу один-другой сеанс или окажусь слегка под кайфом во время наших встреч.

— У вас в то время был дом в Оуинг Миллз, не

так ли?

— Да. Я рассказал доктору Лектеру все. Об Африке. Об Иди Амине[12]. И о многом другом. Обещал показать ему кое-что из своей коллекции.

— И вы показали ему?..

— Принадлежности. Игрушки. Вон там в углу стоит маленькая переносная гильотина, которую я использовал, работая на Иди Амина. В разобранном виде она без труда умещается в джипе и ее можно доставить в любую, даже самую отдаленную, деревню. На сборку и установку уходит четверть часа. Осужденный за десять минут сам с помощью коловорота приводит нож в рабочее положение. Правда, у женщин и детей для этого требовалось чуть больше времени. Но я этого не стыжусь, так как прошел очищение.

— Итак, доктор Лектер пришел в ваш дом…

— Да. Я встретил его у дверей, затянутым в черную кожу и с плетью в руках. Ну вы понимаете… Мне было интересно, испугается ли он меня. Но он, похоже, не испугался. Испугаться меня — как смешно это звучит теперь… Я пригласил его наверх и показал двух собачек, которых взял в

---

[12] Примечания: 12

Амин (Дада) Иди (1926) — президент Уганды (1971–1979), ввел режим жестокого террора, по неофициальным данным, был замечен в каннибализме.

приюте для бездомных животных. Собачки были очень дружны между собой. Я их держал в одной клетке и давал много воды, но оставлял без еды. Мне было страшно интересно узнать, что из этого получится.

Я показал ему прибор с петлей, ну вы знаете, тот, с помощью которого можно добиться автоэротической асфиксии. Вы как будто вешаете себя, но не до конца. При этом получаете удовольствие… Вы улавливаете ход моих мыслей?

— Улавливаю.

— А доктор Лектер, похоже, не улавливал. Он спросил, как прибор работает, а я ответил: «Какой же вы психиатр, если этого не знаете?» Доктор улыбнулся — я никогда не забуду эту улыбку — и сказал: «Продемонстрируйте». Ну наконец-то ты попался, подумал я.

— И вы продемонстрировали.

— Я этого не стыжусь. Мы учимся на своих ошибках, и кроме того, я прошел очищение.

— Прошу вас, мистер Вергер, продолжайте.

— Я отнес прибор к большому зеркалу, надел петлю на шею и стал смотреть на свое отражение, удерживая механизм автоматического отключения в руке. Одновременно краем глаза я следил за его реакцией, но ничего уловить не мог. Обычно

я прекрасно вижу человеческие эмоции. Но не в этом случае… Он сидел в кресле в углу комнаты, скрестив ноги и обхватив руками колени. Затем доктор Лектер поднялся и погрузил руку во внутренний карман пиджака. При этом он выглядел не менее элегантно, чем извлекающий из кармана зажигалку Джеймс Мейсон. «Не желаете ли стекляшечку амила?» — спросил Лектер. Вот это да, подумал я. Сейчас он даст мне одну ампулу, а затем будет давать вечно, если не хочет лишиться лицензии. Но вы читали отчет и знаете, что это было нечто значительно превосходящее по мощи простой амилнитрит.

— Ангельская пыль[13], кое-какие амфетамины и ЛСД.

— Это была та еще смесь! Лектер между тем подошел к зеркалу, в которое я смотрелся, и что есть силы ударил по нему ногой. Зеркало разбилось вдребезги. Я же в это время парил в небесах. Он поднял осколок побольше, передал мне и, глядя в глаза, поинтересовался, не желаю ли я счистить с лица кожу. После этого он выпустил собак из клетки, и я накормил их мясом со своего лица. Мне потом сказали, что это заняло довольно мно-

---

[13] Примечания: 13
Фенциклидин, наркотик.

го времени. Я ничего не помню. Доктор Лектер с помощью петли сломал мне шею. Промывая собакам желудки в приюте, врачи извлекли мой нос, но прирастить его не сумели.

Услышав эти слова, Старлинг перебирала листки блокнота гораздо дольше, чем до этого.

— Мистер Вергер, после того как доктор Лектер бежал из-под стражи в Мемфисе, ваша семья обещала выплатить большое вознаграждение.

— Да. Миллион долларов. Ровно один миллион. Мы дали объявления по всему миру.

— И вы, насколько мне известно, были готовы платить за любую имеющую к делу информацию, а не только в случае ареста, ведущего к осуждению. Предполагалось, что вы станете делиться информацией с нами. Вы это делали?

— Вообще-то нет, но, строго говоря, не было ничего такого, чем бы стоило делиться.

— Как вы могли это определить? Разрабатывали ли вы самостоятельно какие-нибудь версии?

— Лишь для того, чтобы убедиться в том, что они никуда не ведут. Но с другой стороны, с какой стати мы должны были с вами делиться сведениями? Ваши люди нас никак не информировали. У нас было одно сообщение с Крита, оказавшееся пустышкой, и одно из Уругвая, которое так и не

подтвердилось. Я хочу, мисс Старлинг, чтобы вы поняли — речь идет не о мести. Я простил доктора Лектера точно так, как Наш Спаситель простил римских легионеров.

— Мистер Вергер, вы дали понять Федеральному бюро расследований, что располагаете новыми сведениями.

— Посмотрите в ящике, в дальнем конце стола.

Старлинг достала из сумочки белые нитяные перчатки и натянула их на руки. В ящике стола оказался большой конверт из плотной желтой бумаги. Содержимое конверта было достаточно тяжелым и твердым на ощупь. Старлинг извлекла из конверта рентгеновский снимок и просмотрела его на свет. На рентгенограмме была изображена левая, видимо поврежденная, рука. Старлинг пересчитала пальцы. Пять.

— Взгляните на пясть[14], если понимаете, о чем я говорю.

— Понимаю.

— Пересчитайте костяшки пальцев. Пять суставов.

— С учетом большого пальца у данного лица на левой руке шесть пальцев. Так же как у доктора

---

[14] Примечания: 14

Часть кисти между запястьем и основанием фаланг пальцев.

Лектера.

— Да, как у доктора Лектера.

Угол снимка, там где помещаются дата и номер истории болезни, был аккуратно срезан.

— Откуда пришел пакет, мистер Вергер?

— Из Рио-де-Жанейро. Чтобы получить дополнительные сведения, мне придется платить. И очень много. Не могли бы вы мне сказать, действительно ли это доктор Лектер? Мне надо знать точно, прежде чем расстаться с деньгами.

— Попытаюсь, мистер Вергер. Мы сделаем все, что в наших силах. Сохранилась ли упаковка, в которой поступил снимок?

— Марго хранит ее в пластиковой сумке. Она вам ее передаст. А сейчас, мисс Старлинг, я прошу меня извинить. Я очень устал, и мне требуется кое-какой уход.

— ФБР свяжется с вами, мистер Вергер.

Старлинг не успела как следует отойти от комнаты, как Мейсон прикоснулся языком к крайней трубке и позвал:

— Корделл?

Из игровой комнаты появился человек в медицинском халате и, держа перед собой папку с надписью «Департамент социального обеспечения неимущих детей г. Балтимора», приступил

к чтению.

— Так, значит, его зовут Франклин? Что ж, пусть будет Франклин, — сказал Мейсон и выключил свет.

Маленький мальчик стоял в потоке льющегося с потолка света и, прищурившись, вглядывался во тьму.

До его слуха донесся глубокий вибрирующий голос:

— Ты Франклин? — спросил голос.

— Франклин, — ответил малыш.

— С кем ты живешь, Франклин?

— С мамой, с Ширли и со Стрингбином.

— Стрингбин живет с вами все время?

— Он приходит и уходит.

— Ты сказал «приходит и уходит»?

— Да.

— Мама, Франклин, у тебя не настоящая. Не так ли?

— Нет. Меня ей отдали на воспитание.

— Это ведь у тебя не первая такая мама?

— Не-а…

— Тебе нравится жить в своем доме, Франклин?

— У нас есть Киска, — сразу посветлев, ответил мальчик. — А мама в духовке печет пирожки.

— И давно ты живешь в, мамином доме?

— Не знаю.

— Ты там праздновал свой день рождения?

— Один раз. Ширли сделала мороженое.

— Ты любишь мороженое?

— Клубничное.

— Ты любишь маму и Ширли?

— Я люблю их и Киску.

— Ты хочешь там жить? Тебе не, страшно, когда ты лежишь в кроватке?

— Не-а… Я сплю в одной комнате с Ширли. Ширли — большая девочка.

— Франклин, ты больше не будешь жить с мамой, Ширли и киской, тебе придется оттуда уйти.

— Кто сказал?

— Правительство. Мама осталась без работы, и ей велели тебя отдать, а полиция нашла в вашем доме сигарету из марихуаны. Маму ты видишь последнюю неделю. А также Ширли и киску. Последнюю неделю.

— Да, — ответил Франклин.

— Но может быть, Франклин, это они не хотят тебя больше видеть. Может быть, в тебе что-нибудь не так? Может быть, у тебя на теле нарывы или другие противные вещи? А может быть, тебя

не любят потому, что у тебя слишком темная кожа?

Франклин задрал подол рубашонки и, взглянув на свой крошечный коричневый животик, покачал головой и заплакал.

— А знаешь, что случится с киской? Как зовут киску?

— Киска. Это ее имя.

— Ты знаешь, что случится с Киской? Полицейские заберут ее в кошачий приют, и доктор сделает ей там укол. Тебе делали укол в дневной группе? Медицинская сестра делала тебе укол? Блестящей иглой. Так вот, они сделают укол и Киске. Киска очень испугается, когда увидит блестящую иголку. Они воткнут иголку в Киску. Ей станет очень больно, и она умрет.

Франклин снова поднял полы рубашонки и прижал их к лицу. Одновременно он сунул большой палец в рот, чего по просьбе мамы не делал уже целый год.

— Подойди ко мне, — раздался голос из темноты. — Подойди ко мне, и я скажу, как можно спасти Киску от укола. Ты хочешь, Франклин, чтобы Киске сделали укол? Нет? Тогда подойди ко мне, Франклин.

Плачущий Франклин, не вынимая большой

палец изо рта, медленно двинулся в темноту. Когда он оказался метрах в двух от постели, Мейсон дунул в свою свирель. Вспыхнул свет. Из-за присущей ему смелости, а может быть, желая помочь Киске или понимая, что скрыться некуда, малыш не дрогнул. Он не стал спасаться бегством. Он неколебимо стоял на месте и смотрел на Мейсона.

Мейсон от разочарования мог бы вздернуть брови, если бы таковые у него имелись.

— Ты сможешь спасти Киску от укола, если сам дашь ей съесть крысиный яд, — сказал Мейсон. Шипящее «ш» потерялось, но Франклин все понял.

— Ты противная, старая какашка, — заявил Франклин. — И очень уродская.

С этими словами малыш повернулся, вышел из палаты и зашагал мимо шлангов и хромированных труб назад в игровую комнату.

Мейсон следил за ним по монитору.

Мужчина в белом халате, притворяясь, что читает «Вог», внимательно смотрел на мальчишку.

Игрушки Франклина больше не интересовали. Он уселся под жирафом лицом к стене. Это был единственный способ не сосать большой палец.

Корделл ждал, когда мальчик заплачет. Увидев,

что плечики ребенка начали содрогаться от рыданий, он подошел к малышу и аккуратно вытер слезы стерильной салфеткой. Затем Корделл положил салфетку в бокал, из которого пил свой мартини Мейсон. Бокал стоял в холодильнике игровой комнаты между апельсиновым соком и бутылкой кока-колы.

Глава 10

Отыскать медицинскую информацию, имеющую отношение к доктору Лектеру, было чрезвычайно трудно. Принимая во внимание то глубокое презрение, которое он испытывал ко всем практикующим медикам, удивляться отсутствию у него личного врача не приходилось.

Больница для невменяемых преступников города Балтимора, в которой вплоть до его рокового перевода в Мемфис содержался доктор Лектер, перестала функционировать, и ее обветшалое здание ожидало сноса.

Полиция штата Теннесси, под присмотром которой перед побегом находился доктор Лектер, утверждала, что никогда не получала никаких документов, связанных со здоровьем доктора. Полицейские, доставлявшие его из Балтимора в Мемфис — с того времени они уже успели скончаться, — расписались лишь за заключенного, а не за сопровождавшие его бумаги, Старлинг без всякого толка провела целый день за телефоном и компьютером. После этого она лично облазила помещения для хранения вещественных доказательств как в Квантико, так и в Центре

Эдгара Дж. Гувера. Все утро следующего дня она вдыхала пыль и вонь вещдоков в управлении полиции города Балтимор, а во второй половине дня едва не свихнулась, изучая в Мемориальной юридической библиотеке Фитцхью все еще не систематизированное собрание документов, посвященных доктору Ганнибалу Лектеру. Масса времени в библиотеке ушла впустую на поиски ключей от шкафов.

В конечном итоге она осталась с единственным листком бумаги, на котором излагались результаты поверхностного обследования доктора Лектера, проведенного после его первого ареста полицией штата Мэриленд. Никакой медицинской карты к обследованию не прилагалось.

Инелл Кори сумела пережить крах больницы для невменяемых преступников и теперь успешно трудилась в больничном совете штата Мэриленд. Мисс Кори не пожелала беседовать со Старлинг в своем рабочем кабинете, и они договорились встретиться в кафетерии на первом этаже.

Старлинг, как правило, являлась на место встречи чуть раньше назначенного времени, чтобы спокойно оценить обстановку. Кори проявила пунктуальность и пришла минута в минуту. Она

оказалась дамой крупной и довольно полной. На вид мисс Кори можно было дать лет тридцать пять. Ее бледное лицо несло на себе выражение печали, и на нем не было даже намека на макияж. Никаких украшений Инелл Кори не носила, волосы ее ниспадали почти до талии (прическу она не меняла со школьных лет), на ногах были эластичные медицинские чулки и белые сандалии.

Старлинг не спеша выбирала на стойке для приправ пакетики с сахаром, одновременно наблюдая за тем, как Инелл Кори занимает место за столиком.

Вы всю жизнь можете заблуждаться, думая, что все лютеране выглядят на одно лицо. На самом деле это вовсе не так. Подобно обитателям архипелагов в Карибском море, умеющим отличить один остров от другого, Клэрис Старлинг, взращенная в лютеранской общине, могла определить, к какой ветви вероучения принадлежит Инелл Кори. Церковь Христа, подумала она, а может быть, назарянка.

Старлинг быстро сняла с себя украшения — простой браслет и золотую серьгу из здорового уха. Бросив их в сумочку, она взглянула на часы. Пластиковые. Сойдут. К сожалению, внешность свою она изменить не могла.

— Инелл Кори? Хотите кофе? — спросила Старлинг, подходя с двумя чашками в руках к столику.

— Мое имя произносится Айнелл. Кофе я не пью.

— В таком случае я выпью обе чашки. Может, желаете еще что-нибудь? Я — Клэрис Старлинг.

— Мне ничего не надо. Не могли бы вы показать мне удостоверение личности с фотографией?

— Безусловно, — сказала Старлинг. — Мисс Кори… Могу ли я звать вас Айнелл?

Мисс Кори в ответ лишь пожала плечами.

— Айнелл, мне требуется ваша помощь в деле, которое вас лично абсолютно не касается. Мне нужен гид, который помог бы мне найти медицинские карточки некоторых пациентов Балтиморской больницы для невменяемых преступников.

Айнелл Кори ответила четко и весьма холодным тоном, давая тем самым понять, что ее охватил справедливый гнев.

— Мы уже ответили на все вопросы Наблюдательного бюро штата, мисс…

— Старлинг.

— Мисс Старлинг. Ни один из пациентов не покинул больницы без своей медицинской кар-

ты. Вы без труда можете выяснить, что ни одна медицинская карта в то же время не вышла за стены лечебницы без письменного одобрения руководства. Что же касается личных дел умерших, то, если их не затребовали себе Министерство здравоохранения или демографический отдел управления статистики, мертвые дела… медицинские карты скончавшихся, насколько мне известно, оставались после моего ухода в больнице для невменяемых преступников Балтимора. А я рассталась с больницей одной из последних. Личные дела необъяснимо исчезнувших пациентов направлялись в полицию или в офис шерифа.

— Необъяснимо исчезнувших?

— Тех, кто сбежал. А некоторых похищали опекуны.

— Не мог ли доктор Ганнибал Лектер считаться одним из «необъяснимо исчезнувших»?

— Нет, таковым он считаться никак не мог. Из нашей больницы он никуда не исчезал. Он совершил побег в то время, когда не состоял под нашим наблюдением. Однажды я даже спускалась в подвальный этаж, чтобы показать доктора Лектера сестре, которая приезжала со своими мальчиками. Вспоминая об этом, я начинаю ис-

пытывать отвращение и гнев. Он побудил одного из пациентов брызнуть на нас… — Она понизила голос: — Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Понимаю, — ответила Старлинг. — Мне известно это слово. Обрызгавшего вас пациента, случайно, звали не мистер Миггз? У того была очень твердая рука и точный бросок.

— Я вычеркнула его имя из своей памяти. Но вас я запомнила. Вы приходили в больницу и беседовали с Фред… с доктором Чилтоном. А затем спускались в подвал, чтобы поговорить с Лектером. Это так?

— Да.

Доктор Фредерик Чилтон в свое время являлся директором больницы. Он исчез, находясь в отпуске, и это случилось после бегства доктора Лектера.

— Вы слышали, что Фред исчез?

— Да, слышала.

Мисс Кори произвела на свет несколько светлых слезинок и произнесла:

— Мы были помолвлены. Он исчез, затем закрылась больница, и мне показалось, что на меня обрушились небеса. Я сошла бы с ума, если бы меня не поддержала моя церковь.

— Очень вам сочувствую, — сказала Стар-

линг. — Но сейчас у вас хорошая работа.

— Но у меня нет Фреда. Каким прекрасным человеком он был! Мы любили друг друга, а это так редко случается в наши дни. Вы, наверное, не знаете, что Фред в последнем классе школы был объявлен Учеником года.

— Теперь буду знать. Я хочу спросить у вас, Айнелл, хранил ли Фред досье пациентов в своем кабинете или они находились в приемном отделении, рядом с вашим рабочим местом?

— Они находились в его кабинете. Когда же папок накапливалось слишком много, их переносили в большие шкафы в приемное отделение. Шкафы, как вы понимаете, всегда были на замке. Когда больницу закрыли, много папок временно отправили в подвал, а часть расставили в разных местах.

— Вам приходилось держать в руках досье доктора Лектера?

— Естественно.

— Вы не помните, были ли там рентгеновские снимки? Хранились ли снимки вместе с историями болезни или их держали отдельно?

— Вместе. В одной папке. Снимки размерами часто превосходили размеры папки, и это причиняло массу неудобств. У нас были рент-

генограммы, но часть снимков больничный рентгенолог хранил у себя. Я не помню, где находился снимок доктора Лектера — у нас или у него. У нас была его кардиограмма, и Фред часто демонстрировал пленку посетителям. В тот момент, когда доктор Лектер — я не хочу даже называть его доктором — напал на бедняжку сестру, он был весь опутан проводами кардиографа. Вы не представляете, его пульс, когда он на нее набросился, нисколько не участился. Санитары стали его от нее оттаскивать и сломали ему плечо. Поэтому и пришлось делать снимок. По моему мнению, им не следовало ограничиваться плечом.

— Не могли бы вы мне позвонить, если вспомните, где находится история болезни доктора Лектера?

— Мы проведем то, что именуется… общим поиском, — сказала мисс Кори, с трудом вспомнив термин. — Однако большую часть папок выбросили. Не мы, правда, а люди из подвала.

Наблюдая за тем, как мисс Кори тяжелой поступью покидает кафетерий, Старлинг потягивала кофе. Толстый фаянс чашек потрескался. Чашки протекали, и ей, чтобы не облиться, приходилось все время держать у подбородка салфетку.

Затем Клэрис Старлинг попыталась проанали-

зировать свое состояние. Она чувствовала, что ей в себе что-то не нравится. Может быть, ей просто не хватает стиля? Может быть, ее раздражает собственное безразличие к радующим глаз предметам? Все же скорее всего ей действительно следует обрести свой стиль. Даже высокомерное поведение лучше, чем ничего. Высокомерие — не что иное, как заявление о себе. Другое дело, будет это заявление услышано или нет.

В надежде исправить положение Старлинг попыталась обнаружить в себе признаки снобизма. Из этого, однако, ничего не получилось. Размышляя о стиле, она вспомнила Эвельду Драмго. В этой женщине стиля было больше, чем достаточно. Когда Старлинг это вспомнила, ей вдруг очень захотелось выйти из кафетерия точно такой, какой она была всегда.

Глава 11

Итак, Старлинг оказалась в том же месте, где когда-то начинала, — в больнице для невменяемых преступников города Балтимор, ныне бездействующей. Старое коричневое здание, юдоль скорби, стоит с решетками на окнах, цепями на дверях и испещренными графитти стенами. Оно тоскливо ждет того момента, когда наконец явится чугунный шар, чтобы его разрушить.

Больница начала катиться под откос задолго до того момента, когда во время отпуска исчез ее директор, доктор Фредерик Чилтон. Вскрывшиеся после этого растраты, ошибки в управлении наряду с обветшалостью здания привели к тому, что финансирование больницы было прекращено. Некоторых пациентов перевели в другие лечебные учреждения штата, некоторые из них успели умереть, а часть бродила по улицам Балтимора. Это были жертвы неудачной программы амбулаторного лечения. Вливания торазина превратили их в зомби. И никто не знает, сколько из них погибло от мороза холодными зимними ночами.

Лишь оказавшись перед входом в старое здание, Клэрис Старлинг поняла, что, прежде чем

прийти сюда, она приложила максимальные усилия для того, чтобы исчерпать все другие возможности. Ей очень не хотелось еще раз возвращаться в это место.

Сторож опоздал на сорок пять минут. Это был пожилой мужчина плотного телосложения, со стучащим о мостовую протезом вместо ступни и прической, распространенной в Восточной Европе. Стригся он, судя по виду его волос, дома. Хрипло дыша, страж провел Старлинг к боковой двери, расположенной на несколько ступеней ниже уровня тротуара. Вандалы давным-давно украли врезной замок, и дверь была закреплена цепью с двумя висячими замками. Старлинг обратила внимание на то, что звенья цепи покрыты толстым слоем пыли. Торчащая из трещин на ступенях трава щекотала ее лодыжки. Сторож долго возился с ключами. День клонился к вечеру, небо было затянуто облаками, и предметы не отбрасывали тени.

— Я не есть знающий здание хорошо. Я всего лишь проверять пожарный тревог.

— Вы не знаете, где могут храниться документы? Не видели шкафов с папками или отчетами?

— После госпиталь они здесь еще несколько месяцев чего-то лечить. Отнесли все в подвал.

Кровати, белье и еще что-то. Не знаю что. Там, где низ, есть очень плехо для моей астма. Плесень. Очень плехой плесень. Матрасы покрывать плесень, кровать тоже покрывать. Я не мочь там дышать. А ступени — целый ад для ног. Я вам все показать бы, но…

Старлинг была бы рада даже обществу старца, но он слишком замедлил бы все действия.

— Не надо. Отправляйтесь к себе. Где ваша база?

— Дальше по кварталу. Там, где раньше быть бюро выдачи шоферский лицензия.

— Если я не вернусь через час…

— Рабочий день кончаться мне через полчаса, — сказал он, бросив взгляд на часы.

С этим проклятым восточноевропейским подходом надо кончать!

— Вы, сэр, будете ждать меня в вашей конуре с вашим комплектом ключей. Если я не вернусь через час, позвоните по номеру, напечатанному на этой карточке, и сообщите о том, куда я направилась. Если вас не окажется на месте, когда я вернусь, если вы закроете контору и уйдете домой, я лично доложу об этом вашему начальнику. Кроме того… Кроме того, вас проверит налоговая служба, а Бюро иммиграции и… натурализации

снова обратится к вашему делу. Вы меня поняли? Я хотела бы услышать ваш ответ, сэр.

— Я обязательно стать вас ждать. Само собой. Вам не надо говорить такой вещь.

— Весьма вам признательна, сэр.

Сторож, цепляясь большими руками за железные перила, вытащил себя на тротуар. Старлинг слышала, как постепенно затихает неровный стук его протеза. Она толчком открыла дверь и оказалась на площадке пожарной лестницы. Через высокие, закрытые решетками окна лестничной клетки едва пробивался серый свет. Старлинг не знала, как поступить: повесить ли на цепь замки или оставить дверь открытой, на тот случай, если потеряются ключи. В конечном итоге она пришла к компромиссу и завязала цепь узлом.

В прошлый раз, когда ей предстояла встреча с доктором Лектером, Старлинг входила через главный вход, и сейчас ей прежде всего надо было определить, где она находится.

По пожарной лестнице Старлинг вскарабкалась на первый этаж. Матовые стекла почти совсем не пропускали свет, и в помещении царила полутьма. С помощью своего мощного ручного фонаря она отыскала выключатель и зажгла верхний

свет. В искореженной, косо висевшей люстре загорелись три лампы. На столе регистратора лежал пучок растрепанных телефонных проводов.

Вандалы с распылителями черной краски не оставили своим вниманием первый этаж. На стене приемного отделения был изображен восьмифутовый фаллос с мошонкой, под которым стояла подпись: ФАРОН МАМА, ПОДРОЧИ МЕНЯ.

Дверь в кабинет директора была нараспашку. Старлинг остановилась на пороге. Именно сюда пришла она, выполняя первое задание ФБР. Тогда она еще училась и свято верила во все, что ей вдалбливали в голову. Она считала, что если ты хорошо справляешься со своим делом, умеешь выполнять работу с минимальными затратами средств и сил, ты будешь востребован и принят в команду вне зависимости от национальности, расы, вероисповедания или цвета кожи. При этом не будет иметь значения, ходил ли ты в ту же школу, в которой учились твои коллеги, или нет. Теперь же из всего символа веры у Старлинг сохранился лишь один пункт. Она верила в то, что способна выполнить любую работу с минимальными затратами сил и средств.

На этом месте директор больницы Чилтон предложил ей свою сальную руку. Здесь он под-

слушивал и пытался обмениваться секретами. Именно здесь, считая себя таким же умным и ловким, как Ганнибал Лектер, он принял решение, позволившее Лектеру бежать, прихватив с собой столько жизней.

Стол Чилтона остался на месте, но стул украли, поскольку его малые размеры позволяли это сделать. Ящики стола были пустыми, если не считать одной раздавленной таблетки алка-зельцер. В кабинете остались два шкафа с выдвижными ящиками для хранения досье. Ящики были снабжены примитивными замками, и бывший технический агент Клэрис Старлинг открыла их менее чем за минуту. В нижнем ящике обнаружились сухой сандвич в бумажном пакете и три бланка опросного медицинского листа. В другом ящике оказались таблетки, придающие дыханию свежесть, тюбик тоника для волос, расческа и несколько презервативов.

Мысли Старлинг обратились к подземному, похожему на темницу этажу лечебницы, где доктор Лектер провел восемь долгих лет. Ей страшно не хотелось туда спускаться. Вообще то можно было воспользоваться сотовым телефоном и попросить городских полицейских отправиться в подвал вместе о ней. Можно было обратиться и

в местное отделение ФБР, чтобы оттуда выслали агента. Однако день неуклонно катился к вечеру, и, даже отправившись в путь немедленно, ей не избежать автомобильных пробок, которые возникают в час пик на дороге в Вашингтон. Если потерять время на ожидание подмоги, то шоссе будет забито машинами еще сильнее.

Несмотря на толстый слой пыли, она присела на край стола, за которым когда-то восседал Чилтон. Надо подумать. Действительно ли она не верит в то, что в подвале хранятся истории болезни, или ей просто не хочется возвращаться туда, где она впервые встретила Ганнибала Лектера?

Если Клэрис Старлинг и приобрела какие-нибудь навыки за время своей карьеры в органах охраны правопорядка, то это прежде всего был навык не искать приключений на свою голову. Ощущение ужаса не возбуждало, и сейчас ей вовсе не хотелось снова пережить страх, который она испытала когда-то. Но с другой стороны, в подвале все же могли находиться нужные ей досье. Это можно выяснить уже через пять минут.

Старлинг хорошо помнила, как лязгали за ее спиной металлические двери, когда она шагала по коридору подвала много лет назад. На тот случай, если сейчас кто-то вдруг решит захлопнуть

за ней дверь, она связалась с балтиморским отделением ФБР, сказала, где находится, и обещала через час сообщить, что вышла на поверхность.

На той лестнице, по которой много лет назад ее вел в подвалы Чилтон, электричество еще работало. Здесь, на этих ступенях, он рассказывал ей о мерах предосторожности, к которым приходится прибегать при общении с доктором Лектером. Под этой лампой они остановились, и директор лечебницы показал ей, вынув из бумажника, фотографию медсестры, язык которой откусил и проглотил Ганнибал Лектер, когда его собирались подвергнуть медицинскому обследованию. Если доктору Лектеру при усмирении сломали плечо, то рентгенограмму ему должны были сделать обязательно.

Старлинг вдруг ощутила на шее дуновение ветерка, словно где-то открылось окно.

На лестничной площадке она увидела коробку из-под гамбургера из «Макдоналдса» и несколько бумажных салфеток. Там же валялась грязная, когда-то содержавшая бобы банка. Еда отбросов общества. В углу у стены воняла куча человеческих экскрементов и лежали еще несколько салфеток. На нижней площадке лестницы освещение уже не работало. Тяжелая металлическая

дверь, ведущая в палату буйных больных, была распахнута и удерживалась крючком у стены. Ручной фонарь Старлинг с пятью батарейками давал мощный широкий поток света.

Она направила луч в длинный коридор бывшего отделения максимально строгого режима. В дальнем конце коридора виднелось нечто массивное. Как странно видеть двери камер открытыми, подумала Старлинг. Пол коридора был усыпан пакетами от хлеба и бумажными стаканчиками. На столе санитара стояла закопченная банка из-под колы. Она определенно служила заменителем трубки для курения крэка.

Старлинг дважды обвела лучом место, где когда-то сидел санитар. Ничего. Затем она достала мобильный телефон. Красный глазок в темноте светился особенно ярко. Под землей телефон был совершенно бесполезен, но Старлинг громко произнесла в аппарат:

— Барри, подгони грузовик к боковой двери. Захвати прожектор. Чтобы поднять некоторые вещи, нам потребуются лебедки… Да, да. Спускайся ко мне.

Убрав телефон, Старлинг обратилась в темноту:

— Слушайте меня внимательно. Я — сотруд-

ник федеральной службы. Если вы живете здесь нелегально, то можете сейчас уйти. Я не стану вас арестовывать. Вы мне не нужны. Меня не волнует, вернетесь или не вернетесь вы сюда после того, как я завершу свои дела. В данный момент вы должны выйти из своих укрытий. Если вы попытаетесь помешать моим действиям, то рискуете получить серьезные телесные повреждения, так как я всажу пулю вам в зад. Благодарю за внимание.

Ее голос гремел в том самом коридоре, где множество человеческих существ, срывая голоса в бессмысленных воплях, когда-то грызли беззубыми деснами железные решетки своих камер.

Старлинг вспомнила уверенность, которую придавало ей присутствие здоровенного санитара по имени Барни, когда она приходила для бесед с доктором Лектером. Припомнила она и ту забавную вежливость, с какой общались между собой Ганнибал Лектер и санитар Барни. Сейчас Барни рядом не было. В мозгу стучали какие-то обрывки оставшихся в памяти еще со школьных времен слов. Приученная к дисциплине мысли, Старлинг заставила себя вспомнить их целиком:

Всплывает в памяти звучание

Шагов, что мы не совершали,
К вратам, что мы не открывали,
Вратам, ведущим в райский сад.

Райский сад, не иначе. На что, на что, но уж на райский сад это место точно не похоже.

Старлинг, которую в последнее время все средства массовой информации активно толкали на то, чтобы возненавидеть оружие и саму себя, прикоснулась к рукоятке пистолета. Это прикосновение доставило ей удовольствие. Держа «кольт» сорок пятого калибра у ноги стволом вниз и направив луч света вперед, она внимательно вгляделась в коридор. Контролировать оба фланга одновременно было чрезвычайно трудно, в то же время она не имела права оставить кого-нибудь у себя в тылу. Издалека до нее доносился звук капели.

В некоторых камерах были штабелями сложены разобранные на части кровати, в других — матрасы. В центре коридора стояла вода, и Старлинг, заботясь, как всегда, о сохранности туфель, постоянно переходила с одной стороны неширокой, но длинной лужи на другую. Она вспомнила совет, который дал ей Барни в то время, когда все камеры были заняты. *Старайтесь*

идти точно по середине коридора, мисс.

Это действительно были шкафы для хранения папок. Они стояли вдоль коридора, до самого его конца. В луче фонаря шкафы имели унылый оливковый цвет.

Здесь же находилась и клетка, в которой сидел Вездессущий Миггз. Старлинг больше всего ненавидела это место. Когда она проходила мимо Миггза, тот шептал ей всякие гнусности и брызгал жидкостью, которая в этот момент оказывалась у него под рукой. Вездессущего Миггза убил доктор Лектер, приказав проглотить собственный язык. После смерти Миггза камеру занял Сэмми. Доктор Лектер побуждал Сэмми писать стихи. Даже сейчас Старлинг слышала, как Сэмми ревет свои вирши:

Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ,
Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ.
Я СМАГУ УЙТИ С ИССУССАМ,
ЕСЛИ БУДУ ХАРАШО СИБЯ ВЕСТИ.

Она еще где-то хранила нацарапанный карандашом текст.

Клетушка теперь была забита матрасами и связанным в узлы постельным бельем.

И вот наконец камера-клетка доктора Лектера.

Прочный стол, за которым он читал, как и прежде, был привинчен к полу в центре камеры. Доски с книжных полок исчезли, но металлические кронштейны продолжали торчать из стены.

Ей следовало начать искать историю болезни, но она не могла оторваться от созерцания клетки. Ведь именно здесь и состоялась самая замечательная встреча в ее жизни. Именно здесь она была потрясена, шокирована, изумлена.

В этой клетке она услышала слова о себе. Слова настолько правдивые, что они и по прошествии стольких лет иногда колоколами звенели в ее сердце.

Девушке захотелось войти в камеру. Она испытывала непреодолимое желание перешагнуть через порог. Так нас иногда тянет к себе вода под высоким мостом или тусклый блеск рельс при звуках приближающегося поезда.

Старлинг осветила пространство вокруг себя, заглянула за шкафы и бросила луч света в ближайшие камеры.

Любопытство все же заставило ее перешагнуть через порог. Она остановилась в центре клетки, в которой доктор Лектер провел целых восемь лет своей жизни. Она стояла на том месте, где когда-то стоял он. Старлинг казалось, что она

вот-вот испытает прежний трепет, однако ничего подобного не произошло. Положив пистолет и фонарь на стол, она оперлась на столешницу, но не почувствовала под ладонями ничего, кроме неровностей и россыпи каких-то крошек.

Девушка была разочарована. Без своего обитателя камера оказалась столь же пустой и никчемной, как сброшенная змеей старая кожа. Однако перед ней вдруг открылась простая истина — смерть и опасность не обязательно являются в своих нарядах. Они могут прийти к вам с нежным дыханием любимого. Или солнечным днем на рыбном рынке с мелодией «Макарены», гремящей в мощных динамиках.

Однако к делу. Ряд шкафов вытянулся на три метра. Всего четыре шкафа высотой до подбородка. В каждом шкафу пять ящиков с одним общим замком справа вверху. Впрочем, все замки открыты.

Ящики были забиты историями болезней. Все документы хранились в папках или конвертах. Старые папки из картона под мрамор были потерты и помяты. Конверты из манильской бумаги, напротив, выглядели совсем новыми. Сведения о состоянии здоровья давно умерших людей уходили в прошлое до 1932 года — года открытия

лечебницы. Истории болезней были расставлены в алфавитном порядке, хотя некоторые материалы лежали навалом позади стоящих папок. Старлинг быстро просматривала ящики, держа тяжелый фонарь над плечом и перебирая пальцами свободной руки папки. Она очень жалела, что не захватила с собой маленький фонарик, который можно было бы держать в зубах. Разобравшись немного в системе хранения, Старлинг пропустила все ящики от «Д» до «К» (в последнем дел был очень мало) и сразу обратилась к «Л». А вот и он! Лектер, Ганнибал.

Она вытащила на свет конверт из плотной желтой бумаги и на ощупь попыталась определить, есть ли в нем рентгеновская пленка. Ничего не нащупав, Старлинг положила конверт поверх других досье, открыла и обнаружила, что он содержит историю болезни покойного И. Дж. Миггза. Будь он проклят! Миггз, похоже, намерен преследовать ее и из могилы. Бросив историю болезни на шкаф, она принялась лихорадочно разыскивать досье самого Миггза. Конверт стоял на своем месте в строго алфавитном порядке. Но он был пуст. Ошибка в расстановке? Может быть, кто-то случайно поместил документы Миггза в конверт Лектора? Клэрис просмотрела всю букву

«М», надеясь отыскать личное дело без папки. Ничего. Старлинг вернулась к букве «Д». Она вдруг начала испытывать какую-то смутную тревогу. Ее все сильнее начинал беспокоить запах. Сторож был прав. В этом месте невозможно дышать. Едва успев просмотреть половину папок на букву «Д», Старлинг почувствовала, что вонь резко усилилась… и продолжает усиливаться.

Позади нее послышался тихий всплеск, и она повернулась с занесенным для удара фонарем. Свободная рука упала на рукоятку пистолета. В луче света перед ней предстал высокий мужчина в неимоверно грязных лохмотьях. Одной безобразно распухшей ногой он стоял в луже. Левую руку мужчина вытянул в сторону, а в правой держал тарелку с отбитым краем. Ноги бедняги от бедра до ступней были завернуты в грязные тряпки.

— Привет, — произнес он, едва ворочая не помещающимся во рту языком.

Даже с расстояния пяти футов Старлинг почувствовала исходящее из его пасти зловоние. Отпустив пистолет, она сунула руку за пазуху в поисках газового баллончика.

— Привет, — сказала она. — Вас не затруднит отойти немного и стать вон там, за решеткой?

Человек и не подумал двинуться с места.

— Ты Иссусс? — спросил он.

— Нет, я не Иисус, — ответила Старлинг. Этот голос… Она его когда-то слышала.

— Ты — Иссусс! — радостно возопил человек.

Этот голос… Вспоминай, Клэрис, вспоминай.

— Привет, Сэмми, — сказала она. — Как поживаешь? Я только что думала о тебе.

Что она знает о Сэмми? Старлинг никак не могла извлечь из недр памяти столь неожиданно потребовавшуюся информацию.

Положил на блюдо для сбора подаяний голову своей матери, когда вся конгрегация распевала: «Отдай своему Господу самое для тебя дорогое». Заявил, что это самая большая его драгоценность. Произошло в какой-то придорожной баптистской церкви. Услышав это, доктор Лектер сказал: «Все из-за того, что Христос запаздывает».

— Ты Иссусс? — на сей раз жалостно спросил Сэмми. Он опустил руку в карман и извлек оттуда окурок. Это был прекрасный чинарик — почти полсигареты. Сэмми положил окурок на разбитую тарелку и протянул тарелку Старлинг.

— Прости, Сэмми, но я не… я…

Сэмми, осознав, что она не Иисус, побагровел от

ярости и заорал так громко, что влажный воздух начал вибрировать, отражаясь многоголосым эхом от стен.

Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ,
Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ.

Он занес над головой разбитую тарелку, как мотыгу, острым краем вниз и сделал шаг в направлении Старлинг. Теперь обе его ноги оказались в воде. Лицо Сэмми исказилось, а свободная, вытянутая вперед рука стала царапать разделяющую их пустоту.

За спиной Старлинг были шкафы.

— СЭММИ СМОЖЕТ С НИМ УЙТИ… ЕСЛИ БУДЕТ ХОРОШО СЕБЯ ВЕСТИ, — произнесла Старлинг громко и четко, так, словно звала Сэмми издалека.

— Угу… — спокойно сказал Сэмми и остановился. Старлинг не глядя порылась в сумке и нащупала шоколадку.

— Сэмми, у меня есть «Сникерс». Ты любишь «Сникерс»?

Сэмми ничего не ответил.

Старлинг положила сладость на конверт и протянула его Сэмми так, как он протягивал ей разбитую тарелку.

Он откусил лакомство, не снимая обертки. Затем, выплюнув бумагу, он снова впился зубами в «Сникерс», отхватив на сей раз добрую половину.

— Сэмми, сюда кто-нибудь приходил?

Не обращая внимания на вопрос, он положил остатки шоколадки на тарелку и скрылся за горой матрасов в своей бывшей камере.

— Что это такое? — спросил женский голос. И тут же: — Спасибо, Сэмми.

— Кто вы? — поинтересовалась Старлинг.

— Не твое собачье дело, — ответил тот же голос.

— Вы живете здесь вместе с Сэмми?

— Конечно, нет. Я пришла к нему на свидание. Не могла бы ты оставить нас в покое?

— Скоро оставлю. Но ответьте вначале на мой вопрос. Давно ли вы сюда приходите?

— Две недели.

— Здесь еще кто-нибудь бывает?

— Приходили какие-то бездельники, но Сэмми их прогнал.

— Сэмми вас охраняет?

— Жрет со мной и узнает от меня, что происходит. Я ведь могу хорошо ходить. Могу доставать харч. А он стережет место, где можно безопасно

пожрать. Много народа так устраивается.

— Вы получаете помощь по какой-нибудь программе? Хотите получать? Если хотите, то я могу вам помочь. Вам и Сэмми.

— Он через это прошел. Вышел в мир, а попал в дерьмище. Вот и пришлось ему возвращаться к тому, что хорошо знает. Что ты ищешь? Чего тебе надо?

— Кое-какие папки.

— Если их здесь нет, то, значит, их кто-то спер. Ума, что ли, не хватает самой сообразить?

— Сэмми? — позвала Старлинг. — Сэмми…

Сэмми не откликнулся.

— Он дрыхнет, — сказала его подруга.

— Если я оставлю деньги, вы купите себе еды? — спросила Старлинг.

— Нет. Я куплю выпивку. Еду и так можно добыть. А выпивку на халяву не получишь. Когда будешь уходить, смотри, чтобы дверная ручка не врезала тебе по жопе.

— Я положу деньги наверху на стол.

Она припомнила, как чуть ли не бежала, выйдя первый раз из камеры доктора Лектера. Каким усилием воли она тогда себя сдерживала! И каким оазисом покоя показалось ей тогда рабочее место санитара Барни!

В тусклом свете лестничной клетки она извлекла из бумажника купюру в двадцать долларов, положила ее на поцарапанный и такой одинокий стол Барни, придавив бумажку пустой винной бутылкой. Затем, развернув пластиковую сумку, Старлинг сложила в нее конверт с именем Лектера, хранившим историю болезни Миггза, и пустой конверт с именем Миггза.

— Прощай, Сэмми, — сказала она человеку, который, повращавшись в мире, вернулся в столь хорошо знакомый ему ад. Старлинг очень хотелось сказать Сэмми, что Иисус скоро придет. Однако, решив, что это будет выглядеть по меньшей мере глупо, она поднялась по лестнице, чтобы продолжить свое вращение в мире.

Глава 12

Если на пути в преисподнюю имеются остановки, то они наверняка похожи на вход в приемный покой неотложной помощи многопрофильной больницы штата Мэриленд. Сквозь замирающий вой сирен машин «скорой помощи» до слуха доносились вой умирающих людей, звон стекла на аппаратах внутривенного вливания, скрип колес, крики и вопли. Пар, вырывающийся из водопроводных колодцев и озаряемый неоновым светом вывески «СКОРАЯ ПОМОЩЬ», в темноте был похож на огненный столп самого Моисея, превращаясь днем снова в обыкновенные белые клубы.

Барни выступил из такого облака. Поводя могучими плечами под несколько узким для него пиджаком и наклонив вперед голову с коротко стриженными волосами, он широко шагал по разбитому тротуару на восток навстречу утру.

С работы он ушел на двадцать пять минут позже, чем обычно. Полиция доставила сутенера с огнестрельным ранением и под крутым кайфом. У парня была профессиональная склонность бить женщин, и сестры попросили Барни задержаться.

Они всегда просили его остаться, когда в больницу доставляли буйного пациента.

Клэрис Старлинг следила за Барни из-под низко опущенного капюшона куртки. Девушка позволила санитару пройти половину квартала, а сама осталась на противоположной от него стороне улицы. Затем, повесив на плечо сумку, она двинулась следом за ним. Когда Барни миновал парковку и прошел мимо автобусной остановки, Старлинг почувствовала себя лучше. Слежку за Барни легче было вести на ногах. Она не знала, где санитар живет, и это следовало выяснить, прежде чем он ее заметит.

Кварталы вокруг больницы считались тихими, и их заселяли в основном «синие воротнички» самых разных оттенков кожи. Это был район, где на руль автомобиля следовало ставить замок, но снимать и уносить аккумулятор на ночь необходимости не было. Дети в этой округе все еще могли играть на улице.

Барни прошагал три квартала и, пропустив съезжающий на перекрестке с тротуара микроавтобус, свернул на север, на улицу, застроенную небольшими домами. К дверям некоторых домов вели потертые мраморные ступени, а перед иными зданиями даже зеленели небольшие лу-

жайки. Витрины немногих стоявших на улице магазинов были в полном порядке, и с них еще не успели смыть мыльную пену. Впрочем, лавки уже начали открываться, и из них выходили первые покупатели. Из-за поставленных на ночь по обеим сторонам улицы грузовиков Старлинг целых полминуты не могла видеть Барни, а когда увидела, то поняла, что тот остановился и теперь находится точно против нее. Она не могла сказать, заметил ее Барни или нет.

Санитар стоял, засунув руки в карманы пиджака, и внимательно наблюдал за каким-то движением посередине проезжей части. На мостовой лежал мертвый голубь, одно его крылышко трепетало под порывами ветра от проезжающих машин. Дружок или подружка мертвой птицы описывал бесконечные круги вокруг трупика, скосив на него круглый глаз. Головка голубя подергивалась в такт шагам розовых ножек. Птица вышагивала круг за кругом, тихо воркуя какие-то голубиные нежности, По улице проехали пара грузовиков и несколько легковых автомобилей, а переживший трагедию голубь практически не обращал на них внимания, отлетая в сторону в самый последний миг.

Старлинг не знала, видел ее Барни или нет. Но

если она не хочет, чтобы он ее наверняка увидел, следует идти дальше. Бросив взгляд назад через плечо, она успела заметить, что Барни сидит на корточках посередине улицы, останавливая высоко поднятой рукой движение.

Старлинг свернула за угол, сняла с себя куртку с капюшоном и извлекла из емкой мягкой сумки фирмы «Тот» свитер, спортивную сумку и бейсбольную кепку. Затолкав ненужные вещи в спортивную сумку и запрятав волосы под бейсболку, она снова вышла на улицу, влившись в стайку возвращающихся с работы уборщиц.

Барни стоял на тротуаре, держа мертвую птицу в сложенных ковшиком ладонях. Друг или подруга голубя, сидя на проводах над головой человека, негромко попискивал. Барни положил трупик на траву лужайки и разгладил на нем перышки. Затем он поднял лицо к сидящей на проводах птице и что-то сказал. Когда человек продолжил путь, оставшийся в живых голубь слетел на лужайку и начал, шагая по траве, выписывать свои бесконечные круги вокруг тела. Барни не оглядывался. Когда он, прошагав еще метров сто, поднялся по ступеням, ведущим к двери дома, и стал рыться в кармане, отыскивая ключи, Старлинг сделала рывок на полквартала, чтобы успеть перехватить

его прежде, чем он скроется за дверью.

— Эй, Барни! Привет!

Барни, не очень чтобы спеша, повернулся и посмотрел на нее сверху вниз. Старлинг совсем забыла о том, что глаза у Барни расставлены неестественно широко. Сейчас она увидела в них ум и вдруг ощутила, как между ней и этим человеком возникло взаимопонимание.

Она сдернула бейсболку, позволив волосам рассыпаться по плечам.

— Я — Клэрис Старлинг. Помните меня? Я…

— А, правительство… — произнес Барни, не проявляя никаких эмоций.

Старлинг сложила перед собой ладони и, кивнув, ответила:

— Точно. Я — правительственный агент, Барни, и мне необходимо с вами поговорить. Беседа будет неформальной. Надо кое-что выяснить.

Барни неторопливо спустился по ступеням. Теперь он стоял на ведущей к дому асфальтированной дорожке перед Старлинг, а та, задрав голову, смотрела ему в лицо. Ее не смущал рост Барни — рост, способный испугать любого мужчину.

— Не могли бы вы, офицер Старлинг, признать вслух, для протокола, что я не поставлен вами в

известность о своих правах? — Его голос оказался высоким и чуть грубоватым, как у Тарзана в исполнении Джонни Вайсмюллера.

— Никаких проблем. Я не провозгласила формулу Миранды[15]. Признаю это официально.

— А теперь скажите то же самое в свою сумку.

Старлинг открыла сумку и произнесла в нее четко и громко, словно обращалась к спрятавшемуся там троллю:

— Я не прочитала Барни формулу Миранды, и Барни не знает своих прав.

— Там дальше есть местечко, где подают отличный кофе, — сказал Барни. — Сколько шапок в вашей сумке? — поинтересовался великан, когда они двинулись в направлении кафе.

— Три, — ответила Старлинг.

Мимо них проехал автобус, номерные знаки которого говорили о том, что машина предназначена для перевозки инвалидов. Старлинг чувствовала, что пассажиры автобуса пялятся на нее. Она знала, что инвалиды частенько бы-

---

[15] Примечания: 15

По решению Верховного суда США (1966 г.) полицейский или другой представитель правоохранительных органов при задержании подозреваемого или преступника обязан зачитать ему права о том, что задержанный имеет право молчать, т.к. все сказанное может быть использовано в суде против него. Эти слова и называются «формулой Миранды».

вают сексуально озабоченными, и считала, что несчастные молодые люди имеют полное право проявлять эту озабоченность. Юные пассажиры проехавшего вслед за автобусом автомобиля тоже косились на нее, но молчали, видимо, опасаясь Барни. Все происходящее за стеклами машин привлекало внимание Старлинг (она опасалась мести Крипсов), однако молчаливое раздевание взглядом опасности не представляло.

Когда Барни и Старлинг входили в кафе, инвалидный автобус выкатился задом из подъездной аллеи и отправился в обратный путь.

Им пришлось ждать, пока не освободится место в отдельной кабинке. Заведение, где посетители заказывали в основном яичницу с беконом, было забито до отказа. Темноволосый официант что-то кричал повару на хинди. А повар с виноватым видом тыкал большими вилками в кусок мяса на гриле.

— Давайте подкрепимся, — сказала Старлинг. — Дядя Сэм платит. Как дела, Барни?

— На работе все в порядке.

— Чем занимаетесь?

— Старший санитар.

— Я думала, что вы уже фельдшер, что кончили медицинский колледж.

Барни пожал плечами, потянулся к молочнику и, глядя Старлинг в глаза, спросил:

— Они хотят наехать на вас за Эвельду?

— Посмотрим. Вы ее встречали?

— Видел однажды, когда к нам доставили ее мужа. Дижона… Он умер. Потерял много крови еще до того, как его сунули в карету. Уже ничего нельзя было сделать. Она не хотела, чтобы его увозили, и попыталась завязать драку с медсестрами. Мне пришлось… Ну вы знаете… Красивая женщина. И очень сильная. К нам ее не доставляли, после того как…

— Не было необходимости, ее объявили мертвой на месте события.

— Я так и думал.

— Барни, после того, как вы передали доктора Лектера людям из Теннесси…

— Они с ним обращались очень грубо.

— После того, как вы…

— Они все уже мертвы.

— Знаю. Его тюремщики сумели прожить лишь три дня. Вы, охраняя доктора Лектера, смогли продержаться восемь лет.

— Шесть. Два года он был там до меня.

— Как вам это удалось, Барни? Скажите, если вас не раздражает мой вопрос, как вы ухитрились

пробыть рядом с ним столько времени? Ведь для этого одного вежливого обращения мало.

Барни внимательно изучил свое отражение в ложке — сначала в вогнутой стороне, а затем в выпуклой. Подумав еще немного, он ответил:

— Доктор Лектер обладал прекрасными манерами. Он никогда не бывал груб — всегда держался легко и элегантно. Я в то время учился заочно, и доктор Лектер делился со мной своими знаниями. Это совершенно не означало, что он не убил бы меня, если бы ему представилась такая возможность — одна сторона личности совершенно не исключает и других ее сторон. Они могут сосуществовать бок о бок. Добро и зло. Сократ сформулировал эту мысль гораздо удачнее. В заведении строгого режима об этом нельзя забывать ни на миг. Если это постоянно держать в памяти, с вами ничего не случится. Доктор Лектер, возможно, пожалел о том, что познакомил меня с Сократом.

Для Барни, не пострадавшего от избытка формального образования, Сократ явился откровением, со всеми привлекательными чертами нового знакомого.

— Строгий режим и беседы — совершенно отдельные вещи, — продолжал он. — А в строгости

режима нет ничего личного, даже в тех случаях, когда я был вынужден лишать доктора Лектера почты или надевать на него смирительную рубаху.

— Вам часто приходилось беседовать с доктором Лектером?

— Иногда он месяцами не произносил ни слова, а иногда мы говорили всю ночь, после того как стихали крики. По правде говоря, я учился по переписке и в целом тратил время попусту — мир открыл для меня он, доктор Лектер. Он познакомил меня не только с Сократом, но и со Светонием, Гиббоном[16], другими…

Барни взял в руку чашку, на тыльной стороне его ладони Старлинг увидела широкую оранжевую полосу от бетадина.

— Вам не приходило в голову, что после побега он может попытаться вас убить?

— Он как-то сказал мне, — покачивая головой, ответил Барни, — что предпочитает, насколько это возможно, поедать грубиянов. Он называл их «отмороженными хамами».

Барни рассмеялся, что являло собой весьма редкое зрелище. У него были мелкие детские зубы,

---

[16] Примечания: 16

Светоний, Гай Транквилл (ок. 70 — ок. 140) — римский историк и писатель. *Гиббон, Эдуард* (1737–1794) — английский историк.

а смех для взрослого мужчины звучал несколько нездорово. Так смеются младенцы, пуская струю жидкой каши в физиономию противного дядьки.

У Старлинг даже появилась мысль, что Барни провел в обществе психов времени больше, чем надо.

— А как насчет вас? Вы не чувствовали… ммм… страха, когда он убежал? Вы не боялись, что он явится за вами? — спросил Барни.

— Нет.

— Почему?

— Он сказал, что этого не сделает.

Как ни странно, но ответ казался исчерпывающим для обоих.

Им принесли заказ. Барни и Старлинг проголодались и некоторое время ели молча. Затем…

— Барни, когда доктора Лектера переводили в Мемфис, я попросила вас отдать мне рисунки, сделанные им в палате, и вы их мне принесли. Что случилось с его другими вещами? Книгами… Записями… В больнице даже не сохранилась его история болезни.

— Там был большой шум. — Он сделал паузу для того, чтобы постучать донышком солонки о ладонь. — В больнице был большой шум, я хочу

сказать. Меня уволили. И еще кучу народу. А пожитки больных куда-то подевались. Трудно сказать…

— Простите, — прервала его Старлинг. — Я не совсем расслышала, что вы тут толковали о беспорядке в больнице. Но не в этом дело. Только вчера вечером я узнала, что «Кулинарный словарь» Александра Дюма, с пометками и записями доктора Лектера, был выставлен на частном аукционе в Нью-Йорке два года назад. Он ушел в частную же коллекцию за шестнадцать тысяч долларов. В официальном подтверждении о собственности стояло имя «Кэри Флокс». Вы знакомы с этим «Кэри Флоксом», Барни? Надеюсь, что да, потому что ваше заявление с просьбой о зачислении на работу в больницу было написано рукой этого типа, но подписано «Барни». Да и налог с продажи почему-то платили вы. Простите, но я совсем забыла, что вы сказали раньше. Не начать ли нам снова? Итак, сколько вы заработали на книге, Барни?

— Около десяти.

— Верно, — согласилась Старлинг. — На квитанции указано десять пятьсот. Сколько вы получили от «Тэтлер» за интервью, которое вы дали после бегства доктора Лектера?

— Пятнадцать штук.

— Круто. Прекрасно для вас. Вы сами сочинили ту ахинею, которую вешали на уши журналистам?

— Я знал, что доктор Лектер не стал бы протестовать. Более того, он был бы разочарован, если бы я их не облапошил.

— Он напал на медсестру до того, как вы поступили в балтиморскую лечебницу?

— Да.

— У него был перелом плеча?

— Да, насколько мне известно.

— Была ли сделана рентгенограмма?

— Скорее всего да.

— Мне нужна эта пленка.

— Хм-м…

— Я выяснила, что все автографы доктора Лектера были рассортированы на две группы: те, которые написаны чернилами до заключения, и те, которые написаны карандашом или мягким фломастером в лечебнице. Вторая группа стоит дороже, но думаю, Барни, вы знаете это и без меня. Уверена, что все бумаги у вас, Барни, и полагаю, что вы намерены в течение нескольких лет распродавать их по частям на аукционах автографов.

Барни в ответ лишь молча пожал плечами.

— Полагаю, что вы ждете, когда доктор Лектер снова окажется горячим блюдом для средств массовой информации. Какова ваша цель, Барни? Чего вы хотите?

— Прежде чем я умру, я хочу увидеть все картины Вермера[17].

— Есть ли необходимость спрашивать, от кого вы узнали о Вермере?

— В ночных беседах мы обсуждали множество предметов.

— Вы не говорили о том, что он намерен делать после того, как станет свободным?

— Нет, доктор Лектер не строил гипотез. Он не верит ни в силлогистику, ни в синтез, ни в абсолют.

— Во что же он верит?

— В хаос. Но в хаос даже не надо верить. Он самоочевиден.

Старлинг решила немного подыграть Барни.

— Вы сказали это так, словно сами верите в это, — сказала она. — Но ведь ваша работа в лечебнице состояла в том, чтобы поддерживать порядок. Вы были старшим санитаром. Мы оба

---

[17] Примечания: 17

Вермер Делфтский (1632–1675) — голландский живописец.

в некотором роде санитары и заняты охраной порядка. Доктор Лектер не имел никаких шансов от вас скрыться.

— Я уже объяснил вам почему.

— Потому что вы постоянно были начеку. Несмотря на то что между вами существовали чуть ли не братские отношения.

— В братских отношениях я с ним не состоял, — возразил Барни. — Он просто не мог быть чьим-либо братом.

— Не потешался ли доктор Лектер над вами, обнаруживая ваше невежество?

— Нет. А над вами?

— Нет, — ответила она, стараясь щадить самолюбие Барни. Старлинг впервые поняла, что издевательства чудовища могли быть комплиментом. — Доктор, конечно, вволю мог поиздеваться надо мной, если бы того хотел. Вы знаете, где находятся его вещи, Барни?

— Предусматривается ли вознаграждение тому, кто их найдет?

Старлинг медленно свернула бумажную салфетку, положила ее под тарелку и сказала:

— Вознаграждение будет состоять в том, что я не стану выдвигать против вас обвинение в попытке помешать деятельности правоохра-

нительных органов. Я отпустила вас, когда вы пытались установить подслушивающее устройство на мой стол в больнице.

— Жучок принадлежал покойному доктору Чилтону.

— Покойному? Откуда вам известно, что он покойный доктор Чилтон?

— Он задержался где-то на добрых семь лет, — ответил Барни. — И я не жду, что он вот-вот появится. Скажите, специальный агент Старлинг, чем вы удовлетворитесь?

— Я желаю посмотреть на рентгенограмму. Рентгенограмму я заберу. Кроме того, я хотела бы взглянуть на некоторые его книги.

— Допустим, что мы найдем его вещи, что с ними будет потом?

— По правде говоря, точно не знаю. Федеральный прокурор может взять их в качестве вещественных доказательств в деле о побеге. В этом случае они сгниют в его огромном хранилище вещдоков. С другой стороны, если я изучу книги, не найду в них ничего полезного и скажу об этом публично, то вы сможете заявить, что доктор Лектер передал их вам. Поскольку он отсутствует семь лет, вы можете через гражданский иск в суд претендовать на полную собственность.

Насколько известно, родственников у него нет. Я рекомендую передать вам все малозначительные материалы. Хотя моя рекомендация, как вам известно, будет находиться в самом низу тотемного столба. Рентгеновскую пленку и историю болезни вам скорее всего не вернут, так как доктор Лектер дать их вам не мог.

— А если я скажу вам, что не располагаю вещами доктора?

— Материалы Лектера будет практически невозможно продать, потому что мы издадим бюллетень, извещающий продавцов о том, что документы и книги подлежат конфискации, а против участников торгов будут возбуждены уголовные дела. Кроме того, я получу ордер на обыск вашего дома.

— Теперь вам известно, где находится мой дом. А что, если это не дом, а дома?

— Там будет видно. Пока я точно могу обещать лишь то, что вам не будет предъявлено обвинение в том, что вы взяли материалы — учитывая то, что могло бы с ними произойти, если бы вы оставили их на месте. Обещать же, что они будут вам возвращены, я с уверенностью не могу. Знаете, Барни, у меня создается такое впечатление, что вы не имеете ученой степени в медицине

потому, что не смогли получить кредит на обучение. Возможно, где-то имеется судебный запрет на это? Может быть, что-то скрывается в вашем прошлом? Понимаете? Вы можете оценить — я не поднимала ваше полицейское досье. Не проверяла, нет ли за вами криминала.

— Ценю. Вы ограничились лишь моими налоговыми декларациями и заявлением о работе. Весьма тронут.

— Если где-нибудь есть судебный запрет, то, вероятно, прокурор, в юрисдикции которого находится этот округ, может замолвить за вас слово, и суд отменит решение.

Барни задумчиво постучал остатками гренки по тарелке и сказал:

— Если вы закончили, то нам, пожалуй, лучше прогуляться немного.

— Я видела Сэмми. Помните? Того, кто занял камеру Миггза. Он все еще в ней живет, — сказала Старлинг, когда они оказались на улице.

— Я думал, что здание предназначено на слом.

— Так и есть.

— Какой-нибудь фонд о нем заботится?

— Нет. Он просто обитает там в темноте.

— В таком случае вам, по-моему, следует на него настучать. Он диабетик и может умереть.

Вы знаете, почему доктор Лектер заставил Миггза проглотить собственный язык?

— Думаю, что знаю.

— Доктор убил Миггза за то, что он вас оскорбил. Это была единственная причина. Пусть вас не мучает совесть — доктор мог прикончить его в любом случае.

Они прошли мимо дома Барни к лужайке, по которой вокруг мертвой птицы все еще расхаживал голубь. Барни спугнул его взмахом рук.

— Улетай, — сказал он. — Ты печалился достаточно. Если ты будешь здесь топтаться, то попадешь в лапы кошки. Эта птица мне кое-что напомнила. Хотите услышать, что сказал доктор?

— Конечно, — ответила Старлинг, чувствуя, как завтрак шевельнулся в ее желудке. Однако специальный агент ФБР была исполнена решимости выдержать все.

— Мы разговаривали о наследственном поведении видов. В качестве примера генетически обусловленного поведения он привел действия одной из разновидностей голубей турманов. Они поднимаются высоко в воздух и затем, кувыркаясь, падают вниз к земле. Своего рода ныряльщики. Некоторые из них ныряют очень

глубоко, а другие нет. Так вот, глубоких ныряльщиков нельзя скрещивать друг с другом, потому что их отпрыски когда-нибудь обязательно разобьются о землю. Доктор Лектер сказал мне: «Офицер Старлинг ныряет очень глубоко, Барни. Будем надеяться, что один из ее родителей не был глубоким ныряльщиком».

Это надо обдумать, решила Старлинг. Вслух же спросила:

— Что вы собираетесь сделать с птицей?

— Ощипать и съесть, — ответил Барни.

Шагая с тяжелым пакетом в руках к больнице, где осталась ее машина, Старлинг слышала, как плачет в ветвях дерева оставшийся в живых голубь.

Глава 13

Благодаря заботам одного безумца и одержимости второго Старлинг наконец получила то, о чем давно мечтала. Это был кабинет в подземном коридоре Отдела изучения моделей поведения. В том, что кабинет достался ей подобным образом, присутствовал привкус горечи.

Окончив Академию ФБР, Старлинг не ждала, что ее путь в элитный отдел будет усыпан розами. Но она верила, что может заслужить себе там место, проработав несколько лет в региональных отделениях Бюро.

Старлинг была отличным работником, но никуда не годным кабинетным политиком, и прошло много лет, прежде чем она поняла, что в отделе ей не бывать, несмотря на то что ее хотел там видеть сам шеф Джек Крофорд.

Глубинные причины этого были ей непонятны до тех пор, пока она, подобно открывшему черную дыру астроному, не обнаружила, что заместитель помощника Генерального инспектора Пол Крендлер оказывает влияние на все находящиеся в зоне его действия небесные тела. Он не простил Старлинг того, что она вышла на серий-

ного убийцу Джейма Гама раньше, чем он, и не смог вынести того внимания, которое проявили к ней газеты и телевидение.

Однажды зимним дождливым вечером Крендлер позвонил ей домой. Она была в халате, в теплых шлепанцах и с волосами, завернутыми в полотенце. Она навсегда запомнила дату, так как это был первый день операции «Буря в пустыне». В то время Старлинг была техническим агентом и только что вернулась из Нью-Йорка, где поменяла приемник в лимузине, принадлежавшем Представительству Ирака при ООН. Новое радио отличалось от старого только тем, что умело передавать на спутник Министерства обороны все происходившие в лимузине разговоры. Это была рискованная работа в частном охраняемом гараже, и Старлинг все еще оставалась в напряжении.

На какое-то мгновение она подумала, что Крендлер звонит для того, чтобы поздравить с хорошо проделанной работой.

Она запомнила стук капель по стеклам окон и слегка заплетающийся голос Крендлера на фоне присущего вечернему бару гомона. Вначале он пригласил ее провести вместе вечер, сказал, что может заехать за ней через полчаса. Крендлер

был женат.

— Думаю, что не стоит, мистер Крендлер, — сказала Старлинг и нажала на кнопку автоответчика. Автоответчик издал требуемый законом писк, после чего Крендлер бросил трубку.

Теперь, по прошествии стольких лет, сидя в кабинете, который когда-то мечтала заслужить, Старлинг карандашом начертала свое имя на листке бумаги и прикрепила листок скотчем к дверям. Радости ей это не доставило и, сорвав бумажку, она отправила ее в мусорную корзину.

В ящике для входящих бумаг находился всего лишь один листок. Это был опросный лист из редакции Книги рекордов Гиннесса. Оказалось, что Старлинг убила преступников больше, чем любая другая женщина, служившая в органах правопорядка, за всю историю Соединенных Штатов. Термин «преступники», как объяснял редактор, использовался намеренно, так как каждый из убиенных был неоднократно осужден, а на троих еще висели отсроченные приговоры. Анкета отправилась в корзину для бумаг вслед за листком с ее именем.

Она уже два часа тыкала пальцем в клавиатуру компьютера, сдувая со щеки постоянно падающие пряди, как вдруг раздался стук в дверь и в

кабинет сунул голову Крофорд.

— Старлинг, из лаборатории позвонил Брайен и сказал, что снимок Мейсона и тот, что вы взяли у Барни, совпадают. Это рука Лектера. Сейчас они для сравнения переводят изображения в цифровую систему, но сомнений практически нет. Все полученные данные мы отправим в хорошо защищенное досье Лектера.

— Как быть с Мейсоном Вергером?

— Скажем ему все как есть, — ответил Крофорд. — Нам известно, Старлинг, что он своими сведениями не делится, если не возникает проблем, которые он сам решить не способен. Но если мы сейчас попытаемся пойти по следу, обнаруженному им в Бразилии, след тотчас исчезнет.

— Вы сказали мне, чтобы я этим не занималась, и я выполнила ваше указание.

— Но ведь что-то вы сделали?

— Мейсон получил снимок по «Ди-эйч-эль»[18]. Компания по коду и информации с ярлыка на конверте установила место отправления — отель «Ибарра» в Рио. — Она подняла руку, чтобы упредить возможный упрек. — Все сведения получены в Нью-Йорке. Никаких запросов в Бразилию не

---

[18] Примечания: 18

DHL — международная экспресс-почта.

было. Мейсон ведет дела через коммутаторы букмекеров в Лас-Вегасе. Вы можете представить, сколько разговоров проходит через них за день.

— Могу я спросить, каким образом вам это удалось узнать?

— Абсолютно законно, — ответила Старлинг. — Ну, скажем так, в основном законно. В его доме я никаких жучков не оставляла. Я всего лишь нашла способ взглянуть на его телефонные счета. Не более того. Все технические агенты способны это сделать. Мы же понимаем, что он препятствует отправлению правосудия. Сколько времени и сил нам пришлось бы затратить, учитывая его влияние и связи, чтобы вымолить формальное разрешение на просмотр счетов и прослушивание? И что можно сделать с Мейсоном Вергером, даже если он и будет осужден? Но прошу обратить внимание на то, что Мейсон использует в своих целях спортивных букмекеров.

— Понимаю, — протянул Крофорд. — Наблюдательный комитет по играм штата Невада может или прослушать их переговоры, или просто выдавить из букмекеров все, что мы хотим знать. Кто, куда и откуда звонит.

— Вот видите, как вы и сказали, я оставила Мейсона в покое.

— Вижу, — ухмыльнулся Крофорд. — Скажите ему, что мы намерены действовать через Интерпол и посольство. Скажите также, что нам через некоторое время придется направить туда и своих людей, чтобы начать подготовку к экстрадиции. Не исключено, что Лектер совершил преступления и в Латинской Америке. Поэтому нам следует заполучить его, прежде чем полиция Рио начнет рыться в своих файлах, озаглавленных «Cannibalismo». Если он вообще в Латинской Америке. Старлинг, вас не мутит, когда вы разговариваете с Мейсоном?

— Я должна следовать лучшим образцам. Разве не вы, сэр, учили меня держать себя в руках, когда мы занимались той утопленницей в Западной Виргинии? Но почему я говорю «утопленница»? Ведь у нее было имя. Фредерика Биммель. А если честно, то да. При разговоре с Мейсоном меня мутит. В последнее время меня от многого мутит, Джек.

Старлинг замолчала, нимало удивившись своим словам. Никогда раньше она не обращалась к начальнику «Джек». Более того, она и не думала называть его так. Специальный агент Старлинг была шокирована своим поведением. Она внимательно посмотрела на шефа, который был

знаменит тем, что по выражению его лица никто никогда не мог что-либо прочитать.

— У меня тоже, — с усталой и печальной улыбкой сказал Крофорд. — А ты не хочешь перед разговором с ним прожевать пару таблеток пепто-бисмола? Говорят, они отлично снимают позывы к рвоте.

Мейсон Вергер не стал затруднять себя беседой со Старлинг. Секретарь поблагодарила Старлинг за информацию и сказала, что мистер Вергер ей позвонит. Но Мейсон так и не ответил на ее звонок. Мейсон располагал людьми, занимающими место в списке информаторов выше, чем Старлинг. Идентичность рентгенограмм для него новостью уже не являлась.

Глава 14

О том, что на рентгенограмме действительно изображена рука доктора Лектера, Мейсон узнал значительно раньше, чем Старлинг. Его источники в Министерстве юстиции были значительно лучше, чем ее. Информацию он получил по электронной почте. Под сообщением стояла подпись: «Символ 287». Это был второй псевдоним помощника Партона Веллмора — члена палаты представителей конгресса и члена Юридического комитета палаты. Кабинет Веллмора получил это сообщение чуть раньше. Оно было подписано «Кассий 199», что являлось вторым псевдонимом сотрудника Министерства юстиции Пола Крендлера.

Мейсон разволновался. Он не думал, что доктор Лектер находится в Бразилии, но рентгенограмма доказывала, что на левой руке доктора теперь не шесть, а пять пальцев. Как у всех нормальных людей. Эта информация подкрепляла полученные из Европы сведения о местопребывании Лектера. Мейсон догадывался, что источник новой версии находится где-то в недрах правоохранительных органов Италии. На сей раз запах следов,

оставленных доктором Лектером, был силен, как никогда раньше.

Мейсон не собирался делиться полученными сведениями с ФБР. Семь лет неустанных трудов, доступ к секретным федеральным досье, отсутствие международных ограничений, распространение печатных объявлений по всему миру и огромные финансовые ресурсы привели к тому, что в охоте на доктора Лектера Мейсон значительно опередил ФБР. Информацией с Бюро он делился лишь тогда, когда ему надо было почерпнуть оттуда еще более важные сведения, Между тем в целях конспирации он поручил секретарю постоянно докучать Старлинг расспросами о ходе расследования. В памятной книжке секретаря было отмечено, что делать это надо не реже трех раз в день.

Чтобы побудить к дальнейшей деятельности своего осведомителя в Бразилии, Мейсон немедленно перевел ему телеграфом пять тысяч долларов. Но сумма, отправленная им в Швейцарию, была значительно больше. Он был готов послать еще, как только получит подтверждение информации.

Мейсон был почти уверен в том, что его агент в Европе напал на след Лектера, но множество

обманов и разочарований, с которыми он сталкивался раньше, научили его осторожности. Доказательства вот-вот должны поступить. А для того чтобы смягчить муки ожидания, Мейсон принялся размышлять, что сделает с доктором Лектером, когда тот окажется в его руках. Ведь это тоже требовало тщательного приготовления, а Мейсон был большим специалистом по части мучительных пыток…

Страдания, причиняемые Богом, не могут доставить нам удовлетворения. Более того, их причину вообще нельзя понять, если, конечно, не согласиться с тем, что Его сильнее всего оскорбляют наши попытки остаться невиновными. Ту слепую ярость, с которой Он бичует своих детей, бесспорно, следует слегка регулировать.

Мейсон пришел к осознанию своей роли в деле помощи Богу лишь через двенадцать лет после того, как был разбит параличом. К этому времени от его скрытого одеялом тела мало что осталось и он понял, что ему уже никогда не подняться. Строительство его жилья на ферме «Мускусная крыса» завершилось, и он располагал значительными средствами. Однако финансовые ресурсы Мейсона были небезграничны, поскольку делами все еще заправлял патриарх семейства Молсон.

Это случилось на Рождество, в тот год, когда из-под стражи бежал доктор Лектер. Как и у всех людей в этот светлый праздник, у Мейсона тоже было заветное желание. Он очень сожалел о том, что не организовал убийство доктора, пока тот находился в больнице. Теперь Мейсон знал, что доктор Лектер разгуливает по земле и скорее всего наслаждается жизнью.

Мейсон лежал под легким одеялом и дышал через респиратор. Рядом с ним, переминаясь с ноги на ногу, стояла медсестра. Ей очень хотелось присесть. На ферму на автобусе привезли детей бедняков, чтобы те пели хоралы. С разрешения доктора в палате Мейсона открыли окна, и в нее влилась декабрьская свежесть. Под окнами, держа горящие свечи в сложенных ковшиками ладошках, пели дети.

Свет в помещении был потушен, и в черном небе над фермой звезды казались совсем близкими.

«О славный город Вифлеем, лежишь ты тихо, неподвижно!»

Лежишь ты тихо, неподвижно.

Лежишь ты тихо, неподвижно.

До него вдруг дошел издевательский смысл

строки: *О Мейсон, лежишь ты тихо, неподвижно!*

Рождественские звезды в темном небе за окном продолжали хранить гнетущее молчание. Звезды не сказали ему ничего, хотя он умоляюще смотрел на них своим единственным, прикрытым линзой глазом и посылал сигнал пальцами, которыми мог двигать. Мейсону казалось, что он не может дышать. Если бы он задыхался в космосе, думал Мейсон, то последнее, что он смог бы увидеть, были изумительно красивые, молчаливые звезды. Ему чудилось, что он задыхается, что аппарат искусственного дыхания не справляется с работой, ведь ему для очередного вдоха приходилось ждать появления зеленого рождественского сигнала на пиках и склонах небесных гор. Ждать сверкания вечнозеленых огоньков в черном лесу космического пространства. Пики и склоны, склоны и пики — так похожие на биение сердца. Систола, диастола. Диастола, систола.

Испуганная медсестра была готова нажать кнопку тревоги, готова потянуться за адреналином.

Как издевательски звучит эта строка: *О Мейсон, лежишь ты тихо, неподвижно!*

Прозрение в рождественскую ночь! Прежде чем сестра успела позвонить или взять лекарство,

мысленному взору Мейсона открылась первая, пока еще очень приблизительная, картина мести. Пальцы на его руке задвигались, как членистые ноги краба, и к нему пришло успокоение. По всей земле во время рождественского причастия приверженцы христианства верят, что благодаря чуду пресуществления они пьют подлинную кровь Христову и вкушают плоть Его. Мейсон начал готовить еще более впечатляющую, но не требующую пресуществления церемонию, в ходе которой доктору Лектеру предстояло быть съеденным заживо.

Глава 15

Мейсон получил весьма необычное образование. Однако образование это полностью отвечало тем планам, которые когда-то строил для него отец, и тем задачам, которые перед ним сейчас возникли.

Ребенком он посещал пансионат, который щедро субсидировал его отец и где на его частое отсутствие смотрели сквозь пальцы. Иногда в течение целых недель старый Вергер руководил подлинным обучением сына, водя его вместе с собой по скотным дворам и бойням, служившим фундаментом его бизнеса.

Молсон Вергер был первопроходцем во многих областях мясной промышленности, и в первую очередь в сфере экономии средств. Его первые эксперименты с удешевлением кормов можно было поставить в один ряд с опытами Баттерхема, проводившимися за полстолетия до этого. Он раньше других догадался добавить в свиной рацион рубленую щетину и молотое птичье перо. Молсона сочли безрассудным фантазером, когда он в 40-х годах первым отнял у свиней свежую воду и, чтобы те быстрее нагуливали

вес, заставил их пить так называемый навозный ликер — прошедшие ферментацию отходы жизнедеятельности животных. Когда его прибыль скакнула вверх, общий хохот стих и конкуренты кинулись вдогонку.

Лидирующее положение Вергера в мясной промышленности на этом не завершилось. Молсон, щедро тратя собственные деньги, отчаянно боролся против Закона о гуманном забое скота, аргументируя свою позицию задачами экономии. Он сумел добиться того, что выжигание клейма на морде животного осталось законным, хотя за эту победу ему пришлось прилично заплатить законодателям. Мейсон вместе с отцом следил за масштабным экспериментом, призванным определить, сколько времени скот может оставаться в загоне без воды и пищи, прежде чем начнется потеря веса.

Вергер субсидировал исследования генетиков, которые привели к удвоению привеса мышечной массы бельгийской породы без потери жировой прослойки. Сами бельгийцы этой проблемы решить не смогли. Молсон Вергер продал своих производителей во многие страны и тем самым положил начало множеству свиноводческих программ.

Но в основе продуктивности боен лежит человеческая деятельность, и никто не понимал это лучше, нежели Молсон. Он сумел усмирить профсоюзных лидеров, когда те попытались отхватить часть его прибылей, потребовав увеличения зарплаты рабочим. Молсон установил отличные отношения с лидерами организованной преступности, и те тридцать лет служили ему верой и правдой, держа в узде профсоюзы.

Мейсон в те годы был очень похож на своего отца. Те же кустистые широкие брови над светлыми глазами мясника и тот же низкий лоб с неровной, скошенной справа налево линией темных волос. Молсон Вергер частенько брал сына за голову и любовно ее ощупывал, словно хотел убедиться в элитности породы. Так, ощупывая голову свиньи, он по костной структуре и общей форме морды мог безошибочно судить о ее происхождении.

Мейсон обучался отлично, и даже после того, как травмы приковали его к постели, принял ряд важных деловых решений, которые воплотили в жизнь его подручные. Вергеру-сыну пришла в голову идея убедить правительство США и Организацию Объединенных Наций забить на Гаити все поголовье свиней, так как от них якобы исходила угроза эпидемии африканского свиного

гриппа. После этого для замещения туземной породы он сумел продать правительству большое количество белых свиней американской породы. Крупные, прекрасно ухоженные свиньи, попав в гаитянские условия, тут же дохли, и их приходилось замещать снова и снова поголовьем из стада Мейсона, Так продолжалось до тех пор, пока правительство Гаити не решилось на самостоятельные действия и не заменило павшее поголовье на мелких, привыкших к подножному корму животных из Доминиканской Республики.

И вот теперь, накопив столько опыта и знаний, Мейсон, готовил месть. Он чувствовал себя так, как чувствовал себя Страдивари, подходя к своему рабочему столу.

Под сводами безликого черепа Мейсона хранилась бездна информации. Лежа в постели, он творил в уме, уподобляясь глухому Бетховену. Он припоминал, как посещал вместе с отцом ярмарки свиней. У Молсона наготове всегда был серебряный нож, который он мгновенно извлекал из кармана жилета и вонзал в спину свиньи, дабы измерить толщину жировой прослойки. Мейсон помнил, как они горделиво удалялись под возмущенный визг, и никто не смел им ни-

чего сказать. Отец держал большой палец на лезвии, чтобы не забыть толщину жира.

Если бы у Мейсона были губы, то он улыбнулся бы, вспомнив, как отец ткнул ножом призовую свинью, считавшую всех людей своими друзьями, и как зарыдал взрастивший ее мальчик. Отец мальчишки пришел в ярость, и охранявшие Молсона головорезы выбросили его из павильона. Да, это было хорошее, веселое время.

На свиных ярмарках Мейсон увидел экзотических, доставленных со всех концов мира свиней. Теперь для достижения своей новой цели он свел вместе самых лучших из них.

Мейсон приступил к выведению новой породы сразу после его Рождественского Прозрения. Работа велась на маленькой свиноводческой ферме Вергеров в Сардинии, неподалеку от берегов Италии. Он избрал это место из-за его уединенности и близости к цивилизованной Европе.

Мейсон предполагал (и оказался прав), что первой остановкой доктора Лектера после бегства станет Латинская Америка. Но он не сомневался в том, что человек со вкусами Лектера в конечном итоге изберет Европу местом своего постоянного обитания. Зная склонности доктора, Мейсон ежегодно направлял своих наблюдателей на му-

зыкальный фестиваль в Зальцбурге, так же как и на иные высококультурные события.

Таким образом, Мейсон отправил производителей на Сардинию для того, чтобы приготовить сцену для смерти доктора Лектера.

Гигантская лесная свинья Hylochoerus meinertzhageni, шесть сосцов и тридцать восемь хромосом, хитрое, всеядное и тем похожее на человека существо. Некоторые особи в обитающих на холмах семьях достигают двухметровой длины и могут весить более ста семидесяти пяти килограммов. Гигантская лесная свинья была призвана служить основной нотой в мелодии Мейсона.

Классический европейский дикий вепрь Sus scrofa scrofa, тридцать шесть хромосом у самых чистых форм, бородавки на морде отсутствуют, свиреп, обладает большими, разрывающими плоть клыками. Быстрый, злобный зверь, способный своими острыми копытами убить гадюку и с легкостью сожрать ее. В сезон случки или защищая поросят, нападает на все, что может представлять угрозу. Матки имеют двенадцать сосцов и являются прекрасными мамашами. В Sus scrofa scrofa Мейсон нашел ведущую тему своей мелодии и ту дьявольскую внешность,

которая заставила бы понять доктора Лектера, как выглядит ад.

Он купил свинью острова Оссбау из-за ее агрессивности, а черную китайскую — за высокий уровень эстрадиола.

Однако Бабируса, Babyrousa babyrousa, из Восточной Индонезии, именуемая из-за длины клыков Свинья-Олень, оказалась для его опуса фальшивой нотой. Имея лишь пару сосцов, она размножалась крайне медленно и весила всего сотню килограммов. Время все же потеряно не было, так как параллельно появлялись другие пометы, в которых кровь Бабирусы отсутствовала.

С точки зрения расположения и строения зубов, у Мейсона был очень небогатый выбор. Почти все породы имели набор, достаточный для решения своих задач. Они обладали тремя парами острых резцов, парой удлиненных клыков, четырьмя парами малых коренных зубов и тремя парами мощных, всесокрушающих коренников — верхних и нижних. Итого — сорок четыре зуба.

Любая свинья с удовольствием сожрет мертвеца, но, для того чтобы съесть человека живьем, все же требуется некоторое обучение. Выведенная Мейсоном на Сардинии порода к выполнению этой задачи была готова.

После семи лет работы и множества пометов результаты оказались… просто великолепными.

Глава 16

Когда все актеры, за исключением доктора Лектера, собрались в горах Сардинии, Мейсон сосредоточил свое внимание на проблеме сохранения сцены смерти доктора для вечности и на том, как лучше самому насладиться этим зрелищем. Необходимые приготовления уже были давно сделаны, но сейчас следовало дать команду, чтобы все исполнители привели себя в состояние боевой готовности.

Свои весьма деликатные дела Мейсон вел по телефону через коммутатор легального букмекера, контора которого располагалась в Лас-Вегасе, в районе Кастауэй. Его беседы были хилыми, незаметными ручейками, вливающимися в мощный поток субботних и воскресных телефонных звонков конторы, Звучавший как хорошее радио голос Мейсона — за вычетом взрывных и шипящих звуков — летел из государственного лесного заповедника в пустыню и оттуда через Атлантический океан, вначале в Рим. В квартире на седьмом этаже дома, стоящего на виа Архимед позади отеля того же названия, хрипло по-итальянски зазвонил телефон. В темноте раздались

сонные голоса:

— Cosa? Cosa c'e?

— Accendi la luce, idiota.[19]

На тумбочке рядом с постелью вспыхнула лампа. В постели находились три человека. Лежавший ближе всех к телефону молодой человек поднял трубку и передал ее расположившемуся посередине мужчине постарше. На другом краю кровати лежала блондинка, на вид лет двадцати. Когда зажглась лампа, она подняла заспанное личико, но тут же вернулась ко сну.

— Pronto, che? Chi paria?[20]

— Оресте, дружище. Это Мейсон.

Мужчина постарше, сразу проснувшись, знаком приказал молодому человеку налить стакан минеральной воды.

— О, Мейсон, друг мой, простите. Я спал. Сколько у вас там времени?

— Уже везде, Оресте, час поздний. Вы помните, что я обещал сделать для вас и что вы должны сделать для меня?

— Ну конечно.

— Час настал, дружище. Вам известно, что я хо-

---

[19] Примечания: 19
Что такое? Что случилось? — Включи свет, идиот *(ит.)*

[20] Примечания: 20
Алло? Кто говорит? *(ит.)*

чу. Я хочу, чтобы съемка велась двумя камерами и чтобы звук был лучше, чем в тех порнофильмах, которые вы обычно снимаете. Необходимо, чтобы вы обеспечивали себя электроэнергией самостоятельно, поэтому смонтируйте генераторы. Но только подальше от съемочной площадки. Кроме того, мне надо, чтобы были ландшафтные съемки — позже мы их вмонтируем, — и не забудьте записать пение птиц. Прошу вас завтра проверить все на месте и начать установку оборудования. Закончив подготовку, вы сможете вернуться в Рим до начала съемок. Охрану съемочной площадки на время вашего отсутствия я обеспечу. Однако прошу вас постоянно находиться в двухчасовой готовности. Вы все поняли, Оресте? Вознаграждение ждет вас в «Ситибанке». Вы поняли, Оресте?

— Мейсон, как раз сейчас я делаю…

— Вы хотите сделать это, Оресте? Разве не вы мне сказали, что вам надоело снимать фильмы о сексе и убийствах или лепить псевдоисторический бред? Неужели у вас пропало желание создать подлинно художественное произведение?

— Нет, не пропало.

— В таком случае отправляйтесь сегодня. День-

ги получите в «Ситибанке».

— Куда отправляться, Мейсон?

— На Сардинию. Летите до Кальяри. Там вас встретят.

Второй звонок был в Порто-Торрес, расположенный на восточном побережье Сардинии. Здесь объяснений не потребовалось, так как машина уже давно была установлена. Машина действовала так же эффективно, как и портативная гильотина Мейсона, хотя, может быть, и несколько медленнее. С точки зрения экологии машина была не менее чистой, чем гильотина.

Часть II
ФЛОРЕНЦИЯ

Глава 17

Ночь в самом сердце Флоренции. Исторические здания старого города украшены художественной подсветкой.

Поднимающийся из тьмы площади, залитый светом палаццо Веккьо с его сводчатыми окнами и мощными стенами казался воплощением средневековья. Зубцы стены по периметру крыши светились так, как светятся в ночь Хеллоуина прорези в тыкве со свечой внутри. Темноту неба пронзала освещенная сторожевая башня.

Перед светящимся белым циферблатом башенных часов охотились на москитов летучие мыши. Они будут это делать до тех пор, пока в воздух не взовьются разбуженные колокольным звоном ласточки.

Главный следователь Квестуры[21] Ринальдо Пацци, чей плащ казался черным на фоне белых статуй, изображающих главным образом сцены убийств и изнасилований, вышел из тени Лоджии и зашагал по площади. Его бледное лицо словно цветок подсолнечника все время было об-

---

[21] Примечания: 21
Городское управление уголовной полиции в Италии.

ращено на залитый светом дворец. На том месте, где на костре был сожжен церковный реформатор Савонарола, Главный следователь остановился и взглянул на окна дворца, за которыми нашел свою смерть один из его предков.

Вон из того высокого окна был выброшен голым и с петлей на шее Франческо де Пацци. Под этим окном он умирал, дергаясь, вращаясь и ударяясь о шершавые стены. Архиепископ во всем своем облачении, повешенный рядом с Пацци, духовного утешения тому не принес. С вылезшими из орбит глазами хрипящий пастырь в предсмертной судороге вцепился зубами в плоть предка следователя Ринальдо.

Убийство Джулиано Медичи 26 апреля 1478 года во время воскресной литургии и покушение на жизнь Лоренцо Великолепного положили конец благополучию славного семейства Пацци.

И вот теперь Ринальдо Пацци — из рода тех самых Пацци, — ненавидящий правительство не меньше, чем его предок, обесчещенный и обездоленный, пришел на это место, чтобы решить, как лучше воспользоваться выпавшей ему наконец удачей.

Главный следователь был уверен в том, что доктор Ганнибал Лектер живет во Флоренции. У

него появился шанс, схватив этого врага человечества, вернуть себе утраченную репутацию и получить все связанные с его профессиональной деятельностью награды. Правда, у него имелась и иная возможность: продать Ганнибала Лектера Мейсону Вергеру (если подозреваемый действительно окажется Лектером) и получить за это денег больше, чем можно вообразить в самых безумных мечтах. Естественно, что в этом случае в придачу к Ганнибалу Пацци продаст и остатки своей изрядно потрепанной чести.

Пацци не случайно возглавил следственный отдел Квестуры. Он был одаренным следователем и в свое время с нечеловеческим упорством делал все, чтобы как можно выше вскарабкаться по профессиональной лестнице. В то же время его украшали шрамы, которые бывают у человека, который в честолюбивом порыве поспешно хватается за свой дар так, как воин по ошибке хватает рукой обнаженный клинок.

Ринальдо Пацци явился на пьяцца Синьориа, потому что именно там у него было видение, которое вначале принесло ему славу, а затем погубило.

У Главного следователя была весьма развита присущая итальянцам ироничность. Разве не

забавно, думал он, что откровение осенило его в том самом месте, где озлобленный дух предка, возможно, все еще бьется о стены дворца? Вот и сейчас он здесь примет решение, способное снова вернуть удачу семье Пацци.

Охота за другим серийным убийцей по прозвищу Монстр вначале принесла ему славу, а затем позволила воронью расклевать его сердце. Именно приобретенный в то время опыт теперь привел Главного следователя к новому открытию. Однако горький привкус пепла, оставшийся во рту у Пацци после дела Монстра, побуждал его к опасным играм вне рамок закона.

Монстр, или Флорентийский монстр, истреблял влюбленных по всей Тоскане в восьмидесятых и девяностых годах целых семнадцать лет. Он нападал на пары, когда те сплетались в объятиях в темных аллеях любви, которых так много в этой провинции Италии. Как правило, он убивал возлюбленных из малокалиберного пистолета, украшал их цветами и укладывал в живописную позу, обнажив у женщины левую грудь. В положении мертвецов было нечто неуловимо знакомое: у всех, кто их видел, возникало чувство дежа-вю.

Монстр всегда уносил в качестве трофея и кое-какие части у одного из тел. Единственным

исключением явилась лишь пара длинноволосых немцев-гомосексуалистов, которых он прикончил явно по недоразумению.

Общественность столь яростно требовала от Квестуры поимки Монстра, что предшественнику Пацци пришлось уйти в отставку. Заняв пост Главного следователя, Ринальдо сразу стал похож на человека, отмахивающегося от пчел. Журналисты при первой возможности, жужжа, влетали в его кабинет, а фотографы роем вились на виа Зара, рядом со штаб-квартирой Квестуры.

Туристы, побывавшие во Флоренции в то время, навсегда запомнили расклеенные по всему городу плакаты, с которых, предупреждая парочки о зверствах Монстра, пялился на людей почему-то единственный глаз.

Пацци работал как одержимый.

Он обратился в ФБР в Отдел изучения моделей поведения с просьбой разработать для него психологический портрет убийцы и читал все, что мог найти, о разработанной в Бюро методике составления подобных портретов.

Прибегал он и к так называемым провокационно-активным мерам. В излюбленных местах свиданий в темных аллеях и на кладбищах в машинах сидело больше полицейских пар, нежели

подлинных влюбленных. В полиции для этой цели уже не хватало женщин. В жаркое время года мужчины во время дежурства были вынуждены по очереди надевать парик, а многим из них пришлось даже пожертвовать усами. Пацци подал всем пример, сбрив поросль на своей физиономии, Монстр был крайне осторожен. Он, конечно, наносил удары. Однако у него не было потребности делать это часто.

Пацци обратил внимание на то, что имелись периоды, когда о Монстре вообще ничего не было слышно. Один из таких периодов продолжался целых восемь лет. Пацци решил использовать это как зацепку. С невероятным трудом, вышибая помощь из всех бюрократических учреждений, которые мог запугать, и конфисковав в помощь единственному компьютеру Квестуры машину племянника, Пацци составил список всех преступников Северной Италии, сроки заключения которых совпадали с периодами затишья в смертельной деятельности Монстра. Таковых оказалось девяносто семь.

Пацци, получив в распоряжение конфискованный у сидящего в тюрьме банковского грабителя быстрый, спортивный и очень комфортабельный автомобиль «альфа-ромео» и проезжая не менее

пяти тысяч километров в месяц, нашел и лично допросил девяносто четырех бывших заключенных. Остальные либо стали инвалидами, либо уже успели скончаться.

На месте преступления не оставалось почти никаких улик, позволявших сузить список подозреваемых. Ни отпечатков пальцев преступника, ни следов его спермы или слюны. Лишь на месте убийства в Импрунете была обнаружена единственная гильза, произведенная фирмой «Винчестер-Вестерн», двадцать второго калибра, со следами от выбрасывателя на ободке. Следы соответствовали тем, которые оставляет выбрасыватель гильз полуавтоматического «кольта», возможно, марки «Вудсмен». Все пули, обнаруженные на других местах преступления, были двадцать второго калибра и были выпущены из одного и того же оружия. Хотя следов от глушителя на пулях не имелось, исключать его использование было нельзя.

Пацци, Ринальдо Пацци из рода тех самых знаменитых Пацци, был крайне честолюбив. Кроме того, у него имелась молодая красивая супруга, которая чем-то напоминала подросшего птенца с вечно открытым клювом. Одним словом, в результате чрезмерных затрат энергии и без того

худощавый Ринальдо потерял еще пять с лишним килограммов и, по утверждению более молодых сослуживцев, стал очень походить на Уайла Е. Койота — персонажа знаменитого мультика. Когда какие-то юные хулиганы запрограммировали компьютер Квестуры так, что появляющиеся на нем человеческие лица последовательно превращались в морды осла, свиньи и козла, Пацци стало казаться, что это он сам постоянно меняет свой облик.

В Квестуре на окне лаборатории висела гирлянда чеснока, призванная отгонять злых духов. После того как допрос последнего подозреваемого не принес желаемых результатов, отчаявшийся Пацци стал часто стоять у этого окна, тупо глядя на пыльный двор.

В это время он думал о своей новой молодой супруге, о твердых икрах ее ног и о ложбинке на спине, убегающей вниз к крестцу. Пацци вспоминал о том, как трясутся груди жены, когда та чистит зубы, и о том, как она хохотала, заметив, что он за ней наблюдает. Он думал о вещах, которые следовало бы ей подарить. Думал Ринальдо образами. Супруга, естественно, благоухала и была весьма приятна на ощупь, но на первом месте у Пацци всегда были зрительные образы.

Он размышлял о том, как ему хотелось бы выглядеть в ее глазах. Ну уж конечно, не в роли той задницы для битья, которой он сейчас является для прессы. Штаб-квартира Квестуры Флоренции размещалась в здании бывшей психиатрической лечебницы, чем в полной мере пользовались карикатуристы.

Пацци считал, что успех пришел к нему в результате приступа вдохновения. Он обладал великолепной зрительной памятью и, подобно многим людям, у которых зрение было доминирующим чувством, верил, что откровение явилось ему в образном воплощении, вначале туманном, а затем все более и более ясном. Ход его мыслей строился так, как думаем мы, разыскивая потерянный предмет. Мы воссоздаем в уме образ предмета и сравниваем его с тем, что видим, мысленно освежая этот образ несколько раз в минуту и перемещая его в пространстве.

Взрыв в Галерее Уффици отвлек внимание публики от дела Монстра и вынудил Главного следователя Пацци сосредоточиться на расследовании этого политического преступления.

Несмотря на всю важность расследования взрыва в музее, образы, порожденные Монстром, продолжали жить в сознании Пацци. На создан-

ные Монстром композиции из трупов Главный следователь смотрел боковым зрением; так иногда смотрим мы, направляя взгляд чуть в сторону от объекта, чтобы лучше разглядеть его в темноте. Особенно часто он вглядывался в пару, убитую на сиденье пикапа в Импрунете. Монстр тщательно и со вкусом уложил тела, усыпав их цветами и украсив гирляндами. Левая грудь женщины была обнажена.

Пацци вышел из Галереи Уффици вскоре после полудня. Шагая по пьяцца Синьориа, он вдруг вспомнил цветную картинку, которую случайно увидел на прилавке торговца сувенирами.

Не помня точно, где располагался тот торговец, Пацци остановился точно на том месте, где был когда-то сожжен Савонарола. Главный следователь внимательно огляделся вокруг. Площадь кишела туристами. «Неужели это всего лишь моя фантазия, — похолодев, подумал Пацци. — Неужели картинка мне пригрезилась?»

Тем не менее он развернулся и зашагал в обратном направлении.

Вот она! Небольшая, засиженная мухами и несущая на себе следы дождя репродукция картины Боттичелли «Весна». Оригинал находился за его спиной, в Галерее Уффици. «Весна». Украшенная

гирляндами цветов нимфа справа и тянущийся к ней из леса бледный Зефир. Из очаровательных губок нимфы сыплются цветы, а левая грудь обнажена. Все совпадает.

Именно здесь, в том месте, где его задыхающийся предок дергался на веревке, ударяясь о стену, к нему явилось главное видение его жизни. Это был образ, созданный пять сотен лет тому назад Сандро Боттичелли — тем самым художником, который нарисовал на стене тюрьмы Барджелло повешенного голым Франческо де Пацци, не забыв при этом воспроизвести натуралистические подробности. Разве можно пройти мимо такого озарения, особенно учитывая его великое историческое происхождение?

Ему захотелось присесть. Все скамьи были заняты, и Пацци пришлось показать свой значок, чтобы прогнать с места какого-то старикана. Старикан оказался одноногим инвалидом на костылях, что Главный следователь заметил, лишь когда ветеран, громогласно и весьма грубо проклиная Пацци, заковылял прочь.

У Ринальдо было два повода для волнения. Во-первых, триумфом было уже то, что сумел сообразить, какой образ положил в основу своих композиций Монстр. Во-вторых, и это было самое

главное, во время своих объездов подозреваемых он видел репродукцию «Весны».

Пацци знал, что подгонять память плетью нельзя. Ее следует вежливо приглашать. Он откинулся на спинку скамьи и попытался расслабиться. Затем Главный следователь прошел в Галерею Уффици и постоял перед оригиналом. Впрочем, не очень долго. После этого, заскочив на Новый рынок, он на счастье прикоснулся к пятачку бронзового кабана, сел в машину и покатил в Иппокампо. Там Пацци вышел из автомобиля, облокотился на пыльный теплый капот и, вдыхая запах горячего машинного масла, стал наблюдать за мальчишками, играющими в футбол…

Вначале перед его мысленным взором возникли ступени, лестничная площадка наверху. Он начал подниматься по ступеням и увидел, как перед его глазами возникает большая репродукция «Весны». Пацци мысленно оглянулся, но не узрел ничего, кроме входной двери. Он не мог определить улицу. Лица тоже не возникали.

Поднаторев в ведении допросов, Ринальдо Пацци стал задавать вопросы самому себе:

«Что ты слышал в тот момент, когда впервые заметил картину? …Звон посуды в расположенной на первом этаже кухне. Что ты слышал в

тот момент, когда поднялся на площадку и стоял перед репродукцией? Телевизор. Телевизор в гостиной. Роберта Стэка в роли Элиота Несса в „Неприкасаемых“. Ты ощущал запах кухни? Да. Именно кухни. Другие запахи были? Я видел картину… Я не спрашиваю, что ты видел. Ты улавливал другие запахи? Я все еще чувствовал запах „альфа-ромео“. В машине было очень жарко… В ноздрях еще стоял запах горячего масла. Оно разогрелось от езды по… Раккордо. Я гнал по автомагистрали Раккордо. Но куда? Сан-Касьяно. Я слышал, как в Сан-Касьяно лаяла собака. Там жил грабитель и насильник по имени Джироламо… Фамилию не помню».

В тот момент, когда все наконец стало на свои места, Ринальдо Пацци ощутил триумф свершения — триумф, который, как он считал, испытывает гонщик Формулы-1, пересекая первым линию финиша. Это был счастливейший миг в жизни Главного следователя.

Уже через полтора часа Пацци произвел задержание Джироламо Токка. Синьора Токка принялась бросать камни вслед кортежу, умчавшему прочь ее супруга.

Глава 18

О таком подозреваемом, каким оказался Джироламо Токка, можно было только мечтать. Еще совсем молодым человеком он получил девять лет тюрьмы за убийство мужчины, которого Токка застукал в темной аллее, когда тот обнимал его невесту. Его также обвиняли в сексуальном надругательстве над своими дочерьми и других семейных преступлениях. Кроме того, ему пришлось отсидеть и за изнасилование.

Квестура чуть ли не до основания разрушила дом Токки, пытаясь найти вещественные доказательства его преступлений. В конце концов Пацци, лично обыскивая жилище подозреваемого, обнаружил коробку из-под патронов, которая и была представлена суде в качестве одного из немногих фактических доказательств со стороны обвинения.

Сам суд явился сенсацией. Заседания суда проводились в защищенном здании, именуемом «Бункер». «Бункер» располагался напротив флорентийской редакции газеты «Ла Нацьоне», и в нем в семидесятых годах шли процессы над террористами.

Приведенные к присяге присяжные, пятеро мужчин и пять женщин, закрылись ненадолго в совещательной комнате и признали Токку виновным практически без доказательств, исходя лишь из личности обвиняемого. Большая часть публики считала Токку невиновным, но много было и таких, которые заявляли, что Токка — мерзавец и в любом случае заслуживает тюрьмы. Как бы то ни было, но в возрасте шестидесяти пяти лет он был приговорен к сорока годам заключения в Волтерре.

Несколько последовавших за этим месяцев были поистине золотыми. Вот уже почти тысячу лет никто из Пацци не был столь знаменит, как Ринальдо. Его славу можно было сравнить лишь со славой самого Паццо де Пацци, вернувшегося из Первого крестового похода с осколками кремня от Гроба Господня.

Во время традиционного пасхального ритуала в соборе Санта-Мария дель Фьоре Ринальдо Пацци и его красавица жена стояли рядом с самим архиепископом. Ритуал состоял в том, что при помощи священных кремней возжигалось пламя в искусственной голубке, которая, вылетая по натянутой проволоке из собора, зажигала на радость вопящей толпе запалы уложенных на

повозке петард[22].

Газеты воспроизвели каждое слово Пацци, когда тот воздавал дань уважения своим коллегам за титанические усилия, которые от них потребовали обстоятельства. Совета синьоры Пацци домогались самые выдающиеся дома моделей, и синьора выглядела просто великолепно в нарядах, которыми одаривали ее модельеры. Сильные и могущественные люди приглашали их на чаепитие, а однажды они даже ужинали вместе с графом в замке, где в каждом углу стояли рыцарские доспехи. Имя Пацци упоминалось в связи с возможной политической карьерой, о его заслугах говорили в парламенте и с ним провели собеседование, чтобы решить, не назначить ли его руководителем итальянской группы в совместной с американцами операции против мафии.

Указанное собеседование плюс стипендия для обучения в семинарах по криминологии Джорджтаунского университета привели супругов Пацци в Вашингтон. Большую часть времени Главный следователь проводил в Квантико в Отделе изучения моделей поведения и в мечтах

[22] Примечания: 22

Так называемый «Взрыв повозки» — одно из наиболее ярких фольклорных празднеств во Флоренции.

о создании подобного учреждения в Риме.

Затем, после двух лет безмятежного счастья, грянула катастрофа. В более спокойной обстановке, не испытывая давления со стороны общественного мнения, апелляционный суд принял решение вернуться к делу Токки. Пацци отозвали домой, где его ожидало расследование. Оказалось, что некоторые из его бывших коллег давно точили на него ножи.

Апелляционный суд отменил приговор и вынес Главному следователю Пацци порицание, заявив, что, по мнению суда, синьор Пацци фабриковал улики.

Бывшие сторонники Пацци из числа могущественных людей сразу его бросили, словно от него исходил дурной запах, Пацци по-прежнему занимал в Квестуре важную должность, но дело шло к его отставке, и все об этом знали. Итальянское правительство действует неторопливо, но топор судьбы рано или поздно должен был обрушиться на его шею.

Глава 19

Именно в это ужасное время, ожидая неизбежного удара, Пацци впервые встретил человека, известного в ученых кругах Флоренции как доктор Фелл…

Ринальдо Пацци взбирался по внутренней лестнице палаццо Веккьо, выполняя одно из тех ничтожных заданий, которые изыскивали для него бывшие подчиненные, наслаждающиеся падением шефа. Шагая по истертым временем ступеням вдоль покрытой фресками стены, следователь смотрел лишь на носки своих ботинок, не обращая внимания на окружавшие его произведения искусства. Пятьсот лет тому назад его окровавленного предка силой волочили по этой лестнице.

Добравшись до площадки, Пацци, как подобает мужчине, расправил плечи и взглянул в глаза изображенных на фресках людей, с некоторыми из которых он состоял в дальнем родстве. До его слуха уже доносились отзвуки спора, кипевшего в расположенном выше этажом Салоне лилий. Там проводили свою совместную сессию дирекция Галереи Уффици и Комиссия изящных искусств.

Ринальдо предстояло заняться исчезновением человека, который много лет был хранителем палаццо Каппони. Многие считали, что старикан просто сбежал либо с женщиной, либо с чужими деньгами, а может быть, с тем и другим одновременно. Вот уже четыре раза подряд он не являлся в палаццо Веккьо на ежемесячное заседание руководящего комитета.

Пацци направили сюда для продолжения расследования. Главный следователь Пацци, который после взрыва в музее сурово наставлял серых от страха членов дирекции Галереи Уффици и их вечных соперников (столь же почтенных представителей Комиссии изящных искусств) о необходимости принимать адекватные меры безопасности, теперь вынужден был заниматься совершенно ничтожным делом. Ему предстояло задавать вопросы об амурных похождениях хранителя. Это не вдохновляло.

Ассамблеи двух комитетов проходили в атмосфере склок и свар. Много лет они не могли договориться даже о месте проведения совместных заседаний — каждая из сторон не желала появляться на территории противника. В конце концов они стали встречаться в великолепном Салоне лилий палаццо Веккьо, где каждый член

обоих комитетов имел возможность считать, что красота помещения полностью отвечает его личным заслугам и положению в обществе. Собравшись там однажды, они стали отказываться от любого другого зала, несмотря на то что палаццо Веккьо вечно находился в состоянии реставрации и реконструкции и членам комитетов по пути в Салон лилий приходилось лавировать между строительными лесами, спотыкаясь о машины и материалы.

В коридоре у дверей салона Пацци увидел Риччи, своего бывшего одноклассника, а ныне профессора. Профессор отчаянно чихал, так как не выносил алебастровой пыли. Слегка придя в себя, Риччи поднял слезящиеся глаза на Пацци и сказал:

— Грызутся, как всегда. Если ты пришел в связи с исчезновением хранителя палаццо Каппони, то они как раз дерутся за его место. Сольято хочет, чтобы должность отдали его племяннику. А на ученых сильное впечатление произвел тот человек, которого они месяц назад временно назначили на этот пост. Его зовут доктор Фелл. Ученые мужи желают оставить его навсегда.

Профессор Риччи стал хлопать себя по карманам в поисках бумажных салфеток, а Ринальдо

Пацци переступил через порог исторического помещения, стены которого были сплошь расписаны золотыми лилиями. Широкие полотнища, прикрывающие две стены салона, несколько приглушали стоявший там шум.

Речь держал известный апологет непотизма профессор Сольято, пытаясь компенсировать недостаток аргументов громкостью голоса.

— Переписка семьи Каппони, — гремел он, — уходит корнями в тринадцатый век. Доктор Фелл может держать в своих руках — не итальянских руках, смею заметить, — послание от Данте Алигьери и даже не догадываться об этом. Вы распознаете записку Данте, доктор Фелл? Полагаю, что нет. Вы, коллеги, проверили его знания средневекового итальянского языка, я не могу не согласиться с вами в том, что они превосходны. Но… только для straniero. Для иностранца. Кроме того, позволительно спросить, насколько ему известны те выдающиеся личности, которые жили во Флоренции в предшествующее Ренессансу время? Думаю, что неизвестны или известны весьма слабо. Вы представляете, что может случиться, если в библиотеке Каппони он обнаружит

рукопись… Гвидо Кавальканти[23], например. Распознает ли доктор Фелл ее? Считаю, что и в этом случае ответ будет отрицательный. Не могли бы вы, достопочтенный доктор, лично ответить на эти вопросы?

Ринальдо Пацци обвел взглядом помещение, но среди присутствующих не увидел никого, кто мог бы быть доктором Феллом, хотя лишь час назад изучал фотографию этого человека. Не заметил он доктора потому, что тот не сидел вместе с остальными. Пацци вначале услышал голос Фелла и лишь потом увидел его.

Доктор Фелл, повернувшись спиной к оратору и аудитории, неподвижно стоял в тени большой скульптуры Юдифи и Олоферна. Он говорил, не меняя положения, и было трудно понять, кто произносит слова — Юдифь, занесшая меч над головой опьяневшего царя, Олоферн, которого дама свободной рукой тянула за шевелюру, или сам невысокий и изящный доктор Фелл, стоящий рядом с бронзовым творением Донателло. Звук его голоса прорезал шум, как лазерный луч прорезает клуб дыма, и болтающие между собой члены обоих комитетов мгновенно умолкли.

---

[23] Примечания: 23

Гвидо Кавальканти (ок. 1255–1300) — итальянский поэт, флорентиец, друг Данте. Ведущий представитель «дольче стиль нуово».

— Первый сонет Данте, в котором поэт живописует свой странный сон о Беатриче Портинари, Кавальканти отметил публично, — сказал доктор Фелл. — Впрочем, нельзя исключать того, что он делал это и приватным образом. Если он и писал кому-то из Каппони, то адресатом скорее всего был Андреа — более образованный, нежели его братья. — Доктор Фелл выдержал долгую паузу, показавшуюся всем бесконечной, а затем, повернувшись лицом к аудитории, продолжил: — Вы знакомы с первым сонетом Данте, профессор Сольято? Вы его читали? Сонет привел Кавальканти в восхищение и вполне заслуживает вашего внимания. Вот он, или, скорее, большая его часть:

Уж треть часов, когда давно планетам
Сиять сильнее, путь свершили свой,
Когда Любовь предстала предо мной
Такой, что страшно вспомнить мне об этом.

В веселье шла Любовь; и на ладони
Мое держала сердце; а в руках
Несла мадонну, спящую смиренно;

И, пробудив, дала вкусить мадонне

От сердца, — и вкушала та смятенно.
Потом Любовь исчезла вся в слезах.

А теперь послушайте, как сонет звучит на ином инструменте, на языке народа, на языке, который сам Данте называл вульгарной элоквенцией, или красноречием простонародья:

Allegro mi sembrava Amor tenendo
Meo core in mano, e ne le braccia avea
Madonna involta in un drappo dormendo
Poi la svegliava, e d'esto core ardendo
Lei paventosa umilmente pascea
Appreso gir lo ne vedea piangendo.

Даже самые придирчивые ревнители флорентийских традиций, собравшиеся в украшенном фресками салоне, не смогли устоять, услышав сонет Данте, прочитанный доктором Феллом на безукоризненном старотосканском наречии. Раздались аплодисменты, а самые чувствительные участники ареопага со слезами на глазах бросились поздравлять доктора Фелла. Одним словом, доктор Фелл был назначен хранителем палаццо Каппони, и оставшийся в одиночестве профессор дымился от злости. Был ли доволен своей победой доктор Фелл, наверняка сказать нельзя, так

как доктор снова повернулся к публике спиной. Но профессор Сольято еще не капитулировал окончательно:

— Если он такой специалист по Данте, то пусть прочитает лекцию о Данте перед «Студиоло». — Последнее слово Сольято прошипел так, словно речь шла об инквизиции. — Пусть он предстанет перед ними extempore[24], в следующую пятницу, если пожелает.

Речь шла, конечно, не об инквизиции, а о чем-то к ней весьма близком. Так называлась небольшая группа самых яростных ортодоксов, уничтоживших немало научных репутаций. В первый раз группка собралась в палаццо Веккьо в небольшом, изящно украшенном кабинете, именуемом «Студиоло»[25], что и дало ей это необычное название. Подготовка к выступлению перед этими людьми была довольно мутор-ной работой, а появление в «Студиоло» грозило неприятностями. Дядя Сольято поддержал пред-ложение племянника, зять Сольято потребовал голосования, а сестра профессора мгновенно

---

[24] Примечания: 24

Здесь: не откладывая *(ит.)*

[25] Примечания: 25

Кабинет Франческо I Медичи, спроектирован Вазари, украшен работа-ми флорентийских художников-маньеристов.

внесла результаты в протокол. Предложение Сольято прошло. Назначение доктора Фелла состоялось, но при том условии, что его поддержит группа «Студиоло».

Комитеты получили нового хранителя палаццо Каппони, по старому они не скучали и поэтому едва цедили слова, отвечая на вопросы впавшего в немилость Главного следователя Пацци. Ринальдо Пацци держался просто восхитительно.

Как всякий хороший следователь, он сумел обратить неблагоприятные обстоятельства себе на пользу. Во-первых, кто больше всех выиграл от исчезновения прежнего хранителя? Пропавший был холостяком, всеми уважаемым ученым и вел весьма размеренный образ жизни. У него имелись кое-какие сбережения. Впрочем, ничего особенного. Самой большой ценностью для старика были его работа и право жить в чердачных помещениях палаццо Каппони.

И вот перед ним был новый хранитель, получивший назначение после тщательной проверки его познаний в истории Флоренции и степени владения архаичным итальянским языком. Пацци изучил заполненные доктором анкеты и познакомился со свидетельством о состоянии его здоровья, заверенным Национальной медицин-

ской ассоциацией.

Когда члены комитетов уже начали застегивать свои портфели, чтобы отправиться по домам, Пацци подошел к свежеиспеченному смотрителю.

— Доктор Фелл!

— Слушаю вас, коммендаторе.

Новый хранитель был невелик ростом и ладно скроен. Верхняя часть стекол его очков была слегка затемнена, а темный костюм прекрасно сшит, даже по итальянским стандартам.

— Меня интересует, встречались ли вы когда-нибудь прежде со своим предшественником? — Антенна опытного полицейского была настроена на волну страха у собеседника.

Однако внимательно вглядываясь в доктора Фелла, Пацци не мог уловить в нем ни малейших признаков тревоги.

— Никогда с ним не встречался. Всего лишь читал несколько его статей в «Нуова антологиа».

Разговорный тосканский доктора был столь же точен, как и тот старотосканский, на котором он читал стихи. Если в нем и присутствовал легкий акцент, то его происхождения Пацци определить не мог.

— Мне известно, что полицейские, стоявшие у

истоков расследования, перерыли весь палаццо Каппони в поисках прощального письма или записки о самоубийстве. Если вы случайно что-то обнаружите в бумагах, что-то даже совершенно тривиальное, вас не затруднит позвонить мне?

— Нисколько, коммендаторе Пацци. Позвоню, вне всяких сомнений.

— Его личные вещи все еще в палаццо?

— Да. В двух чемоданах. Имеется реестр всех предметов.

— Я пришлю… Я зайду, чтобы их забрать.

— Позвоните мне перед приходом, коммендаторе. Я перед вашим появлением успею отключить систему охраны и тем сэкономлю ваше драгоценное время.

«Этот человек чересчур спокоен. По правде говоря, Фелл должен меня немного опасаться, а он вместо этого просит предупреждать о приходе».

Члены комитета изрядно потрепали оперение Пацци, и с этим он ничего не мог сделать. Теперь и этот тип демонстрирует свое высокомерие. Пацци решил нанести ему удар.

— Доктор Фелл, вы позволите задать вам личный вопрос?

— Пожалуйста, коммендаторе, если этого требует ваш долг.

— На тыльной стороне вашей левой ладони я заметил сравнительно свежий шрам.

— А я заметил, что у вас совсем свежее обручальное кольцо. La Vita Nuova?[26] — с улыбкой спросил доктор. У него были мелкие, очень белые зубы. Пока Пацци изумлялся, не зная, чувствовать себя оскорбленным или нет, Фелл поднял руку со шрамом и продолжил: — Ограничение подвижности лучезапястного сустава. Изучение истории — опасное занятие, коммендаторе.

— Почему вы не сообщили об ограниченной подвижности сустава, заполняя обязательную форму Национальной медицинской ассоциации?

— У меня сложилось впечатление, коммендаторе, что всякого рода повреждения имеют значение лишь в тех случаях, когда человек становится инвалидом и начинает получать пенсию. К моему случаю это не относится. Я не инвалид.

— Следовательно, операция была произведена в Бразилии, по месту вашего прежнего жительства.

— Во всяком случае — не в Италии. Так что

---

[26] Примечания: 26
Новая жизнь? *(ит.)*

итальянскому правительству я ничего не должен, — сказал доктор Фелл таким тоном, как будто считал, что вопрос исчерпан.

Из Салона лилий они уходили последними. Пацци уже был в дверях, когда его вдруг окликнул доктор Фелл:

— Коммендаторе Пацци?

Доктор Фелл был теперь черным силуэтом на фоне высокого окна, вдали за окном возвышался купол собора.

— Да?

— Мне кажется, что вы — Пацци из рода тех самых знаменитых Пацци. Я не ошибся?

— Нет, не ошиблись. Но как вы об этом узнали? — спросил Пацци, ожидая услышать, что доктор вычитал все из оскорблявших его все последнее время газет.

— Вы очень похожи на персонаж, изображенный на одном из медальонов в вашей семейной часовне в соборе Санта-Кроче.

— О! Это Андреа де Пацци. Делла Роббиа[27] изобразил его в виде Иоанна Крестителя, — сказал Пацци, чувствуя, как в его ледяное сердце прокрадывается малая толика тепла.

---

[27] Примечания: 27

Семья скульпторов. Впервые применили в скульптуре технику майолики. Здесь идет речь об Андреа делла Роббиа (1435–1525).

Когда Ринальдо Пацци выходил в коридор, оставляя доктора Фелла в полутемном салоне, его больше всего поразило уверенное спокойствие, в котором пребывал доктор. Таково было главное впечатление следователя после встречи с ученым-историком.

Очень скоро ему предстояло существенно углубить и расширить это впечатление.

Глава 20

Теперь, когда мир, в котором мы обитаем, огрубил наши сердца и сделал их бесчувственными к проявлениям низости и беспутства, нам иногда полезно взглянуть на предметы, все еще представляющиеся людям воплощением зла и пока еще способные пробудить от сна равнодушия нашу так похожую на тесто, вялую и покорную совесть.

Во Флоренции открылась выставка, именуемая «Ужасающие орудия пыток», и именно на этой выставке Ринальдо Пацци во второй раз встретил доктора Фелла.

Экспозиция состояла более чем из двух десятков классических пыточных инструментов, множества иллюстративных материалов и документов. Размещалась она в Форте ди Бельведере, возведенном Медичи в шестнадцатом веке для защиты южной стены города. Твердыня имела грозный и весьма неприветливый вид. Выставка совершенно неожиданно вызвала ненормальный ажиотаж. Некоторые зрители испытывали такое возбуждение, что создавалось впечатление, будто им в брюки забралась живая форель.

Рассчитанная на месяц экспозиция продержалась полгода. «Ужасающие орудия пыток» привлекли посетителей не меньше, чем Галерея Уффици, оставив далеко позади Музей дворца Питти.

Организаторы зрелища — пара неудачников таксидермистов, питавшихся ранее останками животных, из которых они делали чучела, стали миллионерами и, облачившись в новые смокинги, совершили триумфальное турне по всему континенту.

Посетители приходили, как правило, парами. Они приезжали во Флоренцию из разных уголков Европы. Туристы долгими часами слонялись между инструментами страданий, внимательно читая на одном из четырех доступных языков о достоинствах того или иного аппарата и о том, как им следует пользоваться. Иллюстрации Дюрера и иных выдающихся художников, так же как и дневники современников, просвещали посетителей и проливали свет на тонкости таких пыток, как, например, колесование.

Вот образчик одной из сопроводительных надписей:

Итальянские князья предпочитали

ломать кости своим жертвам, бросив их на землю и подложив под суставы конечностей деревянные брусья. (См, прилагаемый рисунок.) В качестве орудия перелома использовалось тяжелое колесо с металлическим ободом. В Северной Европе более популярным был иной способ. Жертву вначале привязывали к деревянному кресту и нарушали целостность костей с помощью металлического лома. Затем жертву размещали по окружности колеса, привязывая к спицам (сломанные конечности придавали ей требуемую гибкость). Голова все еще продолжала издавать крик. Последний метод являл собой более красочное зрелище, хотя развлечение могло кончиться преждевременно при попадании частичек костного мозга в сердце.

Выставка «Ужасающие орудия пыток» не могла пройти мимо внимания человека, считающего себя знатоком пороков рода человеческого. Однако суть пороков воплощалась вовсе не в Железной деве или в шесте с шипами для снятия кожи с живого человеческого существа. Самую мерзкую

сущность человеческого духа, его Изначальное Уродство, лучше всего было видно в выражении лиц зрителей.

В полутемном зале со стенами из камня, под свисающей с потолка металлической клеткой для обреченных на голодную смерть людей, стоял знаток и тонкий ценитель деликатесов доктор Фелл и с довольным видом взирал на бесконечную вереницу проходящих мимо него людей. В левой руке со шрамом доктор держал очки, прикасаясь кончиком дужки к губам.

Там и увидел его Ринальдо Пацци.

Пацци выполнял уже второе за этот день пустяковое задание. Вместо того чтобы наслаждаться ужином в обществе супруги, он протискивался сквозь толпу, чтобы прикрепить на видном месте плакат с предупреждением о Флорентийском монстре, которого ему так и не удалось схватить. Такой плакат висел и над его рабочим столом, рядом с объявлениями о других находящихся в розыске преступниках. Поместить на виду оскорбительный для Главного следователя плакат распорядились его новые начальники.

Таксидермисты, сообща следившие за кассой, были только рады сдобрить свое шоу щепоткой современных ужасов. Однако ни один из них не

желал оставить партнера наедине с наличностью. Поэтому они попросили Пацци повесить плакат без их помощи. Некоторые посетители из числа аборигенов узнали Пацци и, оставаясь невидимыми в толпе, шипели ему вслед.

Пацци приколол плакат с единственным пялящимся с него глазом к доске объявлений рядом с выходом, где его могла увидеть большая часть посетителей, и включил свет. Наблюдая за уходящими парочками, Пацци заметил, что многие из партнеров, испытывая непреодолимое желание, терлись друг о друга в толпе у выхода. Ему очень не хотелось снова увидеть живописно размещенные тела, кровь и цветы.

Поскольку Форте ди Бельведере находился неподалеку от палаццо Каппони, Ринальдо Пацци решил договориться с доктором Феллом о том, чтобы немедленно забрать вещи исчезнувшего хранителя. Но когда Пацци отвернулся от доски объявлений, доктор уже ушел. В толпе на выходе его не было. Там, где стоял Фелл, остались лишь каменная стена да свисающая с потолка клетка, в которой скорчившийся, похожий на человеческий зародыш скелет все еще продолжал молить о куске хлеба.

Пацци ощутил некоторое беспокойство. Про-

толкавшись локтями через толпу, он выскочил на воздух, но доктора так и не увидел.

Охранник на выходе, узнав Пацци, ничего не сказал, когда тот нырнул под ограждение и, сойдя с дорожки, зашагал по мрачной эспланаде Форте ди Бельведере. Подойдя к парапету, Главный следователь посмотрел на противоположный берег Арно. У его ног лежала старая Флоренция. Вдали высился залитый светом горб собора, а чуть ближе торчала сторожевая башня палаццо Веккьо.

Пацци — бедная душа, попав в совершенно немыслимые обстоятельства, — корчился в муках. Его родной город издевается над ним.

А это американское ФБР окончательно прикончило его, объявив в прессе, что разработанный Бюро психологический портрет Монстра не имеет ничего общего с арестованным мистером Пацци человеком. Это было похоже на удар ножа в спину. «Ла Нацьоне» посыпала соль на рану, сказав, что Пацци просто «сплавил Токку в тюрьму».

Последний раз Пацци выставлял синий плакат Монстра в Америке. Этот символ своей победы он повесил на стене Отдела изучения моделей поведения и по просьбе агентов ФБР поставил на нем автограф. Агенты прекрасно знали его, восхищались им и приглашали к себе домой. Он

и жена были самыми желанными гостями на побережье Мэриленда.

Стоя у темного парапета и глядя на свой древний город, он вдыхал солоноватый воздух Чесапикского залива и видел свою супругу на пляже. На ее ногах были новые белые кроссовки.

В Квонтико Пацци показали изображение Флоренции как некий раритет. Это был вид города с того места, где он сейчас находился. Лучшего вида старой Флоренции, чем с Форте ди Бельведере, не существовало. Но изображение было черно-белым. Это был рисунок карандашом, с нанесенными углем тенями. Самым интересным в рисунке было то, что он был сделан на оборотной стороне фотографии американского серийного убийцы доктора Ганнибала Лектера. Ганнибала — Каннибала. Лектер нарисовал Флоренцию по памяти, и рисунок висел в его камере в психушке, месте столь же унылом, как и сам Форте ди Бельведере.

Пацци не знал, в какой именно момент его осенила эта замечательная идея. Но он не сомневался в том, что ее породило слияние нескольких образов: реальной Флоренции, раскинувшейся у его ног, рисунка, который только что всплыл в его памяти, плаката Монстра и объявления о розыс-

ке, напечатанного по заказу Мейсона Вергера. Это объявление висело в рабочем кабинете Пацци, и на нем был изображен доктор Ганнибал Лектер. За сведения, обеспечивавшие арест доктора Лектера, Мейсон Вергер обещал огромную награду. Кроме того, в плакате сообщались некоторые важные детали о преступнике. В частности, там говорилось:

> ДОКТОР ЛЕКТЕР ВЫНУЖДЕН ПРЯТАТЬ КИСТЬ ЛЕВОЙ РУКИ. НЕЛЬЗЯ ИСКЛЮЧАТЬ, ЧТО ОН МОЖЕТ ПОПЫТАТЬСЯ ПРОВЕСТИ НА НЕЙ ХИРУРГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ТАК КАК СВОЙСТВЕННАЯ ЕМУ ПОЛИДАКТИЛЬНОСТЬ (ЛИШНИЕ ПАЛЬЦЫ НА РУКЕ) — ЯВЛЕНИЕ ВЕСЬМА РЕДКОЕ И СПОСОБСТВУЕТ ЕГО ИДЕНТИФИКАЦИИ.

На руке, в которой доктор Фелл держал очки, имелся шрам. Детальный рисунок Флоренции на стене в его камере. Откуда пришла эта идея? Может быть, ее родил освещенный город, на который он смотрел с высоты? А может быть, она спустилась с темных небес? И почему предвестником этой идеи стал привкус солоноватого бриза, дующего с залива Чесапик?

Как ни странно для человека, мыслящего

образами, открытие на сей раз пришло в сопровождении звука. Так звучит крупная капля при падении на поверхность стоячей воды.

Ганнибал Лектер бежал во Флоренцию.

Бульк!

Ганнибал Лектер — не кто иной, как доктор Фелл.

Внутренний голос твердил ему, что он, не выдержав моральных мук, сошел с ума и теперь, как тот скелет в клетке, ломает зубы о железные решетки своей тюрьмы.

Пацци не помнил, каким образом оказался у ворот Ренессанс, ведущих из Бельведера на узкую, круто сбегающую вниз, извилистую улицу Коста ди Сан-Джорджио. По этой улице до сердца Старой Флоренции было не более километра. Казалось, что ноги сами тащат его по булыжной мостовой, заставляя шагать быстрее, чем ему хотелось. Ринальдо Пацци внимательно смотрел перед собой, разыскивая глазами человека, именуемого доктором Феллом, поскольку именно по этой улице должен был идти домой доктор. Дойдя до середины склона, Пацци свернул на улицу Коста Скарпуччиа. Продолжив спуск уже по ней, Главный следователь оказался у самой реки на виа де Барди. Совсем рядом находился палаццо

Каппони — обиталище доктора Фелла.

Запыхавшийся от быстрого спуска Пацци нашел темное местечко как раз напротив дворца. Это был вход в подъезд жилого дома. Если кто-то пойдет мимо, можно будет повернуться спиной и сделать вид, что нажимаешь на кнопку звонка.

Света в окнах дворца не было, и Пацци со своего места мог заметить красный глазок телекамеры над тяжелой двустворчатой дверью. Он не знал, работает ли камера постоянно или только тогда, когда кто-то звонит в дверь. Камера стояла в довольно глубокой нише и, как считал Пацци, вести наблюдение вдоль фасада не могла.

Он прождал полчаса, прислушиваясь к своему дыханию, но доктор так и не появился. Возможно, он уже был дома, но свет почему-то зажигать не стал.

Улица была совершенно пустынна. Пацци быстро перебежал на противоположную сторону и прижался к стене.

Из дома до него едва-едва долетал какой-то звук. Чтобы лучше слышать. Главный следователь приник ухом к решетке окна. Клавикорды. Кто-то играет баховские «Вариации на тему Гольдберга». И играет очень хорошо.

Надо выждать, хорошенько проследить и все

тщательно взвесить. Рано сливать лоток. Золото еще не намыто. Надо подумать, как поступить. Ему вовсе не улыбалось второй раз оказаться в дураках.

Когда Главный следователь Ринальдо Пацци снова пятился в тень на противоположной стороне улицы, последним на свету оставался кончик его носа.

Глава 21

Согласно легенде, христианский мученик святой Миниато поднял с песка римского цирка свою отрубленную голову и, взяв ее под мышку, прошагал до склона холма на противоположном берегу реки, где с тех пор и покоится в великолепной церкви, получившей его имя.

Тело святого Миниато, широко расправив плечи, а может быть, и сгорбившись, прошествовало, вне всякого сомнения, по той улице, где мы с вами сейчас находимся — по виа де Барди. В город пришел вечер, и улица опустела. Выложенные замысловатым узором камни мостовой блестят под мелким зимним дождем, недостаточно холодным даже для того, чтобы убить стойкий кошачий запах. Мы с вами находимся среди дворцов, сооруженных шесть сотен лет тому назад князьями коммерции — созидателями правителей и великими ценителями флорентийского искусства эпохи Ренессанса. На расстоянии полета стрелы от нас, на противоположном берегу Арно, видны злобные зубья парапета палаццо Веккьо на пьяцца Синьориа — на площади, где был повешен, а затем сожжен монах по имени Савонарола и где

находится Галерея Уффици с сотнями распятых в ней Христов.

Эти семейные дворцы, законсервированные усилиями современной итальянской бюрократии, стоят тесно прижавшись друг к другу, внешне очень похожие на унылые тюремные здания. Но в чреве своем они прячут просторные и молчаливые залы с высокими потолками и стенами, задрапированными или обитыми истлевающим шелком. Этих залов никто не видит, хотя их стены вот уже многие, многие годы украшают менее известные картины самых великих мастеров Ренессанса, и лишь вспышки столь редких в этих местах молний иногда выхватывают эти картины из постоянно окружающей их тьмы.

Вот здесь, совсем рядом с вами, стоит дворец, принадлежавший когда-то семейству Каппони — семейству, славившемуся целую тысячу лет. Один из Каппони разорвал и швырнул в лицо французскому королю предъявленный тем ультиматум, а другой Каппони даже занимал Святой престол.

В окнах палаццо Каппони за тяжелыми металлическими решетками сейчас нет света. Кольца, в которых когда-то ярко пылали факелы, опустели. В старинном, покрытом волосными

трещинами стекле вон того окна вы видите оставшееся еще с сороковых годов отверстие от пули. Подойдем ближе. Приложите ухо к холодному металлу так, как до вас это сделал полицейский, и прислушайтесь. До вас донесется едва слышный звук клавикордов. Кто-то играет баховские «Вариации на тему Гольдберга» — играет не безукоризненно, хотя и очень хорошо, демонстрируя прекрасное понимание музыки. Игру нельзя назвать совершенной лишь потому, что левая рука исполнителя чуть-чуть зажата.

Если вы верите в то, что вам ничто не грозит, пройдем в помещение. Не желаете ли вы войти в этот видевший славу и кровь дворец? Согласны ли вы, разрывая лицом паутину темноты, проследовать к тому месту, где столь изысканно звучат клавикорды? Глаз телекамеры нас не узрит. Торчащий у входа насквозь промокший полицейский нас тоже не увидит. Так пойдем же…

В вестибюле дворца царит почти полная тьма. Длинная каменная лестница. Холодные как лед перила скользят под нашей рукой. Ступени за сотни лет стерлись, и нам, поднимаясь на встречу с музыкой, приходится с осторожностью ставить ногу на их неровную поверхность.

Высокая двустворчатая дверь, ведущая в парад-

ный зал, заскрипит, если ее придется открывать. Однако для вас она предусмотрительно распахнута. Музыка льется из дальнего, дальнего угла, и в том же углу расположен единственный источник света. Это дверь в крошечную часовню, в которой мерцают красноватые огоньки множества свечей.

Приблизимся к источнику музыки. Нам кажется, что мы проходим мимо покрытой чехлами мебели. Но мы в этом не очень уверены, так как в полутьме и в колеблющемся отблеске свечей мебель эта представляется нам спящим стадом. Высокий потолок над нашими головами полностью скрывается во тьме.

Свечи бросают красноватые отблески на богато украшенные клавикорды и на человека, известного в среде специалистов по Ренессансу под именем доктора Фелла. Элегантный доктор, сидя за инструментом с горделиво выпрямленной спиной, целиком погрузился в музыку. Волосы музицирующего поблескивают в свете свечей, так же как и спина в великолепном шелковом халате, отчего ткань одеяния становится похожей на кожу.

На поднятой крышке инструмента изображена сцена пира, и колеблющийся свет свечей создает

полную иллюзию того, что фигуры пирующих пребывают в постоянном движении. Он играет, закрыв глаза. Ему не нужны ноты. На пюпитре, имеющем форму лиры, перед ним находится лишь скандальный американский таблоид «Нэшнл тэтлер». Газета свернута так, что мы видим лишь одно лицо на первой странице — лицо Клэрис Старлинг.

Наш «музыкант» улыбается, заканчивает пьесу, играет еще раз для собственного удовольствия сарабанду и, как только смолкают последние звуки, открывает глаза. Мы замечаем, что в центре каждого его зрачка светится крошечный, с булавочную головку, красный огонек. Он наклоняет голову чуть набок и смотрит на стоящую перед ним газету.

Затем музыкант беззвучно поднимается и уносит американский таблоид в маленькую, очень красивую часовню, сооруженную в то время, когда сама Америка еще не была открыта. Когда он в свете свечей разворачивает газету, создается впечатление, что святые на иконах над алтарем начинают читать ее, глядя через его плечо — словно это не святые, а утомленные стоянием в очереди покупатели. Шрифт размером в семьдесят два пункта кричит: «АНГЕЛ СМЕРТИ: КЛЭРИС

СТАРЛИНГ — МАШИНА ФБР, НЕСУЩАЯ ГИБЕЛЬ».

Он начинает задувать свечи, и лица над алтарем, изображенные в момент страдания или в состоянии благостной красоты, постепенно исчезают. Чтобы пересечь главный зал, свет ему не нужен. Когда доктор Ганнибал Лектер идет мимо нас, мы чувствуем колебание воздуха. Большая дверь скрипит и со стуком захлопывается. Удар настолько силен, что под нашими ногами дрожит пол. Тишина.

Затем мы слышим шаги в другой комнате. Звук шагов отражается от стен — они здесь ближе к нам, чем в зале, — и от потолка, который все так же высок и резкое эхо от него долетает с опозданием. В неподвижном воздухе ощущается запах старой веленевой бумаги, пергамента и погашенных свечных фитилей.

Мы слышим, как в темноте шелестит бумага и скрипит стул. Это доктор Лектер усаживается в огромное кресло в легендарной библиотеке Каппони. Его глаза частенько отражают красный свет, но сами они красным светом не горят, как клятвенно заверяют некоторые. В библиотеке царит полная тьма. Доктор предается размышлениям…

Да, доктор Лектер действительно создал ва-

кансию в палаццо Каппони, устранив прежнего хранителя. Для решения этой чрезвычайно простой задачи потребовались лишь несколько секунд работы со стариком и немного денег — ровно столько, сколько стоят два мешка цемента. Но после того как путь был расчищен, пост этот он получил по справедливости, продемонстрировав Комитету по изящным искусствам экстраординарные лингвистические способности. Доктор Лектер без всякой подготовки легко переводил средневековую латынь и староитальянский с густо исписанных черной готикой манускриптов.

Здесь он обрел покой, который постарается сохранить. За время пребывания во Флоренции он никого не убил, за исключением своего предшественника, естественно.

Пост переводчика и хранителя музея Каппони в силу целого ряда причин представляет для него особую ценность.

После стольких лет в крошечной камере сами размеры помещения и высота потолков стали иметь для него очень большое значение. Кроме того, он испытывает к дворцу особое влечение. Палаццо Каппони — единственное частное здание, которое своими размерами и убранством приближается к тому образу дворца, который он

тщательно лелеет в памяти с самого детства.

Библиотека дворца является уникальным собранием рукописей и писем, уходящих в прошлое, к началу тринадцатого века, и она может позволить ему узнать больше о себе самом.

На основании довольно разрозненных семейных преданий доктор Лектер считал, что его род восходит к некоему Джулиано Бевисанге (фигуре весьма зловещей в истории Тосканы двенадцатого века), а также к семействам Макиавелли и Висконти. Палаццо Каппони — идеальное место для исследования прошлого. Несколько абстрактный интерес доктора ко всему этому вовсе не связан с удовлетворением потребностей его эго. Доктор Лектер не нуждается в столь тривиальном ублажении своего тщеславия. Эго доктора, интеллект и способность к рациональному мышлению не поддаются измерению обычными средствами.

По правде говоря, психиатры расходятся во мнении, можно ли вообще считать доктора Лектера человеком. В течение долгих лет коллеги-психиатры, многие из которых пострадали от его ядовитого пера, считали доктора не человеческим существом, а чем-то совсем Иным. Для удобства они называли его Чудовищем.

Сейчас Чудовище сидит в темной библиотеке

и мысленно пишет цветные картины, вдыхая воздух средневековья. Он размышляет о полицейском.

Щелкает выключатель, и вспыхивает невысокая настольная лампа.

Теперь мы видим доктора Лектера в библиотеке Каппони. Он сидит за трапезным столом шестнадцатого века. За его спиной полки с множеством ячеек, заполненных рукописями и гроссбухами в парусиновых переплетах, самым старым из которых более восьмисот лет. Перед ним на столе лежит пачка писем шестнадцатого века от посла Флоренции в Венецианской республике. Чтобы письма не рассыпались, на них стоит небольшая статуэтка, отлитая Микеланджело в то время, когда скульптор прорабатывал варианты своего будущего рогатого Моисея. Чуть дальше на столе, между Моисеем и старинной чернильницей, располагается портативный компьютер, связанный с Миланским университетом и позволяющий вести исследования в диалоговом режиме.

Красные и синие пятна рядом с серыми и желтыми стопками пергамента и веленевой бумаги есть не что иное, как экземпляр «Нэшнл тэтлер». Тут же лежит и флорентийское издание «Ла Нацьоне».

Доктор Лектер выбирает итальянскую газету и начинает читать свежие нападки на Риналь-до Пацци, вызванные заявлением ФБР в связи со скандалом в деле Монстра. «Характер обви-няемого Токки совершенно не соответствует разработанному в нашем ведомстве психоло-гическому портрету», — заявил официальный представитель ФБР.

Дело Монстра доктора Лектера абсолютно не интересует. Однако некоторые обстоятельства из прошлого Пацци вызывают у него интерес. Какая жалость, что на его пути встретился поли-цейский, прошедший стажировку в Квантико. В учебниках Академии ФБР в качестве примера серийного убийцы обязательно присутствовал Ганнибал Лектер.

Когда доктор Лектер стоял рядом с Ринальдо Пацци, чувствуя запах его дыхания и глядя ему в лицо, он был уверен, что полицейский ничего не подозревает. Эта уверенность его не покинула даже после того, как Пацци спросил о шраме на левой руке Лектера. Главный следователь не заинтересовался доктором Феллом даже в связи с исчезновением старого хранителя.

После знакомства в палаццо Веккьо он встре-тился с полицейским еще раз — на выставке

пыточных инструментов. Пожалуй, было бы лучше, если бы вторая встреча состоялась на демонстрации орхидей.

Доктор Лектер не сомневался, что в голове полицейского уже заложены все необходимые элементы для озарения, однако эти элементы пока терялись в миллионах других известных ему фактов.

Не пора ли Ринальдо Пацци составить компанию покойному хранителю палаццо Каппони на свалке? А может быть, предпочтительнее, чтобы его тело обнаружили после не вызывающего сомнения самоубийства? «Ла Нацьоне» будет приятно удивлена, узнав, что сумела затравить Главного следователя до смерти.

Нет, пока не время, решило Чудовище и вернулось к своим пергаментным свиткам.

Доктор Лектер совершенно не тревожился. Его восхищал литературный стиль Нерри Каппони, банкира и посла Флоренции в Венецианской республике в пятнадцатом веке. До поздней ночи он ради собственного удовольствия читал — иногда даже вслух — письма посла в родной город.

Глава 22

Еще не наступил рассвет, а Ринальдо Пацци уже держал в руках фотографию доктора Фелла, сделанную для разрешения на трудоустройство. Негативы снимков доктора он сумел получить у карабинеров[28]. В распоряжении Пацци находились и прекрасные копии снимка лица доктора Лектера с плаката Мейсона Вергера. Оба лица по форме были идентичны, но если доктор Фелл действительно являлся доктором Лектером, то с его носом и щеками проводилась определенная работа. Возможно, ему была сделана инъекция коллагена.

Уши, правда, выглядели весьма многообещающе. Как Альфонс Бертильон сто лет назад, Пацци при помощи лупы изучал и сравнивал ушные раковины доктора Фелла и доктора Лектера. Создавалось впечатление, что уши идентичны.

Войдя на стареньком компьютере Квестуры в систему Интерпола, Пацци набрал код доступа к файлам ФБР с данными об особо опасных пре-

---

[28] Примечания: 28

Название личного состава полицейских органов Италии, выполняющих функции охраны порядка.

ступниках и запросил объемистое досье Лектера. Проклиная свой неторопливый модем, он читал текст с экрана до тех пор, пока в его глазах не начали роиться черные мошки. Он был достаточно хорошо знаком с делом, но две позиции заставили его затаить дыхание. Одна из них была достаточно старой, а вторая была введена совсем недавно, и в ней говорилось о том, что согласно имеющейся рентгенограмме доктору Лектеру, возможно, сделали хирургическую операцию на руке. В более старом документе — сканированном рукописном докладе полиции Теннесси — сообщалось, что Ганнибал Лектер убивал охранников в Мемфисе под звуки магнитофонной записи «Вариаций на тему Гольдберга».

В объявлении американского богача Мейсона Вергера, ставшего жертвой Ганнибала Лектера, содержался призыв позвонить в ФБР по прилагаемому номеру телефона. Там же имелось стандартное предупреждение о том, что Ганнибал Лектер вооружен и очень опасен. Но самое главное, непосредственно под обещанием об огромном вознаграждении был напечатан еще один номер телефона. Личного.

Авиабилеты от Флоренции до Парижа оказались чудовищно дорогими, но Пацци все

равно пришлось платить за них из собственного кармана. Он не верил в то, что французские полицейские не вмешаются, если попросить их соединить Квестуру с нужным номером, и знал, что прямые международные переговоры могут прослушиваться. Других способов связаться с Парижем Пацци не знал, поэтому ему и пришлось пойти на расходы.

По номеру, указанному Вергером, он позвонил из офиса «Американ экспресс», расположенного рядом с «Гранд-опера». Пацци предполагал, что разговор будет записан. По-английски он говорил хорошо, но понимал, что итальянский акцент его может выдать.

Ему ответил мужской голос, очень спокойный. Произношение было явно американским.

— Не могли бы вы сказать, что вам угодно?

— Я располагаю информацией о Ганнибале Лектере.

— Благодарю за звонок. Вам известно, где он находится в данный момент?

— Полагаю, что известно. Предложение о вознаграждении все еще действительно?

— Да. Располагаете ли вы доказательствами, что это он? Поймите, мы получаем множество ложных сообщений.

— Могу сказать, что ему проведена пластическая операция на лице и операция на левой руке. Но он все еще может играть «Вариации на тему Гольдберга». Все документы у него бразильские.

Пауза. Затем вопрос:

— Почему вы не сообщили полиции? Я обязан посоветовать вам сделать это.

— Предложение о вознаграждении действует при всех обстоятельствах?

— Вознаграждение выплачивается за сведения, способствующие аресту и осуждению преступника.

— Будет ли выплачено вознаграждение, если возникнут… ммм… особые обстоятельства?

— Вы имеете в виду выплату за прямую поимку доктора Лектера? Выплату человеку, который в иных обстоятельствах не имел бы права воспользоваться наградой?

— Именно.

— Что же, мы с вами стремимся к одной цели. Не вешайте, пожалуйста, трубку, не выслушав моего предложения. Выплата вознаграждения за чью-либо смерть, сэр, вступает в противоречие как с международными конвенциями, так и с законами Соединенных Штатов Америки. Не вешайте трубку, пожалуйста. Могу ли я спросить,

вы звоните из Европы?

— Да. Но больше я вам ничего не скажу.

— Прекрасно. Думаю, что вам следует связаться с хорошим юристом и обсудить с ним возможности получения вознаграждения без нарушения закона. Если желаете, я мог бы порекомендовать вам крупного специалиста в этой области. Могу ли я продиктовать вам номер, все разговоры по которому заранее оплачены? Я весьма настоятельно посоветовал бы вам позвонить ему и быть с ним предельно откровенным.

Следующий звонок Пацци сделал из телефонной будки в универмаге «Бон Марше». Теперь его собеседник говорил сухим, типично швейцарским тоном. Вся беседа заняла менее пяти минут.

За голову и руки доктора Ганнибала Лектера Мейсон готов заплатить миллион долларов. Столько же он заплатит и за сведения, которые обеспечат его арест. За живого доктора он частным образом готов выплатить три миллиона. Никаких вопросов при этом задано не будет, и полная тайна гарантируется. Условия сделки предусматривают аванс в сто тысяч долларов, выплачиваемый по представлению отпечатков пальцев доктора Лектера. При этом отпечатки

должны быть in situ, то есть на предмете. Если он все это сделает, то всю остальную наличность сможет получить в депозитном сейфе в швейцарском банке по своему усмотрению в удобное для него время. Прежде чем отправиться в аэропорт, Пацци купил для супруги шелковый муаровый пеньюар цвета персика.

Глава 23

Как вы поведете себя, осознав, что понятие о чести — не более чем суета сует? Согласитесь ли вы тогда со словами Марка Аврелия, сказавшего, что мнение грядущих поколений стоит ничуть не больше, чем мнение современников? Сможете ли вы тогда вести себя так, как подобает достойному человеку? И главное, насколько целесообразно в таком случае вести себя в соответствии с обычными стандартами?

И вот Ринальдо Пацци — из рода тех самых Пацци, Главный следователь Квестуры города Флоренции — должен решить, сколько стоит его честь и нет ли у него устремлений более весомых, нежели желание сохранить честь и достоинство.

Вернувшись из Парижа к ужину, он немного поспал. Ему хотелось посоветоваться с женой, но сделать этого он не мог и ограничился лишь тем, что воспользовался ее благосклонностью. Он долго лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к спокойному дыханию супруги. Поздно ночью, поняв, что уже не уснуть, он вышел из дома, чтобы прогуляться и все обдумать.

Никто не осмелится утверждать, что поня-

тие «корыстолюбие» чуждо для Италии. Пацци долго дышал воздухом родины, и многие черты национального характера проявлялись в нем довольно сильно. Кроме того, его естественная тяга к стяжательству и честолюбие получили хорошую подпитку в Америке, где все потребности, включая потребность поклоняться Маммоне, ощущаются острее и быстрее.

Когда Пацци, выйдя из Лоджии, остановился там, где был сожжен Савонарола, и стал вглядываться в залитый светом палаццо Веккьо, в котором умер его предок, ему казалось, что он все еще размышляет. На самом деле это было не так. Постепенно он все уже решил.

Мы склонны рассматривать наше решение как одномоментное явление, ставшее следствием процесса рационального и глубокого мышления. Однако принятие решения на самом деле больше похоже на замес теста. Оно приходит не как результат суммирования отдельных глубоких мыслей, а как следствие постепенного созревания их общей массы.

Пацци принимал решение, когда садился на самолет в Париж. Он принимал решение и час назад, когда жена в своем новом пеньюаре старательно выполняла свою супружескую обя-

занность. Он принимал решение и тогда, когда, протянув руку к ее щеке, чтобы пожелать спокойной ночи, вдруг почувствовал слезы под своими пальцами. В этот момент она, сама того не зная, заставила его страдать.

Снова почет и уважение? Еще одна возможность стоять рядом с архиепископом и, терпя его зловонное дыхание, наблюдать за тем, как при помощи священных кремней возжигается пламя в заднице тряпичной голубки? Новые восхваления политиканов, с частной жизнью которых он так хорошо знаком? Стоит ли стать полицейским, прославившимся тем, что схватил доктора Ганнибала Лектера? Слава полицейского очень недолговечна. Гораздо лучше будет ПРОДАТЬ ЕГО.

Мысль эта билась в мозгу побледневшего Ринальдо и пронзала его сердце. И вот он наконец решился. Как только сомнения исчезли, вместе с ними исчезли и зрительные образы. С ним остались лишь два запаха — запах жены и солоноватый запах Чесапикского побережья.

ПРОДАЙ ЕГО. ПРОДАЙ ЕГО. ПРОДАЙ ЕГО. ПРОДАЙ ЕГО. ПРОДАЙ ЕГО. ПРОДАЙ ЕГО.

Ринальдо Пацци этим решением нанес себе такой удар, который не смог нанести в 1478 году

сам Франческо де Пацци, когда, убивая Джулиано Медичи, он в своем яростном порыве поразил себя кинжалом в бедро.

Глава 24

Дактилоскопическая карта доктора Ганнибала Лектера является не только достопримечательностью, но и в некотором роде культовым объектом. Заключенный в рамку оригинал висит на стене в Отделе идентификации Федерального бюро расследований. В соответствии с установленным в ФБР порядком дактилоскопии рук с числом пальцев больше чем пять, отпечатки большого и четырех прилегающих к нему пальцев помещались на лицевой стороне карты, а отпечаток шестого — на обратной.

После первого бегства доктора копии дактилоскопических карт были разосланы по миру и увеличенное изображение отпечатка большого пальца Лектера находилось на плакате Мейсона Вергера. На отпечатке было помечено несколько идентификационных точек, и даже неопытный человек смог бы его без труда определить. Простое снятие отпечатков — дело несложное, и Пацци мог легко его произвести. Однако сложность состояла в том, что Вергер не хотел снятых отпечатков. Он желал получить отпечатки на предмете, чтобы его собственные эксперты могли

заняться определением. Мейсона уже неоднократно обманывали, посылая ему отпечатки пальцев, снятые на местах прошлых преступлений доктора Ганнибала Лектера.

Но как получить свежие отпечатки доктора Фелла, не спугнув его? Фелл может просто скрыться, и Пацци останется с носом.

Доктор крайне редко покидает палаццо Каппони, а до следующей сессии Комитета изящных искусств еще целый месяц. Нельзя так долго ждать лишь для того, чтобы поставить для доктора стакан с водой или, вернее, стаканы с водой для всех, так как сам комитет никогда не додумывался до подобных тонкостей.

Решив продать Ганнибала Лектера Мейсону Вергеру, Пацци обрек себя на работу в одиночестве. Он не мог позволить себе привлечь внимание Квестуры к доктору Феллу, затребовав ордер на проникновение в палаццо Веккьо. А о том, чтобы войти во дворец и взять отпечатки, не могло быть и речи. Палаццо очень тщательно охранялся.

Бак для отбросов, которым пользовался Фелл, был значительно новее и чище, чем другие подобные емкости в квартале. Пацци купил аналогичный бачок и глубокой ночью поменял

крышку на баке палаццо Каппони. Оцинкованная поверхность крышки бачка оказалась малопригодной для поставленных Пацци целей, и в результате своих ночных усилий он получил множество непригодных для идентификации отпечатков, сильносмахивающих на творчество художника-пуантилиста.

Утром Пацци, с воспаленными от бессонной ночи глазами, появился на Понте Веккьо. В расположенной здесь лавке ювелира он приобрел широкий, гладко полированный серебряный браслет вместе с бархатной подставкой, на которой тот хранился. В квартале ремесленников к югу от Арно, в узкой улочке напротив дворца Питти, он нашел еще одного ювелира, который стер с браслета имя изготовившего его мастера. Ювелир предложил покрыть браслет лаком, чтобы серебро не чернело, но получил отказ.

Внушающая ужас Солличчиано — флорентийская тюрьма расположена на дороге к Прато.

В женском отделении на втором этаже Ромула Ческу, прежде чем надеть свежую, просторную, холщовую рубашку, тщательно вымыла и вытерла груди, склонившись над глубоким корытом для стирки. Возвращающаяся из комнаты для свиданий цыганка что-то бросила ей на ходу

на своем языке. Меж бровей Ромулы появилась крошечная, едва заметная морщинка, однако ее миловидное личико сохранило постоянно свойственное ему торжественно-серьезное выражение.

Ей, как обычно, позволили спуститься со своего яруса в восемь тридцать, однако уже на подходе к комнате свиданий надзиратель перехватил Ромулу и направил в помещение для конфиденциальных бесед на нижнем этаже тюрьмы. Там вместо обычной медсестры она увидела Риналь-до Пацци с ее грудным сыном на руках.

— Привет, Ромула, — сказал он.

Цыганка быстро направилась к высокому полицейскому, хотя было ясно, что ребенка он так сразу не отдаст. Проголодавшийся младенец тянулся к матери.

Указав подбородком на стоящую в углу комнаты ширму, Пацци сказал:

— Там есть стул. Мы сможем поговорить, пока ты будешь его кормить.

— Поговорить о чем, дотторе?

Родным языком Ромулы был цыганский, но она вполне сносно говорила по-итальянски. Так же как по-французски, по-испански и по-английски. Говорила она сейчас просто, без всякого жеман-

ства и ухищрений. Тем более что артистические способности не спасли ее от трех месяцев тюрьмы за карманные кражи.

Ромула прошла за ширму. В пластиковом пакете, спрятанном в пеленках младенца, находилось сорок сигарет и шестьдесят пять тысяч лир (чуть больше сорока одного доллара) в потертых купюрах. Ей предстояло принять решение. Если полицейский обыскал младенца, то он может обвинить ее в контрабанде и лишить всех привилегий. Ребенок вцепился в грудь матери, а Ромула немного поразмышляла, глядя в потолок. С какой стати полицейскому напрягаться? Она и так в его руках. Ромула извлекла пакет и спрятала его у себя на теле под бельем. Из-за ширмы раздался голос Пацци:

— Ромула, от тебя здесь всем одни хлопоты. Содержание в тюрьме кормящей матери — пустопорожняя трата сил и средств. Здесь достаточно много по-настоящему больных людей, которым требуется забота медперсонала. Кроме того, неужели тебе нравится отдавать своего ребеночка в чужие руки, когда истекает время свидания?

Куда он гнет? Ромула знала, кто перед ней. Большой начальник, Pezzo da novanta, крупнока-

либерный ублюдок.

Ромула добывала средства к существованию тем, что изучала улицы и на основе полученной информации чистила карманы прохожих. У нее был довольно потрепанный для тридцатипятилетней женщины вид, но быстрота реакции сохранилась и чувства были столь же развиты, как у ночной бабочки.

Полицейский хорошо ухожен, думала она, глядя на Пацци поверх ширмы. Новое обручальное кольцо, блестящая обувь. Живет с женой. Имеет хорошую прислугу — воротник сорочки после глажения остался там, где ему положено быть. Бумажник во внутреннем кармане пиджака, ключи в правом кармане брюк, деньги в левом. Сложены пачкой, возможно, стянуты резинкой. Между ключами и деньгами «болт». Строен, выглядит мужественным, ухо слегка помято, на лбу чуть ниже линии волос шрам от удара. Любовью с ней он заниматься не намерен. В противном случае ребенка приносить бы не стал. Мужик, в общем, не находка, но с заключенными женщинами, видимо, не трахается. Пока ребенок сосет, лучше не смотреть в его черные глаза. Опасно. Интересно, с какой стати именно он принес сына? Хочет продемонстрировать свою власть,

желает показать, что может отнять ребенка? Что ему надо? Информацию? Если так, то она изложит ему всю подноготную пятнадцати цыган, которые никогда не существовали. Хорошо, а что я могу с этого иметь? Посмотрим. А тем временем покажем ему сосок.

Ромула вышла из-за ширмы. Под губками ребенка виднелся коричневый полумесяц соска.

— Там страшно жарко, — сказала она, внимательно наблюдая за выражением лица полицейского. — Не могли бы вы открыть окно?

— Я могу сделать нечто большее, Ромула. Я могу открыть дверь, и ты это знаешь.

В комнате стало тихо. Издалека доносился шум тюрьмы Солличчиано, так похожий на постоянную головную боль.

— Скажите, что вы хотите. Чем мне предстоит заниматься? Я согласна на многое, но не на все.

Инстинкт подсказал Ромуле, что полицейский будет ее больше уважать, ели она выступит с подобным предостережением.

— Займешься всего лишь своим обычным делом, — сказал Пацци. — Но я хочу, чтобы ты его провалила.

Глава 25

Днем они вели наблюдение за фасадом палаццо Каппони. Они — это Ромула, еще одна цыганка, которая помогала Ромуле заниматься ребенком и вполне могла сойти за ее старшую сестру, и, наконец, Пацци, убегавший при первой возможности с работы. Наблюдение велось из закрытого ставнями окна дома на противоположной стороне улицы.

Деревянная рука, которую Ромула использовала в своем ремесле, лежала наготове на стоящем в спальне стуле.

Разрешение на дневное использование квартиры Пацци получил от учителя расположенной неподалеку школы имени Данте Алигьери. Ромула настояла на том, чтобы в небольшом холодильнике ей и младенцу выделили специальную полку.

Долго ждать им не пришлось.

На второй день наблюдения, в девять тридцать утра, сидящая у окна помощница Ромулы предупреждающе зашипела. В стене палаццо напротив возник черный проем. Это распахнулась вовнутрь одна из створок его массивных дверей.

Из дверей появился человек, известный во Флоренции под именем доктора Фелла. Невысокий, изящный, чем-то похожий на норку, он остановился на пороге дома, чтобы понюхать воздух и осмотреть улицу. Щелкнув пультом дистанционного управления, он включил систему охраны и потянул дверь за огромную металлическую ручку. Ручку покрывали пятна ржавчины, и отпечатков на ней не оставалось.

В руках доктор держал сумку. Он отправился за покупками.

Увидев через щели в ставнях доктора Фелла, пожилая цыганка резко схватила Ромулу за руку, словно пыталась удержать ее, взглянула подруге в лицо и покачала головой, пока полицейский не смотрел в их сторону.

Пацци сразу понял, куда шагает Фелл.

Разбирая мусор в бачке доктора Фелла, Пацци видел упаковку из превосходного продовольственного магазина «Вера даль 1926», расположенного на виа Сан-Джакопо, рядом с мостом Святой Троицы. Пацци, глядя в окно, видел, что доктор направился именно туда. Ромула тем временем влезала в свой наряд.

— Деликатесная лавка, — сказал Пацци. Будучи не в силах удержаться, он в пятый раз принялся

инструктировать Ромулу. — Следуй за ним. Жди на этой стороне Понте Веккьо. Встретишь его на обратном пути, когда он будет нести полную сумку. Я пойду впереди его на расстоянии половины квартала, так что вначале ты увидишь меня. Я останусь поблизости. Если возникнут сложности и тебя задержат, я немедленно вмешаюсь. Если он отправится в другое место, возвращайся в квартиру. Я тебе позвоню. Когда поедешь ко мне, выстави этот пропуск на ветровом стекле такси.

— Ваше сиятельство, — преувеличенно почтительно, в свойственном итальянцам ироничном стиле обратилась к нему Ромула, — если возникнут сложности и ко мне на помощь придет кто-то еще, не чините этому человеку препятствий, позвольте ему убежать. Мой друг ничего не украдет.

Облаченный в грязный комбинезон Пацци натянул на голову кепку и, не дожидаясь лифта, кинулся вниз по лестнице. Наружное наблюдение во Флоренции вести очень сложно, так как тротуары там узки, а на мостовой за вашу жизнь никто не даст и ломаного гроша. У входа в дом Пацци оставил изрядно побитый мотороллер, с прикрепленной к нему связкой метелок. Мотор завелся с первой попытки, и полицейский, окруженный клубом синего дыма, двинулся по

булыжной мостовой. Мотороллер прыгал по неровным камням, и Пацци казалось, что он сидит на бегущем рысцой ослике. Несмотря на все попытки других участников сумасшедшего уличного движения подогнать его гудками, он ехал неторопливо. Ему надо было убить время, чтобы проверить, куда направляется доктор Фелл. В одном месте Пацци даже пришлось остановиться, якобы для покупки сигарет. Виа де Барди, по которой он ехал, переходила в Борго Сан-Джакопо — улицу с односторонним, идущим в противоположном направлении движением, и Пацци пришлось бросить свой драндулет на тротуаре. Он продолжил путь пешком, ловко лавируя среди толпившихся на южном конце Понте Веккьо туристов.

Жители Флоренции утверждают, что в славящемся изобилием самых разных сыров и трюфелей магазине «Вера даль 1926» пахнет так, как должны пахнуть ноги Господа Бога.

Доктор явно не торопился. Он весьма тщательно отбирал первые белые трюфели нового сезона. Пацци мог видеть его спину через стекло витрины, которую украшали разнообразные сорта

ветчины и пасты[29].

Полицейский прошел за угол и снова вернулся. Затем он умылся в фонтане. Вода в бассейн изливалась изо рта чумазой усатой физиономии с торчащими по бокам львиными ушами.

— Тебе пришлось бы сбрить это безобразие, если бы ты работал у меня, — сказал Ринальдо фонтану и похолодел, увидев выходящего из дверей магазина доктора.

Фелл двинулся по Борго Сан-Джакопо в направлении своего дома. В сумке, которую он нес в руке, теперь было несколько небольших пакетов. Пацци пошел чуть впереди доктора по противоположной стороне улицы. Толпа на узком тротуаре вынудила полицейского сойти на мостовую, и боковое зеркало проезжающей мимо патрульной машины карабинеров больно ударило его по руке, едва не разбив часы. «Разуй глаза, кретин!» — заорал, высунувшись из окна, водитель, и Пацци дал себе клятву отомстить карабинерам. К тому времени, когда он добрался до Понто Веккьо, доктор уже отстал от него метров на сорок.

Ромула стояла у подъезда. Младенец покоился

---

[29] Примечания: 29
Различные виды макаронных изделий.

на деревянной руке. Одна ее настоящая рука была протянута за подаянием, а другая, спрятанная под широкими одеждами, изготовилась нырнуть в чужой карман и добавить очередной бумажник к тем двумстам, которые она успела украсть до этого. На запястье скрытой под одеждой руки плотно сидел полированный серебряный браслет.

Через несколько мгновений жертва вольется в поток выходящих со старого моста людей. Как только доктор Фелл выйдет из толпы и свернет на виа де Барди, ему навстречу выступит Ромула, чтобы сделать свое дело и тут же нырнуть в гущу разгуливающих по мосту туристов.

В толпе находился и приятель Ромулы, на которого она могла полностью положиться. О своей жертве цыганка ничего не знала, а полицейскому не доверяла. Жиль Превер, проходящий в некоторых полицейских досье как Жиль Дюмэн или Роже Ледюк, но более известный в местных кругах под именем Ньокко, болтался в толпе на южной оконечности моста, ожидая, когда Ромула запустит руку в карман. Внешне Ньокко являл собой ходячий скелет: усохшее тело, вместо физиономии — обтянутый кожей череп. Но при всем при том он был чрезвычайно подвижен и достаточно силен для того, чтобы помочь Ромуле,

если у той дело пойдет скверно.

В одежде клерка он ничем не выделялся из толпы. Правда, время от времени он посматривал поверх голов так, словно бродил в прериях по городу-призраку, населенному лишь бродячими собаками. Если жертва схватит Ромулу и попытается ее задержать, Ньокко споткнется и, упав на мерзавца, будет с извинениями хвататься за него до тех пор, пока подруга не скроется. Он уже не раз с успехом проделывал этот трюк.

Пацци прошел мимо Ромулы и стал в хвост очереди к торговцу соками, откуда открывался прекрасный вид на «поле битвы».

Оценив опытным взглядом расстояние до шагающего по направлению к ней невысокого изящного человека, Ромула отошла от подъезда. Цыганка с удивительной легкостью двигалась сквозь толпу, прижимая ребенка к груди своей искусственной рукой из дерева и парусины. Пока все в порядке. Теперь она, как всегда, поцелует пальцы своей находящейся на виду руки, и протянет их к его лицу якобы для того, чтобы передать поцелуй. Другой же рукой она станет тыкать ему в ребра, как бы пытаясь нащупать кошелек. Делать это надо до тех пор, пока он не схватит ее за запястье. После этого можно убегать.

Пацци заверил ее, что жертва не может позволить себе обратиться в полицию и постарается скрыться с места преступления. Кроме того, за все время занятия этим ремеслом никто ни разу не пытался применить насилие по отношению к женщине с младенцем на руках. Жертва, как правило, считала, что это кто-то другой копался в кармане его пиджака. Цыганка, чтобы не попасться на краже, сама не раз обвиняла невинных прохожих в карманном воровстве.

Ромула, двигаясь в толпе по тротуару, высвободила спрятанную руку и поместила ее под деревянный муляж, на котором покоился младенец. Теперь от жертвы ее отделяло не более десятка метров заполненного качающимися головами пространства. Цель приближалась.

Святая Мадонна! Что это? Доктор Фелл вдруг повернул и нырнул в гущу толпы, двигавшуюся через реку по Понто Веккьо. Он шел вовсе не домой. Ромула вклинилась в эту толпу, но догнать его не смогла. Партнер, находившийся все еще впереди доктора, бросил на нее вопросительный взгляд. Она покачала головой, и Ньокко позволил доктору пройти мимо. Ничего хорошего не получится, если парень попробует залезть ему в карман.

Пацци подбежал к ней и прорычал, как будто она была во всем виновата:

— Отправляйся в квартиру. Я тебе позвоню. Пропуск для проезда в старый город у тебя? Уходи. Уходи, тебе говорят!

Затем Главный следователь сел на мотороллер и покатил по мосту через мутный, как нефрит, Арно в том направлении, куда двинулся доктор. Пацци думал, что окончательно потерял след Фелла, однако на другой стороне реки он снова увидел объект наблюдения. Доктор задержался ненадолго у аркады Лунгарно, чтобы бросить взгляд на работу уличного художника. Когда Фелл зашагал снова, размашисто и быстро, Пацци догадался, что доктор держит путь в собор Санта-Кроче. Чтобы выдержать безопасную дистанцию, Пацци ехал очень медленно, игнорируя проклятия, доносящиеся из обгоняющих его машин.

Глава 26

Францисканская церковь Санта-Кроче. Под ее сводами одновременно звучат восемь языков, а орды туристов бестолково топчутся, старясь изо всех сил не потерять из виду цветные зонты своих гидов. Туристы в темноте роются по карманам в поисках монеты в двести лир, чтобы опустить ее в автомат и в сиянии вспыхнувшего света целую минуту любоваться великолепными фресками часовен. Они считают эту минуту самым славным мгновением своей жизни.

Ромула, войдя в собор из яркого солнечного утра, постояла недолго рядом с гробницей Микеланджело, чтобы дать возможность глазам привыкнуть к темноте. Заметив, что она стоит на вделанном в пол могильном камне, Ромула прошептала «Господи, помилуй!» и сошла с плиты. Живущие под землей мертвецы были для Ромулы не менее реальны, чем толпящиеся в соборе туристы, и, вне всякого сомнения, более могущественны. Дочь и внучка гадалок и хиромантов, Ромула считала, что люди внизу и люди наверху — две части одной толпы, разделенной лишь ведущей в смерть дверью. Те, кто обитал внизу,

были, по ее мнению, старше и умнее оставшихся на поверхности и поэтому имели преимущество над последними.

Она поискала глазами служку, человека, известного своей неприязнью к цыганам, и спряталась за колонной рядом с творением Антонио Росселлино «Мадонна молочная». Ребенок Ромулы, воспользовавшись моментом, принялся сосать грудь матери. Там и нашел ее Пацци, скрывавшийся до этого у могилы Галилея.

Движением головы он показал в глубину собора, где в темноте за трансептом[30] словно молнии блестели вспышки запретных фотоаппаратов и потрескивали таймеры, пережевывая монеты достоинством в двести лир, поддельные металлические кружочки, а иногда даже и австралийские четвертаки.

Великолепные фрески то появлялись в ослепительных вспышках, то снова исчезали в темноте. Когда загорался свет, Христос опять рождался, его снова предавали и пригвождали к кресту. Паломники топтались в темноте, держа в руках путеводители, которые было невозможно прочитать. Запах потных тел и аромат курений

---

[30] Примечания: 30

Трансепт — поперечный неф в крестообразных по плану зданиях.

создавали невообразимое амбре в согретом теплом свечей воздухе собора.

В левом трансепте, в капелле семейства Каппони, трудился доктор Фелл. Самая знаменитая капелла Каппони, как известно, находится в церкви Санта-Феличита. Однако доктора Фелла интересовала именно эта, отреставрированная в XIX веке, так как через реставрационные работы он мог заглянуть в прошлое. Доктор занимался тем, что втирал древесный уголь в бумагу — иного способа скопировать и прочитать наполовину затертые надписи на камне не было.

Проследив за деятельностью Фелла через небольшую подзорную трубу, Пацци понял, почему доктор явился в собор лишь с небольшой пластиковой сумкой. Все необходимые для работы инструменты и материалы он хранил за алтарем капеллы. Пацци чуть было не решил отказаться от услуг Ромулы и отпустить ее домой. Отпечатки можно получить и с инструментов доктора. Однако от этой идеи пришлось отказаться, так как, посмотрев внимательнее, полицейский увидел, что доктор, дабы не запачкать рук, трудится в перчатках.

Их задачу никак нельзя было отнести к числу легких. Способы, которые в своем ремесле

использовала Ромула, предназначались для улицы. Однако, с другой стороны, цыганка была последним человеком, способным вспугнуть преступника. Ее поступок не подтолкнет доктора к бегству. Нет. Если он и схватит воровку, то в худшем случае передаст ее служке. Пацци сможет вмешаться позже.

Но они имеют дело с безумцем. А что, если он убьет ее? А если он убьет ребенка? Чтобы принять решение, надо ответить на два вопроса. Вступит ли он в схватку с доктором, если возникнет угроза убийства? Да, ответил себе Пацци. Может ли он, чтобы получить деньги, допустить, чтобы Ромула и дитя слегка пострадали? Да, ответил он самому себе.

Надо просто дождаться момента, когда доктор Фелл снимет перчатки, чтобы отправиться на обед.

Шагая взад и вперед по трансепту, Пацци и Ромула обсуждали план дальнейших действий, и в этот момент полицейский заметил в толпе туристов знакомое лицо.

— Кто следит за тобой, Ромула? Выкладывай. Я видел эту рожу в тюрьме.

— Это мой друг, который задержит преследователей, если придется бежать. Он ничего не знает.

Ничего. Для вас же лучше. Вам не надо будет мараться.

Чтобы убить время, они заглянули в несколько боковых приделов и вознесли молитвы. Ромула шептала что-то на непонятном для Пацци языке, а самому ему тоже было о чем попросить Бога. Он молился о доме на берегу Чесапикского залива и о некоторых иных вещах, о которых в церкви думать вообще не полагалось.

Сквозь гул толпы прорывались сладкозвучные голоса приступивших к спевке хористов.

Прозвучал колокол, объявляя о полуденном закрытии собора. Появились служки и, звеня ключами, приготовились опорожнить ящики для сбора пожертвований.

Доктор Фелл оторвался от своих трудов и, встав рядом с Пиетой, работы Андреотти, стянул с рук перчатки и надел пиджак. Большая группа японцев, истощив монетные ресурсы, растерянно топталась в темноте, не понимая, что пора уходить.

Пацци без всякой на то необходимости толкнул Ромулу в бок. Цыганка и так знала, что пришло ее время. Она поцеловала темечко покоящейся на деревянной руке головки младенца.

Доктор приближался. Толпа заставит его прой-

ти совсем рядом с ней.

Ромула сделала три быстрых длинных шага и, оказавшись перед доктором, подняла руку так, чтобы та попала в поле его зрения. Затем она поцеловала пальцы и приготовилась коснуться ими щеки Фелла. Скрытая под муляжом другая рука была готова нырнуть в его карман.

Вспыхнул свет, кто-то, видимо, нашел монету, и, протягивая руку к щеке доктора, она ненароком взглянула ему в глаза. Красные точки в центре его зрачков неудержимо потянули Ромулу к себе. Цыганка похолодела, ее сердце бешено застучало о ребра, а рука, дернувшись назад, закрыла личико ребенка. Пробормотав «Простите, простите, синьор!» — она повернулась и бросилась прочь. Доктор смотрел ей вслед до тех пор, пока не погас свет и пока он сам снова не превратился в темный силуэт на фоне теплящихся в часовне свечей. Затем доктор легкой, быстрой походкой направился к выходу из собора. Побледневший от ярости Пацци нашел ее у чаши со святой водой. Цыганка снова и снова брызгала воду на головку младенца и промывала ему глазки на тот случай, если он ненароком посмотрел на доктора Фелла. Когда полицейский увидел искаженное лицо воровки, проклятия замерли у него на губах.

Во взгляде ее он прочитал ужас и печаль.

— Это дьявол, — прошептала она. — Шайтан, Сын утра. Теперь я видела его.

— Я отправляю тебя назад в тюрьму, — сказал Пацци.

Ромула посмотрела на личико ребенка и обреченно вздохнула. Так вздыхают лишь коровы, когда их ведут на убой, слышать такой вздох не было сил. Цыганка сняла широкий серебряный браслет, омыла его святой водой и сказала:

— Пока не надо.

Глава 27

Если бы Ринальдо Пацци решил выполнить свой долг, как положено офицеру полиции, он мог задержать доктора Фелла и без труда установить, является ли тот Ганнибалом Лектером или нет. В течение получаса он мог получить ордер на задержание и вытащить доктора из палаццо Каппони. Даже самая совершенная система охраны не смогла бы помешать ему сделать это. Он по своей воле, не предъявляя формальных обвинений, мог держать доктора под стражей достаточно долго для того, чтобы установить его личность.

Дактилоскопия, проведенная в Квестуре, уже через десять минут скажет, является ли доктор Фелл Ганнибалом Лектером, а более сложный анализ ДНК подтвердит идентификацию.

Однако всеми этими ресурсами Пацци, увы, не располагал. Решив продать доктора Лектера, он из офицера полиции превратился в частного сыщика, действующего в одиночку и вне закона. Даже от его тайных агентов не может быть никакой пользы, так как мерзавцы тут же начнут слежку за самим Пацци.

Задержка выводила Пацци из себя, но он по-прежнему был преисполнен решимости. Он заставит работать этих проклятых цыган…

— Не может ли Ньокко сделать это вместо тебя, Ромула? — спросил он. — Ты знаешь, где его найти?

Они находились в гостиной арендованной квартиры на виа де Барди, напротив палаццо Каппони. После провала операции в соборе Санта-Кроче прошло уже двенадцать часов. Невысокая настольная лампа освещала лишь нижнюю часть помещения до уровня пояса, и черные глаза Ринальдо Пацци поблескивали в полутьме.

— Я сделаю все сама, но без ребенка, — ответила Ромула. — Но вы должны мне дать…

— Нет. Я не могу допустить, чтобы он увидел тебя вторично. Итак, сможет ли Ньокко сделать это?

Ромула, облаченная в свое длинное, цветастое платье, сидела на стуле, низко согнувшись. Ее пышные груди покоились на бедрах, а голова едва не касалась колен. Деревянная рука одиноко валялась на другом стуле. В углу комнаты, с младенцем на руках, расположилась пожилая цыганка, возможно, кузина Ромулы. Занавеси были опущены, но Пацци, подглядывая в крошеч-

ную щель, видел, что в окне под самой крышей палаццо Каппони горит свет.

— Я смогу сделать это. Я изменю свой вид так, что он меня не узнает. Я могу…

— Нет.

— В таком случае это сделает Эсмеральда.

— Ни за что, — прозвучал голос из угла комнаты; пожилая цыганка впервые открыла рот. — Я до самой смерти готова заботиться о твоем ребенке, Ромула, но к Шайтану я не прикоснусь никогда. — Пацци лишь с большим трудом понимал ее итальянский.

— Сядь прямо, Ромула, — распорядился Пацци, — и посмотри на меня. Итак, сделает ли это Ньокко вместо тебя? Сегодня ты отправишься назад в Солличчиано. Сидеть тебе еще три месяца. Не исключено, что, когда ты в следующий раз будешь доставать сигареты из пеленок, тебя поймают… Я мог бы добавить тебе шесть месяцев, когда ты получила контрабанду прошлый раз, но не стал этого делать. Мне ничего не стоит добиться того, что по суду тебя объявят непригодной к материнству. Ребенка заберет государство. Но если я добуду отпечатки, тебя освободят, ты получишь два миллиона лир, твое досье исчезнет, и я помогу тебе получить австралийскую визу.

Может Ньокко сделать это для тебя?

Ромула не ответила.

— Неужели ты не знаешь, где найти Ньокко? — фыркнул Пацци. — Раскинь мозгами. Неужели ты хочешь получить свою деревянную лапу только через три месяца или даже позже? Дитя же отправится в приют для подкидышей. Оно там не будет в одиночестве, старуха станет туда наведываться.

— ОНО? Вы называете его Оно, коммендаторе? Мальчика зовут… — Она замолчала, решив в последний момент не называть имя ребенка этому человеку.

Ромула прикрыла лицо руками, чувствуя, как сильно бьется ее пульс.

— Я найду его, — сказала она, не отнимая рук от лица.

— Где?

— На площади Святого Духа, рядом с фонтаном. Они там разжигают костер, а кто-нибудь приносит вино.

— Я пойду с тобой.

— Лучше не надо, — ответила она. — Вы погубите его репутацию. У вас в залог останутся Эсмеральда и ребенок. Я обязательно вернусь.

Пьяцца Санто-Спирито — площадь Святого

Духа, — очень привлекательная днем, ночью приобретает зловещий и весьма неприятный вид. Собор закрывается на замок и маячит в темноте черной глыбой. Из популярной у местного люда траттории, именуемой «Касалинга», несмотря на поздний час, слышится шум и доносится запах горячей чесночной приправы.

Около фонтана мерцает небольшой костер и звучит цыганская гитара. В музыкальном исполнении энтузиазма явно больше, нежели таланта. Кто-то из стоящих в темноте людей поет, и поет вполне прилично. Как только певца вычисляют, его тут же вытаскивают на свет к костру и угощают вином сразу из нескольких бутылок. Он затягивает песнь о горькой судьбе, но его тут же останавливают и требуют исполнить что-нибудь более радостное.

Роже Ледюк, более известный под именем Ньокко, сидит на каменном парапете фонтана и что-то курит. Его взор уже слегка затуманен, однако Ромулу он видит мгновенно. Цыганка стоит в толпе за костром. Ньокко покупает у уличного торговца два апельсина и идет следом за ней подальше от людей. Они останавливаются под уличным фонарем довольно далеко от костра. Свет фонаря холоднее, чем свет костра, и он

вдобавок затенен листьями клена. Бледное лицо Ньокко кажется Ромуле чуть зеленоватым, а тени от листьев на нем похожими на подвижные синяки. Ромула смотрит на Ньокко, и ее ладонь лежит на его руке.

Из кулака Ньокко вдруг выскакивает длинное, похожее на язык гадюки лезвие ножа, и он чистит апельсин. Кожура плода свисает длинной вьющейся лентой. Он дает ей первый апельсин, и Ромула отправляет в рот одну дольку. Ньокко принимается чистить второй.

Они о чем-то коротко говорят по-цыгански. В ходе беседы Ньокко один раз пожимает плечами. Ромула дает ему сотовый телефон и показывает кнопки, на которые следует нажимать.

В ухе Ньокко звучит голос Пацци. Немного послушав, Ньокко складывает телефон и сует трубку в карман.

Ромула снимает с цепочки на шее какой-то крошечный амулет, целует его и вешает на шею своего низкорослого и крайне неопрятного приятеля. Тот косится на талисман и пускается в пляс, делая вид, что священный предмет жжет ему тело. Ромула слегка улыбается. Затем она снимает с запястья серебряный браслет и надевает его на руку мужчины. Браслет сидит превосходно. Рука

у Ньокко не крупнее, чем у нее.

— Ты можешь остаться со мной на часок? — спрашивает Ньокко.

— Да, — отвечает она.

Глава 28

Снова вечер, и мы опять видим доктора Фелла в каменном зале Форте ди Бельведере на выставке «Ужасающие орудия пыток». Доктор стоит, небрежно опершись о стену, над ним с потолка свисают железные клетки осужденных на смерть людей.

По лицам посетителей он изучает, в каких формах проявляется тяготеющее над родом человеческим проклятие. Он смотрит, как люди топчутся вокруг инструментов для страдания и как при этом трутся друг о друга, как потеют их шеи и краснеют щеки, как они сопят от волнения, как волосы встают дыбом у них на руках. Время от времени доктор подносит к носу ароматный платок, чтобы перебить густой запах одеколона и царящий в помещении дух обычной течки.

Преследователи доктора поджидают его снаружи.

Проходят часы. Доктор Фелл, которого никогда не интересовали экспонаты выставки, кажется, не может оторваться от созерцания толпы. Некоторые посетители замечают его внимание к себе и начинают ощущать некоторую неловкость.

Женщины, улучив момент, с интересом смотрят на него, пока толпа не заставляет их двигаться дальше. Небольшая сумма, выплаченная доктором двум чучельникам, устроившим выставку, позволяет ему спокойно стоять у стены за заграждением, оставаясь недостижимым для других зрителей.

А на улице у выхода ждет его, стоя под мелким дождем у парапета, Ринальдо Пацци. Главный следователь привык к длительному ожиданию.

Пацци было известно, что доктор не пойдет домой. У подножия холма на маленькой площади за фортом доктора ждал его автомобиль. Это был черный элегантный «Ягуар-салон Марк-2» со швейцарскими номерами. Машина, произведенная не менее тридцати лет назад, слегка поблескивала под дождем. Столь прекрасного автомобиля Пацци раньше видеть не доводилось. Доктор Фелл трудится явно не ради денег. Инспектор давно знал номер его машины, но проверить его через Интерпол не рискнул, На круто сбегавшей с холма мощенной булыжником виа Сан-Леонардо, где-то между Форте ди Бельведере и «ягуаром», доктора поджидал Ньокко. По обеим сторонам скверно освещенной улицы тянулись высокие каменные стены, ограждавшие укрыв-

шиеся за ними виллы. Ньокко нашел темную нишу в стене рядом с металлической калиткой и укрылся в ней от взоров множества идущих из форта туристов. Каждые десять минут в кармане его брюк пищал сотовый телефон, и он подтверждал, что находится на месте.

Туристы, стараясь спастись от дождя, прикрывали головы путеводителями и планами города. Узкий тротуар был забит до отказа, и некоторым пешеходам пришлось сойти на мостовую, замедляя движение немногих, спускающихся из форта такси.

А в каменном зале со сводчатым потолком доктор Фелл наконец отошел от стены и, посмотрев на скелет умершего в клетке от голода человека так, словно им двоим была известна какая-то тайна, направился к выходу.

Пацци вначале заметил его в проеме дверей, а затем под фонарем на площадке перед фортом. Подождав, когда доктор отойдет на безопасное расстояние, полицейский двинулся следом. Убедившись в том, что Фелл направляется вниз к машине, он открыл свой телефон и предупредил Ньокко.

Голова цыгана высунулась из-за воротника плаща так, как высовывается из-под панциря

черепаха. Он и внешне походил на это пресмыкающееся — морщинистая шея, запавшие глаза, обтянутый кожей череп. Закатав рукав выше локтя, Ньокко поплевал на браслет и тщательно протер его сухой тряпочкой. Теперь, после того как серебряный браслет был омыт святой водой и слюнями, украшенную им руку можно было спрятать за спину под плащ и спокойно дожидаться появления жертвы. Мимо него двигалась колонна покачивающихся голов. Ньокко, проложив себе локтями путь, пересек тротуар и вышел на проезжую часть улицы, где можно было идти против течения и откуда было лучше видно. Без помощника ему приходилось полагаться только на себя. Надо будет самому толкнуть жертву и запустить руку в ее карман. Вообще-то это было совсем несложно, ведь он как раз и рассчитывает на то, что его схватят за руку. А вот коротышка и появился. Слава Богу, что он идет по краю тротуара. Пацци следовал за доктором, отставая от него метров на тридцать.

Проезжую часть улицы Ньокко покинул весьма элегантно. Мимо него как раз проезжало такси. Сделав вид, что только что избежал столкновения с машиной, он повернулся, выругался, погрозил водителю кулаком и тут же налетел животом

на доктора Фелла. Его рука метнулась под плащ доктора. Доктор схватил Ньокко за запястье (цыган не ожидал такой силы у тщедушного на вид человека), вывернул руку и отбросил вора прочь, одновременно нанеся ему удар в низ живота. Затем, практически не замедлив шага, доктор Фелл влился в поток туристов и исчез.

В темной нише, рядом с металлическими воротами, Пацци появился одновременно с Ньокко. Цыган немного пригнулся, затем выпрямился и сказал, тяжело дыша:

— Все получилось. Он схватил меня как надо. Гад хотел ударить меня по яйцам, но промазал.

Пацци опустился на одно колено и стал осторожно снимать браслет с руки Ньокко. В этот момент цыган почувствовал, что по его ноге течет горячая жидкость. Как только он изменил положение тела, из разреза на его брюках прямо в лицо и на руки Пацци брызнул фонтан артериальной крови. Когда Ньокко пригнулся, чтобы взглянуть, что случилось, кровь залила и его лицо. Ноги цыгана подломились, и он рухнул лицом на решетку. Одной рукой он судорожно вцепился в металлические прутья ворот, а другой — пытался зажать рану в паху, чтобы остановить поток крови, хлещущий из его рассеченной бедренной

артерии.

Пацци, с тем холодным спокойствием, которое он всегда испытывал, находясь в деле, обнял Ньокко и повернул его лицом к решетке, подальше от взглядов толпы. Теперь цыган лежал на боку, и кровь заливала лишь нижние прутья ворот.

Вынув из кармана сотовый телефон, Пацци сделал вид, что вызывает «скорую помощь». Расстегнув плащ и развернув его полы, он сразу стал похож на ястреба, прикрывающего крыльями свою жертву. За его спиной текла равнодушная толпа. Пацци снял браслет с запястья Ньокко и положил в заранее приготовленную коробку. Затем он извлек из кармана цыгана сотовый телефон и сунул его в свой карман. Губы Ньокко едва заметно шевельнулись.

— О Мадонна, как холодно, — прошептал он. Собравшись с духом, Пацци оторвал руку Ньокко от раны в паху и стал ее поглаживать, как бы успокаивая товарища, Цыган тем временем истекал кровью. Убедившись, что Ньокко мертв, Главный следователь оставил его лежать лицом к решетке, не забыв положить руку под голову мертвеца. Со стороны казалось, что человек просто уснул в тени на улице, а таких во Флоренции

было сколько угодно.

Оказавшись на площади, Пацци взглянул на почти сухой булыжник в том месте, где только что стоял «ягуар» доктора Лектера.

Доктор Лектер. Пацци окончательно перестал видеть в этом человеке доктора Фелла. Это был доктор Ганнибал Лектер.

Убедительное доказательство того, что это доктор Лектер, лежало в кармане плаща полицейского. Мейсон Вергер будет доволен. Для самого же полицейского самым убедительным доводом служила кровь, капающая с плаща на его ботинки.

Глава 29

Утренняя звезда уже тускнела в лучах рассвета, когда старенький «альфа-ромео» вкатил в ворота генуэзского порта. Над гаванью дул прохладный ветер. На пришвартованном у дальнего причала сухогрузе велись сварочные работы, и искры сыпались в черную воду.

Избегая ветра, Ромула осталась в машине. На коленях она держала ребенка. Эсмеральда едва умещалась на крошечном заднем сиденье спортивной машины. Ей приходилось сидеть боком, поджав при этом ноги. Она не произнесла ни слова со времени упоминания о Шайтане.

В руках у женщин были бумажные стаканчики с крепким черным кофе и булочки.

Ринальдо Пацци отправился в транспортную контору. К тому времени когда он вернулся, солнце стояло уже довольно высоко, заливая оранжевым светом ржавый корпус заканчивающего погрузку грузового теплохода «Звезда Филогена». Пацци пальцем поманил к себе сидящих в машине женщин.

Уходящий в Рио сухогруз «Звезда Филогена», водоизмещением двадцать пять тысяч тонн,

нес греческий флаг и, не имея на борту врача, мог по закону принимать не более двенадцати пассажиров. В Рио-де-Жанейро, втолковывал Пацци женщинам, вас переведут на судно, идущее в Сидней. За пересадкой проследит старший стюард «Звезды». Путешествие полностью оплачено, и деньги — на это обстоятельство Пацци напирал особенно — возврату не подлежат. У итальянских цыган Австралия считалась весьма привлекательным местом, поскольку там обитает довольно много их соплеменников и можно сравнительно легко найти работу.

Пацци с самого начала операции обещал Ромуле два миллиона лир, или тысячу двести пятьдесят долларов по текущему курсу. И вот теперь он их вручил ей в толстом конверте. Багаж цыганок состоял лишь из одного маленького чемодана и деревянной руки, упакованной в футляр для валторны.

Цыганки проведут в море почти месяц, и связь с ними все это время установить будет невозможно.

Ньокко появится, повторял в десятый раз Пацци. Но не сегодня. Известие от него они получат на Центральном почтамте Сиднея, в отделе писем до востребования.

— Я выполню все, что ему обещал. Так же как все сделал для тебя, — говорил Пацци, стоя рядом с женщинами у входа на трап. На пирсе еще лежали длинные утренние тени.

Ромула с ребенком на руках начала взбираться по трапу, и в этот момент пожилая цыганка заговорила во второй и в последний для Пацци раз.

Глядя на него огромными, черными как оливы глазами, она тихо сказала:

— Ты отдал Ньокко Шайтану. Ньокко умер.

Произнеся эти слова, Эсмеральда сгорбилась и, смачно плюнув на отбрасываемую полицейским тень, заспешила вслед за Ромулой и ребенком по трапу.

Глава 30

Доставленная экспресс-почтой шкатулка была изготовлена на совесть. В освещенном углу палаты Мейсона за столом сидел дактилоскопист. Действуя электрической отверткой, он снимал с коробки крепежные винты.

Широкий серебряный браслет лежал на бархатной подушке таким образом, что его полированная поверхность ни с чем не соприкасалась.

— Несите его сюда, — распорядился Мейсон.

Снять отпечатки с браслета было гораздо легче в Отделе идентификации Балтиморского управления полиции, где днем трудился дактилоскопист, но Мейсон, выплачивая специалисту большие деньги, настоял на том, чтобы вся работа проводилась на его глазах. Или перед глазом, невесело подумал дактилоскопист, помещая браслет вместе с подушкой на фарфоровый поднос, который наготове держал камердинер.

Слуга поднес браслет к линзе, прикрывающей единственный глаз Мейсона. Он не мог поставить поднос на грудь хозяина, во-первых, потому, что над сердцем у того кольцом лежали заплетенные в косу волосы, и, во-вторых, потому, что

грудь от работы респиратора то поднималась, то опускалась.

Тяжелый браслет был покрыт запекшейся кровью, и крошечные красно-коричневые хлопья засохшей жидкости попали на белый поднос. Мейсон внимательно рассмотрел браслет своим прикрытым линзой глазом. Поскольку на его лице не осталось плоти, говорить о каком-то выражении лица не приходилось, однако глаз довольно поблескивал.

— Можете посыпать порошком, — сказал Мейсон. Приглашенный Мейсоном специалист располагал образцами отпечатков пяти пальцев Лектера, скопированных с лицевой стороны дактилоскопической карты ФБР. Отпечаток шестого пальца на обратной стороне карты он воспроизводить не стал.

Дактилоскопист тщательно покрыл черным порошком свободную от крови поверхность браслета. Вообще-то он предпочитал порошок, именуемый «кровью дракона», но его цвет был слишком близок к цвету кровавых пятен и для работы в этом случае не годился.

— Отпечатки имеются, — сообщил он. От жара ярких, позволяющих делать фотографии ламп у него на лбу выступили капельки пота.

Прежде чем снять отпечатки и поместить их под микроскоп для сравнения, он сфотографировал их на предмете.

Покончив с фотографированием, дактилоскопист приник к микроскопу.

— Средний и большой пальцы левой руки, — наконец сказал он. — Шестнадцать совпадающих точек. Годится для любого суда. Вне всякого сомнения, это один и тот же парень.

Исход судебного заседания Мейсона не интересовал. Его бледная рука уже ползла по стеганому покрывалу к кнопке телефона.

Глава 31

Солнечное утро на пастбище в горах в центральной Сардинии.

Шесть человек — четверо уроженцев Сардинии и двое жителей Рима — трудятся под просторным навесом, на сооружение которого пошли деревья, срубленные в окружающих лесах. Редкие реплики, которыми обмениваются эти люди, в первозданной тишине гор кажутся необычно громкими. Под навесом к стропилам, с которых еще не снята кора, прикреплено огромное зеркало в золоченой раме в стиле рококо. Зеркало висит над прочным загоном для скота с двумя воротами, одни из которых ведут на пастбище. Вторые ворота построены наподобие голландской двери, их верхнюю и нижнюю части можно открывать по отдельности. Пространство под голландской дверью зацементировано, однако остальная часть загона засыпана чистой соломой так, как засыпают эшафот вокруг плахи.

Зеркало, золоченая рама которого украшена херувимами, можно повернуть так, что в нем появится отражение всего, что происходит в загоне. Такие зеркала помещаются в кулинарных

училищах, чтобы все студенты могли обозревать плиту и конфорки.

Кинорежиссер Оресте Пини и профессиональный похититель людей по имени Карло невзлюбили друг друга с первого взгляда.

Карло Деограчиас был плотным, цветущим детиной в альпийской шляпе, украшенной метелкой из щетины дикого кабана. У него была привычка грызть хрящи на костях, которые он постоянно носил в кармане своего жилета. Карло считался ведущим специалистом в традиционной для Сардинии профессии похитителя. Кроме того, он частенько выступал и в роли профессионального мстителя.

Богатые итальянцы могут сказать, что если вас захватят с целью выкупа, то лучше всего оказаться в руках сардинца. Они по крайней мере профессионалы и не убьют вас случайно или в панике. Если ваши родичи заплатят, то вы можете вернуться здоровым, не изнасилованным и со всеми частями тела на своем месте. Если плата не поступит, то ваша семья начнет получать вас по почте и по частям.

Тщательные приготовления, затеянные Мейсоном, были Карло не по душе. Он имел опыт и в этой области. Однажды ему уже довелось

скормить человека свиньям. Это случилось в Тоскане лет двадцать назад. Фуражом для животных послужил бывший нацист и самозваный граф, вступавший в сексуальные отношения с детьми. Как мальчиками, так и девочками. Карло был приглашен для мщения и, выкрав мерзавца из его собственного сада в пяти километрах от Бадья ди Пассиньяно, скормил трем домашним свиньям на ферме рядом с Поджио алле Корти. Нацист, когда его ноги оказались в загоне, начал биться в оковах, потел и умолял отпустить. Свинки же, хотя Карло не кормил их три дня, никак не могли решиться начать жевать шевелящиеся ноги негодяя. Поэтому Карло, испытывая чувство вины, нарушил условия договора. Он накормил нациста столь любимым свиньями салатом и, чтобы облегчить животным задачу, перерезал ему глотку.

Карло по природе своей был человеком веселым и энергичным, но присутствие режиссера выводило его из себя. Из-за прихоти этого специалиста по порнографии и по приказу Мейсона Вергера Карло был вынужден изъять прекрасное зеркало из принадлежавшего ему в Кальяри борделя.

Зеркала для Оресте Пини были священными

предметами, поскольку он первым начал их применять в съемках порнофильмов. Использовал он зеркало и в единственном настоящем детективе, снятом им где-то в Мавритании. А прочитав однажды предупреждение, напечатанное на зеркале заднего вида своего автомобиля, он начал применять искривленные зеркала для того, чтобы представить предметы больше, чем они представляются невооруженному глазу.

По указанию Мейсона Оресте должен был установить две камеры и хорошую аппаратуру для записи звука. Все дубли были исключены. Кроме того, Мейсон хотел, чтобы в фильме обязательно присутствовали крупные планы лица, и выдвигал еще кучу других требований.

Карло казалось, что они без конца занимаются пустопорожним делом.

— И долго вы намерены стоять и причитать как баба? Может быть, вы все-таки просмотрите тренировку, а потом спросите, если что-то не поймете? — буркнул Карло.

— Я хочу снять вашу тренировку.

— Хорошо. Настраивайте ваше дерьмо, и начинаем.

Пока Оресте размещал камеры, Карло и три других сардинца тоже приступили к подготовке.

Обожавший деньги Оресте был потрясен, увидев, на что можно их потратить.

Брат Карло Маттео вывалил из мешка на длинный, стоящий на козлах стол гору поношенной одежды, а затем выбрал из этой горы рубашку и брюки. Тем временем два других аборигена — братья Пьеро и Томмазо Фальчоне — вкатили под навес грязную, видавшую виды медицинскую каталку, осторожно толкая ее перед собой по траве.

Маттео заранее приготовил несколько ведер мясного фарша, с десяток неощипанных кур, гору гнилых фруктов, над которыми уже роились мухи, а также ведро говяжьего рубца и кишок.

Маттео разложил на каталке пару старых штанов цвета хаки и принялся фаршировать их курами, мясом и фруктами. Покончив со штанами, он взял хлопковые перчатки, тщательно наполнил фаршем и желудями каждый палец и пристроил перчатки к обшлагам брюк. Затем Маттео подобрал для своего ансамбля рубашку и, расстелив на каталке, сложил в нее рубец и кишки. Придав рубашке желаемые формы при помощи хлеба, он застегнул ее на все пуговицы и аккуратно заправил полы в штаны. К рукавам легла еще пара фаршированных перчаток. На используемую в качестве головы тыкву Мат-

тео натянул сетку для волос, подложив под нее немного фарша, а там, где должно находиться лицо, он прорезал два отверстия и вставил в них сваренные вкрутую яйца. Когда труд был окончен, на каталке лежал слегка грузный и немного комковатый манекен, который, впрочем, радовал глаз больше, чем большинство отправляющихся в морг прыгунов из окон. Чтобы придать завершенность своей работе, Маттео обрызгал безумно дорогим лосьоном переднюю часть тыквы и заправленные в рукава рубашки перчатки.

Мотнув головой в сторону помощника режиссера, который, забравшись на изгородь загона, пристраивал выносной микрофон, Карло сказал:

— Скажите своему недоделку, что, если он туда свалится, я за ним не полезу.

Наконец все приготовления закончились. Братья Фальчоне сложили ножки каталки, поставили ее в максимально низкое положение и покатили к воротам в загон.

Карло принес из дома магнитофон и дополнительный усилитель. У него была прекрасная коллекция записей, которые он делал, отрезая у своих жертв уши, чтобы отправить их родственникам. Карло всегда ставил эти пленки во время кормления животных. Когда необходимый звуко-

вой антураж обеспечит реальная жертва, записи не потребуются.

Под крышей навеса к двум столбам была прибита пара изрядно потрепанных уличных динамиков. Сбегающий вниз по склону к лесу луг радовал глаз. Трава под яркими лучами солнца казалась ожившим изумрудом. Прочная, окружающая пастбище изгородь исчезала в лесу. В полуденной тишине было слышно, как под крышей навеса жужжит пчела-плотник.

— Вы готовы? — спросил Карло.

— Начинаем, Джириамо, — сказал Оресте, обращаясь к оператору.

— Готов! — ответил тот.

— Мотор!

Камеры заработали.

— Начали!

Включилась система звукозаписи.

— Снимаем! — выкрикнул режиссер и ткнул Карло в бок. Сардинец нажал на кнопку воспроизведения звука, и тишину разорвал раздирающий душу вопль. Человеческое существо рыдало, стонало, кричало, умоляло. Услышав эти звуки, оператор вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Людям эта адская какофония внушала ужас, но для появляющихся из леса свиных морд она

звучала прекрасной увертюрой, предвещающей вкусный обед.

Глава 32

Однодневное путешествие в Женеву.

Самолет ранним утром оторвался от взлетной дорожки аэродрома Флоренции, сделал разворот и под свист своих турбовинтовых двигателей устремился на север по направлению к Милану. Ландшафт при взгляде сверху походил на крошечный макет Тосканы. Но в его цветовой палитре имелись какие-то чужеродные вкрапления. Это были голубые плавательные бассейны рядом с виллами богатых иностранцев. Голубой цвет казался совершенно неуместным среди темных кипарисов и серебристых олив. Бассейны, по мнению глазевшего в иллюминатор Пацци, очень смахивали на бледно-голубые, выцветшие глаза пожилых англичан.

Дух Главного следователя парил столь же высоко, как и самолет, в котором он находился. Пацци знал, что ему не придется стареть в этой дыре и зависеть от капризов начальников, стараясь дотянуть до пенсии.

Он страшно боялся, что после убийства Ньокко доктор Лектер убежит. Но снова увидев доктора в соборе Санта-Кроче, почувствовал облегчение —

убийца был уверен, что ему ничто не угрожает.

Гибель цыгана совершенно не нарушила царящего в Квестуре покоя. Поскольку рядом с телом нашли пустые шприцы, все решили, что смерть связана с употреблением наркотиков. Брошенные на улицах шприцы были для города заурядным явлением, так как в аптеках их выдавали бесплатно всем желающим.

Пацци летел в Женеву, чтобы взглянуть на деньги. Он сам настоял на этом.

Ринальдо Пацци обладал абсолютной зрительной памятью. Он ясно помнил, как в первый раз узрел у себя эрекцию, когда впервые увидел свою кровь, как впервые перед его взором предстала обнаженная женщина и как выглядел тот кулак, который когда-то нанес ему первый удар. На всю жизнь он запомнил мумифицированную голову святой Екатерины, покоящуюся в раке в боковом приделе какого-то собора в Сиене, куда он случайно забрел в далекой юности. Больше всего его тогда потряс безукоризненно белый чепец на мертвой голове.

Столь же сильное потрясение Пацци испытал при виде трех миллионов долларов США.

Триста оклеенных бандеролями стодолларовых купюр с разными серийными номерами.

Демонстрация денег была проведена в помещении женевского отделения банка «Швейцарский кредит», в маленькой, очень похожей на часовню комнате. Показ проводил адвокат Мейсона Вергера. Миллионы доставили из хранилища в четырех больших депозитарных сейфах с номерами, выгравированными на медных пластинках. «Швейцарский кредит» предоставил в распоряжение клиентов аппарат для подсчета купюр и умеющего обращаться с этим прибором клерка. Клерка Пацци отпустил. Подсчитывать деньги он не собирался, и только раз возложил руку на толстую пачку банкнот.

Ринальдо Пацци был опытным следователем, и за двадцать лет службы ему не раз доводилось вычислять и арестовывать различных мошенников. Стоя рядом со своими деньгами и выслушивая условия договора, он не уловил ни единой фальшивой ноты. Если он отдаст им Ганнибала Лектера, они отдадут ему деньги.

Главного следователя охватила радостная горячка. Эти люди не станут его дурить. Мейсон Вергер действительно заплатит. В отношении дальнейшей судьбы Ганнибала Лектера Пацци не питал никаких иллюзий. Он знал, что продает его на муки и на смерть. К чести полицейского,

следует сказать, что он полностью отдавал себе отчет в своем поступке.

Наша свобода стоит больше, чем жизнь чудовища. Наше счастье дороже его страданий, рассуждал он с холодным эгоизмом обреченного. На вопрос, что имел в виду Пацци, употребляя слово наше — человечество или себя с супругой, — однозначного ответа не было.

В этой выскобленной, чистой, как капор монашки, комнате (такая чистота возможна лишь в Швейцарии) Пацци принял окончательное решение. Отвернувшись от денег, он кивнул адвокату Мейсона мистеру Кони.

Мистер Кони подошел к первому сейфу, отсчитал сто тысяч и вручил их Пацци. Затем, коротко поговорив по телефону, он передал трубку Главному следователю со словами:

— Наземная линия, разговор шифруется.

Пацци услышал голос с американским акцентом. Слова произносились в странном ритме, каждое слово как бы на одном дыхании, с большими паузами между ними. При произношении взрывные звуки терялись. В ходе беседы у Пацци слегка закружилась голова, словно он напрягался, задерживая дыхание вместе с собеседником.

Без всякого вступления последовал вопрос:

— Где доктор Лектер?

Пацци, удерживая деньги в одной руке, а трубку — в другой, не колебался ни секунды.

— Он изучает палаццо Каппони во Флоренции. Он там… хранитель.

— Покажите, пожалуйста, ваше удостоверение личности мистеру Кони и передайте ему трубку. Ваше имя он вслух упоминать не будет.

Мистер Кони извлек из кармана листок бумаги, сверился с записями, произнес какое-то слово, видимо, призванное служить кодом, и вернул трубку Пацци.

— Остальные деньги вы получите, как только он окажется живым в наших руках, — сказал Мейсон. — Вам не придется лично задерживать доктора, но вы должны будете показать его нашим людям и сделать так, чтобы он попал в их руки. Вы возвращаетесь во Флоренцию сегодня? Прекрасно. Сегодня вечером вы получите инструкции о том, как встретиться неподалеку от Флоренции с человеком, который захватит доктора Лектера. Встреча должна состояться не позже завтрашнего вечера. Этот человек сообщит вам дополнительные инструкции. Он спросит вас, не знаете ли вы, где находится цветочный магазин. Вы ответите, что все торговцы цветами — жули-

ки. Вы все поняли? Я хочу, чтобы вы обеспечили ему полную поддержку.

— Я не желаю, чтобы доктора Лектера на моих… Я не хочу, чтобы он оставался во Флоренции, когда…

— Я понимаю вашу озабоченность. Не волнуйтесь, его там не будет.

Трубка умолкла.

Через две минуты бумажной работы два миллиона долларов были условно депонированы в банке на имя Пацци. Мейсон Вергер не имел права забрать их назад, но для того, чтобы их мог получить Пацци, требовалось его разрешение. Сотрудник «Швейцарского кредита», приглашенный для продолжения переговоров, пояснил новому клиенту, что если депозит будет конвертирован в швейцарские франки, то придется уплатить определенную сумму, а сложный процент будет взиматься только с первых трехсот тысяч франков. Представитель банка вручил Пацци копию статьи 47 Федерального закона о банках и сберегательных кассах, гарантирующую тайну вкладов, и согласился произвести телеграфный трансферт всех средств в Королевский банк Новой Шотландии или на Каймановы острова, как только указанные средства будут

переданы в распоряжение клиента.

В присутствии нотариуса Пацци, на случай своей смерти, предоставил супруге право распоряжаться счетом. Когда деловая часть встречи завершилась, лишь представитель банка протянул руку полицейскому. Мистер Кони и Пацци избегали смотреть друг другу в глаза. И уже стоя на пороге, мистер Кони пожелал итальянцу счастливого возвращения домой.

На обратном пути из Милана, подлетая уже к Флоренции, самолет попал в грозу. Вращающийся пропеллер через иллюминатор казался черным диском на фоне темно-серого неба.

Над древним городом гремел гром и сверкали молнии, выхватывая из вечернего сумрака купол собора и башню колокольни. Кое-где на улицах начали зажигаться первые фонари. Пацци вспомнил детство и тот день, когда нацисты взорвали мосты через Арно, пощадив лишь Понто Веккьо. На короткий, как вспышка молнии, миг он вспомнил и пленного снайпера, прикованного к статуе Мадонны в Веригах. Снайперу позволили помолиться перед расстрелом.

Вдыхая пахнущий озоном воздух и чувствуя, как от ударов грома трепещет обшивка самолета, Пацци из древнего рода Пацци возвращался в

свой столь же древний город, чтобы реализовать извечную, знакомую даже людям древности мечту.

Глава 33

Ринальдо Пацци предпочел бы следить за перемещениями жертвы, укрывшейся в палаццо Каппони, но, к сожалению, такой возможности у него не было. Вместо этого, еще не остыв от созерцания долларов, Ринальдо влез в вечерний костюм, чтобы встретиться с супругой на концерте Флорентийского камерного оркестра. Они давно мечтали об этом вечере.

Сооруженный в девятнадцатом веке театр Пикколомини являл собой вполовину уменьшенную копию знаменитого «Театро Ла Фениче» в Венеции. А его интерьер напоминал ларец для хранения драгоценностей в стиле барокко — золото, бархат и витающие на великолепном потолке вопреки всем законом аэродинамики херувимы.

Красота театра очень помогала исполнителям, часто испытывающим нужду во всесторонней поддержке.

Любители музыки, которых во Флоренции было не меньше, чем в других культурных центрах Италии, имели тенденцию сравнивать исполнительское мастерство оркестров с хранящимися

во Флоренции подлинными шедеврами искусства. Это было, конечно, несправедливо, но в то же время неизбежно. В городе остро ощущалась нехватка подлинных художников звука.

Пацци скользнул в кресло рядом с женой под звуки раздавшихся вслед за увертюрой аплодисментов.

Супруга подставила ему благоухающую духами щечку. Сердце Пацци наполнилось гордостью и счастьем при виде жены в открытом вечернем платье, со вкусом демонстрирующем ее великолепные формы, и с программой концерта в руках. Программа, или, скорее, партитура, была заключена в подарок мужа — прекрасную кожаную папку от Гуччи.

— После того как у них появилась эта новая виола, оркестр звучит в сто раз лучше, — прошептала она на ухо супругу.

Виртуоза игры на виола да гамба пригласили вместо таинственно исчезнувшего несколько недель назад и безнадежно бездарного кузена профессора Сольято.

Облаченный в безукоризненный фрак доктор Ганнибал Лектер, сидя в одиночестве в ложе бельэтажа, наслаждался музыкой. Создавалось впечатление, что его лицо и белоснежный пласт-

рон витают во тьме, обрамленные золоченой резьбой в стиле барокко.

Пацци заметил доктора, когда после окончания первой части в зале на несколько секунд вспыхнул свет. Прежде чем Главный следователь успел отвести взгляд, голова доктора повернулась как у филина и их взоры скрестились. Пацци непроизвольно сжал руку супруги. Он сделал это настолько сильно, что та огляделась вокруг. Затем Пацци решительно обратил взор на сцену. Он все еще держал супругу за ладонь, и тыльная сторона его руки согревалась от соприкосновения с ее прекрасным бедром.

В антракте, вернувшись из буфета с напитком для жены, Пацци обнаружил, что доктор Лектер стоит рядом с ее креслом.

— Добрый вечер, доктор Фелл, — произнес Пацци.

— Добрый вечер, коммендаторе, — ответил доктор. Он стоял, чуть наклонив голову, и явно ждал, когда Пацци представит его супруге.

— Лаура, позволь представить тебе доктора Фелла. Доктор Фелл, это синьора Пацци — моя жена.

Синьоре Пацци, привыкшей к тому, что все восхищаются ее красотой, очень понравилось все

то, что произошло дальше, чего нельзя сказать об ее супруге.

— Благодарю вас за столь высокую честь, коммендаторе, — сказал доктор.

Перед тем как он склонился к руке синьоры Пацци, из его рта на мгновение появился ярко-красный, с заостренным кончиком, язык. Губы доктора приблизились к руке женщины, пожалуй, ближе, чем это было принято во Флоренции. Во всяком случае, синьора Пацци ощутила на своей коже тепло дыхания доктора.

Глаза доктора обратились на нее еще до того, как он отнял от ее руки губы и поднял голову с прилизанными волосами.

— Мне кажется, что Скарлатти вам особенно по душе, синьора Пацци.

— О да.

— Было очень приятно увидеть, что вы следите за исполнением по партитуре. В наше время мало кто это делает.

Он открыл папку, которую держал под мышкой. В папке оказалась написанная от руки на пергаменте партитура.

— Это нотная запись из римского театра Капранича. Запись датируется тысяча шестьсот восемьдесят восьмым годом. Именно тогда был

создан опус, которым мы сейчас наслаждаемся.

— Потрясающе! Ты только взгляни, Ринальдо!

— Вот здесь я пометил кое-какие различия с современным исполнением первой части, — сказал доктор Лектер. — Может быть, вам захочется развлечься и проследить за второй? Возьмите ноты, пожалуйста. Я всегда могу получить их обратно у синьора Пацци. Вы не возражаете, коммендаторе? — спросил доктор, весьма внимательно посмотрев на Ринальдо.

— Конечно, нет, если того желает Лаура, — ответил Пацци и, немного подумав, поинтересовался: — Так вы выступаете перед «Студиоло», доктор?

— Да. В эту пятницу. Сольято не терпится стать свидетелем моего позора.

— В пятницу я должен быть в старом городе, — сказал Пацци. — Тогда я и верну вам ноты. Доктору Феллу, Лаура, чтобы заработать себе на хлеб, придется петь перед стаей драконов.

— Уверена, что вы прекрасно проведете свою партию, — ответила она, одарив его взглядом своих огромных карих глаз, конечно, в рамках приличия.

Доктор Лектер улыбнулся, продемонстрировав свои мелкие белые зубы.

— Мадам, если бы я был Бенвенуто Челлини, я

сделал бы специально для вас алмазный венец. Итак, до пятницы, коммендаторе.

Пацци, убедившись, что доктор вернулся в свою ложу, больше к нему не оборачивался. Лишь на ступенях театра, расходясь по домам, они издали помахали друг другу.

— Я подарю тебе алмазный венец на день рождения, — сказал Пацци.

— Буду ждать с нетерпением, Ринальдо. Ведь у тебя такой прекрасный вкус.

Глава 34

Импрунете является одним из старинных городов Тосканы, и там когда-то изготовляли черепицу, покрывающую до сих пор купол собора Санта-Мария дель Фьоре. С окружающих город холмов кладбище можно было увидеть издалека, за много миль, так как там на всех могилах постоянно теплились лампады. Свет их был не ярок, однако его было достаточно для того, чтобы посетители могли бродить среди мертвых. Но чтобы прочитать эпитафию, приходилось пользоваться карманным фонарем.

Ринальдо Пацци прибыл в эту обитель мертвых без пяти девять. В его руках был небольшой букет, который он намеревался возложить на первый понравившийся ему гробовой камень. Главный следователь неторопливо шагал между памятниками по засыпанной гравием дорожке, Он чувствовал, что Карло где-то рядом, но увидеть его не мог.

Слова Карло донеслись до него из-за мавзолея, высотой примерно в рост человека.

— Вы не знаете, где здесь в городе хороший цветочный магазин?

Парень говорит как Сардинец. Хорошо. Возможно, он знает свое дело.

— Все торговцы цветами — жулики, — ответил Пацци.

Карло вышел сразу, не выглядывая предварительно из-за мраморного сооружения.

На Пацци он произвел сильное впечатление. Очень подвижный, невысокий, широкоплечий и мощный. На нем был кожаный жилет, а шляпу украшал пучок кабаньей щетины. По оценке Главного следователя, Карло был с ним одного веса, уступая в росте десять сантиметров и в длине рук — семь. На руке у Карло не было большого пальца. Пацци решил, что не более чем за пять минут найдет этого человека в досье Квестуры. Они стояли, освещенные снизу могильными лампадами.

— На его доме первоклассная сигнализация, — сказал Пацци.

— Я видел. Вы должны мне показать клиента.

— Завтра вечером он выступает на одном собрании. Вечер пятницы. Вы успеете подготовиться?

— Это хорошо, — заметил Карло. Желая слегка припугнуть полицейского, чтобы позже взять его под свой контроль, сардинец довольно грубо спросил: — Вы выйдете вместе с ним или вы уже

обмочились от страха? Вам придется сделать то, за что вам платят. Покажете его мне.

— Думай, что лепишь, парень! Я сделаю то, за что мне платят. Так же как и ты. Если не согласен, то всю оставшуюся жизнь тебя будут трахать в задницу в тюрьме Волтерра. Выбирай, что тебя больше устраивает?

Находясь на службе, Карло воспринимал оскорбления так же спокойно, как и вопли своих жертв. Поняв, что недооценил полицейского, он миролюбиво поднял руку и сказал:

— Лады, рассказывайте, что мне следует знать.

Карло встал рядом с Пацци, и они оба склонили головы перед мавзолеем, как бы в знак печали. Мимо них, держась за руки, проследовала какая-то парочка. Пацци положил цветы к дверям мавзолея. От шляпы Карло исходил тот прогорклый дух, который обычно бывает у колбасы, приготовленной из мяса не правильно кастрированных животных.

Слегка отвернув голову, чтобы не так ощущать этот аромат, Пацци сказал:

— Он ловко орудует ножом. При этом бьет снизу.

— Револьвер у него есть?

— Не знаю. Насколько мне известно, огне-

стрельным оружием он никогда раньше не пользовался.

— Я не хочу вытаскивать его из машины. Мне надо, чтобы он оказался на открытом, сравнительно безлюдном месте.

— Как будешь его брать?

— Это мое дело.

Карло сунул в рот косточку и принялся грызть хрящ. Время от времени он вытаскивал кость изо рта и изучал измочаленный конец.

— Это и мое дело, — бросил Пацци. — Как ты будешь его брать?

— Оглушим ударом по кумполу и закутаем сетью. Затем я ширну его иглой. Но прежде проверю пасть — не прячет ли он под коронкой яда.

— На собрании он выступит с лекцией. Представление начнется ровно в семь в палаццо Веккьо. Если в пятницу он будет работать в Санта-Кроче или в палаццо Каппони, то отправится к Синьории пешком. Ты знаешь Флоренцию?

— Отлично знаю. Вы можете снабдить меня пропуском для проезда на машине в старый город?

— Да.

— Я не хочу брать его в церкви, — сказал Карло.

Пацци понимающе кивнул и сказал:

— Пусть он лучше покажется на собрании. После этого его никто не хватится по меньшей мере две недели. У меня есть повод проводить его до палаццо Каппони, после лекции…

— Я не хочу брать его в доме. Это его территория, он с ней хорошо знаком, а я — нет. Он будет настороже и обязательно оглянется при входе в здание. Нет, он нужен мне на тротуаре.

— В таком случае слушай внимательно. Мы выйдем из парадной двери палаццо Веккьо. Двери, ведущие на виа дей Леоне, будут на замке. Мы пойдем по виа Нери и перейдем через реку по мосту Алле Грацие. У музея Бардини растут деревья, затеняющие свет уличных фонарей. Вечером, когда школы не работают, там очень малолюдно.

— В таком случае мы будем ждать перед фасадом музея Бардини. Но если мне представится возможность, я сделаю все раньше, ближе к палаццо, или даже днем, если он вдруг что-то пронюхает и попытается слинять. Мы будем в карете «скорой помощи». Оставайтесь с ним рядом, пока мы его не оглушим. После этого отваливайте как можно быстрее.

— Я хочу, чтобы он исчез из Тосканы, прежде

чем с ним что-то случится.

— Поверьте, он исчезнет не только из Тосканы, но и с лица земли. Ногами вперед.

Страшно довольный своей милой шуткой, Карло улыбнулся, не забыв вытянуть изо рта замусоленную, измочаленную кость.

Глава 35

Утро пятницы. Маленькая комната под крышей палаццо Каппони. Три выбеленные известкой стены абсолютно голы. На четвертой висит изображение Мадонны работы художника тринадцатого века школы Чимабуэ. В крошечном помещении Мадонна кажется огромной. Голова Богоматери склонена чуть набок, что делает ее похожей на любопытную птицу. Миндалевидные глаза обращены вниз, на спящего под картиной миниатюрного человека.

Доктор Ганнибал Лектер, опытный сиделец многих тюрем и сумасшедших домов, тихо лежит на спине в своей узкой постели, скрестив руки на груди.

Его глаза открыты. Он проснулся мгновенно и полностью, перейдя ото сна, в котором видел свою сестру Мишу (давно умершую и переваренную), к реальности. Опасность! Опасность тогда и опасность теперь.

Ощущение опасности, надо сказать, беспокоит его не больше, чем воспоминания о недавно убитом им карманнике.

Приведя себя в порядок и облачившись в без-

укоризненный темный шелковый костюм, он выключает улавливающие любое движение сенсоры и спускается в просторные помещения дворца.

Теперь он может бродить по наполненным тишиной многочисленным залам, которые после стольких лет заключения в подвальной камере психушки стали для него олицетворением свободы.

Подобно тому как фрески на стенах собора Санта-Кроче или палаццо Веккьо одухотворяются мудростью их создателей, так и атмосфера библиотеки Каппони наполняется жизнью, когда в ней приступает к работе доктор Лектер. Он садится у стены с ячейками, заполненными бесценными сокровищами разума, выбирает пергаментный свиток и сдувает с него пыль. Мириады пылинок витают в солнечных лучах. Доктору Лектеру иногда кажется, что это ставшие пылью мертвецы явились, чтобы поведать о своих судьбах и открыть ему будущее. Он работает споро, но без излишней поспешности, подбирая и складывая в портфель книги и иллюстрации, которые могут ему понадобиться на вечерней лекции в «Студиоло». Как много здесь манускриптов, которые он мечтает прочитать!

Доктор Лектер открывает свой портативный компьютер и через факультет криминологии Миланского университета выходит по адресу www.fbr.gov на сайт ФБР в Интернете, так как это может сделать любое частное лицо. Он узнает, что дата заседания Юридического подкомитета по вопросу о рейде, в котором участвовала Клэрис Старлинг, так и не назначена. Со страницы с портретами находящихся в розыске преступников на него смотрит он сам, в своем прежнем облике. Его лицо обрамляют с одной стороны портрет террориста, а с другой — поджигателя.

Доктор Лектер снимает с пачки старинных рукописей цветной таблоид, смотрит на помещенный на первой полосе портрет Клэрис Старлинг и гладит ее лицо пальцами. В руке доктора вдруг появляется блестящий клинок. Создается впечатление, что он вырастил его на месте шестого пальца. Нож этот называется «гарпия», у него зазубренное лезвие, а сам клинок изогнут так, что напоминает коготь. Он рассекает «Нэшнл Тэтлер» с той же легкостью, с которой рассек бедренную артерию цыгана. Нож поразил карманника с такой быстротой, что доктору позже даже не пришлось его вытирать.

Доктор Лектер вырезает из газеты лицо Клэрис

Старлинг и наклеивает его на чистый листок пергамента.

Затем он берет перо и с изящной легкостью рисует на пергаменте крылатую львицу. Получается грифон с лицом Клэрис Старлинг. Под рисунком доктор пишет своим четким почерком гравера:

> Вы когда-нибудь задавали себе вопрос, Клэрис, почему филистимляне вас не понимают? Попытаюсь ответить. Это происходит потому, что вы — ответ на загадку Самсона. Вы — мед, заключенный в тело львицы.

А в пятнадцати километрах от Флоренции, в городе Импрунете, за высокой каменной стеной спрятался автомобиль. Карло Деограчиас отправился проверять свои инструменты, а на мягкой траве его брат Маттео практикуется в приемах дзюдо с двумя другими сардинцами — Пьеро и Томмазо Фальчоне. Братья Фальчоне подвижны и сильны — Пьеро даже играл (правда, недолго) за профессиональный футбольный клуб «Кальяри». Томмазо когда-то готовился стать священником и прилично говорил по-английски. Иногда он молился вместе со своими жертвами.

Белый микроавтобус «фиат» с римскими номер-

ными знаками Карло арендовал вполне законно, и вскоре на бортах машины должна была появиться надпись: МОНАСТЫРСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА. Пол, стены и потолок автобуса были покрыты толстыми матами — на тот случай, если пленник затеет борьбу в машине.

Карло намеревался завершить операцию так, как того хотел Мейсон. Но не все будет потеряно, если план нарушится и ему придется убить пленника в Италии, отменив съемку фильма в Сардинии. Карло знал — на то, чтобы разделать тушу доктора Лектера, отпилить у трупа голову и руки, ему потребуется не более минуты.

Если на полную разделку не хватит времени, то можно будет ограничиться пенисом и пальцем. Материала для проведения анализа ДНК хватит, а результаты анализа явятся доказательством порядочности Карло. Запечатанные в пластик вместе со льдом образцы окажутся в руках Мейсона менее чем через сутки, и Карло в добавление к оговоренному гонорару получит специальную награду.

За спинкой сиденья машины были аккуратно уложены небольшая цепная пила, ножницы с очень длинными рукоятками для резки металла, хирургическая пила, несколько острых ножей,

большие пластиковые мешки с застежкой-«молнией», тиски компании «Блек энд Деккер» для удерживания конечностей доктора и фирменный ящик для посылок авиационной экспресс-почты. Оплата почтового отправления была произведена заранее из расчета, что голова доктора Лектера потянет на шесть кило, а руки — по килограмму каждая.

Карло не сомневался — если ему удастся снять на пленку разделку туши доктора Лектера, то Мейсон за удовольствие увидеть распиловку своего врага заживо не поскупится на дополнительную оплату сверх обещанного миллиона долларов за голову и руки. Для этой цели Карло приобрел первоклассную видеокамеру, осветительный прибор, треножник и обучил Маттео основам обращения с этой аппаратурой.

Оборудование для захвата было подобрано столь же тщательно и с тем же вкусом. Пьеро и Томмазо были экспертами в работе с сетью, которая сейчас была уложена не менее аккуратно, чем парашют. В распоряжении Карло имелись пистолет, стреляющий иглой с наркотиком, и оружие, где в качестве заряда использовался маленький дротик. Оба заряда несли достаточное количество транквилизатора, чтобы в несколько

секунд усыпить животное размером с доктора Лектера. Карло сказал Ринальдо Пацци, что попытается оглушить жертву (для этого у него был припасен нужный инструмент), но на самом деле он предпочел бы всадить шприц в задницу или ногу жертвы. Так, с его точки зрения, было надежнее.

На итальянской земле похитителям и их добыче предстояло пробыть не более сорока минут — ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы доехать до Пизы. Там на аэродроме их ждал санитарный самолет. Аэропорт Флоренции, конечно, ближе, но воздушное движение там было не так интенсивно и личный санитарный самолет мог привлечь к себе внимание.

Уже через полтора часа они окажутся на Сардинии, где доктора с жадным нетерпением будет ждать хрюкающая группа встречающих.

Карло попытался прокрутить в своем злокозненном уме все возможные варианты развития событий. Мейсон — не дурак. Устанавливая гонорар Карло, он выдвинул условие — Ринальдо Пацци не должен пострадать в ходе операции. Карло очень много потеряет, если убьет Пацци и попытается востребовать все вознаграждение, включая то, что было обещано легавому. Мейсон

не хочет, чтобы поднялся шум из-за убийства полицейского. Значит, придется действовать так, как того желает заказчик. Однако Карло очень страдал, когда думал о том, сколько бы могли принести ему два-три движения цепной пилы, если бы он выследил доктора Лектера самостоятельно.

Он проверил работу цепной пилы. Мотор завелся с первого рывка за шнур.

Проведя короткое совещание с подручными, Карло уселся на маленький мотороллер и покатил во Флоренцию, вооружившись лишь ножом и пистолетом, заряженным шприцем с транквилизатором.

Доктор Ганнибал Лектер покинул шумную улицу и вошел в «Фармачия Санта-Мария Новелла». На земле очень мало мест, благоухающих столь же дивно, как это заведение. Он простоял несколько минут с закрытыми глазами, вдыхая аромат знаменитых лосьонов, кремов и шампуней, а также доносящийся из рабочего помещения запах ингредиентов, использованных для их изготовления. Швейцар давно знал доктора, а продавцы, относящиеся к покупателям с некоторой долей высокомерия, всегда встречали его с огромным почтением. И дело было не в затраченных им

суммах. За все время пребывания во Флоренции обходительный доктор Фелл израсходовал на парфюмерию не более ста тысяч лир. Восхищение людей, зарабатывающих на жизнь своими носами, вызывало то гармоничное сочетание духов и эссенций, которые выбирал для себя доктор.

Доктор Лектер боялся утратить способность воспринимать прекрасные ароматы и поэтому, меняя форму носа, ограничился инъекцией коллагена и не стал прибегать к более глубокой ринопластике. Для него вся атмосфера была окрашена запахами, и оттенки этих ароматов представлялись ему не менее яркими, чем для других краски живописи. Он мог налагать запахи один на другой так, как художник кладет мазки кистью, создавая прекрасную картину. Воздух в «Фармачия Санта-Мария Новелла» не имел ничего общего с атмосферой тюрьмы. Атмосфера здесь была сродни музыке. Под этой крышей бледные слезинки ладана, желтый бергамот, сандаловое дерево, корица и мимоза создавали дивные обертоны в симфонии запахов, где ведущей мелодией звучали ароматы имбиря, цибетина, бобровой струи и экстракты из желез мускусного оленя.

Доктору Лектеру иногда казалось, что он способен ощущать запахи пальцами, ладонями,

щеками, что он вдыхает ароматы лицом и сердцем.

В силу некоторых анатомических особенностей человека обоняние способно будить воспоминания сильнее, чем другие органы чувств.

В докторе Лектере, стоящем в магазине под громадными люстрами в стиле ар-деко и вдыхающем прекрасные ароматы, проснулись неясные воспоминания далекого прошлого. Да, здесь не было ничего от тюрьмы. Нет, что-то все же было. Но что? Клэрис Старлинг? Почему? Нет, из сумочки, которую Старлинг открыла, находясь рядом с его клеткой в сумасшедшем доме, пахнуло не туалетной водой «Дух времен». Тогда он уловил совсем иной запах. Не было это и ее лосьоном. Ах да! «Sapone di mandorle». Знаменитое миндальное мыло от «Санта-Мария Новелла». Где он уловил этот запах? В Мемфисе, когда Старлинг стояла рядом с его камерой, а он прикоснулся к ее пальцу, перед тем как бежать. Значит, это все же Старлинг. Существо с чистой и богатой текстурой. Высушенная на солнце и проглаженная горячим утюгом белая ткань. Все-таки Клэрис Старлинг. Привлекательная и аппетитная. Ужасно скучная в своей серьезности и совершенно абсурдная со своими нелепыми принципами. С быстрым

материнским умом. Хм-м…

С другой стороны, все плохие воспоминания у доктора Лектера были связаны с неприятными запахами. Поэтому, находясь сейчас в «Санта-Мария Новелла», он, наверное, был как никогда далек от тех страшных тайн, закованных в подземных темницах его памяти.

В эту мрачную пятницу доктор Лектер, изменив своим привычкам, накупил большое количество лосьонов, разных сортов мыла, благовоний для ванн. Небольшую часть покупок он взял себе, а остальные попросил отослать по адресу, начертанному им самим на ярлыке будущей посылки почерком гравера.

— Не желает ли дотторе вложить записку? — поинтересовался продавец.

— Почему бы и нет? — ответил доктор Лектер и опустил в коробку сложенный вчетверо листок пергамента с изображением грифона.

***

«Фармачия Санта-Мария Новелла» стоит на виа Скала впритык с женским монастырем, и глубоко верующему Карло пришлось стянуть с головы шляпу, так как он оказался рядом со статуей Святой Девы. Сардинец обратил внимание на то, что

поток воздуха из внутренних дверей фойе распахивал внешнюю дверь за мгновение до того, как кто-нибудь собирался выходить из магазина. Это давало ему время для того, чтобы спрятаться и наблюдать из укрытия за очередным выходящим покупателем.

Когда на улицу вышел доктор Лектер с тощим портфелем в руках, Карло спрятался за палатку уличного торговца. Доктор спокойно зашагал своей дорогой, но, проходя мимо Девы Марии, он вздернул голову и посмотрел на статую, а крылья его носа слегка дрогнули.

Карло решил, что это всего лишь проявление религиозных чувств. Интересно, не свихнулся ли доктор Лектер на почве веры, как часто бывает с законченными психами, думал Карло. Если так, то он, возможно, заставит доктора перед смертью проклясть Бога. Мейсону это понравится. В этом случае, правда, придется отослать подальше богобоязненного Томмазо, чтобы тот ничего не услышал.

Ринальдо Пацци ближе к вечеру занимался сочинением послания своей супруге. В письмо он вставил даже нечто похожее на сонет, сочиненный им на ранней стадии ухаживания. В то время он не решился подарить свое творение

любимой. В письме он указал коды, необходимые для получения хранящихся в Швейцарии денег и вложил в конверт проект письма Мейсону, который ей следовало отослать, если американец вздумает вдруг отказаться от своих обязательств. Конверт он положил туда, где Лаура смогла бы его обнаружить, лишь начав разбирать вещи безвременно покинувшего земную юдоль супруга.

В шесть часов вечера он подъехал к музею Бардини на мотороллере и приковал свое транспортное средство цепью к длинной металлической стойке, от которой припозднившиеся студенты уводили последние велосипеды. Увидев неподалеку от музея белый микроавтобус с медицинской символикой на бортах, Пацци решил, что это Карло и его команда. В машине сидели два человека. Повернувшись к автобусу спиной, он ощутил на себе взгляды этих людей.

Времени у него оставалось более чем достаточно.

Уличные фонари уже зажглись, и Пацци неторопливо зашагал к реке в тени стоящих рядом с музеем Бардини деревьев. На мосту Алле Грацие он задержался, чтобы посмотреть на медленно текущие воды Арно и еще раз подумать. Ночь, по-видимому, будет темной. Прекрасно. Над

Флоренцией на восток неслись низкие черные облака, цепляясь на лету за зловещий шпиль палаццо Веккьо, а усиливающийся ветер гнал по улицам мусор и сухой голубиный помет.

Пацци прошел к собору Санта-Кроче. Его карманы оттягивали пистолет «беретта» тридцать восьмого калибра, плоская, обтянутая кожей дубинка и нож, чтобы воткнуть в доктора Лектера, если возникнет необходимость его быстро прикончить.

Собор Санта-Кроче закрывает свои врата в шесть часов вечера, но служка пустил Пацци через боковую дверцу, рядом с главным входом. Полицейский не стал спрашивать у служки, работает ли «доктор Фелл», решив, что проверит все сам. Он осторожно двинулся по собору, горящие на алтарях вдоль стен свечи освещали его путь. Лишь пройдя больше половины центрального нефа, он смог заглянуть в правое крыло сооруженного в форме креста собора. Теперь мерцающий свет лампад мешал увидеть, находится ли доктор Фелл в капелле Каппони. Пацци свернул в правый трансепт и, удвоив осторожность, двинулся дальше. На стене часовни вдруг возникла огромная тень, и Пацци затаил дыхание. Это была тень доктора Лектера, который, склонившись над лам-

пой, копировал притиранием надпись на камне. Доктор выпрямился и уставился в темноту, повернув голову наподобие филина. Корпус его при этом остался неподвижным. Снизу на доктора падал свет лампы, и тень его на стене выросла до гигантских размеров. Затем тень снова ужалась. Доктор вернулся к своей работе.

Пацци почувствовал, как по спине под рубашкой стекают струйки пота. Однако лицо его оставалось холодным.

До начала заседания в палаццо Веккьо оставался целый час, кроме того, Пацци решил немного опоздать на лекцию.

Капелла, сооруженная архитектором Брунеллески для семейства Пацци, считается в своей суровой красоте одним из шедевров зодчества эпохи Ренессанса. В этом здании архитектору удалось примирить вечных противников — круг и квадрат. Капелла стояла отдельно от Санта-Кроче, и в нее можно было попасть лишь через аркаду внутреннего дворика собора.

Пацци возносил молитву, стоя на коленях на каменном полу капеллы Пацци, а на него сурово взирал его двойник с медальона работы делла Роббиа. Ему казалось, что его молитвы не идут дальше круга мрачных апостолов на потолке

капеллы. Оставалось лишь надеяться, что часть молитв прорывается в темный внутренний дворик собора и возносится через открытые небеса прямо к Богу.

Ценой больших усилий ему удалось создать мысленные образы благих дел, которые он смог бы свершить, получив большие деньги в обмен на доктора Лектера. Он увидел себя и супругу раздающими монеты уличным сорванцам, увидел какой-то огромный медицинский аппарат, который они дарят больнице. Пацци увидел волны Галилейского моря[31], почему-то очень похожего на Чесапикский залив. Узрел он и розовую, прекрасной формы, руку своей супруги. Ручка крепко сжимала его пенис, чтобы головка члена напряглась еще сильнее.

Пацци оглянулся и, никого не увидев рядом, громко сказал, обращаясь к Богу:

— Благодарю Тебя, Творец, за то, что Ты позволил мне убрать это чудовище с лица Твоей земли. Благодарю Тебя от имени всех тех душ, которых Мы избавим от страданий.

Относилось ли это «Мы» ко всему человечеству или отражало те партнерские отношения, в

[31] Примечания: 31

Галилейское море (Тиверидадское озеро) в Палестине; в Библии связано со многими страницами жизни Христа.

которые Пацци вступил с Богом, так и осталось неясным, Однозначного ответа на этот вопрос не существовало.

Часть ума Пацци, враждебно настроенная к своему носителю, продолжала твердить, что он такой же убийца, как и доктор Лектер. Ньокко пал их общей жертвой, поскольку он, Пацци, не только не предпринял ничего, чтобы спасти его жизнь, но и почувствовал облегчение, как только цыган испустил дух.

В молитве есть какое-то облегчение, думал Пацци, выходя из капеллы. Шагая по темной аркаде внутреннего дворика собора, инспектор не мог, избавиться от ощущения, что он здесь не один.

Карло, дождавшись появления Пацци, выступил из тени палаццо Пикколомини и зашагал рядом с инспектором. Они почти не разговаривали.

Пройдя с тыльной стороны палаццо Веккьо, партнеры убедились, что двери, выходящие на виа дей Леоне, заперты, а окна первого этажа закрыты ставнями.

Открытым оставался лишь главный вход во дворец.

— Мы выйдем отсюда, свернем налево и двинемся по виа Нери, — сказал Пацци.

— Я с братом буду на площади со стороны Лоджии. Пойдем за вами на безопасном расстоянии. Остальные ждут в машине у музея Бардини.

— Я их видел.

— Они вас тоже, — сказал Карло.

— Твой наркотический пистолет стреляет очень громко? — спросил Пацци.

— Нет, не очень. Тише, чем обычное оружие, но все же его слышно. Действует очень быстро.

Карло не сообщил Пацци, что Пьеро станет стрелять из тени перед музеем сразу, пока полицейский и доктор Лектер находятся на свету. Сардинец не хотел, чтобы Пацци отскочил от жертвы еще до выстрела и тем самым спугнул ее.

— Ты должен сообщить Мейсону, что доктор у тебя. Это надо сделать сегодня же, — сказал Пацци.

— Не беспокойтесь. Этот засранец проведет всю ночь у телефона, умоляя Мейсона, — покосившись на Пацци, произнес Карло. Он надеялся увидеть, как разволнуется полицейский. — Вначале доктор будет умолять Мейсона сохранить ему жизнь, а затем станет молить о быстрой смерти.

Глава 36

Наступила ночь, и последних зевак вытурили из палаццо Веккьо. Многие из них, проходя по площади, спинами ощущали зов средневековой громады и оглядывались, чтобы бросить последний взгляд на зловещий оскал подсвеченных с тыла зубцов крепостной стены.

На площади зажглись прожектора, выхватив из темноты стену из грубого камня и еще больше подчеркнув глубокие тени амбразур. Ласточки прятались в гнездах, и на смену им появлялись первые летучие мыши. Их охоте мешал не столько свет, сколько шум мощных механизмов. В палаццо Веккьо, как всегда, шли бесконечные реставрационные работы.

Эти работы должны были продлиться еще час. Исключением являлся Салон лилий, где доктор Лектер договаривался о чем-то со строительными рабочими.

Мастер, привыкший к требованиям нищих и вздорных членов Комитета изящных искусств, нашел доктора обходительным и весьма щедрым человеком.

Не прошло и двух минут, как его рабочие при-

ступили к уборке своих агрегатов. Они сдвигали к стенам мощные полотеры и компрессоры, сворачивая кольцами их силовые провода. Быстро поставив раскладные стулья для членов «Студиоло» — стульев требовалось не более дюжины, — они кинулись открывать окна, чтобы очистить помещение от запаха краски, лака и свежей позолоты. Доктор потребовал себе нормальную кафедру, и таковая, очень похожая на церковный аналой, нашлась в примыкающем к Салону лилий старом кабинете Никколо Макиавелли. Кафедру погрузили на высокую ручную тележку и вместе с проекционным фонарем доставили в Салон лилий.

Маленький экран, прилагаемый к проектору, доктору не понравился, и он отослал его обратно. Вместо этого он попробовал продемонстрировать портреты в человеческий рост на одном из закрывающих стены полотнищ. Расправив складки, разгладив ткань и еще раз включив проектор, доктор, похоже, остался вполне доволен полученным результатом.

Он пометил нужные места в нескольких лежащих на кафедре объемистых фолиантах и встал у окна, повернувшись спиной как к залу, так и к достопочтенным членам «Студиоло». Ученые

мужи, все как один в серых унылых костюмах, не спеша рассаживались на стульях. Их скрытый скептицизм проявлялся в том, что они расставляли стулья по-своему. Интимный полукруг, по которому вначале располагалась мебель, вскоре превратился в квадрат, сильно напоминающий ложу присяжных заседателей.

Глядя в окно, доктор Лектер видел купол собора Санта-Мария дель Фьоре и высокую колокольню, сооруженную когда-то Джотто. Но Баптистерий Святого Иоанна Крестителя под ними, столь любимый великим Данте, из окна Салона лилий увидеть было невозможно. Слепящий свет прожекторов не позволял доктору увидеть и темную площадь внизу, на которой его поджидали убийцы.

К тому моменту когда все самые известные в ученом мире знатоки средневековья и эпохи Ренессанса заняли свои места, доктор Лектер в уме уже успел составить подробный план своей лекции. На это у него ушло чуть более трех минут. Его сообщение будет называться «„Ад“ Данте и Иуда Искариот».

***

Принимая во внимание живой интерес членов «Студиоло» к периоду Проторенессанса, доктор Лектер начал свое выступление с истории Логофета Королевства Сицилия Пьеро делла Винья, заслужившего своей алчностью место в дантовом аду. Первые полчаса доктор завораживал слушателей повествованием о реальных средневековых интригах, приведших к падению делла Винья.

— Пьеро делла Винья был обесчещен и ослеплен за то, что алчностью своей обманул доверие императора, — сказал доктор Лектер, приступая к основной теме доклада. — Странник Данте повстречал его на Седьмом круге Ада, там, где обитали души самоубийц. Ведь подобно Иуде Искариоту Пьеро делла Винья умер в петле. У Иуды, Пьеро делла Винья и Ахитофела — честолюбивого советника Авессалома[32], — по мнению Данте, имеется одна важная общая черта. Черта эта — алчность и последующая добровольная смерть в петле. Алчность и повешение в древнем и средневековом мышлении тесно между собой

[32] Примечания: 32
Третий сын царя Давида от Маахи, дочери Фалмая, царя Гессурского.

связаны. Святой Иероним считает, что прозвище Иуды, Искариот, значит: «деньги» или «оплата». С другой стороны, отец Ориген полагает, что прозвище Искариот есть не что иное, как производное от древнееврейского словосочетания, обозначающего «от удушения», и должно переводиться: «Иуда Удавленный».

Доктор Лектер поднял глаза и посмотрел поверх голов ученых мужей на дверь.

— Добро пожаловать, коммендаторе Пацци. Поскольку вы ближе всех к двери, не могли бы вы потушить свет? Вам будет интересно меня послушать, коммендаторе, поскольку два Пацци уже нашли место в «Аду» Данте… — Профессора из «Студиоло», услышав шутку доктора, сухо закудахтали. — Это некий Камичион Пацци, убивший своего родственника и ожидающий прибытия второго Пацци. Нет-нет, он ждет не вас. Убийца ждет Карлино Пацци, которому в Аду уготовано место даже ниже, чем Камичиону, за то, что он предал Белых Гвельфов — партию, к которой принадлежал сам Данте.

В одно из открытых окон впорхнула маленькая летучая мышь и описала несколько кругов над профессорскими головами. Подобное явление для Тосканы было вполне заурядным, и на мелкую

животину никто не обратил внимания.

Доктор Лектер снова вернулся к докладу:

— Таким образом, алчность и смерть через повешение тесно связаны друг с другом со времен античности. В произведениях искусства они снова и снова появляются рядом.

Доктор Лектер нажал на кнопку пульта дистанционного управления, проектор ожил, и на покрывающем стену полотнище возник первый образ. По мере того как доктор говорил, иллюстрации менялись.

— Перед нами наиболее раннее из всех известных изображений распятия. Оно вырезано на шкатулке из слоновой кости в Галлии и датируется примерно четырехсотым годом. На изображении присутствует повесившийся Иуда, его лицо обращено к удерживающей тело ветви. На ковчеге из Милана (вы его сейчас видите), датируемом началом пятого столетия, и на диптихе из слоновой кости (диптих перед вами) также изображен повесившийся Иуда. Он по-прежнему смотрит вверх.

Маленькая летучая мышь, гоняясь за добычей, промелькнула на фоне светлого экрана.

— На пластине дверей кафедрального собора Беневенто мы видим, что у висящего Иуды выпа-

ли кишки так, как описал святой Лука — медик, между прочим, — в Деяниях святых Апостолов. Он висит в окружении гарпий, а в небесах на луне изображено лицо Каина. Посмотрите, как нарисовал Иуду Джотто. И здесь мы видим выпавшие и болтающиеся под телом потроха предателя. И наконец, в прекрасном издании «Божественной комедии» девятнадцатого века имеется гравюра — тело Пьеро делла Винья висит на кровоточащем древе. Я не стал бы отрицать возможности параллели между ним и Иудой Искариотом.

Но Данте не нуждается в иллюстрациях. Гений Данте Алигьери поместил Пьеро делла Винья в Ад и заставил его говорить напряженными шипящими и кашляющими звуками, словно делла Винья все еще находится в петле. Вслушайтесь в слова, которые он произносит, влача свое мертвое тело к терновому дереву, чтобы повеситься:

Surge in vermena e in pianta silvestra:
L'Arpie, pascendo poi de le sue foglie,

fanno dolore, e al dolor fenestra.[33]

Обычно бледное лицо доктора Лектера наливалось кровью, когда он воспроизвел для членов «Студиоло» клокочущим, задыхающимся голосом слова агонизирующего Пьеро делла Винья. Пальцы доктора тем временем играли на пульте дистанционного контроля, и на экране попеременно появлялись тела Иуды и делла Винья со свисающими под ними кишками.

Come l'altre verrem per nostre spoglie,
ma non pero ch'alcuna sen rivesta,
che non e giusto aver cio ch'om si toglie.

Qui le strascinertmo, e per la mesta
selva saranno i nostri corpi appesi,
ciascuno al prun de de l'ombra sua

---

[33] Примечания: 33

Зерно в побег и в ствол превращено,
И гарпии, кормясь его листами,
Боль создают и боли той окно.

(Здесь и далее пер. М. Л. Лозинского)

molesta.[34]

Вот в таких звуках Данте воспроизводит смерть Иуды и смерть делла Винья, постигшую их за одни и те же преступления — алчность и предательство. Ахитофел, Иуда и Пьеро делла Винья вашего Данте. Алчность, смерть в петле, самоуничтожение. Чрезмерная алчность приравнивается к самоуничтожению, как и самоубийство через повешение. А теперь послушайте, что говорит в конце Песни анонимный флорентийский самоубийца:

Io fei gibetto a me de le mie case.[35]

В следующий раз вы, возможно, пожелаете побеседовать о сыне Данте Пьетро. Это может показаться невероятным, но среди ранних комментаторов «Божественной комедии» он оказался единственным, кто, говоря о тринадцатой

---

[34] Примечания: 34

Пойдем и мы за нашими телами,
Но их мы не наденем в судный день:
Не наше то, что сбросили мы сами.

Мы их притащим в сумрачную сень,
И плоть повиснет на кустах колючих,
где спит ее безжалостная тень.

[35] Примечания: 35

Я сам себя казнил в моем жилище.

Песне, напрямую связывает Иуду и Пьеро делла Винья. Полагаю, что было бы небезынтересно поговорить и о том, что думает Данте о поедании плоти. Граф Уголино грызет затылок архиепископа, трехликий Сатана пожирает Иуду, Брута и Кассия. Трех предателей, как вам известно. Благодарю за внимание.

Ученые мужи восторженно зааплодировали, что выражалось негромким и унылым постукиванием ладони о ладонь. Доктор Лектер, не зажигая света, прощался с ними, называя каждого по имени. Чтобы избежать рукопожатий, он в обеих руках держал по стопке книг. Покидая освещенный лишь работающим проектором Салон лилий, знатоки средневековья и Ренессанса уносили с собой очарование только что услышанной ими лекции. Оставшись вдвоем в большом зале, доктор Лектер и Ринальдо Пацци могли слышать, как спорят о лекции, спускаясь по лестнице, ученые.

— Как вы считаете, коммендаторе, удалось ли мне сохранить работу?

— Я не специалист, доктор Фелл, но и профану видно, какое сильное впечатление вы на них произвели. Доктор, если не возражаете, то я прошел бы вместе с вами до дома, чтобы забрать вещи

вашего предшественника.

— Но это же два полных чемодана, коммендаторе, а у вас уже есть портфель. И вы хотите это все унести?

— Я потребую выслать к палаццо Каппони патрульную машину. — Пацци в случае необходимости умел проявлять настойчивость.

— Прекрасно, — сказал доктор Лектер. — Я буду готов через минуту, как только разберусь с этими вещами.

Пацци кивнул, подошел к окну и достал сотовый телефон, ни на секунду не сводя взгляда с доктора Лектера.

Главный следователь видел, что доктор абсолютно спокоен. С нижних этажей доносился шум работающих механизмов.

Пацци набрал нужный номер и, услышав голос Карло Деограчаса, произнес в трубку:

— Лаура, amore, очень скоро я буду дома.

Доктор Лектер собрал с кафедры книги, сложил их в портфель и повернулся к проектору. Вентилятор прибора все еще шумел, а в светлом луче плавали пылинки.

— Мне следовало показать им и это, — сказал доктор Лектер. — Ума не приложу, как я мог пропустить столь важный материал. — На занавеси

появилась проекция рисунка с изображением обнаженного человека, висящего в петле под амбразурами палаццо Веккьо. — Эта картина должна представлять для вас большой интерес, коммендаторе Пацци. Подождите, я отрегулирую фокус.

Доктор Лектер повозился с аппаратом, а затем подошел к стене. Его черный силуэт на экране точно соответствовал размерам фигуры висельника.

— Вы можете определить, кто это? — спросил доктор. — Если желаете, изображение можно увеличить. Вот в этом месте его укусил архиепископ. А чуть ниже начертано его имя.

Ринальдо Пацци, еще не подойдя к доктору, почувствовал запах какого-то химического вещества и решил, что пахнет один из химикатов, оставленных реставраторами.

— Вы можете разобрать буквы? Здесь написано «Пацци» и надпись сопровождается оскорбительным стишком. Это ваш предок Франческо, которого повесили у стен палаццо Веккьо как раз под этими окнами, — пояснил доктор Лектер, поймав взгляд Пацци через разделяющий их световой поток. — Теперь еще кое-что, имеющее непосредственное отношение к нашим делам,

синьор Пацци. Я начинаю серьезно размышлять, не пора ли мне съесть вашу супругу.

С этими словами доктор Лектер сорвал со стены импровизированный экран. Огромное полотнище упало на Пацци. Главный следователь бился под холстом, пытаясь высвободить голову, его сердце бешено стучало в груди. Доктор Лектер, мгновенно прыгнув к Пацци, со страшной силой охватил сзади его за шею и поднес к покрытому холстом лицу пропитанную эфиром губку. Следователь Пацци, сильный и хорошо обученный рукопашному бою, сумел схватиться за рукоятку «беретты». Когда они валились на пол, Пацци завел руку с пистолетом за спину, нажал на спуск и… поразил себя в заднюю поверхность бедра. После этого для него наступила темнота.

Выстрела из небольшой «беретты» никто не мог услышать. Во-первых, он был произведен под холстом, и, во-вторых, его полностью заглушил шум работающих в палаццо машин. По лестнице никто не поднялся. Доктор Лектер закрыл створки огромных дверей Салона лилий и повернул торчащий в скважине замка ключ…

Придя в себя, Пацци прежде всего почувствовал тошноту, тяжесть в груди и головокружение. Горло жгла боль, и во рту ощущался сильный

привкус эфира.

Он сообразил, что все еще находится в Салоне лилий, и обнаружил, что не может двигаться. Ринальдо Пацци был стоя привязан к высокой ручной тележке, на которой рабочие привозили кафедру. Завернутый в холст и обкрученный веревкой, он был похож на напольные дедушкины часы. Рот его был заклеен широкой лентой. Бедро стягивала тугая повязка, и кровь из раны не текла.

Доктор Лектер смотрел на Пацци, облокотившись на кафедру. Глядя на полицейского, доктор вспомнил себя, когда его, связанного таким же образом, доставляли в психушку.

— Вы слышите меня, синьор Пацци? Сделайте несколько глубоких вдохов, и ваша голова прояснится.

Доктор Лектер произнес эти слова, не прекращая работу. Он уже успел выкатить в центр зала большой электрический полотер и сейчас занимался тем, что мастерил из толстого оранжевого силового кабеля петлю, которой обычно пользуются профессиональные палачи.

Резиновая изоляция кабеля скрипела, когда доктор Лектер делал горловину из тринадцати традиционных колец, через которую затягива-

лась петля.

Закончив изготовление профессиональной петли, он закрепил последний узел и положил творение рук своих на кафедру. Вилка штепселя торчала с внешней стороны горловины.

Принадлежащие Пацци пистолет, пластмассовые наручники, так же как и все остальное содержимое его карманов, тоже лежали на пюпитре.

Доктор Лектер в первую очередь просмотрел документы. Он сунул себе за пазуху полученное от карабинеров досье. Досье содержало вид на жительство, разрешение на получение работы, негативы и фотографии его нового лица.

Здесь же оказалась и нотная запись, которую доктор Лектер дал на время синьоре Пацци. Он взял ноты и краем листа задумчиво постучал по зубам. Лектер глубоко вздохнул, крылья его носа раздулись и, приблизив лицо к Пацци, доктор произнес:

— Лаура, если вы, синьор, позволите мне называть вашу супругу Лаурой, по-видимому, пользуется великолепным ночным кремом для рук. Хорошо впитывается. Вначале холодит кожу, а затем согревает. Благоухает цветком апельсина. Про вашу жену, синьор, можно сказать: Лаура-

оранжад. Хм-м. У меня за весь день не было во рту ни крошки. Печень и почки я мог бы приготовить сразу на ужин. Что же касается мяса, то его неделю следует вялить на холодном ветру. Я не слышал прогноза погоды. Вы не знаете, случайно, не ждет ли нас похолодание? Судя по выражению вашего лица — не ждет.

Если вы, коммендаторе, поделитесь со мной нужными мне сведениями, то я могу поголодать и оставить синьору Пацци неосвежеванной. Я задам вам вопросы, а затем приму окончательное решение. Вы можете мне доверять, синьор, хотя догадываюсь, что, зная себя, вам очень трудно кому-нибудь верить.

Тогда в театре я понял, что вы установили мою подлинную личность. Не обмочились ли вы от страха, когда я склонился над ручкой синьоры? Полиция не появилась, и стало ясно, что вы меня продали. Вы продали меня Мейсону Вергеру? Моргните дважды, если это так.

Благодарю вас. Я так и думал. Как-то ради развлечения я позвонил по номеру, указанному в развешанных по всему миру объявлениях. Это его люди ждут меня на улице? Хм-м. И один из них воняет несвежей свиной колбасой? Понимаю. Говорили ли вы обо мне кому-нибудь в Квестуре?

Я не ошибся? Вы моргнули только раз? Я так и полагал. Теперь я попрошу вас немного подумать и сообщить мне код доступа в компьютер в Квонтико. Я сниму ленту с ваших губ, — продолжил доктор Лектер, открывая нож «гарпия», — и вы мне назовете код. Не пытайтесь кричать, — сказал доктор, поигрывая ножом. — Как вы полагаете, вы сумеете удержаться от крика?

— Клянусь создателем, я не знаю кода, — ответил Пацци сиплым от действия эфира голосом. — Не могу вспомнить его целиком. Если мы спустимся к моей машине, где остались документы…

Доктор Лектер развернул Пацци лицом к экрану и стал по очереди включать изображения повешенных Пьеро делла Винья и Иуды с болтающимися под ними кишками.

— Как вы считаете, коммендаторе, потроха внутри или вывалились?

— Код в записной книжке, — прохрипел Пацци.

Доктор Лектер поднес блокнот к лицу инспектора и листал страницы до тех пор, пока среди телефонных номеров не обнаружилась запись кода.

— И вам в качестве гостя предоставлено право

удаленного подключения?

— Да, — прохрипел Пацци.

— Благодарю вас, коммендаторе. — Доктор Лектер развернул тележку и подкатил ее к высокому окну.

— Выслушайте меня! У меня есть деньги! Чтобы скрыться, они вам будут нужны. Мейсон Вергер никогда не успокоится. Он от вас не отстанет. И вы не можете пойти домой за деньгами, его люди не сводят глаз с палаццо Каппони.

Доктор Лектер, не говоря ни слова, вынул из строительных лесов две доски, положил их одним концом на подоконник и по импровизированному пандусу выкатил главного инспектора на небольшой балкон.

Лицо Пацци заливал пот, и легкий ветерок за окном казался инспектору просто ледяным. Теперь он говорил торопливо. Одно слово набегало на другое.

— Вам отсюда живым не выйти. У меня есть деньги. Сто шестьдесят миллионов лир наличными! Позвольте мне позвонить жене. Я скажу, чтобы она взяла деньги, положила их в машину и оставила машину у входа в палаццо.

Доктор Лектер подкатил Пацци к металлической ограде, вернулся в Салон лилий, взял с

кафедры петлю и вынес на балкон. Оранжевый силовой кабель волочился за ним следом. Металлическая решетка ограждения заканчивалась где-то у середины бедер Главного следователя.

— Как только жена будет внизу, она позвонит мне по сотовому телефону и уйдет. На машине имеется полицейский пропуск, и Лаура сможет подвести ее прямо к входу, — брызгая слюной торопливо говорил Пацци. — Она сделает все, что я ей скажу. Из выхлопной трубы идет дымок, вы увидите его, если посмотрите вниз. Мотор будет работать. Ключи останутся в машине.

Пацци смотрел вниз на площадь и в отраженном свете прожекторов видел то место, на котором был сожжен Савонарола и где он поклялся в том, что продаст доктора Лектера Мейсону Вергеру. Он поднял взгляд на низкие подсвеченные снизу прожекторами рваные облака. Пацци все еще не оставляла надежда на то, что Бог, узрев его страдания, протянет ему руку помощи.

Под ним разверзалась ужасающая, ведущая в смерть пустота, но Пацци вопреки всякой логике надеялся, что лучи прожекторов, превратившись каким-то непостижимым образом в твердую субстанцию, позволят ему невредимым спуститься вниз.

Оранжевая резиновая петля ужасно холодила шею. Доктор Лектер стоял рядом.

— До свидания, коммендаторе.

Перед лицом Пацци блеснуло лезвие «гарпии», разрезая холст и одежду. Следующий удар ножа разрубил привязывающие его к тележке веревки. Ударившись о заграждение, он замахал руками, но не взлетел, как надеялся, а рухнул вниз. Земля приближалась со страшной скоростью. Рот был свободен, и он мог кричать сколько угодно. Оранжевый провод скользил по полу. За ним катился полотер. Ударившись о заграждение, полотер остановился. Лицо Пацци рывком задралось кверху, шейные позвонки не выдержали рывка, а внутренности вывалились через задний проход.

Пацци и довесок из его потрохов вращаясь раскачивались у стены. Тело дергалось в посмертных судорогах. На залитой праздничным светом стене палаццо Веккьо танцевала огромная тень удавленника. Кишки болтались по более короткой амплитуде, а член, выскочив через прорезь трусов, напрягся в последней посмертной эрекции.

Карло выскочил из тени Лоджии и помчался к главному входу в палаццо, расшвыривая на бегу туристов. Рядом с ним несся Маттео.

Двое туристов смотрели на палаццо через ви-

доискатели видеокамер.

— Это какой-то фокус, — сказал кто-то в толпе по-английски.

— Маттео, прикрой заднюю дверь. Если он выйдет оттуда, убей его и отрежь то, что надо, — бросил Карло, открывая на бегу сотовый телефон.

И вот он уже в палаццо. Лестница. Первый этаж. Второй.

Огромные двери в Салон лилий стояли нараспашку. Вбежав в салон, Карло направил пистолет на фигуру у стены. Поняв, что это всего лишь проекция, он бросил взгляд на балкон и уже через несколько секунд обыскал кабинет Макиавелли.

Соединившись по мобильному телефону с Пьеро и Томмазо, он приказал:

— Отправляйтесь к его дому. Прикройте спереди и сзади. Убейте, как только появится, и отрежьте то, что надо.

И тут же набрал другой номер.

— Маттео?

Когда пискнул спрятанный во внутреннем кармане куртки телефон, Маттео, еще тяжело дыша, стоял у накрепко запертых задних дверей палаццо. Он уже успел обежать взглядом крышу, ряд темных окон и подергать дверь. Одну руку

Сардинец все время держал под полой куртки на рукоятке засунутого за пояс пистолета.

— Слушаю! — открыв телефон, бросил Маттео.

— Что там у тебя?

— Дверь заперта.

— Как крыша?

Маттео снова поднял взгляд, но сделал это слишком поздно для того, чтобы успеть увидеть, как над его головой на окне распахнулись ставни.

Карло, услышав в трубке шорох и сдавленный крик, ринулся через три ступеньки вниз по лестнице. Он упал на площадке, поднялся и снова помчался вниз. Миновав охранника, стоявшего теперь у дверей на улице, пробежав между огромными, обрамляющими двери белыми скульптурами, Карло понесся к задней двери дворца, затоптав на бегу какую-то парочку. Перед ним поперек узкой улицы наперерез движущемуся мотороллеру бежала завернутая в саван фигура. Мотороллер сбил белую фигуру, но она поднялась с каменной мостовой и, не разбирая пути, побежала дальше. Бегущее существо врезалось в витрину. Раздался звон разбитого стекла. На сей раз бегущий удержался на ногах. Он развернулся и с воплем «Карло! Карло!» бросился

в обратном направлении. На покрывающем его распоротом спереди белом холсте расплывались темные пятна. Карло подхватил Маттео на руки, осторожно уложил на мостовую и разрезал пластиковую ленту, удерживающую саван на голове и шее брата. Сардинец развернул покрывало и увидел, что у Маттео разрезаны лицо и грудь и вспорот живот. Рана на груди была настолько глубокой, что через нее при вдохе со свистом засасывался воздух. Карло, оставив Маттео в одиночестве, подбежал к углу улицы посмотрел в обе стороны и тут же вернулся к лежащему брату.

Доктор Ганнибал Лектер привел в порядок одежду и спокойно двинулся к закусочной на пьяцца де Джудичи. С пьяцца Синьориа уже были слышны звуки полицейских сирен и виднелись цветные всполохи проблесковых маячков. У тротуара напротив закусочной ждали своих хозяев мотороллеры и мотоциклы.

Доктор Лектер подошел к затянутому в кожу юнцу, готовому запустить двигатель мощного «Дукати».

— Я просто в отчаянии, молодой человек, — с жалобной улыбкой произнес доктор. — Если через десять минут я не буду на пьяцца Беллогуарда, жена меня убьет. — Он извлек из кармана

банкноту достоинством в пятьдесят тысяч лир и продолжил: — Вот в такую сумму я оценил свою жизнь.

— И вы хотите, чтобы я вас туда подбросил? Больше ничего? — уточнил юнец.

— Подбросить, и ничего больше, — ответил доктор Лектер, поднимая руки.

Мощный мотоцикл мчался, ловко лавируя на забитой машинами виа Лунгарно. Доктор Лектер сидел на заднем сиденье, обхватив руками юного водителя. Укрывавший его лицо и голову запасной мотоциклетный шлем пропах лаком для волос и недорогими духами. Водитель знал свое дело. С виа де Серральи он свернул к пьяцца Тассо и, проехав затем по виа Виллани, нырнул в какую-то щель рядом с церковью Сан-Франческо ди Паола. Эта узкая улочка, оказывается, выходила на извилистую дорогу, ведущую прямо к Беллогуарда — прекрасному жилому району на холмах, чуть к югу от города. Рев мощного двигателя «Дукати» отражался от каменных, тянущихся вдоль дороги стен. Доктор Лектер, привыкнув к запаху лака и дешевых духов, наслаждался быстрой ездой. Особенно ему нравились те мгновения, когда мотоцикл, наклоняясь, вписывался в очередной виток серпантина. Он попросил молодого

человека высадить его у въезда на пьяцца Белллогуарда вблизи дома графа Монтото, в котором когда-то жил Натаниел Хоторн[36]. Мотоциклист сунул свой гонорар в нагрудный карман косухи, и хвостовой огонь его машины скоро исчез за поворотом.

Возбужденный быстрой ездой, доктор Лектер прошел сорок метров до своего черного «ягуара», извлек спрятанные за бампером ключи и завел мотор. На тыльной стороне его правой руки была небольшая ссадина. Он получил ее, когда срывал холст со стены и прыгал из окна второго этажа палаццо на голову Маттео. Доктор смазал ранку итальянской антибактериальной мазью «Чикатрин» и сразу почувствовал себя лучше.

Пока мотор разогревался, доктор Лектер решал, какую музыку он хотел бы сейчас послушать. Перебрав несколько пленок, он остановил свой выбор на Скарлатти.

---

[36] Примечания: 36
Натаниел Хоторн (1804–1864) — американский писатель.

Глава 37

Турбовинтовой санитарный самолет, взмыв над черепичными крышами, взял курс на юго-запад в направлении Сардинии. Над крылом машины появилась верхняя часть знаменитой Падающей башни. Это произошло потому, что пилот заложил вираж более крутой, чем тот, который он сделал бы, если бы на борту находился живой пациент.

На носилках, предназначавшихся доктору Ганнибалу Лектеру, холодело тело Маттео Деограчиаса. Рядом с носилками сидел старший брат покойного Карло. Кровь, пропитавшая его одежду, запеклась, и ткань стала больше походить на фанеру.

Карло Деограчиас, велев фельдшеру нацепить наушники и включить музыку, позвонил по сотовому телефону в Лас-Вегас, откуда слепая шифровальная машина отправила его сообщение дальше на побережье Мэриленда…

Для Мейсона Вергера день ничем не отличался от ночи. Он спал. Даже подсветка аквариума была выключена. Голова Мейсона лежала на подушке

боком, и его единственный глаз был широко открыт, совсем как глаз гигантского угря, который, впрочем, тоже спал. Тишину помещения нарушали лишь шипение аппарата искусственного дыхания да негромкое побулькивание аэратора в аквариуме.

Но вдруг эти привычные шумы заглушил другой звук, тоже тихий, но весьма настойчивый. Это был сигнал телефона, которым мог пользоваться только он. Похожая на бледного краба рука поползла на скрюченных пальцах к кнопке телефона. Динамик аппарата находился под подушкой, а микрофон был укреплен рядом с тем, что осталось от его лица.

Вначале Мейсон услышал шум авиационного двигателя и на его фоне — уже успевшую надоесть мелодию позывных.

— Слушаю. Говорите.

— Кровавая баня.

— Расскажите.

— Брат Маттео умер. Моя рука сейчас лежит на его теле. Пацци тоже мертв. Доктор Фелл убил их и скрылся.

Мейсон на некоторое время лишился дара речи.

— За Маттео вы должны двести тысяч долла-

ров, — сказал Карло. — Его семье. — Сардинцы, заключая договор, всегда предусматривали получение вознаграждения в случае смерти.

— Понимаю.

— Из-за Пацци они начнут копать так, что дерьмо полетит во все стороны.

— Надо, чтобы все узнали о том, что он испачкался, — ответил Мейсон. — Они воспримут все легче, если узнают, что он в этом деле не чист. Он успел замараться?

— Знаю лишь то, что случилось в последний день. А что, если, начав с Пацци, они докопаются до вас?

— Об этом я позабочусь.

— Однако я должен позаботиться и о себе, — сказал Карло. — Это уже слишком. Главный следователь Квестуры убит. Мне от этого не отмыться.

— Но вы ведь ничего не сделали, не так ли?

— Не сделали. Но если Квестура приплетет мое имя к этому делу… Твою мать! Они же станут следить за мной до конца дней. Мне же не видать ни одного контракта. На улице я даже пернуть не смогу. Как быть с Оресте? Ему известно, кого предстояло снимать?

— Не думаю.

— Квестура завтра, крайний срок послезавтра, установит личность доктора Фелла. Оресте допрет сразу, как только увидит новости по ящику. Ему останется сопоставить время.

— Оресте получил хорошие деньги и нам не опасен.

— Вам, может, и не опасен. Но через месяц ему отвечать в суде в Риме за распространение порнухи. Теперь он заимел возможность поторговаться. Если вы этого до сих пор не знали, дайте своим помощничкам под зад. С этим типом надо разбираться.

— Я с ним свяжусь, — сказал Мейсон. — Карло, вы остаетесь в игре? Вы хотите поймать доктора Фелла? Вы должны найти его — ради Маттео.

— Да. Но за ваш счет.

— Тогда возвращайтесь на ферму. Сделайте животным вакцинацию против свиного гриппа и холеры. Вакцина должна быть обязательно сертифицирована. Подготовьте контейнеры для их отгрузки. Насколько хорош ваш паспорт?

— Хороший.

— Действительно хороший? Это должен быть настоящий документ, а не дешевая подделка.

— Я же говорю, что хороший.

— В таком случае я с вами свяжусь.

Закончив разговор с Мейсоном Вергером, Карло случайно нажал кнопку автоматического набора. В ту же секунду в мертвой руке Маттео запищал телефон. На долю секунды Карло почудилось, что брат вот-вот поднесет трубку к уху. Осознав, что Маттео не ответит, Сардинец выключил аппарат. Лицо его исказила гримаса такой боли, что фельдшер не выдержал и отвел взгляд.

Глава 38

Доспехи Дьявола, с их рогатым шлемом, являются прекрасным образцом итальянских лат пятнадцатого века. С 1501 года они украшают стену церкви Санта-Репарата в небольшом городке к югу от Флоренции. Доспехи отличаются не только изящными металлическими рогами серны на шлеме. В том месте, где кончаются наголенники, вместо обычной металлической обуви со шпорами находятся железные перчатки с раструбами и двумя остроконечными пальцами, способными вместить копыта самого Сатаны.

Согласно бытующей в этих местах легенде молодой рыцарь, проезжая мимо храма, упомянул всуе имя Богоматери. После этого он был не в силах снять с себя доспехи до тех пор, пока не вымолил у Мадонны прощения. В знак благодарности юноша подарил свои латы церкви. Доспехи производили сильное впечатление. Кроме того, они несли на себе следы боевой славы. В 1942 году в церковь влетел снаряд и его осколки повредили броню.

Доспехи, у которых вся обращенная кверху поверхность покрыта похожим на фетр слоем пыли,

спокойно взирают сверху вниз на крошечный храм, где заканчивается месса. Дым курений и запах ладана заполняют воздух, проникая через прорезь забрала в пустой шлем.

На службе присутствуют лишь три человека — две пожилые, одетые в черное женщины и доктор Ганнибал Лектер. Все трое подходят к Причастию, хотя доктор Лектер касается губами чаши с некоторой неохотой. Священник заканчивает процедуру благословения и удаляется. Следом уходят и женщины. Доктор Лектер продолжает возносить молитвы до тех пор, пока не остается в одиночестве.

С хоров, где стоит орган, перегнувшись через ограждение, можно дотянуться до Доспехов Дьявола и поднять пыльное забрало рогатого шлема. Так и поступает доктор Лектер. Изнутри на латном воротнике при помощи крючка закреплена бечевка, к которой, в свою очередь, привязан сверток. Сверток находится в кирасе, примерно в том месте, где должно быть сердце. Осторожно, крайне осторожно, доктор Лектер извлекает это лжесердце.

В свертке содержатся: паспорт наилучшего бразильского производства, другие удостоверения личности, наличность, банковские документы и

ключи. Доктор Лектер прячет свою добычу под плащ и удаляется.

Доктор Лектер, как правило, не склонен предаваться сожалениям, но покидать Италию ему по-настоящему жаль. В палаццо Каппони хранились такие документы, которые ему очень хотелось бы найти и прочитать. Ему нравилось музицировать на клавикордах, и он даже мог бы попытаться сочинить собственный опус. А ночами можно было бы готовить деликатесы для вдовы Пацци. Естественно, после того как та преодолеет свою печаль.

Глава 39

Когда полиция вызвала пожарных, чтобы вынуть Пацци из петли, на стекла прожекторов, заливающих светом палаццо Веккьо, все еще стекала кровь Главного следователя. Капли ее, соприкасаясь с раскаленной поверхностью, шипели и мгновенно образовывали корку, которая тут же пригорала.

Пожарным пришлось прибегнуть к помощи раздвижной лестницы своей машины. Даже у таких опытных людей, и при этом уверенных в том, что клиент мертв, на снятие трупа ушло довольно много времени. Прежде всего потребовалось собрать, поднять и поместить в сетку висящие под телом кишки. Лишь после этого на покойнике можно было закрепить трос, чтобы спустить его на площадь.

Когда тело приближалось к земле, стоящие внизу, чтобы принять его, вытянули руки, и на следующий день в «Ла Нацьоне» появилась прекрасная фотография, напомнившая многим читателям те великие полотна, на которых изображалось снятие с креста.

Полиция оставила петлю на шее удавленника,

чтобы сохранить на ней отпечатки пальцев. Когда отпечатки были скопированы, петлю аккуратно разрезали посередине, чтобы не повредить узел.

Многие жители Флоренции не сомневались в том, что это было всего лишь театрально поставленное самоубийство. Они решили, что Ринальдо Пацци наложил на себя руки на тюремный манер. Публика проигнорировала тот факт, что его нижние конечности были связаны; Через час после снятия трупа местное радио сообщило, что, прежде чем удавиться, Главный следователь Пацци сделал себе харакири с помощью ножа.

Но полиция поняла все с первого взгляда, как только увидела на балконе разрезанную ткань и ручную тележку. Пистолет Главного следователя исчез. Свидетели сообщали о том, что в палаццо вбежал какой-то человек, а за зданием дворца по улице слепо носилось существо в окровавленном саване. Все факты указывали на то, что Пацци был убит.

Итальянские полицейские решили, что их коллегу умертвил Флорентийский монстр.

Квестура начала с того, что снова принялась за несчастного Джироламо Токку, ложно обвиненного когда-то в том, что он и есть тот самый

Монстр. Они забрали его из дома, оставив жену бедняги еще раз выть у дороги. Однако на сей раз алиби. Токки сокрушить было невозможно. Во время совершения преступления он в присутствии приходского священника лакал рамазотти в местной забегаловке. Токку отпустили во Флоренции, и он за свой счет вернулся домой в Сан-Касьяно на автобусе.

В первые часы после убийства были допрошены все служащие палаццо Веккьо. Не забыла полиция и достопочтенных членов «Студиоло».

Квестура так и не смогла найти доктора Фелла. К полудню субботы все внимание следователей сосредоточилось на этом человеке. В полиции вдруг вспомнили, что Пацци расследовал исчезновение предшественника доктора Фелла на посту хранителя палаццо Каппони.

Один из служащих Квестуры сообщил, что Пацци несколько дней назад изучал вид на жительство доктора Фелла. Досье Фелла, включая фотографии, негативы снимков и отпечатки пальцев, было востребовано на другое имя, но требование было написано рукой Пацци. Италия не успела компьютеризировать все досье в национальном масштабе, и виды на жительство, как и прежде, хранились в местных учреждениях.

Иммиграционная служба сообщила номер паспорта доктора Фелла, и от этого номера сильно попахивало лимонами Бразилии.

Тем не менее полиция не смогла докопаться до подлинной личности доктора. Детективы сняли отпечатки пальцев с профессионально изготовленной петли, с кафедры в Салоне лилий, с ручной тележки и с посуды в кухне палаццо Каппони. Имея в своем распоряжении множество художников, полиция уже через несколько минут располагала свежим портретом доктора Фелла.

К утру воскресенья опытный дактилоскопист, проведя бессонную ночь, определил, что отпечатки на петле, кафедре, тележке и посуде доктора Фелла в палаццо Каппони принадлежат одному и тому же лицу.

Никому не пришло в голову сравнить их с отпечатком большого пальца доктора Лектера, изображенного на розыскном объявлении Мейсона Вергера.

Отпечатки с места преступления поступили в Интерпол лишь вечером в воскресенье и затем были переданы в установленном порядке в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне. К ночи в ФБР поступило более семи тысяч комплектов отпечатков, снятых на местах преступлений.

Однако отпечатки из Флоренции, попав в автоматизированную систему поиска, вызвали такой переполох, что шум от него мгновенно достиг ушей самого заместителя директора, курирующего Отдел идентификации. Ночной дежурный, увидев, как из принтера выползают лик и пальчики доктора Ганнибала Лектера, немедленно позвонил домой помощнику Директора ФБР и следом — Полу Крендлеру из Министерства юстиции.

Телефон Мейсона зазвонил в час тридцать ночи. Мейсон сделал вид, что потрясен и крайне заинтересован.

В доме Джека Крофорда звонок раздался в час тридцать пять. Джек зарычал и перекатился на пустующую сторону широкой кровати, на ту сторону, которую когда-то занимала его покойная супруга Белла. Там было прохладнее, и мозги Крофорда несколько прояснились.

Клэрис Старлинг была последней из тех, кто узнал о том, что доктор Лектер снова встал на путь убийств. Положив трубку, она еще несколько минут тихо лежала в темноте. В глазах девушки началась непонятная резь, но она не заплакала. Сверху, с темного потолка, на нее смотрело лицо Ганнибала Лектера. Его прежнее лицо,

естественно.

Глава 40

Пилот санитарного самолета не стал садиться в темноте на короткую полосу аэродрома в Арбатаксе. Вместо этого они совершили посадку в Кальяри, заправились топливом и, дождавшись рассвета, полетели вдоль берега. Восхитительный восход придавал лицу Маттео розоватый оттенок, и покойник казался живым.

Грузовик с гробом ждал их в Арбатаксе. Пилот требовал денег, и Томмазо пришлось вмешаться, чтобы помешать Карло врезать наглецу по физиономии.

Три часа горной дороги, и они дома.

Карло в одиночестве прошел к деревянному навесу, который они строили вместе с Маттео. Там все было готово для того, чтобы снимать смерть доктора Лектера. Карло остановился рядом с кинокамерами и посмотрел на свое изображение в громадном зеркале, повешенном над загоном для животных. Он обвел взглядом изгородь, доски для которой пилил брат, вспомнил большие, тяжелые руки Маттео и вскрикнул словно от боли. Громкий крик страдающего сердца достиг опушки леса, и из-за деревьев показались свиные

рыла.

Братья Пьеро и Томмазо, хотя и услышали вопль, подходить к Карло не стали.

На горных пастбищах распевали птички.

Из дома выскочил Оресте Пини. Одной рукой он застегивал ширинку на брюках, а в другой держал мобильный телефон. Помахав рукой с телефоном, он крикнул:

— Итак, вы упустили Лектера. Ну и не повезло же вам!

Карло сделал вид, что ничего не слышит.

— Послушай, похоже, не все еще потеряно. Мы еще можем кое-что сделать, — продолжил, подойдя ближе, Оресте. — Здесь на линии Мейсон. Он говорит, что его пока удовлетворит имитация. Нечто такое, что он сможет продемонстрировать Лектеру, когда тот попадет ему в руки. У нас все готово для съемки. У нас имеется тело какого-то бандита, которого, как говорит Мейсон, ты нанял для дела. Одним словом, босс предлагает сунуть жмурика под забор свиньям, а в качестве звукового сопровождения прокрутить пленку. Возьми трубку. Потолкуй с ним сам.

Карло повернулся и взглянул на Оресте так, словно тот свалился с луны. Сардинец взял трубку, и, по мере того как он говорил с Мейсоном,

лицо его светлело все больше и на нем даже появилось выражение некоторого покоя.

— Готовьтесь, — распорядился Карло, складывая трубку мобильника.

Затем он поговорил с Томмазо и Пьеро и вместе с оператором помог братьям отнести гроб под навес.

— Не ставьте гроб так близко, чтобы он не попал в кадр, — сказал Оресте. — Вначале мы снимем нетерпеливо топчущихся животных, а потом отправим к ним покойника.

Заметив движение под навесом, первая свинья выбежала из леса.

— Джириамо! — позвал Оресте.

Дикие свиньи тесной толпой выбежали из леса. Бурые и серебристые, громадные — чуть ли не до пояса человека, — они мчались на своих крошечных копытцах со скоростью волчьей стаи, преследующей добычу. Маленькие умные глазки на дьявольских мордах, широкая грудь, массивные шеи, гора мышц под гребнем жесткой щетины вдоль спины. Эти звери способны поднять на свои огромные клыки самого сильного мужчину.

— Готов! — отозвался оператор.

Свиньи не жрали мяса три дня. Расталкивая

друг друга, они спешили в загон. Присутствие людей за изгородью их нисколько не смущало.

— Мотор! — крикнул Оресте.

— Начали! — завопил в ответ оператор.

Животные остановились в десяти ярдах от камер. Топчущиеся копыта, алчно двигающиеся пятачки. В первом ряду, в самом центре, — близкая к опоросу огромная матка. Свиньи двигались взад и вперед, как футбольные судьи на линии, и Оресте брал их в кадр, сложив рамкой пальцы.

— Снимаем! — рявкнул он сардинцам.

Карло подошел к нему сзади и ударил ножом в толстую задницу. Оресте взвизгнул. Не теряя ни секунды, Сардинец обхватил бедра жителя столицы и швырнул его головой вперед через заграждение в загон. Свиньи ринулись в атаку. Режиссер попытался подняться. Он даже успел встать на одно колено, но в этот миг матка ударила его под ребра и режиссер распластался на земле, В то же мгновение они все оказались над ним, чавкая и хрюкая. Два секача вцепились ему в лицо, выдрали нижнюю челюсть и разломили ее так, как ломают грудную косточку цыпленка, загадывая желание. Тем не менее Оресте почти удалось снова подняться на ноги. Но он тут же снова оказался на земле со вспоротым живо-

том. Над колышущимися спинами возникли его трепещущие руки. Оресте что-то кричал, но, поскольку у него отсутствовала челюсть, разобрать слова было невозможно.

Карло обернулся, услышав звук выстрела. Оператор, бросив работающую камеру, пытался скрыться. Но для того чтобы убежать от пули Пьеро, двигаться ему следовало проворнее.

Свиньи, разодрав добычу на куски, начинали успокаиваться.

— Вот тебе, жопа, и «Снимаем», — сказал Карло и плюнул на землю.

Часть III
В НОВЫЙ СВЕТ

Глава 41

Заботливая тишина окружала Мейсона Вергера. Весь персонал относился к нему так, словно он только что потерял ребенка. Когда его спросили, как он себя чувствует, Мейсон сказал:

— Я чувствую себя как человек, только что выбросивший кучу денег за дохлого итальяшку.

Проспав несколько часов, Мейсон потребовал, чтобы из игровой комнаты к нему привели одного-двух самых душевно неуравновешенных детей. Однако таковых под рукой не оказалось, а у его поставщика не было времени на то, чтобы успеть подействовать на психику кому-нибудь из оставшихся в городе детишек.

Потерпев фиаско и в этом начинании, Мейсон приказал своей сиделке Корделлу изуродовать несколько золотых рыбок и накормить ими мурену. Мурена нажралась до отвала и скрылась в своей искусственной скале, а вода в аквариуме приобрела розовый цвет и заискрилась мириадами светящихся чешуек.

Мейсон решил было поиздеваться над своей сестрой Марго, но та ушла к себе и несколько часов игнорировала все вызовы на пейджер.

Марго была единственным человеком на ферме «Мускусная крыса», позволявшим себе игнорировать Мейсона.

В вечерних новостях в субботу показали сцену смерти Ринальдо Пацци, снятую на видеокамеру каким-то туристом. Фильм был коротким, его, видимо, сильно отредактировали. К этому времени еще не удалось установить, что убийцей был доктор Лектер. Анатомические детали мертвого тела для показа в новостях были затемнены.

Секретарь Мейсона немедленно сел за телефон, чтобы получить полную версию фильма. Пленка была доставлена вертолетом уже через четыре часа.

Видеозапись имела весьма любопытное происхождение.

Из двух туристов, снимавших у палаццо Веккьо сцену смерти Ринальдо Пацци, один растерялся и отвел камеру в момент падения. Второй турист, швейцарец по национальности, сохранил полнейшее хладнокровие и запечатлел весь эпизод. Ему даже хватило художественного вкуса для того, чтобы снять крупным планом вращающийся и дергающийся оранжевый кабель.

Оператор-любитель по имени Виггерт служил в патентном бюро. Зная порядки, он опасался,

что пленку конфискует полиция и итальянское телевидение получит ее бесплатно. Швейцарец немедленно позвонил в Лозанну своему адвокату, попросил его юридически установить авторские права на фильм и тут же продал права показа (разовая плата за каждую демонстрацию) американской телевизионной компании Эй-би-си. Продаже предшествовал торг телевизионных гигантов. Право на воспроизведение кадров в печатном виде получила газета «Нью-Йорк пост» и следом за ней «Нэшнл тэтлер».

Пленка тотчас заняла почетное место среди классических зрелищ, воспроизводящих различного рода ужасы вроде Запрудера, убийства Ли Харви Освальда или самоубийства Эдгара Болджера. Виггерт страшно жалел о том, что продал фильм до того, как преступником был объявлен доктор Ганнибал Лектер.

Мейсон получил самую полную версию фильма. На нем даже можно было увидеть, как семейство Виггертов почтительно взирает на яйца Давида в Галерее Академии за два часа до событий у палаццо Веккьо.

Мейсона, вглядывавшегося своим единственным, прикрытым линзой глазом в изображение, абсолютно не интересовал болтающийся на кон-

це провода кусок очень дорогого мяса. Рассказ «Ла Нацьоне» и «Коррьере делла сера» о том, как в одном и том же окне с разрывом в пять столетий были повешены два Пацци, также оставил его равнодушным. Больше всего Мейсона Вергера интересовали верхняя часть дергающегося шнура и фигура невысокого стройного человека на балконе. Это был всего лишь силуэт на фоне слабо освещенного дверного проема. Доктор Лектер махал рукой Мейсону. Делал он это издевательски. Доктор поднял ладонь и двигал только пальцами. Так обычно прощаются с детьми.

— Пока-пока, — ответил Мейсон из тьмы. — Пока-пока. — Глубокий голос из динамика дрожал от ярости.

Глава 42

Идентификация доктора Ганнибала Лектера как убийцы Ринальдо Пацци оказалась для Старлинг даром богов. Она наконец получила возможность заняться чем-то серьезным. Девушка фактически стала связующим звеном между ФБР и властями Италии. Теперь ей приходилось тратить силы на решение какой-то долгосрочной задачи, что было весьма приятно.

После перестрелки на рыбном рынке Феличиана ее мир радикальным образом изменился. Ее и всех остальных, переживших провальный рейд, держали в своеобразном административном чистилище, ожидая доклада Министерства юстиции Юридическому подкомитету конгресса.

После находки рентгенограммы доктора Лектера Старлинг занималась в основном тем, что временно замещала находящихся в отпусках или заболевших преподавателей Академии ФБР в Квонтико.

Всю осень и зиму Вашингтон был одержим скандалом в Белом доме. Сорвавшиеся с цепи чистоплюи потратили слюны значительно больше, чем того заслуживал печальный грешок,

и президенту Соединенных Штатов, отбиваясь от импичмента, пришлось за это время съесть больше дерьма, чем ему было отпущено на весь срок его правления. Это цирковое представление полностью затмило такое незначительное событие, как побоище на рыбном рынке Феличиана.

С каждым новым днем Старлинг все больше и больше понимала, что государственная служба для нее никогда не станет такой, как раньше. На ней осталось клеймо. Ее коллеги общались с ней так, словно она была разносчиком опасной болезни. Старлинг была еще настолько молода, что подобное поведение вызывало у нее удивление и горечь.

Как хорошо, когда у тебя много работы. Запросы из Италии о докторе Ганнибале Лектере текли в Отдел изучения моделей поведения рекой. Иногда они поступали даже в двух экземплярах. Второй поступал из Госдепа, куда обращался МИД Италии. Старлинг охотно откликалась на эти просьбы, загружая факсы и электронную почту сведениями о докторе. Ее немало изумляло то, что за семь лет, прошедших после бегства доктора, все второстепенные документы о серийном убийце разбрелись по разным хранилищам. Крошечный загончик в подвале отдела, именуемый

ее кабинетом, был забит документами, факсами из Италии и копиями итальянских газет.

Что ценного она могла направить в Италию? Пока они получили лишь электронное досье доктора Лектера из архива в Квантико. Досье отослали по запросу Квестуры, поступившему за несколько дней до гибели Ринальдо Пацци. Узнав об этом запросе, итальянская пресса возродила былую славу Главного следователя, заявив, что тот втайне готовил арест Ганнибала Лектера. Честь семейства Пацци была восстановлена.

С другой стороны, Старлинг размышляла о том, какая бы информация могла быть полезной здесь, в ФБР, на тот случай, если доктор Лектер решит вернуться в Штаты.

Джек Крофорд стал редко появляться на службе и помочь советом ей не мог. Ему много времени приходилось проводить в судах, так как час отставки неумолимо приближался, а некоторые судебные разбирательства, в которых он выступал свидетелем или экспертом, еще не закончились. Джек все чаще и чаще болел, а появляясь на службе, казался каким-то отрешенным.

Мысль о том, что она вскоре может совсем лишиться советов Крофорда, вгоняла Старлинг в панику.

За годы работы в ФБР девушка многое повидала и знала, что, если доктор Лектер совершит в США хотя бы еще одно убийство, поднимется страшная вонь. В Конгрессе зазвучат напыщенные речи, Министерство юстиции громко заявит, что давно предупреждало о подобной опасности, а по всей стране на всю катушку развернется веселая игра под названием «Лови и бей виноватого». Первыми по полной программе получат таможня и пограничная служба за то, что пустили объявленного в розыск преступника в Соединенные Штаты.

Правоохранительные органы того места, где произойдет преступление, начнут требовать материалы о Лектере, а вся деятельность ФБР сосредоточится в региональном отделении. Затем доктор прикончит еще кого-нибудь в другом штате, и все начнется по новой в другом регионе.

Если доктора схватят, каждый начнет кричать, что именно он это сделал, а власти начнут тянуть доктора к себе, как тянут окровавленное тело нерпы белые медведи.

Старлинг поставила себе задачу проработать все варианты, вне зависимости от того, появится ли доктор Лектер в США или нет. То, какую реакцию может вызвать гипотетический арест

преступника, или возня вокруг расследования не должны ее занимать.

Она задала себе один простой вопрос, который вызвал бы насмешливую ухмылку у всех карьеристов, работающих в пределах окружной дороги. Старлинг спросила себя: «Способна ли я сделать то, что обещала, давая присягу? Как смогу я защитить простых граждан и схватить серийного убийцу, если он появится в стране?»

Доктор Лектер, вне сомнения, имеет прекрасные документы и хорошие деньги. Он превосходно умеет скрываться. Стоит лишь вспомнить ту элегантную простоту, с которой он ушел от преследователей после бегства в Мемфисе. Доктор поселился в шикарном отеле города Сент-Луиса рядом со знаменитой клиникой пластической хирургии. Половина постояльцев гостиницы ходили с забинтованными физиономиями. Доктор укрыл бинтами лицо и роскошествовал на деньги покойника.

Среди массы бумажек в ее кабинете имелись и счета за обслуживание в номере гостиницы в Сент-Луисе. Суммы были просто астрономическими. Одна бутылка «Батар-Монтраше» обошлась доктору в сто двадцать пять долларов. Каким прекрасным, наверное, казалось ему это вино

после стольких лет тюремной пищи.

Старлинг запросила из Флоренции копии всех документов, и итальянцы послушались. Качество копий было отвратительным, и девушка даже подумала, что для копирования на Апеннинах, видимо, пользуются неизвестным ей типом распылителя обыкновенной сажи.

В полученных материалах не наблюдалось ни малейшего порядка. Здесь были личные бумаги доктора из палаццо Каппони. Написанные знакомым каллиграфическим почерком заметки о Данте, послание уборщице и чек из «Вера даль 1926» — известного во Флоренции магазина деликатесов. В чеке значились две бутылки «Батар-Монтраше» и некоторое количество «тартуфи бьянки». Опять то же самое вино. А что такое эти самые «тартуфи»?

«Новый итальянско-английский словарь для колледжей» издательства Бантам подсказал ей, что «тартуфи бьянки» означает «белые трюфели». Старлинг позвонила шефу хорошего итальянского ресторана в Вашингтоне и спросила о трюфелях. Шеф с таким восторгом распространялся о вкусовых достоинствах продукта, что уже через пять минут Старлинг извинилась и повесила трубку.

Итак, вкус во всем. Вино, трюфеля. Вкус был константой жизни доктора Лектера как в Европе, так и в Америке. Стремление к высокому вкусу было присуще ему тогда, когда он был преуспевающим медиком. Не оставило оно его и теперь, когда, превратившись в чудовище, он скрывается от правосудия. Лицо его, возможно, и изменилось, но пристрастия остались теми же.

К вопросам вкуса Старлинг относилась весьма трепетно. Именно в этой сфере доктор Лектер дал ей свою первую оценку, коротко похвалив записную книжку и вдоволь поиздевавшись над ее дешевыми туфлями. Как он тогда ее называл? Тщательно отмытой, жутко деятельной деревенщиной, сдобренной толикой вкуса.

С тех пор ей не давали покоя вопросы вкуса. О каком вкусе могла идти речь в тех учреждениях, в которых ей приходилось ежедневно вращаться? Что она там могла вообще видеть, кроме функциональной мебели и утилитарной обстановки?

В то же время ее преклонение перед техникой начинало постепенно умирать, освобождая место для иных материй.

Старлинг просто устала от техники во всех ее проявлениях. Вера в технику свойственна, как правило, людям опасных профессий. Для того

чтобы вступить в перестрелку с вооруженным преступником или чтобы бороться с ним в грязи, необходимо верить в превосходство твоего вооружения и твоей технической подготовки. Только тогда ты сможешь уверовать в свою непобедимость. Однако это будет ложная вера, особенно в части перестрелки. Ты, конечно, можешь повысить свои шансы на выживание, однако если перестрелки случаются часто, то тебя в конце концов обязательно убьют.

Старлинг неоднократно видела такое.

Куда могла податься девушка, утратившая религиозный трепет перед техническими достижениями?

В своих невзгодах, в разъедающей душу похожести дней она стала внимательнее присматриваться к форме предметов и более чутко прислушиваться к своим интуитивным реакциям на предметы и явления, не пытаясь выразить их цифрами или словами. Примерно в это же время Старлинг заметила, что круг и манера ее чтения претерпели изменения. Раньше она читала подпись и только после этого смотрела на картину. Теперь же она вначале изучала картину и лишь только затем читала, что под ней написано. Иногда название ее вообще не интересовало.

Всю свою жизнь Старлинг просматривала журналы мод тайком, с чувством вины, словно это была порнография. Теперь же она была вынуждена признаться себе, что в этих изображениях есть нечто такое, что пробуждает ее интерес и рождает новые потребности. Девушке, воспитанной в лютеранском презрении к растленной роскоши, иногда казалось, что она предается какому-то сладкому извращению.

Рано или поздно она все равно перешла бы к новой тактике расследования, но теперь этот переход был ускорен происшедшими в ней изменениями. Новое видение жизни подтолкнуло ее к мысли о том, что любовь доктора Лектера к редким вещам, к товарам, имеющим очень узкий рынок, является тем спинным плавником, который, выдаваясь над поверхностью, позволяет увидеть скрывающееся под водой чудовище.

Проведя через компьютер и сравнив данные о дорогих покупках, можно будет установить его постоянно меняющуюся личность. Следует выявить предпочтения доктора. Надо узнать его так, как не знает никто другой в мире.

Что ему нравится? Что я об этом знаю? Он любит музыку, хорошее вино, вкусную еду, книги. Ему нравлюсь я.

Начать следует с того, в чем она может положиться на собственное мнение. Что касается деликатесов, вина и музыки, ей придется строить догадки на основе изучения материалов, на основе прецедента. Но имеется одна область, в которой она ничем не уступала, а, может быть, даже превосходила доктора. Автомобили. Старлинг была помешана на автомобилях. Это замечали все, кто хотя бы краем глаза видел ее машину.

В свое время, еще до первого ареста, доктор Лектер ездил на «бентли» ручной сборки, оборудованном объемным нагнетателем, не создающим эффекта турбинного лага. Старлинг тут же сообразила, что таких машин ручной сборки очень мало и доктор Лектер не рискнет покупать новый автомобиль того же типа.

Какой автомобиль может его прельстить теперь? Старлинг чувствовала, что может понравиться доктору Лектеру. Это должен быть восьмицилиндровый двигатель с обязательным поддувом. Двигатель мощный, но достаточно мягкий, без гоночных качеств. Что бы она могла купить, окажись на его месте?

Никаких вопросов. Это должен быть «Ягуар-XJR» с компрессионным наддувом и кузовом типа седан. Старлинг без промедления направила

факсы всем продавцам «ягуаров» на востоке и на западе страны, потребовав от них еженедельную сводку обо всех продажах.

Итак, что же еще нравится доктору Лектеру?

Ему нравлюсь я, подумала она.

Как быстро он откликнулся на ее страдания! Даже с учетом времени, затраченного службой пересылки, к помощи которой обратился доктор. Как скоро «Нэшнл тэтлер» попадает в Италию? Именно из этого листка он узнал об обрушившихся на Старлинг неприятностях. Номер газеты был обнаружен в палаццо Каппони. Интересно, имеет ли скандальное издание свой сайт в Интернете? Кроме того, если у доктора в Италии был компьютер, то он мог узнать о перестрелке в открытом для публики сайте ФБР. Какую информацию можно снять с компьютера доктора Ганнибала Лектера?

В списке вещей, принадлежащих преступнику и обнаруженных в палаццо Каппони, персональный компьютер не значился.

Тем не менее она, кажется, что-то видела. Ей переслали фотографии библиотеки палаццо Каппони. В частности, там имелся снимок прекрасного стола, на котором он ей писал письмо. На столе находился компьютер. Портативный

«Филлипс». На последующих фотографиях компьютера уже не было.

Водя пальцем по словарю и страшно мучаясь, Старлинг составила факс в Квестуру Флоренции.

Fra le cose personali del dottor Lecter c'e un computer portatile?[37]

Так, двигаясь мелкими шажками, блуждая по лабиринтам его вкусов и предпочтений, Клэрис Старлинг начала приближаться к доктору Лектеру. С каждым новым шагом она чувствовала себя все более уверенно, хотя уверенность эту вряд ли можно было считать до конца оправданной.

---

[37] Примечания: 37

Имелся ли среди личных вещей доктора Лектера портативный компьютер? *(ит.)*

Глава 43

Помощник Мейсона Вергера Корделл, имея перед собой на столе образчик почерка, сразу определил автора письма. Послание было написано на бланке отеля «Эксельсиор» во Флоренции.

Подобно большинству состоятельных людей, вынужденных жить в эпоху «Одинокого бомбиста», Мейсон владел собственным флюороскопом для просмотра почтовых поступлений — точно таким, какой имелся в распоряжении Федерального почтового ведомства.

Корделл натянул перчатки и проверил письмо. Флюороскоп не обнаружил наличия проводов или батарей. Следуя строжайшим инструкциям Мейсона, Корделл скопировал письмо и конверт на ксероксе, работая при этом пинцетами. Прежде чем взять письмо и передать его Мейсону, он сменил перчатки.

Столь хорошо знакомый почерк гравера:

> Дорогой Мейсон, благодарю вас зато, что вы установили столь огромный приз за мою голову. Как система раннего оповещения такой приз действует лучше

всякого радара. Он заставляет представителей власти забыть о своих прямых обязанностях и соблазняет начать охоту в качестве частных детективов. К чему это приводит, вы видите сами.

Но я пишу вам в основном для того, чтобы освежить вашу память относительно вашего бывшего носа. В своем вдохновенном интервью против наркотиков, которое вы дали «Дамскому домашнему журналу», вы утверждаете, что скормили нос (так же как и все остальное лицо) двум дворняжкам по кличке Скиппи и Спот, вилявших хвостами у ваших ног. Но это не так. Вы сами съели свой нос на закуску. Судя по тому хрусту, который раздавался при жевании, консистенция вашего носа, видимо, схожа с консистенцией куриного пупочка. «Совсем как цыпленок» — не удержались вы тогда от комментариев. Я вспомнил этот звук совсем недавно в бистро, где какой-то француз с огромным наслаждением жевал салат с куриными пупочками.

Неужели вы этого не помните, Мейсон?

Коль скоро мы заговорили о цыплятах, то я хочу вам напомнить, что во время одного из сеансов психотерапии вы мне сказали, что шоколад вызывает у вас раздражение уретры. Это случалось в летнем лагере, когда вы пытались совращать детей бедняков. Неужели вы и этого не помните?

Не кажется ли вам, что вы забыли слишком много из того, что в свое время мне рассказывали?

Существует огромное сходство между вами, Мейсон, и Иезавель. Такой тонкий знаток Библии, как вы, не может не помнить, что собаки сожрали ее лицо — впрочем, как и все остальное, — после того, как евнухи выбросили даму из окна.

Ваши люди без труда могли убить меня на улице. Но вы хотели получить меня живым, не так ли? Судя по тому амбре, которое исходило от одного из ваших подручных, я могу представить уготованное вами для меня развлечение. Мейсон, Мейсон… Поскольку вы так страстно желаете меня увидеть, позвольте сказать

вам слова утешения. Вы знаете, что я никогда не лгу.

Обещаю, прежде чем вы умрете, вы увидите мое лицо.

Искренне ваш,

Ганнибал Лектер,

доктор медицины.

P.S. Однако меня беспокоит, Мейсон, что вы не доживете до этого. Вам прежде всего следует остерегаться пневмонии. В вашем состоянии вы ей весьма подвержены, и так будет до конца ваших дней. Я бы рекомендовал вам также немедленно провести вакцинацию и иммунизацию против гепатитов А и Б. Я не хочу потерять вас преждевременно.

Когда Мейсон закончил читать, со стороны могло показаться, что у него перехватило дыхание. Он долго молча смотрел в потолок, а потом что-то произнес. Слов Корделл не смог расслышать.

Корделл склонился над паралитиком и в награду получил струю слюны в лицо. Мейсон заговорил снова:

— Соедините меня с Полом Крендлером. И с главным свиноводом.

Глава 44

Пол Крендлер прилетел на ферму «Мускусная крыса» с тем же вертолетом, который ежедневно доставлял Мейсону Вергеру иностранные газеты.

Удручающее присутствие Мейсона, темнота и бесконечное движение угря в аквариуме действовали Крендлеру на нервы. Нервозность эта усугублялась тем, что ему снова и снова приходилось смотреть видеофильм со сценой смерти Ринальдо Пацци.

Семь раз Крендлер наблюдал за тем, как семейство Виггертов любуется Давидом, как падает с балкона Пацци и как у него вываливаются кишки. Когда Крендлер смотрел фильм седьмой раз, ему казалось, что у Давида сейчас тоже выпадет прямая кишка.

Наконец на потолке комнаты, над местом, отведенном для гостей, вспыхнул свет. Жаркие лампы согревали макушку Крендлера, а кожа на его голове под коротко стриженными редеющими волосами слегка поблескивала в их ярком сиянии.

Никто не мог сравниться с Вергерами в их глубоком понимании всякого свинства. Поэтому

Мейсон начал именно так, как об этом в глубине души мечтал Крендлер.

Мейсон говорил из темноты, и темп его речи определялся ритмом движения дыхательного аппарата.

— Я не желаю слышать все… о вашей проблеме… сколько она будет мне стоить?

Крендлер хотел говорить с Мейсоном тет-а-тет, но в помещении они были не одни. В глубине комнаты, на фоне подсвеченного аквариума, маячила фигура широкоплечего, ужасно мускулистого человека. При мысли о том, что их беседу услышит телохранитель, Крендлер начинал нервничать еще сильнее.

— Я предпочел бы говорить с глазу на глаз. Не могли бы вы попросить его уйти?

— Это моя сестра Марго, — ответил Мейсон. — Думаю, что она может остаться.

Марго выступила из темноты. Ее шелковые, в обтяжку, велосипедные рейтузы слегка посвистывали при каждом шаге.

— О, прошу прощения, — произнес Крендлер, чуть приподнявшись с кресла.

— Привет, — сказала Марго, но вместо того чтобы пожать протянутую руку гостя, она извлекла из вазы пару каштанов, сдавила их в кулаке

так, что орехи громко хрустнули, и удалилась в темноту к аквариуму. Видимо, там она их и съела, поскольку Крендлер слышал, как на пол сыплется скорлупа.

— Ну-у, — протянул Мейсон, — я слушаю.

— Для того чтобы занять место Левенштейна в двадцать седьмом округе, мне потребуется минимум десять миллионов долларов. — Крендлер закинул ногу на ногу и посмотрел куда-то во тьму. Он не был уверен в том, что Мейсон его видит. — Мне эти деньги понадобятся для оплаты услуг средств массовой информации. Что касается Левенштейна, то он весьма уязвим. Это я могу гарантировать. Поверьте, на моем посту мне многое известно.

— В чем там дело?

— Мы можем доказать, что его поведение…

— Короче. Что там, деньги или девки?

Крендлер ощутил некоторую неловкость, услышав слово «девки». Его смутило присутствие Марго. Однако Мейсона, судя по всему, это совершенно не трогало.

— Он женат, но у него многолетняя связь с судьей апелляционного суда штата. Суд выносил решения в пользу некоторых спонсоров конгрессмена. Возможно, что это простое совпадение, но

нам не надо формального осуждения. Достаточно, чтобы его осудило телевидение.

— Судья — женщина? — поинтересовалась из темноты Марго.

Крендлер утвердительно кивнул, но, по-прежнему не зная, видит ли его Мейсон, добавил:

— Женщина.

— Скверно, — заметил Мейсон. — Было бы гораздо лучше, если бы он оказался голубым. Как ты считаешь, Марго? Тем не менее вы не можете спустить курок сами, Крендлер. Это не должно исходить от вас.

— Мы могли бы разработать совместный план и предложить избирателям…

— Вы сами не должны засвечиваться, — стоял на своем Мейсон.

— Я сделаю так, что Наблюдательная юридическая комиссия будет знать, куда смотреть. И Левенштейну не отмыться, после того как слово будет произнесено. Итак, сможете ли вы мне помочь?

— Я дам вам половину того, что вы просите.

— Пятерку?

— Давайте не будем вот так просто бросаться словами. Что значит «пятерка»? Не лучше ли говорить так, как того заслуживает эта сумма — пять

миллионов долларов. Создатель проявил свою милость, одарив меня деньгами, и я в знак своей неизбывной благодарности исполняю Его волю. Вы получите искомое только тогда, когда Ганнибал Лектер окажется в моих руках. — Мейсон выдержал паузу в несколько тактов респиратора и затем продолжил: — Если это произойдет, то вы, мистер Крендлер, наверняка станете членом конгресса от двадцать седьмого избирательного округа. Когда вы окажетесь в палате представителей, я обращусь к вам с единственной просьбой: выступить против Закона о гуманном забое скота. Но в том случае, если Лектера схватит ФБР или копы, а затем он получит смертельную инъекцию, то мне придется ограничиться словами: «Было очень приятно познакомиться, мистер Крендлер».

— Я ничего не смогу сделать, если его арестуют какие-нибудь местные власти. Или если Крофорду все же улыбнется удача и он схватит Лектера.

— Во скольких штатах доктору Лектеру грозит смертный приговор? — спросила Марго. В результате приема гормональных препаратов ее голос звучал слегка хрипло, но так же глубоко, как и у брата.

— В трех. Многократные убийства с отягчаю-

щими обстоятельствами.

— Если он будет арестован, я хочу, чтобы обвинения были предъявлены на уровне штата, — сказал Мейсон. — *Никаких* федеральных обвинений. *Никаких* похищений людей, нарушений гражданских прав, или запрещенных перевозок через границы штатов. Мне надо, чтобы он получил пожизненное заключение и сел в тюрьму штата, а не в федеральное учреждение максимально строгого режима.

— Должен ли я поинтересоваться почему?

— Только в том случае, если вы действительно хотите, чтобы я вам это сказал. Отвечаю: если вы сделаете так, как я прошу, он не подпадает под действие Закона о гуманном забое скота, — хихикнул Мейсон. Разговор утомил его, и он подал сигнал сестре.

Марго поднесла блокнот к свету и прочитала свои заметки.

— Мы хотим, чтобы вы передавали все известные вам сведения до того, как с ними познакомится Отдел изучения моделей поведения. Мы желаем получать все отчеты указанного отдела, как только они будут составлены. Мы хотим также получить код, открывающий доступ к электронным досье ФБР и файлам Национально-

го центра криминальной информации.

— Для входа в систему ФБР вам нельзя будет пользоваться домашним телефоном, — сказал Крендлер по-прежнему в темноту, как будто женщина тоже находилась там. — У вас есть доступ к телефонам в общественных зданиях или помещениях?

— Я могу это устроить, — ответила Марго.

— Она может это устроить, — прошептал из темноты Мейсон. — Марго разрабатывает программы для разного рода тренажеров. Это ее маленький бизнес, который, как она считает, позволяет ей не зависеть от братика.

— Система ФБР является закрытой, и она частично зашифрована. Вам придется заполнить так называемую гостевую форму так, как я вам скажу. Форму и код я введу в портативный компьютер в Министерстве юстиции, — пустился в разъяснения Крендлер. — Если какой-нибудь умник из ФБР пойдет по вашему следу, он закончит свой путь в Минюсте. Купите за наличные у дилера с большим объемом продаж хороший портативник с быстрым модемом. Ни в коем случае не требуйте письменных гарантий. Не подключайте машину к Интернету. Компьютер вы мне дадите вначале на ночь, а когда дело

завершится — насовсем. Я с вами свяжусь. Это, пожалуй, все, — закончил Крендлер, поднялся и начал собирать свои бумаги.

— Не совсем все, мистер Крендлер, — остановил его Мейсон. — У Лектера нет необходимости всплывать на поверхность. У него достаточно денег, и он может скрываться вечно.

— Откуда у него средства? — поинтересовалась Марго.

— В то время, когда он еще, был практикующим психиатром, в число его пациентов входили очень богатые старики, — сказал Крендлер. — Он заставил их завещать ему большие деньги и акции. Свои капиталы Лектер хорошо укрыл. Налоговая служба до них так и не докопалась. Полиция эксгумировала тела парочки его благодетелей, чтобы проверить, не убил ли он их, но ничего не нашла. Никаких следов яда.

— Что же, в таком случае ему не грозит арест во время вооруженного ограбления, — заключил Мейсон. — Наличность у него имеется. Его следует выманить из норы. Надо продумать способы.

— Доктору Лектеру известно, кто нанес ему удар во Флоренции? — спросил Крендлер.

— Безусловно.

— В таком случае ему понадобитесь вы.

— Не уверен, — ответил Мейсон. — Ему доставляет удовольствие видеть меня в том состоянии, в котором я сейчас нахожусь. Думайте, Крендлер, думайте, — закончил Мейсон и замычал какую-то мелодию, слышать которую мог только он сам. Что же касается заместителя помощника Генерального инспектора Минюста Пола Крендлера, то он, шагая к дверям, слышал лишь мычание.

Мейсон, строя планы, частенько напевал про себя церковные гимны.

Ты уже проглотил наживку, Крендлер, думал калека. *Но все детали мы обсудим позже, когда ты внесешь в банк депозит. Тогда ты полностью окажешься на крючке и будешь принадлежать мне целиком.*

Глава 45

В помещении остаются лишь члены семьи — брат и сестра. Мягкий свет и музыка. Музыка Северной Африки — арабские лютни и барабаны. Марго сидит на кушетке, опустив голову и опершись локтями о колени. Она похожа на отдыхающего после тренировки метателя молота или штангиста. Дышит Марго лишь чуть чаще, чем респиратор Мейсона.

Мелодия заканчивается, сестра поднимается на ноги и подходит к ложу брата. Мурена высовывает башку из отверстия в искусственной скале, чтобы проверить, не польется ли с серебристых колышущихся небес новый дождь из кусков карпа.

— Ты проснулся? — спрашивает Марго, стараясь придать своему хриплому голосу максимальную нежность.

Единственный, прикрытый линзой глаз Мейсона обращается на нее. Брат теперь с ней.

— Неужели настало время обсудить то… — шипение респиратора, — …что желает Марго? Присаживайся вот сюда — на колени к Санта-Клаусу.

— Ты знаешь, чего я хочу.

— Поведай.

— Джуди и я хотим ребенка. Мы хотим ребенка от Вергера. От тебя.

— Почему бы вам не прикупить китайского ребеночка? Говорят, что они дешевле молочного поросенка.

— Хорошая идея. Мы и это могли бы сделать.

— Припомним, что говорится на сей счет в папином завещании.

…После смерти моего возлюбленного сына Мейсона все мое состояние переходит к Наследнику, прямая родственная связь которого со мной должна быть подтверждена в Лаборатории Селлмарк или в ином достойном учреждении, способном проводить анализ ДНК… Возлюбленный сын Мейсон — это я… *В случае отсутствия подобного прямого потомка все мое состояние должно перейти к Южной баптистской конвенции с учетом специальных пунктов завещания, касающихся Университета Бейлор в Вако, штат Техас…* Марго, папа очень рассердился, когда узнал, что ты лижешь девкам причинное место.

— Мейсон, дело вовсе не в деньгах. Ну если только совсем чуть-чуть… Но неужели ты не хочешь иметь наследника? Это же будет и твой

ребенок, Мейсон.

— Почему бы тебе не найти хорошего парня, Марго, и не дать ему? Не говори, что ты не знаешь, как это делается.

Снова зазвучала марокканская музыка. Сестре казалось, что в бесконечно повторяемой музыкальной фразе слышатся нотки гнева.

— Ничего не выйдет, Мейсон. Мои яичники усохли из-за тех гормонов, что я глотаю. Поэтому я и хочу, чтобы в этом приняла участие Джуди. Она согласна стать матерью по рождению, Мейсон, ты говорил, что если я тебе помогу… Ты обещал дать мне спермы.

Похожие на лапы паука пальцы Мейсона слегка шевельнулись.

— Можешь приступать хоть сейчас, — сказал он. — Если там что-нибудь осталось.

— Мейсон, есть шансы на то, что у тебя сохранилась жизнеспособная сперма, и мы сможем устроить так, что ее извлекут без всякого для тебя вреда…

— *Речь идет об извлечении моей жизнеспособной спермы.* Создается впечатление, что ты говоришь с кем-то другим.

— Все будет сделано в клинике, специализирующейся на искусственном оплодотворении. —

Даже в холодном свете аквариума ее лицо вдруг стало как-то мягче. — Мы будем хорошими родителями, Мейсон. Джуди и я посещали школу молодых матерей, а сама Джуди происходит из большой семьи. Кроме того, существует специальная группа поддержки семей, состоящих только из женщин.

— Марго, когда мы были детьми, ты умела сделать так, что я мог хорошо кончить. Вот и сейчас сделай, чтобы сперма брызнула из меня с такой же силой, как ракеты из установки залпового огня, и с такой же скоростью.

— Ты покалечил меня, Мейсон, когда я была маленькой. Заставляя меня удовлетворять твою похоть, ты повредил мне локоть. В результате теперь я не могу выжать левой рукой больше тридцати шести килограммов.

— Что же, в таком случае ты не получишь шоколадку. Мы вернемся к этому разговору, сестренка, когда завершим важное дело.

— Позволь хотя бы провести предварительный анализ. Доктор сможет безболезненно…

— Безболезненно? Да я там, внизу, вообще ничего не чувствую. Ты можешь сосать его до посинения, как раньше, все равно не получится. Если по правде, то это мне уже пытались сделать

другие. Ничего не вышло.

— Доктор может взять образец, чтобы проверить, сохранились ли у тебя подвижные сперматозоиды. Джуди уже начала принимать кломид. Сейчас мы устанавливаем ее цикл. Нам еще многое предстоит сделать.

— Я до сих пор не имел удовольствия лицезреть Джуди. Как давно вы выступаете… в паре?

— Пять лет.

— Почему бы тебе не привести ее сюда? Мы с ней могли бы… что-нибудь сообразить, если можно так выразиться.

Барабаны Северной Африки разразились последней дробью, и от внезапно наступившей тишины у Марго зазвенело в ушах.

— А почему бы тебе в таком случае самому не вести свои делишки с Минюстом? — спросила Марго, приблизив губы к дыре в черепе брата, там, где раньше было его ухо. — Хватай свой говенный портативный компьютер и топай к автоматной будке. Почему бы тебе не заплатить еще каким-нибудь засранцам, чтобы они поймали парня, скормившего твою морду собакам? Ты же обещал помочь мне, Мейсон.

— И помогу. Все в свое время.

Марго сдавила пару каштанов с такой силой,

что скорлупа посыпалась на одеяло Мейсона.

— Не предавайся размышлениям слишком долго, улыбчивый мой.

Когда Марго выходила из комнаты, шуршание ее велосипедных рейтуз напоминало шипение котла, из которого вот-вот вырвется пар.

Глава 46

Арделия Мэпп занималась готовкой лишь тогда, когда очень хотела. Но уж если это происходило, то результат получался умопомрачительно вкусным. Ее предки явились с Ямайки, и в ней было намешано множество разной крови. В данный момент она готовила тушеную курятину. Держа за стебелек стручок перца, Арделия тщательно очищала его от зерен. Склонная к бережливости, девушка отказывалась платить лишние деньги за разделанные тушки и, вооружив подругу секачом, поставила ее к разделочной доске.

— Если оставить большие куски, Старлинг, то они впитают приправу хуже, чем мелкие, — объясняла, и уже не в первый раз, Арделия. — Посмотри. — Она взяла секач и хватила по хребту цыпленка с такой силой, что осколки костей брызнули ей на фартук. — Вот так. Постой, постой… Почему ты выбрасываешь шейки? Ну-ка верни сюда эти очаровательные кусочки. — И минутой позже:— Я забегала на почту сегодня. Отправить туфли маме.

— Я тоже была на почте, могла бы это за тебя сделать, — заметила Старлинг.

— Ты ничего там не слышала?

— Нет.

Мэпп кивнула так, словно ожидала услышать именно такой ответ.

— Сигнальные барабаны гремят о том, что твою почту просматривают.

— Кто распорядился?

— Конфиденциальная директива инспектора почт. Ты слышишь об этом в первый раз, не так ли?

— В первый.

— В таком случае сделай вид, что узнала это из других источников. Нам следует прикрыть моего приятеля с почты.

— Хорошо. — Старлинг отложила секач и произнесла со вздохом: — Боже мой, что же это творится, Арделия?

Покупая сегодня у стойки почтовые марки, она ничего не могла прочитать на лицах почтовых служащих, со многими из которых была хорошо знакома. Среди служащих преобладали люди с темной кожей. Сейчас ей стало ясно, что кто-то из них хотел ей помочь, даже рискуя попасть под суд и лишиться пенсии. Не вызывало сомнения и то, что этот доброжелатель доверял Арделии больше, нежели Старлинг. Несмотря на досаду,

девушка была счастлива, что получила сообщение по афроамериканской линии горячей связи. Может быть, это означало молчаливое признание ее права на самооборону, признание того, что Эвельда Драмго стреляла первой?

— Теперь возьми зеленый лук, разомни его рукояткой ножа и передай мне. Разминай все — и зелень, и головки.

Закончив работу кухонного мальчика, Старлинг вымыла руки, прошла в безукоризненно чистую гостиную Арделии и села, чтобы хорошенько подумать. Через минуту там, вытирая руки кухонным полотенцем, появилась Арделия.

— И что это за блядство? — спросила она. Оказавшись перед лицом серьезной опасности, девицы всегда начинали ругаться на чем свет стоит. В конце двадцатого века это можно было считать эквивалентом небрежного посвистывания в темноте, характерного для прошлых столетий.

— Сдохнуть, если знаю, — ответила в том же стиле Старлинг. — Какая сука полезла в мою почту? Вот в чем главный вопрос.

— Дальше чем до инспектора мои люди докопаться не смогли.

— Это не перестрелка и не Эвельда, — сказала

Старлинг. — Если они полезли в мою почту, значит, их заботит доктор Лектер.

— Но ты же отдала им все, что от него получила. Крофорд об этом знает.

— Точно. Если это дело рук Отдела профессиональной этики ФБР, я все узнаю. Если меня разрабатывает Министерство юстиции — то вряд ли.

Как Министерство юстиции, так и подчиненное ему Федеральное бюро расследований имели свои собственные отделы профэтики, которые в теории должны были сотрудничать, но на практике частенько враждовали. Эти свары в просторечии именовались соревнованием «Кто струю дальше пустит». Однако струи эти были настолько мощными, что попавший под них сотрудник мог и утонуть. Кроме того, Генеральный инспектор Минюста, ссылаясь на важность расследования, мог взять себе в производство любое дело.

— Если они знают, что Ганнибал Лектер что-то затевает, что он где-то рядом, они должны дать тебе об этом знать, чтобы ты могла уберечься. Старлинг, ты не чувствуешь… что он где-то рядом с тобой?

— Он меня не пугает, — покачав головой, от-

ветила Старлинг. — Если и пугает, то не в этом смысле. Ты знакома с чувством неясной тревоги, когда подсознательно ощущаешь грозящую тебе неведомую опасность? Так вот, подобного ощущения я не испытываю. Думаю, что если бы мне что-то угрожало, то я об этом бы сразу узнала.

— Что ты станешь делать, Старлинг? Как ты намерена поступить, если вдруг увидишь его перед собой? Неожиданно. Ты решила? Ты набросишься на него?

— Как только освобожусь от трусиков, так и наброшусь.

— И что потом? — со смехом спросила Арделия.

— Все будет зависеть от него.

— Смогла бы ты застрелить его?

— Ради того, чтобы сохранить свою невинность? Ты, наверное, шутишь, Арделия. Но если серьезно, то я надеюсь, что такой встречи не произойдет. Я была бы счастлива, если бы он снова угодил за решетку и при этом никто бы не пострадал — включая его самого. Иногда мне даже кажется, что я могла бы ему помочь, если вдруг его загонят в угол.

— Никогда не произноси этого вслух.

— Если я окажусь рядом, у него будет больше

шансов остаться в живых. Я не стану стрелять сразу, как другие, только потому, что боюсь его. Он не волк. Все будет зависеть от него самого.

— А разве ты его не боишься? Думаю, что тебе стоило бы испугаться посильнее.

— Ты знаешь, что по-настоящему страшно, Арделия? Страшно, когда кто-то говорит тебе правду. Мне хотелось бы, чтобы он избежал смерти от укола. Если это удастся и доктора Лектера поместят в психиатрическую лечебницу, то с ним там будут обращаться очень хорошо в силу большого научного интереса к его личности. И у него не возникнет проблем с сокамерниками. Если доктор окажется за решеткой, то я могла бы поблагодарить его за письма. Нельзя убивать человека, который настолько безумен, что осмеливается говорить правду.

— Для слежки за твоей перепиской есть какая-то серьезная причина. На этот счет имеется решение суда, и оно хранится за семью печатями. Мы этого места пока не застолбили… не смогли вычислить. Я не стала бы исключать того, что сукины дети что-то знают о докторе Лектере, но тебе не говорят. Будь завтра поосторожнее.

— Мистер Крофорд обязательно мне сказал бы об этом.

— Джек Крофорд, Старлинг, уже стал историей. Он отработанный пар. А что, если они затеяли что-то против тебя? За то, что у тебя острый язык, за то, что ты не позволила Крендлеру залезть себе под юбку. Что, если кто-нибудь просто захотел отправить тебя на свалку? Послушай, после нашего разговора я еще сильнее захотела припрятать источник моей информации.

— Можем ли мы сделать что-нибудь для твоего дружка с почты? Следует ли что-нибудь сделать?

— А кто, по-твоему, приходит сегодня на ужин?

— Ну хорошо, Арделия… Постой, постой… Я же считала, что это я прихожу сегодня на ужин.

— Можешь унести то, что повкуснее, на свою половину. Но только не все.

— Как ты добра!

— Не надо благодарности, детка. Мне это доставит удовольствие.

Глава 47

Еще маленькой девочкой Старлинг перебралась из скрипевшего на ветру дощатого домика в солидное краснокирпичное здание лютеранского детского приюта.

В ветхом домишке, где прошло ее раннее детство, была теплая кухня, в которой она могла съесть апельсин вместе с отцом. Но смерти хорошо известны адреса тех крошечных домов, обитатели которых за жалкие гроши готовы выполнять любую, даже самую опасную работу. Именно из такого дома уехал в своем старом пикапе на ночное дежурство отец. Уехал, чтобы быть убитым. Старлинг бежала из принявшей ее на воспитание семьи в тот момент, когда там шел массовый забой ягнят, и нашла себе убежище в лютеранском приюте. Массивное здание приюта приучило ее чувствовать себя в безопасности. Возможно, лютеранам не хватало тепла и апельсинов и у них было слишком много Христа, но правила есть правила. Старлинг быстро поняла, что если им строго следовать, то жизнь в приюте может быть вполне сносной.

Старлинг знала, что ей ничего не грозит, пока

ее судьба решается в закрытых конкурсах или напрямую зависит от результатов работы. Но в конечном итоге этого оказалось мало. В искусстве административных интриг она была совершенно беспомощной.

Вылезая в начале рабочего дня из своего «мустанга» перед фасадом здания в Квантико, она знала, что эти высокие каменные стены не служат ей убежищем. Даже из утреннего бедлама, царящего на парковке, двери здания казались ей входом в зловещее, нездоровое место.

Ей хотелось повидаться с Джеком Крофордом, но времени не было. Съемки на Аллее Хогана должны были вот-вот начаться. Операторы лишь ждали, когда солнце поднимется чуть выше.

В целях более объективного расследования побоища на рыбном рынке Феличиана потребовалось воссоздать события того дня, учесть все выстрелы и воспроизвести имевшие место передвижения. Для этой цели было решено использовать стрельбище Квантико, именуемое также Аллеей Хогана.

Старлинг предстояло сыграть саму себя. Оперативный микроавтобус остался тем самым, который использовался в деле. Новые пулевые отверстия были заделаны мастикой и еще не

закрашены. Снова и снова они выскакивали из машины, снова и снова агент, изображающий Джона Биргема, падал лицом вниз, а тот, что играл Берка, корчился на земле. Действо, во время которого применялись шумные холостые заряды, довело Старлинг до изнеможения.

Закончили они далеко за полдень.

Старлинг, повесив на место камуфляж, шлем и бронежилет, отправилась на поиски босса. Джек Крофорд оказался в своем кабинете.

Она, как и прежде, обращалась к нему «мистер Крофорд», а сам мистер Крофорд вел себя весьма неопределенно, все больше и больше отстраняясь от дел.

— Не желаете ли алка-зельцер, Старлинг? — спросил он, увидев девушку в дверях, В течение дня Крофорд принимал огромное количество разнообразных патентованных препаратов. Глотал он также вытяжку из китайского гинкго, опилки пальмы Сабаль, кочедыжник святого Иоанна и детский аспирин. Шеф принимал их в определенном порядке, беря таблетку или капсулу из ладони. Поднося лекарство ко рту, он запрокидывал голову с таким видом, будто опустошал рюмку.

В последнее время Крофорд стал снимать пи-

джак, вешать его в кабинете на спинку стула и облачаться в связанный покойной женой свитер. Начальник отдела казался стариком. Таким пожилым Старлинг не помнила даже своего отца.

— Мистер Крофорд, часть моей корреспонденции просматривается. Причем делается это весьма неуклюже. Создается впечатление, что конверты расклеивают на пару над чайником.

— За вашей почтой следят с того момента, когда Лектер вам написал.

— Да. Но раньше лишь просвечивались посылки. Я не возражала, так как мою личную переписку не трогали. Теперь положение изменилось, но мне никто ничего не сообщил.

— Это делает не наше ведомство.

— И не помощник заместителя, мистер Крофорд. Чтобы получить санкцию на перехват под грифом «Три», нужно иметь очень большую лапу.

— Но вы говорите, что вскрывают на любительском уровне? — спросил он и лишь после нестерпимо долгой паузы продолжил: — Наверное, хотели, чтобы вы именно так это и увидели. Как вы полагаете, Старлинг?

— Я с вами согласна, сэр.

Крофорд помолчал, пожевал губами, кивнул

и произнес:

— Я займусь этим. — Разместив по ранжиру стоящие на столе флакончики с лекарствами и еще немного помолчав, он добавил: — Я потолкую с Карлом Шримером из Минюста, и все прояснится.

Шример тоже был «хромой уткой». Сорока на хвосте принесла весть, что он выходит в отставку в конце года. Все приятели Крофорда покидали ФБР.

— Большое спасибо, сэр.

— Среди копов, которых вы натаскиваете, хорошие парни найдутся? Кого можно было бы рекрутировать в нашу Контору?

— Что касается их способности к следствию, пока ничего сказать не могу. Они стесняются обсуждать со мной многие преступления — особенно на сексуальной почве. Хорошие стрелки среди них есть.

— От стрелков мы уже получили все, что можно, — сказал он и, бросив на нее короткий взгляд, добавил: — Вас я не имею в виду.

Старлинг отправилась на Арлингтонское кладбище к вечеру того дня, в течение которого она вместе с другими разыгрывала сцену гибели Джона Бригема.

Девушка положила руку на надгробный камень — шершавый после обработки зубилом. К ней неожиданно ярко вернулись те ощущения, которые она испытала, подойдя в последний раз к открытому гробу и целуя Джона в холодный как мрамор, слегка припудренный лоб. Она тогда незаметно положила под его затянутые в белоснежные перчатки руки медаль, полученную ею за победу в соревнованиях по стрельбе из боевого пистолета.

С кладбищенских деревьев падали листья, покрывая плотно заселенную мертвецами землю. Не снимая руки с надгробия и оглядывая многие гектары могил, Старлинг спрашивала себя: сколько здесь покоится таких, как Джон — тех, чьи жизни были растрачены впустую в результате глупости, эгоизма и тайных сделок усталых стариков?

Не важно, верите вы в Бога или нет, но если вы воин, то Арлингтонское кладбище остается для вас священным местом. Трагедия не в том, что все эти люди умерли. Трагедия в том, что многие из них умерли напрасно.

С Бригемом ее связывали особые узы, которые не были слабее оттого, что они так и не стали любовниками. Опустившись на одно колено

перед его могилой, Старлинг вспоминала, как он ласково кое-что ей предложил, а она ответила отказом. Встретив отказ, он спросил, смогут ли они остаться друзьями. Она ответила — да, и это было сущей правдой.

Стоя на коленях в Арлингтоне, Старлинг думала о далекой могиле отца. Последний раз она была там, закончив первый год учебы в колледже. Ей очень хотелось сказать об этом отцу. Может быть, настало время снова поговорить с ним?

Видимый сквозь черные ветви деревьев закат был таким же оранжевым, как те апельсины, которыми делился с ней отец. Откуда-то издали донесся звук горна. Старлинг вздрогнула. Камень под ее рукой казался ледяным.

Глава 48

Ясная ночь над Ньюфаундлендом. Сквозь пар от нашего дыхания мы можем рассмотреть где-то в созвездии Ориона яркую точку. Точка движется. Это, борясь с ураганным ветром, мчится в ночи на запад «Боинг-747».

В его чреве ближе к хвосту, там, где обычно размещаются туристские группы, теснятся пятьдесят два человека. Это участники тура «Фантазии Старого Света», повидав за семнадцать дней одиннадцать стран, возвращаются в Детройт и Виндзор, тот что в Канаде. Их плечи втиснуты в пространство шириной полметра, расстояние между подлокотниками кресел — все те же полметра. Это на целых шесть сантиметров больше, чем имели рабы, пересекая на невольничьем корабле Атлантический океан.

Пассажирам разбрасывают сандвичи с осклизлым мясом и плавленым сыром, а дышат они слегка очищенными кишечными газами и парами дыхания своих соседей. Все это является слегка модифицированным вариантом принципа «навозного коктейля», изобретенного скототорговцами в 50-х годах нашего века.

Доктор Ганнибал Лектер сидит в центре среднего ряда кресел. По обеим сторонам от него находятся дети, а крайнее место занимает женщина с младенцем на коленях. После стольких лет, проведенных в камерах и подвалах, доктору Лектеру крайне неприятно находиться в замкнутом пространстве. Кроме того, рядом, на коленях мальчишки, беспрестанно пищит электронная игрушка.

Как и у других рассаженных на самые дешевые места пассажиров, на его груди красуется значок, на котором изображена ярко-желтая улыбающаяся физиономия с красной подписью под ней: «КАН-АМ ТУРЫ». Одет он, как и все остальные туристы, в якобы тренировочный спортивный костюм. Куртка доктора Лектера украшена символом хоккейной команды «Торонто мейпл ливз». Под этой необычной одеждой к его телу прикреплена значительная сумма денег.

Доктор Лектер находится с группой три дня. Он купил право участия в туре у какого-то парижского брокера, так как один из туристов занемог. Мужчина, чье место занимал сейчас Лектер, «сыграл в ящик» после того, как его сердце отказало во время подъема под купол собора Святого Петра в Риме.

В Детройте доктору Лектеру предстоит пройти таможенный досмотр и паспортный контроль. Он не сомневается в том, что органы правопорядка и иммиграционные власти всех крупных аэропортов западного мира предупреждены о его возможном появлении и проявляют максимальную бдительность. В тех местах, где его фотография не прикреплена к стене перед глазами оператора, она наверняка лежит рядом с кнопкой тревоги каждого компьютера иммиграционной или таможенной службы.

Несмотря на это, доктор Лектер верит в свою счастливую звезду. На снимках, которыми располагают власти, должно быть лишь его прежнее лицо. В документах, по которым он получил фальшивый паспорт, позволивший ему проникнуть в Италию, не имеется его теперешнего изображения. В Италии Ринальдо Пацци, дабы облегчить себе жизнь и ублажить Мейсона Вергера, использовал документы карабинеров, включая фотографии «доктора Фелла», сделанные для получения вида на жительство и разрешения на работу. Доктор Лектер нашел снимки в портфеле Главного следователя и уничтожил их.

Если Пацци не фотографировал «доктора Фелла» тайно, то у доктора Лектера есть хорошие

шансы попасть в Америку. Конечно, его новое лицо не очень отличается от старого. Немного коллагена у носа и на щеках, другие волосы, очки — все это не бог весть что. Однако различие вполне достаточное для того, чтобы миновать контроль, если к его особе не будет привлечено пристальное внимание. Что касается шрама на левой руке, то ему удалось скрыть его с помощью хорошего крема и средства для загара.

Он предполагает, что в аэропорте Детройта иммиграционная служба поделит всех пассажиров на две очереди — тех, кто имеет американские паспорта, и всех остальных. Он специально выбрал приграничный город, чтобы очередь из всех остальных была как можно больше. В самолете полным-полно канадцев. Доктор Лектер считает, что вполне сможет пройти со стадом, если стадо его примет. Он побывал с туристами в нескольких галереях, посетил ряд исторических мест и теперь томится вместе с ними в чреве аэроплана. Но всему есть предел — он не может есть вместе с ними те отбросы, которыми здесь кормят. У туристов от недостатка движения ломит ноги. Они устали, им смертельно надоели их нелепая одежда и попутчики. Они роются в пакетах с едой, извлекают из них сандвичи и с отвращени-

ем выбрасывают почерневшие от пребывания в холодильнике листья салата.

Доктор Лектер, не желая привлекать к себе внимания, ждет, когда другие пассажиры покончат с жалкой дешевой едой, сходят в туалет и заснут. Где-то далеко впереди показывают какой-то стародавний фильм. Но он все ждет и ждет, с терпением питона. Сидящий рядом с ним мальчонка уснул за своей электронной игрой. По всему широкому самолету то там, то здесь гаснут индивидуальные лампочки для чтения.

Лишь после этого, воровато оглядевшись, доктор Лектер извлекает из-под кресла впереди него элегантную желтую коробку с коричневой каймой по краям. В коробке находится обед от «Фошон» — знаменитого парижского поставщика изысканной пищи. Коробка перевязана двумя шелковыми лентами, гармонирующими с цветом картона. Доктор Лектер ублажил себя упоительного запаха паштетом из гусиной печенки с трюфелями и великолепным анатолийским инжиром. С черенков ягод еще капали прозрачные слезы. У него есть и маленькая бутылка столь любимого им «Святого Стефана». Шелковый бант ленты распускается с радующим слух шорохом.

Доктор Лектер готов вкусить первый плод

инжира. Он держит его у рта, от божественного аромата крылья его носа подрагивают. Доктор решает, съесть ли ягоду одним великолепным глотком или наслаждаться ею по частям. В этот момент рядом с ним снова запищала электроника. Не поворачивая головы, доктор Лектер прячет инжир в ладони и косится на сидящее рядом с ним дитя. Запах трюфелей, паштета и коньяка пробудил ребенка.

Мальчик с шумом втягивает носом воздух. Его крошечные, блестящие, как у грызуна, глазки смотрят на деликатесы доктора Лектера. Он начинает пронзительно верещать. Так верещат сражающиеся за свое выживание крысята.

— Эй, мистер. Эй, мистер. — Замолкать он не собирается.

— В чем дело?

— У вас тама специальная еда?

— Нет.

— А чой-то там у вас? — Ребенок обращает лицо в сторону доктора Лектера. — Дайте мне кусманчик.

— Я бы с удовольствием, — отвечает доктор Лектер, замечая, что здоровенная голова мальчишки сидит на тонюсенькой шейке, — но тебе не понравится. Это же обыкновенная печенка.

— Ливерная колбаска! Класс! Мамка разрешит. Маааам!

Какой-то ненормальный ребенок. Обожает ливерную колбасу и вопит непрестанно.

Женщина, устроившаяся на крайнем месте с младенцем на коленях, вздрагивает и просыпается.

Пассажиры, сидящие впереди доктора Лектера, откинули спинки своих кресел настолько, что доктор чувствует запах волос. Они смотрят назад через щели между спинками сидений.

— Вообще-то мы пытаемся уснуть, — заявляет один из них.

— Маааам! Можно мне куснуть его сандвич?!

Младенец на маминых коленях пробуждается и начинает орать благим матом. Мама сует палец под подгузник и, получив негативный результат, заталкивает в вопящую пасть пустышку.

— Что вы хотите ему дать, сэр?

— Это печень, мадам, — отвечает доктор Лектер, как можно спокойнее. — Но я не хотел…

— Моя любимая ливерка. Хочу ливерку! Он говорит, что даст мне…

На последних словах мальчишка уже визжит.

— Сэр, не могу ли взглянуть на то, чем вы угощаете моего ребенка?

У кресла дамы с воющим на ее коленях младенцем останавливается стюардесса. Миловидное личико девицы слегка опухло от сна.

— Здесь все в порядке? Что вам принести? Может быть, вы хотите, чтобы я подогрела бутылочку?

Женщина берет запечатанную пластмассовую бутылку и передает стюардессе. Затем она зажигает свет над головой и, разыскивая в сумке соску, говорит доктору Лектеру:

— Не могли бы вы передать это мне? Поскольку вы угощаете моего ребенка, я хочу увидеть, что вы ему даете. Я не хочу вас обидеть, но у него часто барахлит желудок.

Мы не боимся оставлять наших детей в детском саду на попечении чужих людей. Но в то же время, компенсируя чувство вины за это, страдаем параноидальной подозрительностью в отношении всех незнакомых людей. Тем самым мы непроизвольно культивируем страх у наших отпрысков. Иногда даже чудовищу приходится считаться с этим, включая такое равнодушное к детям чудовище, как доктор Лектер.

Он протянул коробку от «Фошон» матери.

— Прекрасная булочка, — сказала она, ткнув в хлеб тем же пальцем, который совала за под-

гузник.

— Вы можете попробовать, мадам, — сказал доктор Лектер.

— У меня нет настроения к выпивке, — сказала она и огляделась, ожидая услышать смех. — Я и не знала, что разрешено приносить в самолет свой пузырек. Что там у вас? Виски? Неужели они позволяют надираться в воздухе? А ленточку я сохраню у себя, если не возражаете.

— Сэр, на борту пассажирам не позволено открывать бутылки с крепкими алкогольными напитками, — вмешалась стюардесса. — Если желаете, я сохраню ее для вас, и вы сможете получить ее на выходе в аэропорту.

— Ну конечно. Большое спасибо, — произнес доктор Лектер.

Он обладал способностью отключаться от своего окружения, сделать так, чтобы оно исчезло из сознания. Писк электронных игрушек, храп и даже громкая «газовая атака» не шли ни в какое сравнение с теми адскими воплями, которые ему доводилось слышать в камерах для буйно помешанных. Кресло сдавливало тело не сильнее смирительной рубашки. И он поступил так, как часто поступал, находясь в камере. Доктор Лектер откинул голову, смежил веки и отправился на

отдых во Дворец своих воспоминаний, которые в большей своей части были просто прекрасны.

На краткий миг крошечный, летящий на восток металлический цилиндр превратился во Дворец, насчитывающий тысячи и тысячи залов.

Однажды мы посещали доктора Лектера в палаццо Каппони, теперь нам предстоит встретиться с ним в чертогах его разума…

Вестибюлем Дворца служит Норманнская капелла в Палермо — суровое, неподвластное времени сооружение необычайной красоты. О бренности жизни здесь напоминает лишь человеческий череп, высеченный в камнях пола. Если доктор Лектер не очень торопится почерпнуть во Дворце памяти нужную информацию, он всегда задерживается в этом месте. Так он делает и сейчас, чтобы вдосталь полюбоваться капеллой. За ней простирается через мрак и свет немыслимо громадное и сложное здание, сооруженное доктором Лектером.

Дворец воспоминаний есть не что иное, как мнемоническая система, хорошо известная ученым древности. Вандалы сожгли книги. Но благодаря этой системе люди сумели сохранить и пронести через темные века массу бесценных знаний. Подобно ученым древности, доктор Лек-

тер хранит огромное количество информации, связанной с невообразимым числом предметов, размещенных в тысячах залах. Но в отличие от предшественников он иногда живет в этом Дворце. Доктор провел многие годы, наслаждаясь бесценными коллекциями Дворца, в то время как его бренное тело пребывало в связанном виде в камере для буйно помешанных, а от воплей безумцев стальные прутья решеток вибрировали словно струны какой-то адской арфы.

Дворец доктора Лектера огромен — огромен даже по средневековым стандартам. Если попытаться перенести его в современный мир, то Дворец доктора по размерам и сложности конструкции вполне мог бы конкурировать даже с дворцом Топкапи в Стамбуле.

Мы стараемся не отстать от его мыслей, которые, покинув вестибюль, начинают быстро скользить в направлении Большого зала четырех времен года. Дворец построен по правилам, открытым Симонидом Кеосским и детализированным четырьмя столетиями позже Цицероном. Во Дворце высокие потолки и там много воздуха. Хранящиеся в нем предметы и картины очень реалистичны. Они удивляют, поражают воображение, иногда шокируют, а иногда выглядят

просто нелепыми. Но чаще всего они прекрасны. Экспонаты размещены свободно, хорошо освещены и удобны для обозрения так, как бывает в первоклассных музеях. Но в отличие от других музеев стены Дворца не выкрашены в нейтральный цвет. Доктор Лектер, подобно Джотто, украсил стены своего разума фресками.

Находясь во Дворце, доктор Лектер хочет найти и вынести оттуда адрес Клэрис Старлинг. Но делать это он не торопится и задерживается у подножия лестницы, перед которой стоят бронзовые фигуры. Создание этих громадных бронзовых воинов, поднятых со дна моря уже в наше время, приписывается Фидию. Они возвышаются почти в центре зала с расписанными фресками стенами. По этим фрескам можно восстановить в памяти всего Гомера и Софокла.

Если бы доктор пожелал, то он мог бы заставить эти бронзовые лица рассказать ему о Мелеагре[38], но сегодня он предпочитает просто любоваться ими.

Когда доктор Лектер удаляется на приятный отдых в свой Дворец, его там ждут тысячи залов,

---

[38] Примечания: 38

Мелеагр (ок. 170–140 гг. до н.э.) — греческий философ, автор эпиграмм. Его эпиграммы большей частью эротичны, удачно сочетают рассудок с чувством.

многие километры коридоров и сотни фактов, привязанных ко всем заполняющим помещение предметам.

Но когда мы вместе с доктором любуемся прекрасным, мы чувствуем, что в глубоких казематах нашего сердца и разума таится страх. В этой части Дворца в помещениях мало света, а потолки давят на голову. В нашей памяти есть провалы, похожие на ямы в подвалах средневековых замков. В вырубленных в скале бутылкообразных кавернах, узкое горлышко которых прикрыто глухой крышкой, гниет то, что предназначено к забвению. То; что, время от времени тайком вылезая оттуда, не способно согреть наши души. Иногда в результате похожего на землетрясение шока, утраты инстинкта самосохранения или случайной, поджигающей гремучую смесь искры эти давным-давно погребенные фантомы вырываются на свободу, чтобы сделать нам больно и заставить совершать опасные поступки…

Со смешанным чувством страха и восхищения мы следуем за доктором Лектером по созданным им коридорам, вдыхая аромат гардений, любуясь яркой живописью и опасливо обходя возвышающиеся над нами статуи.

Вот доктор Лектер минует бюст Плиния и под-

нимается по лестнице в Зал адресов. В этом зале вдоль стен в определенном порядке, в некотором удалении одна от другой, размещаются столь же хорошо освещенные скульптуры и картины. Одним словом, все устроено так, как рекомендует Цицерон.

А вот то, что нам надо… Справа в третьей от двери нише главное место занимает картина — святой Франциск; кормящий мотыльками скворца[39]. А на мраморном полу под картиной находится цветное панно с фигурами в натуральную величину.

Парад на Арлингтонском кладбище. Во главе колонны Иисус (возраст тридцать три года) за рулем грузовика «Форд-Т», двадцать седьмого года выпуска, больше известного под названием «жестяная[40] Лиззи». В кузове грузовика стоит Эдгар Дж. Гувер. На его бедрах красуется балетная пачка[41], сам он приветственно машет невидимой зрителю толпе. За грузовиком горделиво

---

[39] Примечания: 39
Starling — скворец *(англ.)*

[40] Примечания: 40
Жестяная — tin *(англ.)*

[41] Примечания: 41
Балетная пачка — tutu *(англ.)*, произносится так же, как two, two (два, два)

шагает Клэрис Старлинг с винтовкой Энфильда на плече.

Судя по всему, доктор Лектер очень рад видеть Старлинг. Много лет тому назад он узнал ее адрес в Ассоциации выпускников университета штата Виргиния. Он зашифровал адрес в панно и теперь без труда восстанавливает номер дома, в котором живет девушка, название улицы и даже почтовый код:

3327 Тиндал,

Арлингтон, Виргиния 22308.

Доктор Лектер способен передвигаться по обширным залам Дворца своей памяти со сверхъестественной скоростью. Обладая хорошей реакцией и силой, быстрым умом и способностью все схватывать на лету, он прекрасно вооружен против тех угроз, которые таит в себе материальный мир. Но в его памяти есть места, откуда для него исходит серьезная опасность. В этих местах логика Цицерона неприменима, там темно и отсутствует упорядоченное пространство…

Он решил посетить зал, где хранится коллекция древних тканей. Для того чтобы написать письмо Мейсону Вергеру, следует освежить в памяти строки Овидия о благовониях для лица. Поэт говорит об ароматных маслах в стихах, по-

священных ткачеству.

А в замкнутом мирке «Боинга-747» доктор Лектер сидит, закрыв глаза и откинув голову на подголовник кресла. Каждый раз, когда самолет попадает в небольшую воздушную яму, голова доктора слегка вздрагивает.

На крайнем кресле младенец уже прикончил свою бутылку, но еще не уснул. Его лицо краснеет. Мать чувствует, как под одеялом напрягается, а потом расслабляется маленькое тельце. Ей даже не нужно лезть пальцем под памперс. Кто-то из сидящих перед ней пассажиров произносит:

— Бооже!

К царящему в самолете запаху плохо проветриваемого спортивного зала подмешивается еще один аромат. Сидящий рядом с доктором Лектером мальчишка, привыкший к подобным действиям младенца, продолжает истреблять деликатесы от «Фошон».

В полу глубокого подвала Дворца памяти откидывается крышка люка, и из отверстия веет отвратительный дух того, что должно быть навеки предано забвению…

Лишь немногим живым существам удалось пережить артиллерийский и пулеметный огонь,

от которого погибли родители Ганнибала Лектера. Обширный лес в их поместье после боя превратился в частокол обгорелых и обломанных деревьев.

Разношерстная банда дезертиров, обосновавшись в отдаленном охотничьем домике, жрала все, что могла найти или поймать. Однажды им в лапы угодил жалкий, ободранный олененок со стрелой в боку. Несчастное животное сумело выжить, добывая траву из-под снега. Они привели олененка в лагерь и, не теряя времени, приступили к делу.

Ганнибал Лектер, которому тогда едва исполнилось шесть, видел, как они волокли животное, обмотав его шейку вожжами. Стрелять они не стали. Повалив несчастного зверя ударом по его тощим ножкам, дезертиры разрубили ему горло топором, кляня друг друга за то, что не догадались взять тазик, дабы собрать драгоценную кровь.

Мяса на отощавшем олене было совсем ничего, и через два, может быть, через три дня дезертиры вышли из охотничьего домика и, путаясь в полах своих длинных шинелей, прошли по снегу к амбару, в котором, зарывшись в солому, прятались дети. Ни один из детей еще не умер от холода, и поэтому они взяли живого.

Они ущипнули Ганнибала Лектера вначале за попку, затем за руку и за грудь. Оставив мальчишку в покое, дезертиры увели его сестру Мишу. Поиграть, сказали они. Никто из тех, кто уходил играть раньше, так и не вернулся.

Ганнибал крепко вцепился в руку сестры и не отпускал до тех пор, пока они не сломали ему плечо, захлопнув дверь амбара.

Они увели ее по снегу, на котором еще осталась кровь олененка.

Ганнибал молил Бога о том, чтобы Он позволил ему снова увидеть сестру. Мальчишка весь ушел в молитву — но все же не настолько, чтобы не услышать удара топора. Его молитва была услышана, по крайней мере частично.

Неподалеку от амбара, в котором в качестве живых консервов содержались дети, дезертиры вырыли открытый нужник. Именно в этой яме Ганнибал увидел несколько молочных зубов своей сестренки. Произошло все это в 1944 году, после того как рухнул Восточный фронт.

После этого диетические проблемы перестали волновать Ганнибала Лектера. Его скромные хищнические замашки бледнели перед выходками Бога. На молитву мальчика Он ответил чудовищной иронией, а проявленная Им бес-

смысленная жестокость оказалась безмерной.

Доктор Лектер сидит в самолете, и его голова при каждом толчке слегка покачивается на подголовнике кресла. Но на самом деле он вовсе не здесь. Доктор витает в пространстве между тем моментом, когда в последний раз видел Мишу, и звуком от удара топора. Он не может бежать оттуда и в то же время не в силах выдержать происходящее. В чреве аэроплана раздается короткий, пронзительный вскрик. Голос кричащего человека настолько высок, что создается впечатление, будто кричит ребенок.

Сидящие впереди пассажиры оборачиваются. Те из них, кто успел заснуть, просыпаются. Кто-то спрашивает:

— Боже мой! Мальчик, что с тобой?

Доктор Лектер открывает глаза. Они смотрят прямо вдаль. На его коленях лежит рука. Это рука мальчика.

— Вы видели страшный сон?

Мальчишка не испуган. Он не обращает никакого внимания на протесты из передних рядов.

— Да.

— Я тоже часто вижу плохие сны. Я над вами не смеюсь.

Доктор Лектер делает несколько глубоких вдо-

хов, прижав затылок к изголовью кресла. Он чувствует, как к нему, растекаясь от линии волос по лицу, возвращается спокойствие. Доктор наклоняется к мальчишке и говорит доверительно:

— Ты поступил очень мудро, отказавшись от той гадости, которой здесь кормят. Никогда ее не ешь.

В самолетах перестали давать пассажирам письменные принадлежности. Доктор Лектер, к которому полностью вернулось самообладание, достает из кармана листок с эмблемой отеля и пишет письмо Клэрис Старлинг.

Вначале он нарисовал ее лицо. Рисунок этот в настоящее время находится в одной из частных коллекций Чикагского университета, но для серьезных ученых он доступен. На рисунке у Старлинг лицо ребенка и мокрая от слез прядь волос прилипла к щеке. Совсем как у Мишу…

Мы видим самолет сквозь рожденный нашим дыханием пар. Яркая, как бриллиант, точка в ясном холодном небе. Минуя Полярную звезду, она пересекает ту черту, после которой ей нет возврата назад. Теперь ей предстоит путь по большой дуге в ту часть земли, которая именуется Новым Светом. Самолет мчится в завтра.

Глава 49

Объем бумаг, папок и дискет, накопленных в крошечном кабинете Старлинг, приближался к своей критической массе. Просьба о выделении ей более просторного помещения осталась без ответа. Хватит. С отчаянием человека, которому нечего терять, она самовольно захватила большую комнату в цокольном этаже здания в Квантико. В этой комнате Отдел изучения моделей поведения вознамерился организовать собственную фотолабораторию. Все упиралось в конгресс, который должен был выделить средства. В помещении не было окон, что, впрочем, компенсировалось изобилием полок. На входе вместо дверей висели тяжелые двойные темные шторы, Какой-то пожелавший остаться неизвестным коллега начертал на картонке черным готическим шрифтом «ДОМ ГАННИБАЛА» и пришпилил свое творение к занавеси у входа. Опасаясь потерять комнату, Старлинг сняла вывеску и приколола ее изнутри.

Почти в то же время она наткнулась на целую сокровищницу полезных материалов. Все они хранились в библиотеке Колледжа уголовного

права Колумбийского университета, в помещении, именуемом «Комнатой Ганнибала Лектера». Там оказались как документы, связанные с его ранней медицинской и психиатрической практикой, так и стенограммы судебных разбирательств по возбужденным против него уголовным и гражданским искам. Во время первого посещения библиотеки Старлинг сорок пять минут ждала, пока служащие безуспешно искали ключ от «Комнаты Ганнибала Лектера». Придя вторично, она выяснила, что коллекцией заправляет какой-то бездельник аспирант и что собрание бесценных для нее документов пребывает в первозданном хаосе.

Разменяв четвертый десяток, Старлинг вовсе не обрела присущего зрелому возрасту терпения. Она обратилась в ведомство Генерального прокурора и с помощью Джека Крофорда добилась решения суда о передаче коллекции в ее подвал в Квантико. Федеральные судебные исполнители перевезли все «сокровища» за один рейс микроавтобуса.

Как она и опасалась, решение суда погнало большую волну. В конечном итоге волна эта принесла к ней Крендлера…

За две длинные недели непрерывных трудов

Старлинг сумела привести в относительный порядок полученные из библиотеки материалы, создав таким образом доморощенный «Центр доктора Лектера». В пятницу ближе к вечеру она смыла с рук книжную пыль, а с лица макияж и уселась на пол в углу, чтобы получше рассмотреть дело рук своих. Не исключено, что она на какой-то миг задремала…

Разбудил ее какой-то запах, и Старлинг поняла, что в комнате она не одна. Это был запах гуталина.

В помещении царил полумрак, и заместитель помощника Генерального инспектора бесшумно двигался вдоль полок, рассматривая книги и вглядываясь в фотографии. Постучать он не удосужился, тем более что стучать по занавесям было невозможно. Как бы то ни было, но он в любом случае не намеревался это делать. Двери тех, кто работал в подчиненных ведомствах и стоял ниже его по служебной лестнице, заместитель помощника всегда открывал без стука. Помещения в цокольном этаже здания в Квантико были для него трущобами, двери в которых можно открывать ногой.

Одна из стен комнаты была целиком посвящена пребыванию доктора Лектера в Италии. Там

присутствовало и большое изображение Риналь-до Пацци, болтающегося с выпавшими кишками под балконом палаццо Веккьо. На противоположной стене нашли отражение преступления, совершенные доктором Лектером на территории Соединенных Штатов. Здесь центральное место занимала фотография охотника-лучника, убитого доктором Лектером много лет назад. Тело висело на крюке, и на нем были все те раны, которые можно было увидеть на средневековой иллюстрации «Ранения человека». На полках стояли множество уголовных дел, а также папки с гражданскими исками людей, по мнению которых их близкие — пациенты доктора Лектера — преждевременно покинули земную юдоль.

Книги из личной библиотеки доктора Лектера времен его медицинской практики стояли в том же порядке, как когда-то в его кабинете. Старлинг расставляла их, изучая с помощью лупы сделанные полицией фотографии. Источником света в помещении служил вделанный в стену освещенный изнутри экран для просмотра рентгенограмм. К экрану был прикреплен рентгеновский снимок головы и шеи доктора Лектера. Другим источником света являлся экран монитора на маленьком столике в углу комнаты.

В качестве экранной заставки Старлинг выбрала тему «Опасные существа». Время от времени экран погружался во тьму.

Рядом с компьютером лежали собранные с большим трудом, буквально по зернышку, обрывки записок, счета и магазинные чеки с указанием покупок. Все эти бумажки теперь проливали свет на образ жизни доктора Лектера как в Италии, так и в Америке до того, как он угодил в психушку. Это был своего рода каталог вкусов и предпочтений доктора Лектера.

Использовав в качестве стола плоскую поверхность сканера, Старлинг расставила на нем те немногие сохранившиеся предметы, которые когда-то находились в доме доктора в Балтиморе — фарфор, серебро, сияющей белизны салфетки и единственный подсвечник — четверть квадратного метра утонченности в нелепой до абсурда обстановке помещения.

Крендлер взял в руки большой бокал для вина и постучал по, нему ногтем.

Заместитель помощника ни разу в жизни не прикасался к живому преступнику, не боролся, катаясь по земле, со смертельно опасным убийцей, а в докторе Лектере видел лишь своего рода выдуманное средствами массовой информации

пугало. Однако Крендлер считал, что поимка доктора откроет для него новые возможности. В мечтах он уже видел свою фотографию, выставленную в Музее ФБР после того, как Лектера постигнет заслуженная кара. Для выборной кампании успех в деле доктора сулил огромные выгоды. Крендлер настолько близко наклонился к рентгенограмме вместительного черепа доктора Лектера, что на пленке остался жирный след от носа, когда он резко повернулся, услышав слова Старлинг:

— Чем могу быть вам полезной, мистер Крендлер?

— Почему вы сидите здесь в темноте?

— Я размышляю, мистер Крендлер.

— Народ на Капитолийском холме желает знать, как обстоят дела с Лектером.

— Вы сами можете видеть, чем мы занимаемся.

— Просветите меня, Старлинг. Введите в курс дела.

— Может быть, вы предпочтете, чтобы мистер Крофорд…

— Где сейчас Крофорд?

— Мистер Крофорд в суде.

— Сдается мне, что он проигрывает дело. Вам

так не кажется?

— Нет, сэр, не кажется.

— Так что же вы здесь делаете? Мы получили жалобу из колледжа на то, что вы заграбастали все материалы из их библиотеки. Это можно было сделать и поделикатнее.

— Мы собрали в одном месте все материалы, имеющие отношение к доктору Лектеру, — как документы, так и предметы. Оружие доктора хранится у оружейников и трассологов, но у нас имеются дубликаты. Кроме того, в нашем распоряжении имеется все, что осталось от его личных бумаг.

— Какой в этом смысл? Чем вы здесь занимаетесь? Ловите киллера или собираете материал для триллера? — Он сделал паузу, чтобы эта случайная рифма нашла свое место в его словарном складе. — Если видный член республиканской партии из Наблюдательного юридического комитета спросит у меня, что делаете вы, специальный агент Старлинг, дабы поймать Ганнибала Лектера, как я должен ему отвечать?

Старлинг включила все лампы. Она видела, что Крендлер по-прежнему покупает дорогие костюмы, экономя на рубашках и галстуках. Его узловатые, заросшие волосами ручищи чересчур

сильно торчали из-под манжет сорочки.

Старлинг, чтобы успокоиться, посмотрела на стену, а затем перевела взгляд в сторону. Лишь заставив себя думать о Крендлере как об одном из студентов полицейской академии, она монотонно забубнила:

— Вам известно, что доктор Лектер обладает безукоризненными документами. Он располагает всеми необходимыми бумагами по меньшей мере еще на одно лицо. Скорее всего — более чем на одно. В этом отношении доктор чрезвычайно предусмотрителен, и мы не можем рассчитывать на грубую ошибку с его стороны.

— Давайте к делу.

— Этот человек обладает весьма изощренными вкусами, некоторые из них даже можно назвать экзотическими. Особенно в том, что касается вина, пищи и музыки. Если он появится здесь, то обязательно станет приобретать эти вещи. Он не в силах себе в них отказать.

Мистер Крофорд и я изучили документы и квитанции доктора Лектера, сохранившиеся со времени, предшествующего его первому аресту в Балтиморе, а также те чеки и квитанции, которые смогла собрать полиция Италии. Не прошли мимо нашего внимания и иски кредиторов, по-

следовавшие вслед за его арестом. Мы составили перечень того, что ему нравится. Взгляните. В тот месяц, когда доктор Лектер потчевал музыкантов Балтиморского филармонического оркестра деликатесом из «сладкого мяса» (что, как вам известно, является эвфемизмом для зобной и поджелудочной железы) флейтиста Бенджамина Распайя, он купил два ящика бордо «Шато-Петрю», по цене три тысячи шестьсот долларов за ящик. Кроме того, доктор прикупил пять ящиков «Батард-Монтраше», по тысяче сто долларов за ящик, и еще несколько сортов вин, Он заказывал себе в номер «Батард-Монтраше», когда скрывался в гостинице в Сент-Луисе, и приобретал его же в магазине «Вера даль 1926» во Флоренции. Вино это принадлежит к числу редкостных, и сейчас мы проверяем импортеров и дилеров — не было ли у них крупных продаж. Ящиками.

Через «Железные врата» в Нью-Йорке он заказывал первоклассный паштет из гусиной печенки, ценой двести долларов за килограмм, а через Устричный бар вокзала Гранд-Сентрал — зеленых устриц из Жиронды. Обед филармонического оркестра начался с этих устриц. За устрицами последовали «сладкое мясо» и шербет. А о том, чем они наслаждались после, вы можете про-

читать в журнале «Города и веси»... — Старлинг взяла журнал и громко прочитала: — «...рагу из темного и блестящего мяса неизвестного происхождения с гарниром из желтого риса. В его столь же темном, возбуждающем вкусе преобладали басовые обертоны, что могло быть достигнуто лишь при тщательном удалении всех, даже самых малых, прожилок. Жертва, пошедшая на приготовление этого деликатеса, никогда не была идентифицирована». Далее идет детальное описание столового белья, посуды и так далее. Мы провели перекрестную проверку закупок фарфора и хрусталя. Это можно было сделать, так как оплата производилась по кредитной карте.

Крендлер скептически шмыгнул носом.

— Взгляните, — продолжала Старлинг. — Это гражданский иск. Доктор остался должен за канделябр Штебена, а балтиморская компания «Галлеаззо мотор» сумела через суд вернуть себе его «бентли». Сейчас мы прослеживаем все продажи «бентли», как новых, так и побывавших в пользовании. Так же как и продажи «ягуаров» с компрессорным наддувом. Мы разослали факсы в фирмы, снабжающие рестораны дичью. Особенно нас интересовали продажи мяса диких кабанов. Кроме того, мы издали специальный бюллетень

за неделю до того, как из Шотландии должны были поступить красноногие куропатки.

Она потыкала пальцем в клавиатуру компьютера, сверилась со списком и отступила в сторону, как только почувствовала за спиной сопение Крендлера.

— Мы создали фонд, чтобы заручиться поддержкой спекулянтов билетами на громкие премьеры — так называемых стервятников культуры. Эта программа охватывает Нью-Йорк и Сан-Франциско. Есть пара оркестров и несколько струнных квартетов, которые ему особенно нравятся. Доктор Лектер предпочитает занимать место в шестом-седьмом ряду и обязательно крайнее — рядом с проходом. Я разослала сообщение, что скорее всего его можно встретить в Центре Линкольна, в Центре Кеннеди и большинстве филармонических залов. Может быть, вы сделаете взнос в наш «культурный фонд» из бюджета Министерства юстиции, мистер Крендлер? — Не дождавшись ответа, Старлинг продолжила: — Мы также провели тщательный анализ подписки на журналы, которые доктор Лектер получал в прошлом. Круг его интересов был весьма широк — вопросы культуры, антропология, лингвистика, математика, музыка. Вы

не поверите, но доктор выписывал даже «Физикл ревю».

— Не прибегал ли он к услугам шикарных шлюх? Не приглашал ли проституирующих педиков?

Старлинг чувствовала, какое удовольствие испытывает Крендлер, задавая этот вопрос.

— Насколько нам известно, нет, мистер Крендлер. Много лет назад его видели в Балтиморе на концертах в обществе весьма привлекательных женщин. Некоторые из этих дам прославились своей деятельностью в филантропических обществах города и в иных столь же почтенных организациях. Мы проверили даты их рождения и сумели установить, какие подарки они от него получили. Насколько мы знаем, ни одна из этих женщин не пострадала от доктора и все они отказались давать против него показания. О сексуальных предпочтениях доктора Ганнибала Лектера нам ничего не известно.

— А я всегда считал его гомосексуалистом.

— На каком основании вы пришли к такому выводу, мистер Крендлер?

— Да из-за этой всей его культуры-халтуры. Камерная музыка и чаи с печеньицем. Я не хочу вас обидеть, но мне кажется, что вам очень симпа-

тичны такие люди. Впрочем, это не важно. Я хочу, чтобы вы поняли до конца, Старлинг. Я требую, чтобы вы сотрудничали со мной. Дело Лектера не может быть вашим крошечным феодом. Я желаю получать все копии ваших отчетов по форме триста два, мне нужны все детали, все новые версии и улики. Вы поняли меня, Старлинг?

— Так точно, сэр.

Уже у самого выхода он бросил:

— Постарайтесь, чтобы это было именно так. У вас может появиться шанс улучшить свое положение в Конторе. Для восстановления вашей так называемой карьеры вам понадобится вся мыслимая и немыслимая помощь.

Будущая фотографическая комната уже была оборудована вытяжными вентиляторами. Глядя прямо в глаза заместителя помощника, Старлинг нажала на выключатель, и помещение начало сразу же очищаться от запаха лосьона и крема для обуви. Крендлер, не прощаясь, нырнул за тяжелый темный занавес.

Воздух в комнате колебался перед глазами Старлинг так, как колеблются раскаленные пороховые газы в помещении тира.

Уже в коридоре Крендлер услышал:

— Постойте, мистер Крендлер, я выйду с вами.

Крендлера поджидал автомобиль с шофером. Пока он еще находился на той ступени иерархической лестницы, что ему в части казенного транспорта приходилось ограничиваться «фордом» типа «Гранд Маркиз» с кузовом седан.

Прежде чем заместитель помощника успел выйти на улицу, Старлинг повторила:

— Подождите меня, мистер Крендлер.

Крендлер повернулся. Интересно, спросил он себя, может быть, здесь что-то новенькое? Вынужденная капитуляция? Его антенна настроилась на прием.

— Здесь нас с вами никто не слышит, — сказала Старлинг. — Никаких подслушивающих устройств, если вы, конечно, не таскаете такое на себе.

Ей так хотелось высказаться, что она ничего не могла с собой поделать. Для работы с пыльными книгами она поверх короткого топика с бретельками надевала свободную рубашку из джинсовой ткани.

Может быть, не делать этого? Да пошел он…

Девушка рванула на себе рубашку так, что все кнопки расстегнулись, и распахнула полы.

— Видите, на мне нет ни единого проводка. — Бюстгальтера на ней тоже не было. — Возможно,

это единственная для меня возможность поговорить с вами без свидетелей, и я хочу вас спросить. Все те годы, что я здесь работаю, вы постоянно вставляли мне палки в колеса. Пытались уязвить. В чем дело, мистер Крендлер? Что с вами происходит?

— Мы могли бы детально потолковать об этом… Я выкрою время, если вы пересмотрите…

— Мы уже говорим об этом.

— Попробуйте сообразить самостоятельно, Старлинг.

— Видимо, это потому, что я не подпустила вас к себе? Потому, что я послала вас домой к супруге?

Крендлер внимательно посмотрел на нее — подслушивающего устройства на ней, видимо, действительно не было.

— Не льстите себе, Старлинг… В этом городе полным-полно кукурузной деревенщины вроде вас.

Крендлер уселся рядом с шофером, постучал по приборной доске, и машина двинулась. Его губы шевелились, он оттачивал только что произнесенную фразу:

— Кукурузных деревенских растопырок, — произнес он. В будущем ему придется произнести множество политических речей, поэтому необ-

ходимо постоянно оттачивать словесные боевые приемы. Каждое его слово должно звучать как удар.

Глава 50

— А ведь это может сработать, — произнес Крендлер в сипящую темноту, туда, где лежал Мейсон. — Еще десять лет назад подобное было невозможно, теперь же она может прогонять списки покупателей через компьютер с такой же скоростью, как дерьмо валится из гуся, — закончил он, поерзав на диване под ярким, льющимся с потолка светом.

На фоне аквариума Крендлер видел силуэт Марго. Он уже привык сквернословить в ее присутствии, и ему это очень нравилось. Крендлер был готов держать пари, что Марго мечтает иметь хер. Ему давно хотелось произнести это слово в присутствии Марго, и он наконец придумал, как это можно сделать.

— Именно таким образом ей удалось вычленить перспективные области и установить склонности Лектера. Теперь она, возможно, может даже сказать, в какую сторону Ганнибал Лектер укладывает свой хер.

— Что же, Марго, на этой высокой ноте, пожалуй, можно пригласить сюда доктора Демлинга.

Доктор ждал вызова в игровой комнате среди

гигантских мягких игрушек. Мейсон видел на мониторе, как Демлинг изучает плюшевую мошонку большого жирафа. Он взирал на нее столь же почтительно, как семейство Виггертов на яйца Давида. На экране доктор казался значительно меньше игрушек, словно он специально ужался для того, чтобы пролезть в чьи-то детские годы, столь отличные от его собственного детства.

В комнате Мейсона под ярким светом в отведенном для гостей пространстве доктор оказался сухоньким человечком, очень чистеньким, но слегка облезлым, с зачесом, прикрывающим лысый череп, и ключом на цепочке для часов. Ключ говорил о том, что доктор окончил университет по медицинской части и имел при этом среднюю успеваемость. Демлинг уселся за журнальным столиком напротив Крендлера — создавалось впечатление, что он очень хорошо знаком с этой комнатой.

Столик украшала ваза с фруктами и орехами. На обращенной к психологу стороне яблока виднелась червоточина. Демлинг протянул сухонькую ручку и развернул фрукт так, чтобы не видеть дырку. Он из-под очков следил за тем, как Марго, захватив пару орехов, вернулась на свое место у аквариума. Лицо психолога при этом вы-

ражало изумление, граничащее с идиотизмом.

— Доктор Демлинг — декан факультета психологии Университета Бейлора и профессор кафедры, основанной Вергерами, — сказал Мейсон Крендлеру. — Я спросил его мнение о том, что может быть общего между доктором Лектером и агентом ФБР Клэрис Старлинг, Прошу вас, доктор…

Демлинг выдвинулся чуть вперед с таким видом, будто сидел в суде на свидетельском месте, и обратил взор в темноту, туда, где находился Мейсон, словно тот был присяжным. Крендлер сразу увидел в нем дружественного обвинению судебного эксперта, услуги которого стоят не менее двух тысяч долларов в день.

— Мистер Вергер, естественно, осведомлен о моей квалификации. Не желаете ли вы услышать о ней? — поинтересовался Демлинг.

— Нет, — ответил Крендлер.

— Я изучил заметки женщины по фамилии Старлинг, сделанные ею после бесед с Ганнибалом Лектером. Я также ознакомился с его письмами к ней и полученными от вас сведениями о ее прошлом, — начал профессор.

Услышав это, Крендлер недовольно скривился, однако Мейсон его успокоил.

— Доктор Демлинг дал подписку о неразглашении, — сказал он.

— Вначале немного о прошлом... — Доктор Демлинг сверился со своими записями и продолжил: — Мы знаем, что доктор Ганнибал Лектер родился в Литве. Его отец был графом, род восходит к десятому веку, а мать — итальянкой благородных кровей из семейства Висконти. Во время отступления немцев из России несколько их танков оказались у графского поместья вблизи Вильнюса. Они обстреляли поместье, убив обоих родителей и почти всех слуг. Дети после этого исчезли. Их было двое — Ганнибал и его сестра. Что стало с сестрой, нам неизвестно. Самое главное в этой истории то, что Ганнибал Лектер является сиротой, как и Клэрис Старлинг.

— А я вам что говорил! — с нетерпением в голосе произнес Мейсон.

— Да, но какие выводы вы из этого сделали? — поинтересовался доктор Демлинг. — Я этим вовсе не хочу сказать, мистер Вергер, что между двумя сиротами обязательно возникает чувство взаимной симпатии. Речь идет не о симпатии. Слово «симпатия» здесь неуместно. И чувство жалости в этом случае тоже оставлено в пыли истекать кровью. Слушайте меня внимательно. Просто

общий опыт сиротства позволяет доктору Лектеру лучше понять Клэрис Старлинг и в конечном счете осуществлять над ней контроль. Суть дела именно в этом. В контроле.

Особа по фамилии Старлинг провела детство в разного рода учреждениях и, насколько следует из представленных вами материалов, не имела устойчивых отношений с каким-либо мужчиной. Сейчас она проживает с одной из своих сокурсниц — молодой женщиной афроамериканского происхождения.

— Это смахивает на секс, — заметил Крендлер.

Психиатр даже не удостоил Крендлера взглядом — его мнение отметалось с ходу.

— Никогда нельзя сказать с уверенностью, по какой причине один человек делит кров с другим, — произнес профессор.

— Тайна сия велика есть, говорит Библия, — вмешался Мейсон.

— Старлинг выглядит весьма аппетитно, если вы любите хлеб из чистой пшеницы, — высказалась Марго.

— Думаю, что если здесь и имеется влечение, то оно исходит от Лектера, а не от нее. Вы же ее видели. Она всего лишь приятная на взгляд холодная рыба, — сказал Крендлер.

— Неужели Старлинг действительно холодная рыба, мистер Крендлер? — спросила Марго, и в ее голосе можно было уловить легкую насмешку.

— Не думаешь ли ты, Марго, что она лесбиянка? — спросил Мейсон.

— Откуда, черт побери, мне это знать? Кем бы она ни была, она никому не позволяет совать нос в свои дела. По крайней мере у меня сложилось такое впечатление. Она человек крутой, у нее лицо игрока в покер, но с тем, что она холодна как рыба, я никогда не соглашусь. Мы говорили недолго, но именно к такому выводу я пришла. Это произошло еще до того, Мейсон, как тебе понадобилась моя помощь. Ты тогда прогнал меня из комнаты. Помнишь? Нет, нет, она вовсе не похожа на холодную рыбу. Девушке с внешностью Старлинг просто надо казаться ледяной, чтобы сохранить дистанцию с теми раздолбаями, которые за ней постоянно волочатся.

Крендлер ощутил, что Марго задержала на нем взгляд дольше, чем того требовали обстоятельства, хотя сам он видел лишь ее силуэт.

Какие странные голоса звучат в этой палате. Осторожная канцелярщина Крендлера, педантичный скрип Демлинга, глубокий, резонирующий тембр Мейсона с ущербными взрывными

звуками и ускользающими шипящими и грубый, низкий, тяжелый, как прокатная лошадь, и несколько враждебный голос Марго. И все это звучало на фоне вздохов машины, снабжающей Мейсона кислородом.

— У меня есть кое-какие соображения относительно ее личной жизни, в основе которых лежит ее очевидная, связанная с отцом мания, — продолжал Демлинг. — Позвольте мне кратко изложить свои мысли. У нас имеются три документа доктора Лектера, имеющие отношение к Клэрис Старлинг. Два письма и один рисунок. Рисунок есть не что иное, как часы-распятие, спроектированные им во время пребывания в психиатрической лечебнице. — Доктор Демлинг бросил взгляд на экран и распорядился: — Слайд, пожалуйста.

Находящийся где-то Корделл вывел на высоко поставленный монитор удивительный рисунок. В оригинале это был рисунок углем на пергаменте, используемом для упаковки мяса. Экземпляр Мейсона был копией на чертежной бумаге, и рисунок имел тот синюшный цвет, который бывает только на кровоподтеках.

— Он пытался это запатентовать, — сказал доктор Демлинг. — Как вы можете видеть, здесь

изображен Христос, распятый на циферблате часов. Руки его движутся по кругу, показывая время, точно так, как движутся руки Микки Мауса на часах с изображением последнего. Рисунок интересен тем, что вместо традиционного лица Спасителя мы видим на нем лицо Клэрис Старлинг. Он рисовал ее во время допросов. Сравните рисунок с фотографией женщины. Его зовут Корделл, не так ли? Корделл, покажите нам, пожалуйста, фото.

Сомнений не оставалось, у Иисуса была голова Старлинг.

— Еще одна аномалия рисунка состоит в том, что гвозди, крепящие Христа к кресту, вбиты не в ладони, а в запястья.

— Но это же реалистично, — вмешался Мейсон. — К кресту необходимо прибивать только через запястья и использовать при этом деревянные шайбы большого диаметра. В противном случае гвозди в руке разбалтываются и распятый срывается. Эти знания достались мне и Иди Амину ценой многих проб и ошибок. Дело было на Пасху в Уганде. Мы хотели воспроизвести все событие как можно точнее. Наш Спаситель на самом деле был пригвожден к кресту через запястья. Все имеющиеся изображения распятия не

соответствуют истине. А причина ошибки кроется в неправильном переводе с древнееврейского на латынь.

— Благодарю за пояснение, — не очень искренне произнес доктор Демлинг. — Распятие, вне всякого сомнения, являет собой подвергшийся уничтожению объект преклонения. Обратите внимание на то, что рука, образующая минутную стрелку, показывает на шесть, стыдливо прикрывая наружные половые органы. Другая изображающая стрелку рука обращена на девять часов или на начало десятого. Девять, совершенно очевидно, должно указывать на то время, когда, как традиционно считается, и был распят Христос.

— Но если поставить рядом шесть и девять, то мы получим 69, что, как известно, символизирует нетрадиционное оральное совокупление, широко распространенное в некоторых слоях общества, — не удержалась Марго.

В ответ на неодобрительный взгляд доктора Марго раздавила в ладони пару орехов, и скорлупа посыпалась на пол.

— Теперь обратим взгляд на письма доктора Лектера к Клэрис Старлинг. Корделл, не могли бы вы их нам продемонстрировать? — Доктор

Демлинг извлек из кармана лазерную указку и продолжил: — Обратите внимание на почерк. Перед вами образец скоростной каллиграфии, выполненной чернилами, автоматической ручкой с пером типа «рондо». Шрифт настолько однороден, что напоминает типографскую печать. Подобного типа каллиграфическое письмо использовалось в средние века для воспроизведения папских булл. Шрифт очень красив, но одновременно и вычурно однообразен. В манере письма доктора явно отсутствует какая-либо спонтанность. Все тщательно спланировано. Ганнибал Лектер пишет вскоре после побега, в ходе которого убил пять человек. Попытаемся обратиться к тексту.

Ну как, Старлинг, ягнята теперь молчат?

Вы знаете, что должны дать мне ответ на этот вопрос, я хотел бы его от вас получить. Объявление в национальном издании «Таймс» или «Интернэшнл геральд трибюн» в первый день любого месяца меня вполне удовлетворит.

Еще лучше, если вы дадите его в «Чайна мейл».

Я не удивлюсь, если ответ будет и «да» и «нет». На некоторое время ягнята замолчат. Но вы, Клэрис, судите себя с тем же милосердием, которое дарили чаши весов правосудия в подземелье Триба, и вам вновь и вновь придется делать все, чтобы заслужить благословенное молчание. И все только потому, что вами движет страдание, вы видите страдание и страдание не кончается. Во веки веков.

Я не намерен посетить вас, Старлинг, ибо мир более интересен, пока вы в нем существуете. Однако я прошу и вас оказать мне любезность…

Доктор Демлинг поправил на носу соскользнувшие очки, откашлялся и продолжил:

— Перед нами классический пример того, что я в своих научных трудах называю «авункулизмом»[42] — появление термина нашло широкое отражение в профессиональной литературе, где его именуют «авункулизмом Демлинга». Нельзя исключать, что это понятие найдет свое место в

[42] Примечания: 42

От этнографического понятия, характеризующего некоторые индейские семейства, главой которых является брат матери, — в некотором роде «дядизм».

очередном издании «Диагностического и статистического справочника». Для непосвященных термин можно определить следующим образом: авункулизм есть не что иное, как стремление предстать мудрым и внимательным ментором, преследуя при этом достижение личных целей.

Изучив материалы по делу, я пришел к выводу, что упоминание о криках ягнят относится к событию, имевшему место в детские годы Клэрис Старлинг. Речь идет о массовом забое ягнят на ранчо в Монтане, где воспитывалась мисс Старлинг, — продолжал профессор Демлинг своим сухим голосом.

— Клэрис Старлинг делилась с Лектером информацией, — вмешался Крендлер. — Он располагал некоторыми сведениями о серийном убийце по кличке Буффало Билл.

— Второе письмо, написанное семью годами позже, на первый взгляд представляется обычным посланием с выражением сочувствия и поддержки, — сказал Демлинг. — Он посмеивается над ней, упоминая ее родителей, которых эта женщина, видимо, боготворила. Ганнибал Лектер называет ее отца «ночным сторожем», а мать — «горничной». Однако затем он одаривает их великолепными качествами, которые дочь в

них могла видеть, и обращает эти качества на то, чтобы оправдать ее провалы в служебной карьере. Это есть не что иное, как попытка снискать ее расположение и таким образом установить над ней контроль.

Я думаю, что рассматриваемая нами женщина по имени Клэрис Старлинг имела прочную привязанность к своему отцу, или его «образу», что мешало ей легко вступать в сексуальные отношения с мужчинами и привело к переносу «образа» на доктора Ганнибала Лектера, чем он, в своей извращенности, тотчас не преминул воспользоваться. Во втором письме он призывает ее вступить с ним в контакт путем опубликования персонального объявления под кодовым именем.

Бог мой, неужели он никогда не закончит? Зуд нетерпения был для Мейсона особенно невыносим, так как он не имел возможности даже сменить позу.

— Прекрасно, профессор, — наконец не выдержал паралитик. — Марго, приоткрой, пожалуйста, окно. У меня, доктор Демлинг, появился новый источник информации о докторе Лектере. Этот человек знает как Старлинг, так и Лектера, он видел их вместе и провел рядом с Лектером

времени больше, чем кто-либо другой. Я хочу, чтобы вы с ним побеседовали.

Крендлер слегка поежился, увидев, как поворачивается дело, и начал испытывать легкую тошноту.

Глава 51

Мейсон произнес несколько слов в интерком, и в помещение вошел высокий человек. Он был одет в белое и казался таким же мускулистым, как и Марго.

— Это Барни, — сказал Мейсон. — Он шесть лет работал в отделении для буйных в больнице, где содержались умалишенные преступники. В то время там находился и Лектер. Теперь Барни работает на меня.

Барни предпочел остаться у аквариума рядом с Марго, но доктор Демлинг пожелал увидеть его на свету. Гигант уселся рядом с Крендлером.

— Значит, вас зовут Барни? А теперь скажите мне, Барни, какова ваша профессиональная подготовка?

— У меня есть ЛПМ.

— Лицензия практикующего брата милосердия? Очень мило. И это все?

— Имею степень бакалавра гуманитарных наук. С успехом окончил колледж, заочно, — ровным голосом сказал Барни. — Кроме того, имею аттестат Школы погребальных наук Камминза.

— Вы оплачивали расходы на медицинское

образование, работая в морге?

— Да. Я увозил трупы с мест преступления и помогал при вскрытиях.

— А чем занимались до этого?

— Служил в морской пехоте.

— Понимаю. Работая в больнице Балтимора, вы видели, каким образом взаимодействовали между собой Клэрис Старлинг и Ганнибал Лектер. Я хочу сказать, что вы, видимо, являлись свидетелем их бесед. Не так ли?

— Мне казалось, что они…

— Начнем с того, что вы точно видели своими глазами, а не с того, что вам казалось и что вы думали по этому поводу. Вы, надеюсь, не возражаете?

— Он достаточно сообразителен для того, чтобы высказывать свое мнение, — вмешался Мейсон. — Барни, вы знакомы с Клэрис Старлинг?

— Да.

— Вы наблюдали Ганнибала Лектера шесть лет?

— Да.

— Какие отношения между ними складывались?

Крендлер не очень хорошо понимал слова, произнесенные высоким грубым голосом, но тем

не менее именно он сформулировал наиболее важный вопрос.

— Скажите, Барни, не вел ли себя Лектер несколько необычно, беседуя со Старлинг?

— Да, он вел себя не так, как всегда. Как правило, он вообще не реагировал на появление посетителей, — ответил Барни. — Иногда он открывал глаза лишь для того, чтобы оскорбить очередного ученого, пытавшегося забраться ему в мозги. Одного профессора он даже заставил рыдать. По отношению к Старлинг он был достаточно крут, однако отвечал на ее вопросы гораздо подробнее, чем на вопросы других. Она его заинтересовала, или, скорее, заинтриговала.

— Каким образом?

— Ему почти не приходилось видеть женщин, — пожав плечами, сказал Барни. — Она же действительно красива и…

— Меня не интересует ваше мнение по этому вопросу, — оборвал его Крендлер. — И это все, что вам известно?

Барни не ответил, но посмотрел на Крендлера так, словно видел, что левое и правое полушария мозга заместителя помощника являют собой двух сцепившихся собак.

Марго раздавила еще пару каштанов.

— Продолжайте, Барни.

— Они были откровенны друг с другом. Своим откровением он способен обезоружить собеседника. Создается впечатление, что он просто не снисходит до лжи.

— Чего-чего он не делает?

— Не снисходит, — повторил Барни.

— СНИ-СХО-ДИТ, — послышался из темноты голос Марго. — Не опускается до лжи, мистер Крендлер. Или, чтобы вы еще лучше поняли, не унижается до нее.

— Доктор Лектер давал ей весьма нелестные, характеристики, — продолжил Барни, — а затем говорил что-нибудь очень приятное. Она стойко и терпеливо сносила насмешки, после которых похвалы доктора казались ей особенно приятными. Она знала, что его слова — правда, а не какое-нибудь дерьмо собачье. Доктор же находил ее очаровательной и забавной.

— И вы способны были определить то, что доктор Лектер находил ее забавной? — проскрипел профессор Демлинг. — Каким образом вы это сумели установить, брат милосердия Барни?

— По тому, как он смеялся, доктор Дамлинг[43].

---

[43] Примечания: 43

Оговорка не случайна. Звучит почти как Дамблинг — dumb — тупой, глупый (разг. амер.)

В медицинском училище был такой предмет — «Оптимизм и его роль в исцелении».

Никто не понял, то ли это громко фыркнула Марго, то ли аэрарий аквариума издал несколько несвойственный для себя звук.

— Спокойно, Барни, — сказал Мейсон. — Расскажите нам остальное.

— Слушаюсь, сэр. Порой, когда кругом было относительно тихо, доктор Лектер и я проводили за беседой большую часть ночи. Мы говорили о тех предметах, которые я заочно изучал, и о других материях. Он…

— А вы, случайно, не изучали по переписке и психологию? — спросил доктор Демлинг.

— Нет, сэр. Я не считаю психологию наукой. Так же как и доктор Лектер, — сказал Барни и поспешно, пока респиратор не позволял Мейсону его оборвать, продолжил: — Я всего-навсего могу повторить то, что он мне говорил о ней. Доктор Лектер утверждал, что видит, чем Старлинг может стать. Сейчас, говорил он, девушка очаровательна так, как может быть очарователен котенок, которому предстоит превратиться в большую дикую кошку. Тогда играть с ней будет невозможно. Обладая непосредственностью щенка или котенка, говорил он, Старлинг

оснащена, в миниатюре, всеми видами оружия, которым вооружен взрослый зверь, и мощь этого оружия постоянно возрастает. Тем не менее пока ей приходилось бороться всего лишь с другими щенками, говорил доктор Лектер, и все это его забавляло.

Возможно, вам все станет более понятно, если я расскажу о том, как все начиналось. Начало было весьма вежливым, но доктор никак ее не воспринял. Затем, когда она уже уходила, другой заключенный брызнул ей в лицо спермой. Это вывело доктора Лектера из равновесия, вызвало у него смущение. Тогда в первый и в последний раз я увидел его огорченным. Она это тоже заметила и тотчас попыталась этим воспользоваться. Мне кажется, что его восхитила ее настырность.

— Как он относился к другому заключенному — тому, который брызнул в нее спермой? Имелся ли между ними контакт?

— В обыкновенном понимании — нет, — ответил Барни. — Доктор Лектер его просто убил той же ночью.

— Разве они не находились в разных камерах? — спросил профессор Демлинг. — Как Ганнибал Лектер это сделал?

— Третья палата от палаты доктора Лектера,

и к тому же на противоположной стороне коридора, — сказал Барни. — Среди ночи доктор с ним вначале немного поговорил, а затем велел проглотить язык.

— Итак, Клэрис Старлинг и Ганнибал Лектер стали… друзьями? — спросил Мейсон.

— Лишь в рамках формальной структуры, — сказал Барни. — Они обменивались информацией. Доктор делился с ней своими соображениями относительно серийного убийцы, на которого она вела охоту, а Старлинг расплачивалась с ним сведениями о себе. Доктор Лектер говорил мне, что у девушки очень сильный характер, чересчур много выдержки и мужества, и все это может пойти ей во вред. Он считал, что Старлинг будет действовать на пределе сил, если того потребует ее работа. Кроме того, он как-то заметил, что на ней лежит проклятие «высокого вкуса». Что доктор хотел этим сказать, я не знаю.

— Скажите, доктор Демлинг, что он хотел — трахнуть ее, убить, съесть или еще что-нибудь? — поинтересовался Мейсон, исчерпав все варианты, которые смог придумать.

— Я не стал бы исключать ни первого, ни второго, ни третьего, — ответил доктор Демлинг. — Но я не решился бы предсказать порядок, в котором

он может совершить эти действия. Но основной мой вывод заключается в следующем. Все попытки желтой прессы или людей с менталитетом, свойственным этой прессе, романтизировать их отношения, воссоздать миф о «Красавице и чудовище» далеки от реальности. Цель доктора Лектера — унижение Старлинг, ее страдания и в конечном итоге смерть. Он дважды выступил в ее защиту. Первый раз, когда ей в лицо брызнули спермой, и вторично, когда ее стали терзать газеты, после того как она застрелила этих людей. Доктор появляется в личине ментора, но на самом деле его возбуждают ее страдания. Когда напишут историю Ганнибала Лектера, а напишут ее непременно, этот случай целиком будет считаться классическим проявлением авункулизма Демлинга. Чтобы привлечь его внимание, она должна страдать.

На лбу Барни между широко расставленных бровей появилась глубокая морщина.

— Могу ли я добавить, мистер Мейсон, коль скоро вы меня пригласили? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Находясь в лечебнице, доктор Лектер отвечал ей, когда она, сохраняя самообладание, продолжала свою работу, когда все его насмешки отскакивали от

нее как горох от стенки. В письме он называет ее «воительницей» и специально подчеркивает, что во время перестрелки она спасла ребенка. Доктор восхищается ее отвагой и отдает дань уважения ее самодисциплине. Он говорит, что не имеет планов забрать ее жизнь. Учтите, что доктор Лектер никогда не лжет.

— Перед нами типичный пример того, что я называю образом мышления желтой прессы, или «таблоидным» мышлением, — сказал Демлинг. — Ганнибалу Лектеру чужды такие эмоции, как восхищение или уважение. Он не знает таких понятий, как теплота чувств или привязанность. То, что говорит Барни, есть лишь романтическая иллюзия, вызванная недостатком образования.

— Доктор Демлинг, вы меня не помните, не так ли? — спросил Барни. — Я дежурил в отделении, когда вы пытались поговорить с доктором Лектером. С ним многие пытались побеседовать, но, насколько я помню, вы оказались единственным, кого он заставил рыдать. Позже он опубликовал анализ вашей книги в «Американском журнале психиатрии». Я совсем не удивился бы, узнав, что эта критическая статья снова повергла вас в слезы.

— Достаточно, Барни, — сказал Мейсон. — Луч-

ше позаботьтесь о моем обеде.

— Нет ничего хуже недопеченного самоучки, — заметил доктор Демлинг, когда Барни вышел из комнаты.

— Он не говорил мне о том, что вы пытались беседовать с доктором Лектером, — сказал Мейсон.

— Ганнибал Лектер в то время пребывал в состоянии ступора, добиться чего-то от него было невозможно.

— И это заставило вас пролить слезы?

— Это не правда.

— Следовательно, вы отметаете все то, что сказал Барни.

— Он введен в заблуждение. Так же как и девушка.

— Возможно, у Барни при виде Старлинг начинается течка, — бросил Крендлер.

Марго едва слышно рассмеялась. Однако Крендлер ее смех расслышал.

— Если вы хотите привлечь внимание Ганнибала Лектера к Старлинг, сделайте так, чтобы она страдала. Пусть то горе, в котором он ее увидит, подтолкнет его к причинению ей дополнительных страданий. Когда она станет подранком, в символическом смысле, естественно, он захочет взглянуть на то, как она станет продолжать свои

игры. Когда лиса слышит визг зайца, она мчится к нему. Но вовсе не для того, чтобы помочь.

Глава 52

— Я не могу доставить вам Клэрис Старлинг, — сказал Крендлер после того, как ушел Демлинг. — Я с большой долей уверенности могу сообщать вам, где она находится и что делает, но я не могу контролировать те задания, которые дает ей Бюро, Более того, если ФБР направит Старлинг сюда, то обеспечит ей хорошее прикрытие, поверьте. — Для вящей убедительности Крендлер ткнул пальцем в темноту, где покоился Мейсон. — Вы не сможете приступить к действию, не сумеете обойти отряд прикрытия и захватить Лектера. Наружное наблюдение мгновенно Заметит ваших людей. Это во-первых. Во-вторых, Бюро не приступит к силовым действиям до тех пор, пока не убедится в том, что Лектер поблизости. Операция по охране наживки может потребовать не менее двенадцати человек, что весьма накладно. Условия могли бы быть более благоприятными, если бы вы не сняли ее с крючка, на котором она оказалась после перестрелки. Теперь довольно сложно поменять ситуацию и снова поставить ее под удар.

— Возможно, предположительно, может

быть, — произнес Мейсон, довольно прилично, учитывая его состояние, справившись со звуком «ж». — Марго, возьми газету «Коррьере делла сера» за следующий день после убийства Пацци. Это была суббота. Найди колонку личных объявлений и прочитай нам первое.

Марго поднесла напечатанное мелким шрифтом объявление ближе к свету и сказала:

— Оно на английском языке и адресовано А. Д. Аарону. Здесь сказано: «Сдайтесь ближайшим к вам органам власти, враг рядом. Ханна». Кто такая эта Ханна?

— Так звали лошадь Старлинг, когда наша подруга была еще совсем маленькой, — ответил Мейсон. — Это предупреждение, которое Старлинг направила Ганнибалу Лектеру. Он сообщил ей в письме, как можно вступить с ним в контакт.

— Проклятие! — Крендлер вскочил на ноги. — Тогда она ничего не могла знать о событиях во Флоренции. А если знала, то ей каким-то образом стало известно, что я вас информирую.

Мейсон вздохнул и спросил себя, достаточно ли у Крендлера ума для того, чтобы заниматься политикой. Вслух же, отложив ответ на потом, он произнес:

— Она ничего не знала. Это я дал объявления в «Коррьере делла сера», «Ла Нацьоне» и в «Интернэшнл геральд трибюн» с указанием напечатать их в день, следующий за нашим выступлением против доктора Лектера. Принимая во внимание возможность неудачи, я хотел, чтобы он решил, будто Старлинг пытается ему помочь. Таким образом, мы сохранили связь с ним через Старлинг.

— Никто этого не заметил.

— Никто. За исключением Ганнибала Лектера, вероятно. Он может попытаться ее поблагодарить. Письмом, лично... Кто знает? Скажите, вы продолжаете просматривать всю ее корреспонденцию?

— Абсолютно всю, — утвердительно кивнул Крендлер. — Если он ей что-либо напишет, вы увидите это раньше, чем она.

— А теперь слушайте внимательно, Крендлер. Это объявление заказано и оплачено таким образом, что Старлинг никогда не сумеет доказать, что поместила его не она. А это — уголовное преступление. Именно здесь лежат для нас хорошие возможности. При помощи этого, Крендлер, вы можете ее уничтожить. Вам, как никому, известно, что ФБР и куска дерьма не даст за человека, выброшенного из Конторы, Он годится лишь

на корм собакам. Ей после этого ни в жизнь не получить разрешение на оружие. И никто, кроме меня, не станет за ней наблюдать. Лектер непременно узнает, что она в одиночестве осталась на холоде. Для этого мы предпримем еще кое-что. — Мейсон сделал паузу, чтобы продышаться, а затем продолжил: — Если наши планы не сработают, то придется, как говорит Демлинг, сделать ее несчастной. Вы сможете разорвать ее напополам. Советую вам ее нижнюю часть сохранить для себя. А ту часть Старлинг, которая чересчур серьезно относится к делу, можете отправить к Богу. Прошу простить, я вовсе не хотел богохульствовать.

Глава 53

Клэрис Старлинг бежала по опавшим листьям лесного заповедника штата Виргиния, расположенного всего в часе езды от ее дома. Она очень любила это место. В этот будний осенний день, который Старлинг решила использовать для заслуженного отдыха, в парке, кроме нее, не было ни одной живой души. Старлинг трусила по знакомой тропе на поросшем лесом холме рядом с рекой Шенандоа. Ближе к вершине холма раннее солнце успело прогреть воздух, а в неглубоких долинах было все еще холодно. Иногда получалось так, что лицо ее оказывалось в тепле, а ноги оставались в прохладе.

В эти дни почва, по которой ходила Старлинг, колебалась под ее ногами. Земля казалась девушке прочнее, когда она передвигалась по ней бегом.

День был ясным, и лучи солнца плясали на ее лице, пробиваясь сквозь остатки листвы на деревьях. Тропа под ногами казалась пестрой, а в тех местах, где на нее падали тени деревьев, полосатой. Чуть впереди нее в бегство ударились три оленя — две самки и рогатый самец одним

захватывающим дух прыжком освободили тропу, и лишь их белые «флаги» еще довольно долго мелькали среди деревьев. Эта картина обрадовала Старлинг, и девушка усилила темп бега.

На склоне холма над рекой на опавших листьях сидел Ганнибал Лектер. Сидел он совершенно неподвижно, что делало его похожим на фигуру, вытканную на средневековых шпалерах. Со своего места доктор Лектер видел примерно сто пятьдесят метров тропки для бега. На линзы его полевого бинокля, чтобы не блестели, были надеты самодельные картонные бленды. Вначале он заметил, как бросились прочь и промчались по холму мимо него олени, а затем — первый раз за семь лет — увидел Старлинг.

Лицо доктора за биноклем не изменило выражения, однако крылья носа слегка дрогнули, когда он сделал глубокий вдох. Создавалось впечатление, что доктор пытается издали уловить ее аромат.

Однако он сумел уловить лишь чуть отдающий корицей запах сухой листвы, дух прелых листьев в нижнем слое, запашок заячьего помета и глубоко под листьями резкое мускусное амбре разорванной беличьей шкурки. Аромат, свойственный Старлинг, в этой гамме запахов не

присутствовал. Бегущих оленей со своего места он видел еще долго после того, как они скрылись из поля зрения девушки.

Доктор Лектер имел возможность наблюдать за Старлинг чуть меньше минуты. Она бежала легко, едва касаясь ступнями земли. За спиной у нее был маленький рюкзачок с минимальным дневным рационом и бутылкой воды. Лучи раннего солнца падали на нее со спины, чуть размывая ее очертания и создавая тем самым впечатление, что ее кожа посыпана цветочной пыльцой. Следя за ее бегом в бинокль, доктор Лектер наткнулся на яркий солнечный блик на поверхности реки, после чего в его глазах еще несколько минут прыгали светлые пятна. Беговая тропка уходила вниз и в сторону, и последнее, что увидел доктор Лектер, был затылок Старлинг. Связанные хвостом волосы девушки раскачивались на бегу, отдаленно напоминая «флаг» белохвостого оленя.

Доктор Лектер остался сидеть на месте, не делая ни малейшей попытки последовать за ней. Теперь она продолжала бежать перед его мысленным взором, и бег ее будет продолжаться ровно столько времени, сколько он пожелает. Итак, он увидел Старлинг впервые за семь лет, если не считать фотографий в желтой газетенке

и мелькания головы за стеклом движущегося автомобиля. Ганнибал Лектер улегся на листву и, закинув руки за голову, уставил взгляд на редеющую крону высящегося над ним клена. Листья трепетали на фоне неба, а небо было настолько синим, что казалось почти лиловым. Лиловое, лиловое. Веточка дикого мускатного винограда, которую он сорвал, карабкаясь вверх по склону. Доктор Лектер съел несколько начинающих вянуть, слегка пыльных ягод и, раздавив в ладони остальные, слизал сок с рук, широко, подобно ребенку, растопырив пальцы. Лиловое, лиловое.

Лиловые баклажаны на грядках.

В стоящем на возвышении охотничьем домике днем горячей воды не было, и нянька выносила в огород помятую медную ванночку, чтобы согреть на солнце воду для купания двухлетней Мишу. Девочка сидела в сверкающей ванне среди овощей, а белые бабочки капустницы вились вокруг ее головки. Воды хватало лишь на то, чтобы прикрыть пухлые ножки, но преисполненному важности Ганнибалу и его огромному псу строго предписывалось следить за сестрой, пока нянька уходит ненадолго в дом за сухой простыней.

Часть прислуги боялась маленького Ганнибала Лектера. Этих людей пугали его необыкновенная

впечатлительность и противоестественные для возраста познания. Однако старая нянька, хорошо знавшая свое дело, его не боялась. Не боялась его и Мишу. Сидя в ванночке и радостно смеясь, она приложила свою детскую, похожую на звезду ладошку к его щеке. Затем Мишу потянулась за спину брата и положила руку на баклажан, цвет которого ее так радовал. Особенно сестра любила смотреть на баклажаны, когда на их блестящих боках играло солнце. Глаза у нее были не темные, как у брата Ганнибала, а голубые, и когда она смотрела на баклажаны, то казалось, что они темнеют, как бы впитывая цвет плодов. Ганнибал знал, что цвет вообще был страстью сестренки. После того как ее унесли в дом, а кухонный мальчик явился, чтобы ворча вылить ванну, Ганнибал стал на колени у грядки с баклажанами, чтобы понаблюдать за тем, как меняют цвет пузырьки мыльной пены. Прежде чем окончательно лопнуть на распаханной земле, пузырьки становились то зелеными, то лиловыми. Мальчик вынул маленький перочинный нож, срезал один баклажан и отполировал его носовым платком. Он отнес нагретый солнцем плод в комнату Мишу и положил так, чтобы сестра могла его видеть. Мишу обожала темно-лиловый цвет. Она

любила цвет баклажана всю жизнь, до самой своей смерти.

Ганнибал Лектер закрыл глаза, чтобы еще раз увидеть упругие прыжки оленей и бегущую вниз по тропе Старлинг. Солнце снова заливало ее золотом. Но она казалась ему не теми оленями, которые умчались вперед. Лектер видел в ней олененка с торчащей из бока стрелой. Олененку накинули на шею веревку и волокут, волокут к ожидающему его топору. Ганнибал Лектер снова увидел того упирающегося изо всех сил детеныша, которого сожрали перед тем, как съесть Мишу. Сидеть спокойно сил у него не было, и доктор Лектер поднялся на ноги. Руки и губы его были покрыты лиловым соком винограда, а уголки рта опустились, как у греческой маски. Он посмотрел вдоль тропы, туда, где скрылась Старлинг. Ганнибал Лектер сделал глубокий вдох через нос, чтобы впитать в себя очищающий аромат леса, и еще раз посмотрел на то место, где скрылась Старлинг. Тропа, по которой она пробежала, казалась ему не такой темной, как окружающий лес, словно Старлинг оставляла за собой светящийся след.

Доктор Лектер торопливо взобрался на гребень холма и заспешил вниз по противоположному

склону к своему грузовику, который запарковал на стоянке рядом с кемпингом. Он хотел выбраться из парка до того, как Старлинг успеет вернуться к своей машине, оставленной на главной парковке рядом с кабиной лесного объездчика, в трех километрах отсюда. По случаю окончания туристского сезона кабина пустовала.

У него в запасе останется по меньшей мере пятнадцать минут, прежде чем она сумеет добежать до автомобиля.

Доктор Лектер остановил свой грузовичок рядом с «мустангом» Старлинг, оставив мотор работать на холостом ходу. До этого он уже имел возможность обследовать автомобиль девушки на стоянке продовольственного магазина рядом с ее домом. Первоначально на это место Ганнибала Лектера привел годовой пропуск на въезд в парк, прикрепленный к лобовому стеклу «мустанга». Купив подробную карту лесного заповедника, он ее внимательно и не торопясь изучил.

«Мустанг» Старлинг был закрыт на ключ. Его корпус низко сидел на широких шинах. Создавалось впечатление, что машина спит. Выбор Старлинг его весьма позабавил. Автомобиль одновременно являлся проявлением как эксцентричности его владельца, так и рационализма.

Причудливость и эффективность. Хромированная ручка двери ничем не пахла, хотя он почти уткнулся в нее носом. Доктор Лектер развернул плоскую стальную отмычку и сунул ее в щель двери над замком. Установлена ли сигнализация охраны? Да? Нет? Щелк. Нет.

Ганнибал Лектер влез в машину, вся атмосфера которой была пропитана Клэрис Старлинг. Толстый обод баранки был обтянут кожей. На большой кнопке клаксона в центре руля было написано слово МОМО. Он взглянул на буквы, склонив, как попугай, голову набок, и его губы прошептали: «МО-МО». Затем доктор Лектер откинулся на спинку сиденья и смежил веки. Он глубоко дышал, брови его слегка приподнялись. Создавалась полная иллюзия того, что доктор находится на концерте и наслаждается прекрасной музыкой.

Затем его остроконечный, розовый, похожий на маленькую змейку язык, словно повинуясь собственным инстинктам, вырвался на свободу. Не меняя выражения лица, словно он этого и не заметил, доктор Лектер наклонился, определил по запаху местонахождение обтянутой кожей баранки и обвил ее своим тонким языком, пытаясь лизнуть места на нижней поверхности руля, к

которым прикасались пальцы Старлинг. Через некоторое время он нашел два отполированных участка кожи, где обычно покоились ее ладони. Затем доктор Лектер снова откинулся на спинку сиденья. Язык его скрылся в своем постоянном месте жительства, а губы задвигались так, словно доктор дегустировал прекрасное вино. Ганнибал Лектер набрал полную грудь воздуха и не дышал, выбираясь из «мустанга» Клэрис Старлинг и закрывая дверь на замок. Выдох он сделал лишь после того, как его старый грузовичок выкатился за границы парка.

Глава 54

Согласно одной из аксиом науки о поведении вампиры предпочитают жить на одной территории, а каннибалы кочуют по всей стране.

Однако кочевой образ жизни весьма мало соответствовал склонностям доктора Ганнибала Лектера. Нежелательных встреч с властями ему удавалось успешно избегать лишь благодаря легкому доступу к деньгам и фальшивым документам, качеству которых он всегда уделял огромное внимание. Частые перемещения по случайно избранным маршрутам в деле безопасности доктора не играли почти никакой роли.

Он уже давно располагал двумя наборами удостоверяющих личность документов, каждый из которых открывал свободный доступ к кредитам. Был и третий набор, который доктор использовал для приобретения транспортных средств и прав для их вождения. Одним словом, доктор Ганнибал Лектер уже через неделю после прибытия в Соединенные Штаты смог свить себе уютное гнездышко.

Местом своего обитания он избрал Мэриленд. До жилища Мейсона фермы «Мускусная крыса»

было не более часа езды на машине. Почти столь же легко доктор мог добраться до концертных залов и театров Вашингтона и Нью-Йорка.

Ничто из лежащей на поверхности деятельности доктора Лектера не могло привлечь к себе внимания, а любой из его двух наборов документов был способен выдержать обычную проверку. Посетив банковский депозитарий в Майами, он на один год арендовал у какого-то немца-лоббиста премиленький, одиноко стоящий домик на берегу Чесапикского залива.

С помощью двух посреднических телефонов, установленных в дешевой квартире в Филадельфии, он, не покидая своего нового уютного домика, мог обеспечить себе самую лучшую характеристику в тех случаях, когда в этом возникала необходимость.

Доктор всегда расплачивался наличными и поэтому без всякого труда покупал у спекулянтов билеты на симфонические концерты и на интересующие его оперные и балетные спектакли.

Одним из весьма необходимых сопутствующих дому приобретений был просторный двухместный гараж с мастерской и надежной поднимающейся вверх дверью. В гараже доктор Лектер держал две принадлежащие ему машины:

выпущенный шесть лет назад грузовик-пикап «шевроле», а также «ягуар». «Шевроле», со сварной рамой из труб над кузовом, он приобрел у какого-то водопроводчика и одновременно маляра, а «ягуар», с кузовом седан и двигателем, оборудованным компрессорным наддувом, арендовал в холдинге, зарегистрированном в штате Делавэр. Пикап время от времени менял свое обличье. Инструменты и оборудование, которые доктор мог положить в кузов или прикрепить к сварной раме, состояли из малярной лестницы, металлических или пластмассовых труб, гриля для приготовления барбекю и баллона с сжиженным газом.

Разобравшись с домашними делами, доктор Лектер целую неделю ублажал себя музыкой и музеями Нью-Йорка. Каталоги наиболее заметных художественных выставок он послал во Францию своему кузену — знаменитому художнику Балтусу.

На аукционе Сотбис в Нью-Йорке доктор купил два превосходных музыкальных инструмента, весьма редких в наше время. Один из них — клавесин, созданный в конце восемнадцатого века во Фландрии. Клавесин имел верхний мануал, чтобы можно было играть Баха, и был почти

идентичен инструменту 1745 года, хранящемуся в Смитсоновском институте. Клавесин являлся достойным наследником тех клавикордов, на которых доктор играл во Флоренции. Кроме того, он приобрел электронный музыкальный инструмент, — так называемый терменвокс, — созданный руками самого профессора Термена[44] еще в 30-х годах. Терменвокс уже очень давно возбуждал любопытство Ганнибала Лектера. Давным-давно, еще в детском возрасте, он соорудил себе такой инструмент. На нем играют, двигая руками в электронном поле. При помощи жеста вы заставляете инструмент звучать.

Теперь, окончательно обосновавшись, он мог позволить себе немного развлечься…

Проведя утро в лесу, доктор Лектер не спеша ехал в свое согревающее душу убежище на побережье Мэриленда. Образ Клэрис Старлинг, бегущей по засыпанной опавшей листвой лесной тропинке, прочно обосновался во Дворце его памяти, Теперь он стал постоянным источником удовольствия, прильнуть к которому он мог ме-

---

[44] Примечания: 44

Термен Л.С. (1896–1993) — физик и музыкант. С 1919 г. — заведующий лабораторией Физико-технологического Института в Петрограде. С 1931 по 1938 год — в командировке в США. В последние годы — сотрудник кафедры акустической физики МГУ. Терменвокс изобрел в 1920 г.

нее чем через секунду после своего появления в вестибюле Дворца. Доктор видит, как бежит Старлинг, а свойство его зрительной памяти таково, что он способен обогащать сцену новыми подробностями. Он, например, может слышать стук копыт белохвостых оленей, мчащихся мимо него вверх по склону, видеть мозоли на суставах их ног и прилипшую к шерсти траву на брюхе ближайшего к нему животного. Это воспоминание он поместил в одном из самых солнечных залов Дворца, как можно дальше от образа несчастного раненого олененка…

И вот он снова дома. Дома. Дверь гаража с легким гудением опускается за его пикапом.

Когда дверь в полдень снова поднимается, из нее выкатывается черный «ягуар». За рулем машины — облаченный для выхода в город доктор.

Доктор Лектер обожает делать покупки. Поэтому он подъехал прямо к «Хаммашер Шлеммер» — магазину первоклассных спортивных товаров, разного рода аксессуаров для дома и кухонного оборудования. Доктор никуда не спешил и провел в магазине немало времени. Пребывая все еще в «лесном» расположении духа, он при помощи карманной рулетки определил размеры трех сплетенных из ивняка и покрытых лаком кор-

зин для пикника. Каждая из них была снабжена кожаными ремнями и массивной латунной фурнитурой. В конце концов доктор остановил свой выбор на корзине среднего размера, поскольку только она могла обеспечить хранение полного набора необходимых предметов для одного человека.

В корзине находились термос, прочные стаканы, фаянсовая посуда, а также ложки и ножи из нержавеющей стали. Корзину продавали только в комплекте с посудой и приборами. Купить их вы были просто обязаны.

Следующими остановками доктора стали магазины «Тиффани» и «Кристофл». В «Тиффани» взамен тяжелого фаянса от «Хаммашера Шлеммера» он купил фарфоровый сервиз с так называемыми охотничьими сюжетами — посуду украшали изображения разного рода листочков и парящих птичек. В «Кристофле» доктор Лектер приобрел серебряный столовый прибор девятнадцатого века в стиле «Кардинал». Клеймо изготовителя стояло в чашах ложек, а вдоль нижней части черенка тянулось украшение в виде так называемого Парижского крысиного хвоста. Вилки отличались крутым изгибом, и расстояние между зубьями было больше, чем обычно.

Удлиненные рукоятки ножей приятно ложились в ладонь, напоминая этим хорошие дуэльные пистолеты. В отделе хрусталя доктора терзали сомнения. Он не знал, какого размера посуда для аперитива ему нужна, и не мог решить, какие рюмки для коньяка выбрать. Что касается бокалов для вина, то здесь никаких сомнений быть не могло. Доктор приобрел хрусталь «Ридель» двух размеров, впрочем, достаточно больших для того, чтобы его нос во время питья не выступал за кромку бокала.

Там же, в «Кристофле», он купил кремовые льняные салфетки, чтобы располагать на них обеденный прибор, а также несколько прекрасных камчатных салфеток с вышитой крошечной красной розой в углу. Цветок был очень похож на каплю крови. Доктор Лектер рассчитывал хорошо позабавиться с камчатными салфетками и купил их шесть штук, чтобы, учитывая цикл работы прачечных, не остаться в нужный момент без необходимых материалов.

Кроме того, доктор приобрел две хорошие портативные газовые горелки из тех, которые используют в ресторанах для приготовления блюд на глазах у клиента. Доктор Лектер купил две мутовки, первоклассный медный сотейник

и медную же кастрюлю для приготовления соусов. И сотейник, и кастрюля были сделаны в Париже по специальному заказу. К своему глубокому сожалению, доктор Лектер так и не смог найти ножей из углеродистой стали, которые, по его мнению, были предпочтительнее ножей из нержавейки. Не нашел доктор замены и тем особым типам ножей, которые был вынужден оставить в Италии.

Свою последнюю остановку Ганнибал Лектер сделал в фирме, расположенной рядом с Больницей милосердия, специализирующейся на поставках медицинских инструментов. Там он очень дешево купил почти новую пилу, используемую патологоанатомами. Пила была хороша еще и тем, что прекрасно укладывалась на место термоса в корзине для пикников. У инструмента еще не истек гарантийный срок, и к нему придавалось два полотна. Одно полотно предназначалось для общего пользования и второе — для распиловки черепа. Имелся в наборе и ключ для снятия черепной коробки. В итоге доктор Лектер почти полностью завершил комплектование оборудования для своей кухни.

Французские окна в доме доктора Лектера распахнуты, чтобы открыть доступ свежего воздуха в

помещение. Поверхность залива то поблескивает в свете луны, то снова темнеет, когда на ночное светило набегают облака. Доктор наливает вино в только что приобретенный хрустальный бокал и ставит бокал перед собой на подсвечник клавесина. Букет вина смешивается с солоноватым запахом моря, и доктор Лектер может наслаждаться чудным ароматом, даже не отрывая рук от клавиатуры.

В свое время он владел клавикордами, верджинелами[45] и другими ранними клавишными инструментами. Однако доктор предпочитает звучание и настроение клавесина. Он любит клавесин за то, что в нем невозможно контролировать силу звука струн, защипываемых сделанным из пера плектром, в результате чего музыка рождается спонтанно и целиком.

Доктор Лектер смотрит на инструмент, сжимая и разжимая пальцы. Он знакомится со своим клавесином так, как стал бы знакомиться с неизвестным ему, но достаточно приятным человеком. Доктор начинает с забавной, легкой шутки — он играет мелодию песни «Зеленеет остролист», написанную когда-то Генрихом VIII.

---

[45] Примечания: 45

Род небольшого клавесина. Был распространен в XVI–XVII вв. в Нидерландах и Англии.

Войдя во вкус, он переключается на сонату «Си-бемоль мажор» Моцарта. Он и его клавесин еще не достигли интимной близости, но, отвечая на движение рук доктора, инструмент говорит, что скоро они станут друзьями. Ветерок усиливается, и пламя свечи начинает дрожать, но глаза доктора закрыты, свет ему не нужен. Лицо его обращено вверх. Он играет, а Мишу машет над ванной похожими на звезды ручонками, и с пальцев ее летят радужные мыльные пузыри. Доктор Лектер переходит к третьей части, и Клэрис Старлинг побежала через лес. Сухие листья шуршат под ее ногами, в вершинах деревьев шумит ветер. Впереди девушки появляются три оленя — рогатый самец и две самки. Они несутся по тропе высокими, похожими на биение сердца скачками. Но вдруг в лесу веет холодом, и оборванные люди тащат из чащи крошечного олененка, из тела которого торчит стрела. Раненое создание упирается, а люди тянут за привязанную к его шее веревку. Но они не успевают привести жертву к топору. Звуки музыки, льющейся над окровавленным снегом, вдруг обрываются, и доктор Лектер вцепляется обеими руками в края табурета, на котором сидит. Он делает один глубокий вдох. Делает второй. Затем кладет руки на клавиатуру

и заставляет себя сыграть музыкальную фразу. На следующей фразе музыка снова обрывается.

Мы слышим, как из груди Ганнибала Лектера вдруг вырывается высокий, пронзительный вопль. Он долго сидит, склонив голову над клавиатурой. Затем беззвучно поднимается и уходит. В доме царит тьма, и мы не в силах определить, где он находится. Ветер с залива усиливается, пламя свечи колеблется сильнее, ложится набок и гаснет. Под резкими порывами ветра начинают звенеть струны. Они то наигрывают случайную мелодию, то повторяют вопль, который недавно звучал в комнате.

Глава 55

Выставка огнестрельного и холодного оружия среднеатлантического региона открылась в Военной мемориальной аудитории. Километры стендов, бескрайние поля стрелкового вооружения. Последнее в основном представлено пистолетами и штурмовым оружием. По потолку скачут красные точки лазерных прицелов.

Лишь немногие из истинных ценителей получают от созерцания оружия эстетическое наслаждение. Пистолеты в наше время по большей части имеют черный цвет, и вся экспозиция столь же бесцветна и уныла, как души тех людей, которые посещают подобные шоу.

Взгляните на эту толпу. Неряшливые, избегающие смотреть в глаза, озлобленные и неумные люди являются ее зачерствевшим сердцем. Именно такие типы представляют собой главную угрозу праву мирных граждан владеть оружием.

Больше всего их привлекает оружие нападения, предназначенное для массового производства. Дешевая штамповка, способная обеспечить внушительную огневую мощь невежественным и плохо обученным солдатам.

Средь распухших от пива брюх, средь хилых или тестообразных тел любителей пострелять в закрытом помещении выделяется своим имперским величием невысокая фигура доктора Ганнибала Лектера. Огнестрельное оружие его не интересует, и он сразу направился к тому месту в ряду стендов, где торгуют самым лучшим холодным оружием.

Продавца зовут Бак, и весит этот Бак полтора центнера. На его стенде выставлено множество фантастических мечей, являющих собой копии средневекового вооружения или оружия варваров. Но помимо этой чепухи, у Бака имеются самые лучшие, вполне современные ножи и дубинки. Доктор Лектер сразу увидел многие из тех весьма нужных вещей, которые ему пришлось оставить в Италии.

— Чем могу быть вам полезен? — осведомился Бак. Глаза на его вполне добродушном лице выглядели явно недружелюбно.

— Я возьму, если не возражаете, вон ту «гарпию», зазубренный диверсионный кинжал с лезвием в десять сантиметров и кожевенный нож с каплевидным острием — тот, что стоит в глубине.

Бак собрал указанные предметы.

— Кроме того, мне потребуется хороший охотничий нож с пилообразным клинком. Нет, нет — не этот. Я же сказал, что мне нужен хороший. Позвольте мне взвесить на руке плоскую дубинку в коже. Вон ту, черную… — Доктор Лектер изучил вделанную в рукоятку пружину и сказал: — Я ее беру.

— Еще что-нибудь?

— Так называемый диверсионный гражданский. Я почему-то его здесь не вижу.

— Большинство людей даже не знает о существовании такого кинжала. У меня — всего один.

— Мне и нужен только один.

— Обычная цена двести двадцать долларов, но я уступлю его за сто девяносто — вместе с ножнами.

— Прекрасно. У вас, случайно, не найдется кухонных ножей из углеродистой стали?

Бак покачал своей массивной головой и сказал:

— Нет. Вам придется поискать старые ножи на блошином рынке. Именно там я купил свои. Их можно точить даже о донышко блюдца.

— Упакуйте все, пожалуйста. Я вернусь через несколько минут.

Баку редко приходилось слышать просьбу

упаковать покупки, и он приступил к упаковке, изумленно вскинув брови.

Выставка вооружений, как правило, является не выставкой, а базаром. Там было несколько столов с запыленными и уже казавшимися древними памятными предметами Второй мировой войны. Вы могли приобрести винтовку М-1, противогазы с потрескавшимися стеклами масок и солдатские котелки. Были на выставке и стенды с нацистскими сувенирами. Там вы могли купить даже подлинную канистру из-под газа «Циклон-Б», если вы, конечно, испытываете склонность к такого рода приобретениям.

Впрочем, на выставке не было ничего, что напоминало бы о корейской или вьетнамской войнах, не говоря уже о «Буре в пустыне».

Многие покупатели были облачены в камуфляж, словно они ненадолго отлучились с линии фронта, лишь для того чтобы ознакомиться с экспонатами. Еще больше камуфляжных костюмов было выставлено на продажу. Среди них оказались и полные наборы маскировочной одежды для снайперов или охотников-лучников. Большой раздел выставки, кстати, был отведен лукам, арбалетам и различного рода принадлежностям, необходимым для этого вида охоты.

Изучая снайперский костюм, доктор Лектер вдруг почувствовал, что где-то за его спиной появились люди в униформе. Повернувшись, чтобы рассмотреть на свету ярлык производителя, он увидел рядом с собой двоих служащих Управления охоты и речного рыболовства штата Виргиния. На выставке управление имело стенд, посвященный охране природы.

— Донни Барбер, — сказал один из сотрудников природоохранительного учреждения, указывая движением головы на посетителя. — Если тебе удастся привлечь его к суду, дай мне знать. Я постараюсь сделать так, чтобы этого сукина сына больше никогда не подпустили к лесу.

Они говорили о человеке лет тридцати, находившемся в дальнем конце отдела, посвященного охоте с луком. Молодой человек, стоя к ним лицом, смотрел видеофильм. Донни Барбер носил камуфляж. Впрочем, куртку он снял, завязал рукава вокруг пояса и остался в майке-безрукавке цвета хаки, демонстрируя татуировку. На его голове была надета козырьком назад бейсболка.

Доктор Лектер неторопливо отошел от чиновников, на ходу внимательно вглядываясь в стенды. Он задержался в ближайшем проходе у витрины с лазерными пистолетными прице-

лами. Глядя через подставку с развешанными на ней кобурами, доктор попытался выяснить, какой фильм привлек внимание Донни Барбера.

Видео было посвящено охоте на чернохвостого оленя-мула с помощью лука.

Какой-то оказавшийся вне кадра человек, видимо, гнал оленя через лес вдоль проволочной изгороди. Охотник поднял лук. На стрелке было закреплено звукозаписывающее устройство. Дыхание его участилось, и он прошептал в микрофон: «Лучше момента уже не будет».

Стрела вонзилась в оленя. Тот подпрыгнул и бросился на изгородь. Лишь со второго удара зверь разорвал проволоку и затем скрылся среди деревьев.

В тот миг, когда стрела попала в оленя, Донни Барбер вздернул голову и удовлетворенно крякнул.

Охотник на видео готовился освежевать свою добычу. Для этого он прибегнул к методу, именуемому анальным.

Донни Барбер остановил видео и еще раз просмотрел ту часть, где стрела попадает в оленя. Он повторял это действо несколько раз, до тех пор пока хозяин стенда его не остановил.

— Да пошел ты в задницу, — сказал Донни Бар-

бер. — Теперь я у тебя и куска дерьма не куплю.

В соседнем павильоне он приобрел несколько желтых стрел с острыми как бритва зазубринами, идущими вдоль всего широкого наконечника. В том же павильоне стоял ящик с прорезью для тех, кто хотел принять участие в лотерее. Вместе с покупкой Донни Барбер получил билет. Главным призом была действующая два дня лицензия на отстрел оленя.

Донни Барбер заполнил билет, опустил его в щель ящика и, прихватив вместе со своей покупкой принадлежащую продавцу ручку, растворился в толпе молодых людей в камуфляжных костюмах.

Глаза лягушки реагируют на любое движение, а глаза продавца, напротив, улавливали любую задержку в проходящей мимо толпе. Попавший в поле его зрения человек стоял перед павильоном совершенно неподвижно.

— И это ваш лучший арбалет? — спросил у продавца доктор Лектер.

— Нет, — ответил тот и извлек из-под прилавка небольшой чемоданчик. — Самый лучший вот этот. Я предпочитаю оружие не в сборке, а в разобранном виде, особенно если его приходится долго носить. Кроме того, он снабжен воротом,

позволяющим взводить тетиву как при помощи электрических батарей, так и руками. Кстати, вам известно, что в Виргинии лишь инвалидам разрешено охотиться на оленей с помощью арбалета?

— Мой брат потерял руку и теперь горит желанием прикончить кого-нибудь единственной сохранившейся, — ответил доктор Лектер.

— Вас понял.

В течение пяти минут доктор Лектер успел оформить покупку великолепного арбалета и пары дюжин коротких толстых стрел.

— Упакуйте все в один пакет, — сказал он.

— А вы пока заполните лотерейный билет. Может быть, вам удастся выиграть лицензию на оленя. Действительна на два дня, — сказал продавец.

Доктор Лектер заполнил листок и опустил его в ящик. Выждав, когда продавец займется с другим покупателем, доктор Лектер вернулся к павильону.

— Брат! — сказал он. — Я совсем забыл написать свой телефон. Можно?

— Валяйте.

Доктор Лектер поднял крышку ящика и извлек из него два верхних билета. Он внес дополнитель-

ную ложную информацию в свой, а на второй посмотрел, мигнув лишь однажды так, как мигает затвор фотоаппарата.

Глава 56

Спортивный зал на ферме «Мускусная крыса» являет собой пример самых высоких технологий — черный металл и хром, полный набор тренажеров фирмы «Наутилус», аппараты для подъема веса, оборудование для аэробики и фруктовый бар.

Барни, почти закончив тренировку, остывал, работая на велотренажере. Вдруг он почувствовал, что в зале появился еще кто-то. Гигант оглянулся и увидел, что в углу стаскивает с себя тренировочный костюм Марго Вергер. Под костюмом оказались эластичные шорты и майка поверх спортивного бюстгальтера. Марго затянула на себе широкий пояс штангиста, и Барни вскоре услышал, как в углу зазвенели металлические блины штанги. Затем Марго начала разминку, и до Барни донеслось ее слегка учащенное дыхание.

Он снизил нагрузку на педали до минимума и уже вытирал лицо полотенцем, когда Марго подошла к нему в перерыве между подходами к весу.

Девица посмотрела вначале на его руки, а затем перевела взгляд на свои. Обе пары верхних ко-

нечностей имели примерно одинаковый объем.

— Сколько жмете лежа? — спросила она.

— Не знаю.

— А мне кажется, знаете. Ведь я права?

— Наверное, триста восемьдесят пять. Или что-то около того.

— Триста восемьдесят пять? Похоже, что ты, парень, привираешь. Думаю, что триста восемьдесят пять ты не жмешь.

— Может, вы и правы.

— У меня есть сотня баксов, и все они утверждают, что вам триста восемьдесят пять ни за что не выжать.

— Против?

— Против сотни, естественно. А вы что думали? Ну и поиздеваюсь же я.

Барни наморщил лоб, внимательно посмотрел на нее.

— О'кей, — произнес он после некоторого раздумья.

Блины на гриф Барни и Марго ставили вместе. Марго подсчитывала вес на том конце, где трудился медбрат, словно тот мог поставить груз меньше, чем она. Барни ответил ей тем, что демонстративно пересчитал все блины, которые оказались на ее конце грифа.

Он лег на спину на скамью, а Марго в своих эластичных шортах встала у его изголовья. То место, где ее ноги соединялись с нижней частью живота, было бугорчатым, напоминая багет в стиле барокко, а массивный торс, казалось, высился до потолка.

Барни устроился поудобнее, чтобы лучше чувствовать спиной поверхность скамьи. Ноги Марго пахли так, как пахнет прохладный линимент. Пальцы ее, с ногтями цвета коралла, легко прикасались к грифу. Руки, несмотря на скрытую в них силу, имели прекрасную форму.

— Готовы?

— Да, — ответил Барни и двинул вес к склонившемуся над ним лицу.

Барни справился с весом без особого труда. Он опустил штангу на кронштейны, а Марго полезла в спортивную сумку за деньгами.

— Спасибо, — сказал Барни.

— Но зато я делаю больше, чем вы, отжимов из полуприседа, — только и смогла сказать она.

— Знаю.

— Откуда?

— Это еще что! Я и пописать стоя могу.

Ее массивная шея залилась краской.

— Я тоже.

— Мажем еще на сотню?

— Приготовьте-ка вы лучше коктейль.

На стойке бара с соками находилась ваза с фруктами и орехами. Пока Барни готовил в миксере фруктовый коктейль, Марго взяла пару каштанов и раздавила их в руке.

— А один сможете раздавить так, чтобы не к чему было его прижать? — спросил Барни, вылив одно за другим два яйца в чашу миксера, предварительно разбив их об ее край.

— А вы можете? — спросила Марго, вручая ему каштан.

Орех лежал на открытой ладони Барни.

— Не знаю, — сказал гигант и расчистил перед собой пространство на стойке бара. Один апельсин покатился в сторону Марго. — Ой, прошу прощения.

Марго подняла с пола оранжевый плод и вернула его в вазу.

Барни сжал кулак. Марго посмотрела на его руку, затем перевела взгляд на лицо, затем снова на кулак. На шее у Барни вздулись жилы, а лицо налилось кровью. Все его тело задрожало от напряжения. Затем в его кулаке раздалось негромкое потрескивание. Марго, не скрывая огорчения, смотрела, как Барни подносит трясущийся кулак

к миксеру. Еще мгновение, и на яичные желтки и белки в чаше что-то посыпалось. Барни включил машинку и облизал кончики своих пальцев, Марго помимо воли рассмеялась.

Барни разлил коктейль по стаканам. С противоположной стороны зала они могли показаться тяжелоатлетами, выступающими в разных весовых категориях.

— Похоже, что вы хотите делать все, что умеют делать парни, — сказал он.

— Кроме некоторых глупостей.

— А вам не хотелось бы по-настоящему слиться с мужчиной?

Улыбка исчезла с лица Марго.

— Не пытайтесь поймать меня «на слабо» своими дурацкими шуточками.

— Можете попробовать на мне, — закончил он, покачав массивной головой.

Глава 57

По мере того как Клэрис Старлинг все лучше и лучше ориентировалась в лабиринте предпочтений и вкусов доктора Лектера, объем информации, собираемой по крупицам в «Доме Ганнибала», непрерывно возрастал.

Рашель Дю Берри была чуть старше доктора Лектера и в те годы, когда она активно спонсировала деятельность Симфонического оркестра Балтимора, отличалась отменной красотой, в чем могла убедиться Старлинг, просматривая журнал «Вог» того времени. Но все это происходило два богатых мужа тому назад. Сейчас же она была миссис Франц Розенкранц из клана текстильных Розенкранцев. Секретарша, ведающая светской жизнью мадам, соединила ее со Старлинг.

— Сейчас, дорогая, я всего лишь посылаю оркестру деньги. Мы слишком удалены от Балтимора для того, чтобы принимать более активное участие, — произнесла миссис Розенкранц, урожденная Дю Берри. — Если речь идет о налогах, то я с удовольствием дам вам номера телефонов наших бухгалтеров.

— Миссис Розенкранц, были ли вы знакомы

с доктором Ганнибалом Лектером в то время, когда активно участвовали в работе Попечительского совета оркестра и в деятельности Школы Вестовер?

Многозначительное и продолжительное молчание.

— Миссис Розенкранц?

— Полагаю, будет лучше, если вы сообщите мне свой номер, и я перезвоню вам через коммутатор ФБР.

— Пожалуйста.

Когда беседа возобновилась, миссис Розенкранц сказала:

— Да, много лет назад я встречалась на различного рода светских мероприятиях с доктором Лектером, и с тех пор пресса стала лагерем у дверей моего дома. Это был на удивление очаровательный человек, совершенно исключительный, единственный в своем роде. Он принадлежал к тому типу мужчин, которые заставляли девиц млеть, если вы понимаете, что я хочу этим сказать. Лишь через много лет я поверила ммм… в другую сторону его жизни.

— Делал ли он вам когда-нибудь подарки, миссис Розенкранц?

— Обычно в свой день рождения я получала

от него послание. И это продолжалось даже в то время, когда он находился в заключении. Иногда были и подарки… до того, как его подвергли аресту. Он преподносит фантастические дары.

— И доктор Лектер дал в честь вашего дня рождения ставший знаменитым обед. Вино было из урожаев лет, связанных с датами вашего рождения.

— Да. Сюзи сказала, что это был самый замечательный вечер со времени «Черно-белого бала», устроенного когда-то Капоте.

— Миссис Розенкранц, не могли бы вы в том случае, если что-то о нем услышите, поставить в известность ФБР по номеру, который я вам дам? И еще я хочу спросить, если позволите, праздновали ли вы какие-нибудь другие даты совместно с доктором Лектером, и, кроме того, мне хотелось бы узнать дату вашего рождения.

Старлинг ощутила, как из трубки задышало холодом.

— Полагаю, что подобного рода информация для вас легко доступна.

— Да, мэм. Но имеются некоторые расхождения в датах вашего рождения, указанных в карточке социального страхования, свидетельстве о рождении и водительском удостоверении. По правде

говоря, они все разные. Прошу прощения, но мы составляем список дорогих и редких вещей, которые приобретал доктор Лектер на день рождения своим знакомым, которые нам стали известны.

— Своим знакомым… Выходит, я теперь превратилась в «знакомую»… Что за ужасный термин, — хихикнула миссис Розенкранц. Будучи представителем поколения коктейлей и сигарет, она обладала низким, чуть хрипловатым голосом. — Сколько вам лет, агент Старлинг?

— Тридцать два, миссис Розенкранц. За два дня до Рождества станет тридцать три.

— Позвольте мне выразить надежду, что вы в ходе вашей жизни пару-другую раз превратитесь в подобную «знакомую». Это весьма помогает приятно провести время.

— Хорошо, мадам. Итак, дата вашего рождения?

Миссис Розенкранц наконец произвела на свет желаемую информацию, присовокупив, что «именно с этой датой был знаком доктор Лектер».

— Позвольте уточнить, мэм. Я понимаю смену года рождения, но почему вы изменили месяц и день?

— Я хотела стать по знаку зодиака Девой, это

больше соответствовало гороскопу мистера Розенкранца. Мы в то время еще просто встречались.

Люди, с которыми доктор Лектер общался во время своего пребывания в клетке, видели его в совершенно ином свете.

Старлинг сумела вырвать дочь сенатора Руфи Мартин из лап серийного убийцы Джейма Гама, который заточил девушку в своем похожем на ад подвале. Если бы сенатор Мартин не проиграла на очередных выборах, она могла бы принести Старлинг много добра. Руфь Мартин очень тепло говорила с ней по телефону, рассказала о Катрин и спросила, что нового у Клэрис.

— Вы меня никогда ни о чем не просили, Старлинг. Если вам потребуется работа…

— Благодарю вас, сенатор Мартин.

— Что же касается этого проклятого Лектера, то я обязательно поставлю в известность ФБР, если получу от него весть. Я помещу ваш номер прямо здесь, рядом с телефоном. Чарлси знает, как поступать с корреспонденцией. Однако сомневаюсь, что услышу о нем. Последние слова этого мерзавца в Мемфисе были: «Мне очень нравится ваш костюм». Он поступил со мной так жестоко, как никто иной в моей жизни. Вы понимаете, о

чем я говорю?

— Мне известно, что он насмехался над вами.

— Когда Катрин пропала, а я была в отчаянии, он сказал, что располагает информацией о Джейме Гаме. Когда я стала умолять его сказать все, Лектер взглянул на меня своими змеиными глазами и спросил, как я нянчила Катрин. Он хотел знать, кормила ли я дочь грудью. Я сказала ему, что кормила. В ответ он спросил: «Вы жаждали этого занятия?» И ко мне вдруг очень остро вернулись все ощущения того времени — я держу крошку на руках, она голодна и ждет, когда я наполню ее животик. Это воспоминание пронзило все мое существо, как никакое иное. А он просто всасывал в себя мою боль.

— Что на вас было, сенатор Мартин?

— В каком смысле на мне? Не понимаю.

— Какой костюм так понравился доктору Лектеру?

— Позвольте подумать. Темно-синий… от Живанши, превосходного покроя. — Судя по ее тону, сенатор Мартин явно была озадачена вопросом Старлинг. — Когда он снова окажется за решеткой, Клэрис, навестите меня. Мы отправимся на конную прогулку.

— Спасибо, сенатор. Я запомню ваши слова.

Два телефонных разговора. Одна беседа пролила свет на очарование доктора Лектера, вторая демонстрировала его черную сущность.

Год сбора винограда, привязанный к дате рождения. Эти сведения уже были включены в ее небольшую программу. Она сделала пометку, чтобы позже вставить слово «Живанши» в свой список источников высококлассных товаров. Затем, сама не зная почему, Старлинг записала: «кормление грудью». Времени обдумать свой поступок у нее не было, так как зазвонил ее красный телефон.

— Отдел изучения моделей поведения? Я пытаюсь связаться с Джеком Крофордом… Говорит шериф Дюма из графства Кларендон, штат Виргиния.

— Шериф, я — помощник мистера Крофорда. Сегодня он выступает в суде. Может быть, я смогу вам помочь? С вами говорит специальный агент ФБР Клэрис Старлинг.

— Мне надо потолковать с Джеком Крофордом. У нас здесь в морге парень, с которого срезали мясо. Скажите, меня соединили с тем самым отделом?

— Да, сэр, это мяс… да, это именно тот отдел, который вам надо. Если вы скажете, где вас искать, я

немедленно выезжаю. Я извещу мистера Крофорда, как только он закончит давать показания.

«Мустанг» Старлинг и на второй передаче имел достаточно мощности для того, чтобы на выезде из Квантико заставить морского пехотинца-охранника погрозить ей пальцем. Солдат даже нахмурился, дабы не позволить себе осклабиться в приветливой улыбке.

Глава 58

Морг графства Кларендон связан с местной больницей коротким воздушным шлюзом с вытяжным вентилятором на потолке и двустворчатыми дверями в каждом конце, открывающим легкий проход для каталок с покойниками. У дверей стоял помощник шерифа, сдерживая напор пяти репортеров и одного фотографа.

Старлинг приподнялась на цыпочки за спинами репортеров и высоко подняла руку со служебным значком в ней. Когда помощник кивнул, заметив значок, она протолкалась через толпу журналистов. Теперь уже за ее спиной засверкали вспышки фотоаппаратов.

Тишину прозекторской нарушало лишь позвякивание инструментов, укладываемых на металлический поднос.

В морге находилось четыре стола из нержавеющей стали, на которых производилось вскрытие. Каждый из столов был снабжен весами и металлической раковиной. Два стола были прикрыты тканью, образовавшей странного рода палатку над покоящимися под ней останками. На ближайшем к окну столе шло самое обычное вскрытие

скончавшегося в больнице пациента. Патологоанатом и его помощница были, видимо, заняты каким-то весьма тонким делом и не подняли голов, когда в помещение вошла Старлинг.

Высокий визг электрической пилы заполнил комнату, и уже через несколько мгновений патологоанатом, отложив в сторону крышку черепа, извлек сложенными ковшиком ладонями мозг покойника и положил его на весы. Затем он прошептал в висящий на груди микрофон вес, посмотрел на лежащий на весах орган и потыкал его пальцем. Заметив за спиной помощницы Старлинг, врач взял мозг в руки и швырнул его в открытую грудную клетку трупа. После этого он стянул с рук эластичные перчатки и отправил их в бак так, как мальчишки в школе стреляют резинкой.

Старлинг вдруг обнаружила, что протягивает ладонь для рукопожатия несколько нерешительно.

— Клэрис Старлинг, специальный агент ФБР.

— Доктор Холлингсворт — медицинский эксперт, больничный патологоанатом, шеф-повар и мойщик посуды. — Ясные голубые глаза доктора Холлингсворта блестели как пара тщательно очищенных от скорлупы птичьих яиц. — Мар-

лен, — обратился он к помощнице, не сводя глаз со Старлинг, — соединитесь по пейджеру с шерифом, он сейчас в реанимации отделения кардиологии, и откройте останки. Прошу, мэм, — закончил доктор, вновь обращаясь к Старлинг.

Старлинг на основе своего прежнего опыта считала патологоанатомов людьми профессионально образованными и толковыми, но в обычных беседах они почему-то всегда выглядели типами несдержанными, не очень умными и весьма склонными к рисовке.

— Вы недоумеваете по поводу его мозгов? — спросил он, проследив за взглядом Старлинг.

— Да, — сказала она, разводя руками.

— Это не есть проявление нашего бессердечия и легкомыслия, специальный агент Старлинг. Я оказываю огромную услугу похоронному заведению, не возвращая мозги назад в череп. В данном случае предстоит продолжительное бдение, гроб долгое время останется открытым, и ничто не может помешать мозговому веществу просачиваться на подушку. Поэтому мы набиваем череп памперсами или чем-нибудь иным, я прихватываю черепную коробку несколькими стежками за ушами, чтобы она не соскользнула, и все счастливы, включая родственников, которые получают

труп в полном наборе.

— Понимаю.

— А теперь скажите мне, понимаете ли вы это, — произнес патологоанатом.

Помощница доктора Холлингсворта уже успела снять покрывало со столов.

Старлинг обернулась, и перед ней открылась картина, которую она не сможет забыть до конца своих дней. На стоящих рядом столах из нержавеющей стали лежали олень и человек. Из тела животного торчала стрела. Рога и стрела поддерживали общее покрывало наподобие палаточных кольев.

Голову человека над ушами пробила другая, более короткая и массивная, стрела. Из всей одежды на нем осталась лишь бейсбольная кепка, надетая козырьком назад. Кепка была прочно пришпилена к черепу стрелой.

Взглянув на труп, Старлинг едва не расхохоталась. Это был бы нелепый, ничем не оправданный поступок. Поэтому девушка сразу справилась с собой, а звук, который успел сорваться с ее губ, вполне мог сойти за проявление потрясения. Оба тела лежали не на спине, как обычно бывает при вскрытии, а на боку, и это говорило о том, что их освежевали почти одинаково. Филейная часть,

включая тонкий слой мяса, лежащий внизу позвоночника, были срезаны аккуратно и весьма экономно.

Шкура оленя на поверхности из нержавеющей стали… Голова животного, приподнятая рогами, покоилась на металлическом возвышении и была повернута назад, словно олень пытался получше рассмотреть убившую его стрелу. Зверь, лежащий на боку на блестящем столе в безукоризненном порядке прозекторской, казалось, был более диким и более враждебным человеку, чем любой из обитающих в лесу оленей.

Человек лежал с открытыми глазами, и красные капли, сочившиеся из слезных протоков, создавали впечатление, что труп плачет кровью.

— Странно видеть их рядом, — заметил доктор Холлингсворт. — Интересно, что сердца оленя и человека весят одинаково. — Бросив взгляд на Старлинг и убедившись, что она в порядке, доктор продолжил: — Единственное различие при разделке состоит в том, что у человека ребра срезаны с хребта, и легкие вывернуты на спине наружу. Они даже чем-то похожи на крылья, не так ли?

— Кровавый орел, — пробормотала Старлинг, немного подумав.

— Никогда не видел ничего подобного.

— Так же как и я.

— Неужели для этого есть название? Как вы сказали?

— Кровавый орел. В библиотеке Квонтико о нем имеется упоминание. Таким образом приносили человеческие жертвы древние скандинавы. Разрубали у основания ребра, вытаскивали легкие и расправляли их по спине, делая похожими на крылья. В тридцатых годах этот ритуал возродили так называемые неовикинги. Это произошло в Миннесоте.

— Вам, наверное, часто приходится видеть такое. Я имею в виду не это, а нечто подобное…

— Бывает иногда…

— А что касается меня, то это не совсем по моей части. Обычно мы имеем дело с обыкновенными, незамысловатыми убийствами. В людей стреляют или их режут. Хотите знать, что я думаю?

— Да, очень, доктор.

— Я думаю, что этот парень — согласно документам его зовут Донни Барбер — вчера нелегально, всего за день до открытия сезона, убил оленя. Это можно определить по времени смерти. Стрела в туше идентична стрелам в экипировке охотника. Он начал торопливо разделывать добычу. Я пока

не проверил на антигены кровь на его руках, но полагаю, что это кровь оленя. Он свежевал его методом, который охотники называют ременная срезка со спины. Делал он это скверно, о чем свидетельствует короткий неровный разрез вот здесь. Но в этот момент он получил неожиданный подарок в виде стрелы в череп. Стрела того же цвета, хотя несколько иная по типу. Без канавки в тупом конце. Вы знакомы с подобными стрелами?

— Похоже на стрелу для арбалета, — сказала Старлинг.

— Другой человек, видимо, вооруженный арбалетом, закончил свежевать дичь, причем сделал это очень умело, и затем, клянусь Богом, он разделал и Донни Барбера. Только взгляните на эти точные разрезы на коже, и вы поймете, насколько решительно мясник действовал ножом. Ничего не испорчено и ничего не потеряно зря. Сам Майкл Дебейки не провел бы эту операцию лучше. Никаких признаков сексуального надругательства ни на олене, ни на человеке. Их просто разделали на мясо.

Старлинг поднесла кулак к губам. Патологоанатому на секунду даже показалось, что девушка целует какой-то амулет.

— Скажите, доктор, их печень не исчезла?

Прежде чем дать ответ, медэксперт внимательно поверх очков посмотрел на специального агента ФБР.

— У оленя печень отсутствовала. Что же касается печени мистера Барбера, то она, очевидно, не отвечала необходимым стандартам. Печень была частично иссечена и обследована — надрез находится как раз над воротной веной. Печень мистера Барбера циррозирована и обесцвечена. Ее оставили в теле. Не желаете ли взглянуть?

— Благодарю вас, нет. А как насчет зобной железы?

— Сладкого мяса? В обоих случаях тимус изъят. Агент Старлинг, пока никто не произнес этого имени вслух, не так ли?

— Нет, — ответила Старлинг, — пока не произнес.

Воздушный шлюз издал вздох, и в прозекторскую вошел сухой, обветренный человек в твидовом пиджаке и брюках цвета хаки.

— Шериф, как чувствует себя Карлтон? — спросил Холлингсворт. — Агент Старлинг, позвольте представить вам шерифа Дюма. Его брат сейчас наверху, в реанимации отделения кардиологии.

— Держится. Медики говорят, что положение

стабильное и находится под контролем, что бы это ни означало… — ответил шериф и позвал: — Эй, Вилбурн, топай сюда!

Шериф пожал руку Старлинг и представил ей вошедшего в прозекторскую человека:

— Это офицер Вилбурн Мооди, егерь-объездчик.

— Если вы, шериф, хотите быть поближе к вашему брату, мы можем подняться в кардиологию.

— Они не позволят мне видеть его еще по меньшей мере полтора часа. Не обижайтесь, мисс, но я хотел видеть Джека Крофорда. Он приедет?

— Крофорд застрял в суде. Когда вы звонили, он как раз давал показания. Надеюсь, что он скоро сообщит о себе. Мы вам очень благодарны за столь скорый звонок.

— Старый Крофорд вел мой класс в полицейской академии Квантико бог знает сколько лет тому назад. Классный парень. Если он вам что-то поручает, то это значит — вы свое дело знаете. Продолжаем?

— Прошу, шериф.

Шериф извлек из кармана пиджака записную книжку.

— Личность со стрелой в голове есть не кто

иной, как Донни Лео Барбер, проживающий в трейлере в кемпинге «Трейлз энд», рядом с Камероном. Насколько я смог определить — никакой постоянной работы. Четыре года назад уволен со взысканием из Военно-воздушных сил. Имеет лицензию механика по фюзеляжам и двигателям, выданную Федеральным авиационным управлением. Время от времени работал по специальности. Платил штраф за нарушение порядка, проявившееся в стрельбе в черте города. В прошлом году во время охотничьего сезона подвергался штрафу за незаконное проникновение в частные владения. Признан виновным в браконьерской охоте на оленя в графстве Саммит. Когда это было, Вилбурн?

— Два сезона назад. Ему только что вернули право на получение лицензии. В Управлении охоты парня хорошо знают. Он не затрудняет себя преследованием дичи, в которую стреляет. Если олень не падает, он поджидает следующего… Однажды…

— Расскажи нам, Вилбурн, о том, что ты обнаружил сегодня.

— Значит, так. Около семи утра я ехал по сорок седьмой дороге — это дорога графства, и примерно в полутора километрах к западу от моста меня

остановил старый Пекман. Старикан едва дышал и держался за сердце. Единственное, что он мог, так это открывать и закрывать рот и тыкать пальцем в глубину леса. Я прошел в чащу, наверное, не более ста пятидесяти метров и наткнулся на этого Барбера, пригвожденного стрелой к дереву, и убитого оленя. Они были мертвы по меньшей мере со вчерашнего дня.

— Полагаю, что со вчерашнего утра, — сказал доктор Холлингсворт. — С учетом прохладного воздуха.

— Сезон охоты открылся лишь сегодня утром, — сказал егерь. — У этого Донни Барбера была с собой площадка для охоты с дерева, но установить ее он не успел. Похоже, что он отправился в лес вчера, чтобы подготовиться к началу сезона, а может быть, и браконьерствовать. Не знаю, с какой стати он захватил лук, если просто устанавливал площадку. Появляется прекрасный олень, и парень не может удержаться… Я много раз видел, как люди впадают в раж. Такое поведение, правда, чаще встречается на кабаньих тропах. А тот, другой, напал на Донни, когда он начал свежевать добычу. По следам я ничего определить не смог, потому что начался такой дождь, что у меня от холода отвалилась задница…

— Поэтому мы сделали лишь пару фотографий и увезли тела, — сказал шериф Дюма. — Лес принадлежит старику Пекману. У этого Донни была законная двухдневная лицензия, действие которой начиналось сегодня. На бумаге стояла подпись Пекмана. Старикан обычно продает одну лицензию в год, причем делает это через какого-нибудь брокера. В заднем кармане Донни мы нашли письмо, в котором сказано, что он выиграл лицензию. Бумаги промокли, мисс Старлинг. Мои парни не виноваты, но не знаю, как вы снимете с них отпечатки пальцев, если, конечно, захотите сделать это. Стрелы тоже были залиты водой, когда мы туда прибыли. Мы старались к ним не прикасаться.

— Вы хотите захватить стрелы с собой, агент Старлинг? — поинтересовался доктор Холлингсворт. — Если да, то как вы порекомендуете их извлечь?

— Закрепите их щипцами и распилите со стороны оперения на уровне кожи. После этого их можно будет вытащить. Я скреплю их при помощи винтовых зажимов, — сказала Старлинг, открывая свой кейс.

— Не думаю, что имела места борьба, но не хотите ли вы тем не менее получить соскоб из-под

ногтей?

— Я бы предпочла иметь срез ногтей для проведения анализа ДНК. Мне не нужна идентификация по пальцам, но тем не менее отделите их с обеих рук, если это не сложно, доктор.

— Вы можете делать все виды тестов?

— В главной лаборатории могут. Через три-четыре дня, шериф, мы сможем вам кое-что сообщить.

— А вы можете определить кровь оленя? — спросил Мооди.

— Нет, мы можем лишь сказать, что это кровь животного.

— А что, если вы вдруг найдете оленину в чьем-нибудь холодильнике? — поинтересовался егерь. — Разве вы не захотите узнать, от какого оленя это мясо? Иногда, расследуя случаи браконьерства, мы по крови можем отличить одного оленя от другого. Все олени отличаются друг от друга. Вы ведь этого не знали. Разве не так? Мы посылаем образцы крови в Портленд в Управление охоты и рыболовства штата Орегон. Если хорошенько подождать, то приходит ответ. «Это олень № 1», пишут они, или «Это олень „А“». И сообщают номер дела — ведь олени, как вы знаете, имен не имеют. Во всяком случае, мы не знаем,

как они друг друга называют.

Старлинг очень нравилась обветренная физиономия Мооди.

— Давайте, офицер Мооди, назовем этого неизвестного Джон Доу. А сведения об Орегоне могут оказаться для нас очень полезными. Вполне возможно, что нам когда-нибудь придется иметь с ними дело. Большое вам спасибо, — сказала она с улыбкой, а егерь, залившись от смущения краской, принялся теребить фуражку.

Старлинг, склонив голову, начала рыться в своей сумочке, а доктор Холлингсворт с удовольствием ее разглядывал. Он заметил, как озарилось лицо девушки, когда та говорила с Мооди. Мушка на ее щеке весьма сильно смахивала на пороховой ожог. Доктор хотел было задать вопрос, но тут же передумал.

— Во что вы сложили бумаги? Разве не в пластик? — спросила она у шерифа.

— В пакеты из упаковочной бумаги. Эта бумага еще никогда ничему не причиняла вреда. — Шериф Дюма потер лапой затылок и, глядя на Старлинг, продолжил: — Вы, наверное, понимаете, почему я звонил в вашу Контору и хотел видеть здесь Джека Крофорда. Теперь, когда я сообразил, кто вы, я страшно рад вашему приезду.

За пределами этой комнаты никто не произнес слова «каннибал». Если бы мы это сказали, журналисты сразу же вытоптали бы здешний лес. Пока им известно лишь то, что произошел несчастный случай на охоте. Не исключено, что они слышали и о том, что тело было изувечено. Но они не знают, что Донни Барбера разделали на мясо. Думаю, что в стране не так много каннибалов, агент Старлинг.

— Согласна с вами, шериф. Их не много.

— Страшно аккуратная разделка туши.

— Так точно, сэр, страшно аккуратная разделка.

— Я думаю об этом человеке, наверное, потому, что газеты так много писали о нем. А для вас это похоже на Ганнибала Лектера?

Старлинг посмотрела на долгоножку, нашедшую убежище в желобе для стока жидкости свободного прозекторского стола.

— Шестой жертвой доктора Лектера был охотник на оленей.

— И он его съел?

— Этого — нет. Он оставил его висеть на колышке, нанеся предварительно множество разнообразных ран. Покойник был похож на средневековую медицинскую иллюстрацию,

именуемую «Ранения человека». Доктор Лектер очень интересуется средневековьем.

— Вы говорите, что это очень древний ритуал? — спросил доктор, указывая на легкие, распластанные на спине Барбера.

— Да, — ответила Старлинг. — Но не знаю, сделал ли это доктор Лектер. Если это дело его рук, то фетишем оно не является. Такого рода вещи ему несвойственны.

— Что же это в таком случае?

— Полагаю, что всего лишь его прихоть, — сказала девушка, думая, не озадачит ли она их, употребив это точное слово. — В последний раз его смогли арестовать лишь в результате подобной выходки.

Глава 59

Лаборатория анализа ДНК была совсем новой, в ней еще не выветрился запах новизны, а весь персонал был моложе Старлинг. Видимо, ей к этому придется привыкать, подумала печально девушка — ведь очень скоро она постареет еще на год.

Молодая женщина по имени А. Беннинг, о чем сообщала прикрепленная к груди карточка, расписалась в получении двух принесенных Старлинг стрел.

А. Беннинг, обладавшая некоторым весьма печальным опытом в деле получения вещественных доказательств, с заметным облегчением вздохнула, увидев две прикрепленные проволокой ко дну коробки для вещдоков стрелы. На коробке значилось имя Старлинг, а обе части распиленных стрел аккуратно соединялись винтовыми зажимами.

— Вы и представить не можете, что я иногда обнаруживаю, открывая подобные коробки, — сказала А. Беннинг. — Тем не менее вы должны понять, что через пять минут я вам ничего сказать не смогу…

— Понимаю, — сказала Старлинг. — Никаких ссылок на структуру ДНК доктора Лектера в файлах нашей лаборатории нет. Он бежал много лет назад, и все артефакты[46] безнадежно загрязнены. Их брали в руки сотни и сотни людей.

— Лабораторное время слишком дорого для того, чтобы просматривать какие-нибудь четырнадцать волосков, подобранных в мотеле. Если вы мне доставите…

— Прежде чем говорить, выслушайте меня, — остановила ее Старлинг. — Я попросила Квестуру в Италии выслать мне зубную щетку, которая, как там считают, принадлежала доктору Лектеру. Не исключено, что с нее вы можете снять клетки эпителия внутренней поверхности щек. Сделайте два параллельных анализа и сравните результаты. Арбалетная стрела побывала под дождем, и от нее проку мало. Однако взгляните сюда…

— Простите, но боюсь, что вы все же не понимаете…

— Не волнуйтесь, А. Беннинг, — выдавила улыбку Старлинг, — думаю, что мы прекрасно поймем друг друга. Видите, обе стрелы желтые. Арбалетная стрела желтая потому, что ее выкра-

---

[46] Примечания: 46
Здесь: снимки срезов тканей под микроскопом.

сили в домашней обстановке. Сделано неплохо, но наплывы все-таки имеются. Взгляните вот сюда. На что похожа эта полоска под слоем краски?

— Может быть, на волосок от кисточки?

— Возможно. Но обратите внимание, что один конец волосинки слегка изогнут, а на другом имеется утолщение. Что, если это ресница?

— Если на ней действительно волосяная сумка…

— Именно.

— Послушайте. Я могу провести анализ одновременно в трех цветах на одной линии и в одном геле. Таким образом, я смогу дать вам характеристики сразу трех кодов. Для суда требуется тринадцать, но через пару дней мы сможем с достаточной долей уверенности сказать — он это или не он.

— Дорогая А. Беннинг, я ни на минуту не усомнилась в том, что вы сможете мне помочь.

— Вы же Старлинг, точнее, специальный агент Старлинг. Я не хотела казаться грубой, это не имеет никакого отношения лично к вам. Просто копы нам иногда притаскивают вещественные доказательства в таком жалком виде…

— Догадываюсь.

— А я думала, что вы старше. Для всех девочек —

я хочу сказать для всех женщин лаборатории — вы нечто… — А. Беннинг отвела взгляд, — …нечто особенное, специальный агент Старлинг. Если позволите… — А. Беннинг подняла вверх толстенький большой палец правой руки, — …если позволите, то я пожелаю вам удачи в поимке Каннибала.

Глава 60

Корделл, главный домоправитель Мейсона Вергера, был мужчиной видным. Если бы его физиономия с крупными чертами была бы чуть более живой, то его можно было бы даже счесть красивым. Корделлу было тридцать семь лет, и он пожизненно не имел права работать в системе здравоохранения Швейцарии или трудиться в любом ином месте, требующем контактов с детьми — особенно с мальчиками.

Мейсон платил ему хорошее жалованье за поддержание общего порядка в больничном крыле здания, за уход за собой и кормление. Мейсон имел возможность убедиться как в абсолютной преданности Корделла, так и в том, что этот человек готов на все для хозяина. Наблюдая за тем, как Мейсон жестоко издевается над детьми, Корделл оставался спокойным, хотя любого другого сцены подобной жестокости заставили бы рыдать или привели бы в ярость.

Сегодня Корделла беспокоил один предмет, предмет, для него абсолютно священный. Это были деньги.

Постучав, как обычно, дважды в дверь, он пере-

ступил порог комнаты Мейсона. Там было темно, если не считать свечения аквариума. Мурена поняла, кто вошел, и в надежде на корм выползла из своей подводной норы.

— Мистер Вергер?

Через несколько мгновений Мейсон проснулся.

— Я должен вам кое-что сообщить. На этой неделе мне придется выплатить дополнительную сумму в Балтиморе. Выплата будет произведена тому же лицу, о котором мы говорили ранее. Ничего чрезвычайного или срочного — всего лишь мера предосторожности. Негритенок по имени Франклин проглотил крысиный яд и в начале недели находился в критическом состоянии. Он сообщил своей приемной матери, что вы предложили ему отравить кошку, чтобы ее не мучила полиция. Поэтому он отдал кошку соседу, а сам принял яд.

— Но это же абсурд, — сказал Мейсон. — Я к этому не имею никакого отношения.

— Конечно, абсурд, мистер Вергер.

— Кто жалуется? Та женщина, у которой вы получаете детей?

— Именно ей надо заплатить безотлагательно.

— Корделл, надеюсь вы ничего не делали с эти-

ми маленькими негодяями? Они там в больнице ничего такого на нем не обнаружили? Вы же знаете, мне об этом, так или иначе, станет известно.

— Нет, сэр. В вашем-то доме? Никогда, клянусь. Вы же знаете, что я не дурак. Я люблю свою работу.

— Где этот Франклин?

— В больнице штата Мэриленд. Когда его выпишут, он отправится в детский дом. Вы знаете, что женщина, у которой он жил, лишена права воспитывать детей, так как курит марихуану. Она жалуется на вас. Возможно, нам придется иметь с ней дело.

— Любительница косячков сложностей нам не доставит.

— Женщина пока не знает никого, к кому можно обратиться. Тем не менее она заслуживает внимания. Мягких перчаток. Дама из социального обеспечения хочет, чтобы эта наркоманка заткнулась.

— Я подумаю. А пока заплати сотруднице социальной службы.

— Тысячу долларов?

— Да. Но дай понять, что больше выплат не будет.

Лежа в темноте на кушетке, Марго слышала

весь разговор между Корделлом и Мейсоном. От высохших слез на ее щеках образовались твердые корочки. Перед тем как Мейсон уснул, она все еще пыталась уговорить его. Вне всякого сомнения, он решил, что сестра ушла. Чтобы дышать как можно тише, Марго открыла рот и попыталась синхронизировать дыхание с действием респиратора. Корделл вышел, и на тот краткий миг, когда дверь оставалась открытой, помещение слегка осветилось. Марго вжалась в кушетку. Прежде чем респиратор брата заработал в ритме сна, ей пришлось ждать не менее двадцати минут. Мурена видела, как уходила Марго, но Мейсон этого заметить не мог.

Глава 61

Марго Вергер и Барни стали проводить много времени вместе. Долгих бесед они не вели, предпочитая молча смотреть футбол или сериал «Симпсоны» по телевизору в комнате отдыха. Иногда они слушали концерты, которые давала образовательная программа, или следили за развитием событий в телесериале «Я, Клавдий». Если одна из серий попадала на время работы Барни, они заказывали видеозапись.

Барни нравился Марго. Ей нравилось то, что в его обществе она ощущала себя еще одним парнем. Барни был единственным среди ее знакомых, кто постоянно сохранял выдержку и хладнокровие. Он был очень умен, и в то же время в нем имелось что-то от иного мира. И это ей тоже нравилось.

Помимо компьютерных знаний, Марго получила прекрасное образование в гуманитарной сфере. Барни же был самоучкой и по всем предметам имел собственные суждения, начиная от примитивно детских и кончая весьма проницательными. Она получила возможность наполнить его жизнь содержанием. Ее образо-

вание походило на широкое поле, ограниченное лишь здравым смыслом. Но поле это покоилось на специфическом менталитете Марго так, как, по представлению древних, плоская земля покоилась на черепахе.

Марго Вергер заставила Барни заплатить за шутку о его способности мочиться стоя. Марго считала, что ее ноги сильнее, чем его, и время доказало, что она права. Имитируя трудность работы с малыми весами, она соблазнила Барни посостязаться с ней в подъеме тяжестей из приседа и вернула себе проигранную сотню. Кроме того, поддразнив Барни его превосходством в весе, она устроила соревнования в жиме одной рукой. В жиме правой она его побила, а левой проиграла, так как эту руку ей еще в детстве сломал Мейсон.

Иногда по вечерам, когда смена Барни заканчивалась, они вместе качали мышцы, лежа на скамьях. Это были серьезные тренировки. Они проходили в полной тишине, если не считать тяжелого дыхания занимающихся. Иногда они ограничивались лишь пожеланием друг другу доброй ночи. Марго собирала вещи в спортивную сумку и удалялась в жилые покои, куда не было доступа обслуживающему персоналу.

Этой ночью Марго пришла в сверкающий хромом спортзал прямо из комнаты Мейсона. У нее в глазах стояли слезы.

— Привет, — сказал Барни. — С вами все в порядке?

— Просто семейные свары, — ответила Марго. — Я в полном порядке.

Она тренировалась как сумасшедшая. Слишком большие веса, чересчур много подходов.

Барни, не выдержав, подошел к ней, взял из ее рук гантель и сказал, качая головой:

— Вы порвете себе какую-нибудь мышцу.

Когда, закончив упражнения, Барни стал под душ, Марго все еще продолжала крутить педали велотренажера. Горячая вода лилась на него сверху, смывая все заботы длинного трудового дня. Это был общий четырехместный душ с разбрызгивателями наверху и двумя дополнительными головками на уровне поясницы и бедер. Барни любил включать сразу три душа, направляя струи на свое большое тело.

Вскоре Барни уже стоял в густом тумане, отгородившем его от всего мира. С окружающей средой его связывали лишь тугие струи горячей воды, бившие ему в голову. Барни обожал размышлять, стоя в душе. Облака пара. «Облака». Аристофан.

Доктор Лектер рассказывал о ящерице, писавшей на Сократа. Затем Барни подумал о том, что до того, как он прошел перековку под безжалостным молотом логики доктора Лектера, им мог помыкать каждый идиот вроде Демлинга.

Заработал еще один душ. Барни, не обращая на это внимания, продолжал скрести тело. Обслуживающий персонал часто занимался в спортзале, но обычно это происходило по утрам или во второй половине дня ближе к вечеру. Мужская этика требовала не замечать других стоящих под общим душем спортзала людей, но Барни заинтересовался — кто мог явиться сюда в столь поздний час. В глубине души он надеялся, что это не Корделл, которого Барни, сам не зная почему, побаивался. Остальные крайне редко посещали спортивный зал по ночам. Но кто же это все-таки, черт побери? Барни повернулся так, чтобы вода полилась на затылок и спину. Сквозь клубы пара перед его взором возникли части моющегося рядом человека — так возникают фрагменты фрески на оштукатуренной стене. Здесь виднелось массивное плечо, там нога. Красивой формы рука растирала мускулистую шею и столь же могучее плечо. Ногти на руке были цвета коралла, того цвета, который употребляла Марго. Ногти

на ногах также были окрашены. Нога принадлежала Марго.

Барни снова подставил голову под пульсирующую водяную струю и глубоко вздохнул. Стоящая рядом фигура изменила позу, продолжая с деловым видом растирать тело. Затем приступила к мытью головы. Он увидел плоский мускулистый живот Марго, ее твердые маленькие груди с торчащими сосками, увидел лобок и то, что было ее самым соблазнительным, обрамленным светлыми подровненными волосами местом.

Барни набрал полную грудь воздуха и вдруг почувствовал, что столкнулся с проблемой. Марго блестела словно породистая лошадь, отлично натренированная для скачек. По мере того как интерес Барни возрастал как в прямом, так и переносном смысле, он отвернулся, надеясь дождаться того момента, когда Марго уйдет.

Шум воды рядом затих. На смену ему пришел голос Марго:

— Эй, Барни, какие ставки на «Патриотов»?

— Обратитесь… обратитесь к моему парню. Он вам даст прогноз по «Майами» и пять с половиной к одному, — сказал Барни, глядя назад через плечо.

Марго обтиралась полотенцем недалеко от

него, но все же там, где ее не доставали брызги его душа. Лицо Марго посвежело, и следы слез на нем исчезли. У девушки была прекрасная кожа.

— Если хочешь подзаработать, — сказала она, — вступи в пул, который сколотили в конторе Джуди…

Остального Барни уже не слышал. Светлые волосы, украшенные словно бриллиантами сверкающими каплями воды, обрамляли нечто розовое. Лицо Барни опалил жар, а член напрягся. Такой эрекции у него давно не было. Он похолодел — настолько сильными были его удивление и тревога. Ведь никогда раньше он не испытывал ни малейшей тяги к мужчинам. Но Марго, несмотря на всю ее мускулатуру, видимо, все же не была мужчиной, и она ему нравилась.

Ну не дерьмо ли это, становиться под душ рядом с ним?

Барни повернул кран и, как был мокрый, шагнул к ней. Потеряв способность думать, он прижал ладони к ее щекам.

— Ради Бога, Марго, — произнес он, с трудом выдавливая застревающие в горле слова. Она опустила взгляд вниз.

— Будь ты проклят, Барни! Не вздумай…

Барни вытянул шею, чтобы поцеловать Марго

в лицо, не коснувшись при этом ее тела своим восставшим членом. Но последнее ему не удалось. Марго отпрянула и бросила взгляд вниз на пунктирную струю, соединяющую пенис Барни с ее плоским животом.

Марго толкнула его в грудь ручищей, силе которой мог позавидовать центральный защитник профессиональной футбольной команды. Ноги Барни заскользили по мокрому кафелю, он потерял равновесие и сел на пол.

— Ты, гнусный мерзавец! Тебе бы только трахаться! — выкрикнула она. — Мне следовало догадаться. Пидер гнойный! Держи свою кочерыжку покрепче и не отпускай!

Барни, как был мокрый, натянул одежду и, не говоря ни слова, выскочил из зала.

Барни жил в здании, стоящем несколько на отлете от хозяйского дома. Крытая сланцем конюшня была превращена в гараж, с жилыми помещениями под самой крышей. Была глубокая ночь, однако Барни сидел за столом, тыкая пальцем в клавиатуру портативного компьютера. Он проходил очередной курс наук — на сей раз через Интернет. Неожиданно пол в мансарде задрожал. Кто-то поднимался по лестнице.

Раздался негромкий стук. Открыв дверь, Барни

увидел перед собой Марго. На ней был тяжелый свитер, а на голове сидела вязаная шапочка с помпоном.

— Можно я зайду на минуту?

Прежде чем сделать шаг назад, чтобы дать ей дорогу, Барни довольно долго рассматривал свои ноги.

— Барни, я ужасно сожалею о том, что там случилось, — сказала она. — Я, похоже, ударилась в панику. Испугалась и запаниковала. Мне нравилось быть твоим другом.

— Мне тоже.

— Я думала, мы могли быть чем-то вроде… ты понимаешь… настоящих друзей.

— Перестаньте, Марго. Я сказал, что мы будем друзьями, но я же не какой-нибудь проклятый евнух. Вы явились в этот хренов душ вслед за мной. Вы выглядели очень соблазнительно, и я ничего не мог с этим поделать. Вы встали под душ обнаженной, и я одновременно увидел два предмета, которые мне очень нравятся.

— Меня и одно место на мне, — сказала Марго.

К их общему удивлению, они оба расхохотались на эти слова. Она подошла к Барни и заключила его в объятия, которые могли сломать кости любому другому, не столь могучему человеку.

— Послушай, если среди нас кто-то должен быть парнем, то пусть им будешь ты. Но этим делом я заниматься с тобой не стану. Оно не по мне. И по-другому быть не может.

— Знаю, — кивнул Барни. — Я просто потерял голову.

Так, обнимая друг друга, они простояли не меньше минуты.

— Но ты можешь попытаться остаться моим другом?

— Да, — ответил он, немного подумав. — Но ты должна мне в этом немного помочь. Давай договоримся так: я изо всех сил постараюсь забыть то, что видел в душе, а ты больше не будешь мне этого показывать. И не демонстрируй сисек. Согласна?

— Я могу быть хорошим другом, Барни. Приходи завтра в дом. Джуди умеет готовить. Я тоже.

— Не сомневаюсь. Но боюсь, что в этом деле тебе со мной не тягаться.

— А ты испытай меня, — сказала Марго.

Глава 62

Доктор Лектер смотрел на свет бутылку «Шато-Петрю». Сутки назад он поставил ее вертикально и теперь проверял, образовался ли на дне осадок. Взглянув на часы, доктор решил, что настало время вино открыть.

Конечно, здесь имелась изрядная доля риска, значительно большая, чем он мог допустить. Ему не хотелось действовать чересчур поспешно, и он желал насладиться цветом вина, перелив его в хрустальный графин. Но как быть, если, вытянув пробку слишком рано, он все же решит, что не имеет права терять при переливе ни молекулы священного аромата? Анализ бутылки на свет показал, что на дне образовался небольшой осадок.

Тщательно и аккуратно, словно трепанируя череп, он извлек пробку и поместил бутылку в приспособление для разлива. Механизм приводился в действие при помощи винта и кривошипа и позволял наклонять бутылку буквально по миллиметру. Доктор оставил вино открытым. Пусть солоноватый воздух обогащает букет напитка, а он тем временем подумает, как поступить дальше.

Доктор разжег в очаге куски древесного угля и приготовил себе аперитив. Ликер и ломтик апельсина на льду. Наконец он может приступить к плетению кружев — к событию, к которому готовился вот уже несколько дней. Создавая запасы продуктов, доктор Лектер вдохновлялся теми советами, которые давал Александр Дюма в своем знаменитом труде об искусстве кулинарии. Лишь три дня назад, вернувшись из изобиловавшего оленями леса, доктор пополнил свои запасы жирной вороной, набившей зоб ягодами можжевельника. Маленькие черные перья птицы поплыли по тихим водам залива, а крупные доктор Лектер сохранил для того, чтобы позже сделать из них плектры для своего клавесина.

Доктор Лектер принялся давить зерна можжевельника и начал томить лук-шалот в медном сотейнике. Изящным хирургическим узелком при помощи тонкой хлопковой нити он перевязал букетик свежей зелени и, положив зелень в сковороду, осторожно залил ее соусом.

Мясную вырезку доктор Лектер извлек из глиняного горшка. Мясо от маринада потемнело, и из него капал сок. Доктор легким прикосновением полотенца осушил мясо, повернул более тонким концом к себе и сложил кончик вдвое, чтобы

вырезка на всем протяжении была одинаковой толщины.

К этому времени очаг обрел нужную температуру. Над собранным в кучку углем образовалось очень горячее пространство. Вырезка, прикоснувшись к раскаленному железу, зашипела, и над садом закружился синий дымок. Создавалось впечатление, что дымок танцует под музыку. Доктор Лектер заиграл весьма трогательную композицию Генриха VIII, известную под названием «Если бы властвовала истинная любовь».

Поздней ночью доктор Лектер (несравненное «Шато-Петрю» окрасило его губы в красный цвет) играет Баха. Перед ним на подсвечнике клавесина стоит бокал знаменитого вина «Шато-д'Икем», похожего по цвету на мед. Перед его мысленным взором по опавшей листве бежит Старлинг. Впереди нее несутся олени. Животные мчатся вверх по склону холма мимо сидящего неподвижно доктора Лектера. Их бег все не кончается. Сам же доктор Лектер погружен во «Вторую вариацию на тему Гольдберга». Отсвет свечи пляшет на его движущихся руках. Очередная музыкальная фраза — и перед ним вдруг возникает видение окровавленного снега и детских зубов. Это было всего лишь мгновенное видение, краткая вспыш-

ка, исчезнувшая в сопровождении резкого звука. Чок! Именно с таким звуком арбалетная стрела прошивает череп. И вот мы снова оказываемся в радующем сердце лесу. Старлинг в ореоле цветочной пыльцы исчезает из поля зрения, и хвостик ее волос колышется словно «флаг» белохвостого оленя. Доктор Лектер заканчивает эту часть произведения без всякого перерыва, затем играет всю пьесу до конца, и сладкая тишина, разлившаяся после финального аккорда, чем-то напоминает «Шато-д'Икем».

Доктор Лектер подносит бокал к свече. Свет за хрусталем играет так, как играют лучи солнца на воде. Вино цветом своим схоже с цветом зимнего солнца и с цветом кожи Клэрис Старлинг. «Скоро наступит ее день рождения, — думает доктор. — Интересно, сохранилась ли у меня еще одна бутылка „Шато-д'Икем“, чтобы отметить эту дату?» — размышляет он. Видимо, настало время заказать подарок для Клэрис Старлинг, которая через три недели проживет ровно столько, сколько прожил Христос.

Глава 63

В тот момент, когда доктор Лектер подносил бокал с вином к свече, засидевшаяся допоздна в лаборатории А. Беннинг посмотрела на свет последний образец и изучила линии, испещренные красными, синими и желтыми точками. Образец являл собой эпителиальные клетки, полученные с зубной щетки, изъятой полицией в палаццо Каппони и присланной в США с диппочтой.

— Хм-м, — произнесла она и набрала номер телефона Старлинг.

Ответил ей Эрик Пикфорд.

— Привет. Я могу поговорить с Клэрис Старлинг?

— Она уже закончила рабочий день, и сейчас здесь командую я. Чем могу вам помочь?

— У вас нет номера ее пейджера?

— Она сейчас на другом телефоне. Что там у вас?

— Вас не затруднит передать, что звонила Беннинг из лаборатории ДНК. Скажите ей, пожалуйста, что клетки с зубной щетки и с ресницы на стреле идентичны. Это доктор Лектер. Попросите ее мне позвонить.

— Дайте мне ваш добавочный номер. Конечно, я это сделаю. Причем немедленно. Большое спасибо.

Старлинг вовсе не говорила по другой линии. Пикфорд позвонил домой Крендлеру.

Когда Старлинг не связалась с лабораторией, А. Беннинг была слегка раздосадована, ведь ей пришлось поработать сверхурочно. Она отправилась домой задолго до того, как Пикфорд позвонил Старлинг.

Мейсон узнал обо всем на час раньше.

Он переговорил с Крендлером неторопливо, делая паузы для дыхания. Ум его в это время был как никогда ясен.

— Настало время устранять Старлинг, пока они не приступили к активной операции, используя ее как приманку. Сегодня пятница, вам предстоит уик-энд. Поэтому приступайте незамедлительно. Намекните в Комиссии служебных расследований и сделайте все, чтобы ее выбросили вон. Ей пришло время уходить. Да, и еще кое-что, Крендлер.

— Мне хотелось бы только…

— Делайте, что вам говорят, и когда вы в следующий раз получите цветную открытку с Каймановых островов, то увидите под почтовой

маркой совсем другую цифру.

— Хорошо, я… — начал Крендлер, но тут же услышал отбой. Этот короткий разговор почему-то очень сильно утомил Мейсона.

Но прежде чем погрузиться в беспокойный сон, он вызвал Корделла и сказал:

— Доставляй свиней.

Глава 64

Вывезти полудиких свиней против их воли физически гораздо труднее, нежели похитить человека. Со свиньями справиться сложнее, чем с человеком. Крупные особи значительно сильнее венца творения, и их невозможно запугать револьвером. Кроме того, надо постоянно иметь в виду наличие клыков, если вы, конечно, хотите сохранить неприкосновенность своих ног и живота.

Вооруженные клыками свиньи инстинктивно стремятся разрывать брюхо стоящему вертикально противнику — будь то человек или медведь. Подколенное сухожилие они инстинктивно не рвут, но быстро этому искусству обучаются.

Если вы хотите обездвижить животное и сохранить его живым, то электрический удар исключен. Свиньи имеют склонность к фибрилляции сердечной мышцы со смертельным исходом.

Мастер-свиновод Карло Деограчиас обладал терпением крокодила. Он экспериментировал на животных с седативными препаратами, употребляя главным образом все тот же асепромазин,

которым намеревался усыпить доктора Лектера. В результате он точно узнал, сколько вещества требуется для того, чтобы погрузить в сон стокилограммового секача, и через какие интервалы укол следует повторять, чтобы продержать его в покое четырнадцать часов без вредных для организма животного длительных последствий.

Поскольку Вергеры являлись крупными экспортерами и импортерами животных и весьма успешно сотрудничали с Министерством сельского хозяйства в реализации программы селекции, ворота в США для свиней Мейсона были широко распахнуты. Форма 17–29 Ветеринарной службы была заполнена и в соответствии с законом отправлена факсом в Ривердейл, штат Мэриленд, где находилось Управление санитарной инспекции животных и растений. Форму сопровождали официальные ветеринарные справки из Сардинии. Кроме того, Карло желал ввести в США пятьдесят ампул замороженной спермы, за что ему пришлось заплатить пошлину в размере тридцати девяти долларов пятидесяти центов.

Лицензия на ввоз животных и спермы была получена также по факсу. Вместе с лицензией поступили разрешение не посылать животных на обычный карантин в Ки-Уэст и уведомление

о том, что инспектор Ветеринарной службы досмотрит свиней непосредственно на борту самолета в Международном аэропорту Балтимор — Вашингтон.

Карло и его помощники братья Пьеро и Томмазо Фальчоне собрали клети. Это были прекрасные сооружения со скользящими дверями с обоих концов. Днища их были засыпаны песком и обиты мягким материалом. В последнюю минуту они вспомнили о зеркале из борделя и тоже его упаковали. Фотографии свиней, обрамленные рамой в стиле рококо, очаровали Мейсона.

Действуя весьма тщательно и осторожно, Карло усыпил шестнадцать свиней — пять кабанов, взращенных в одном загоне, и одиннадцать маток, одна из которых ждала приплода. Он специально проследил за тем, чтобы вывозимые матки не находились в состоянии эструса (течки). Когда животные уснули, Карло учинил им внимательный осмотр. Он ощупал их острые зубы и не менее острые клыки. Карло подержал в ладонях их ужасные рыла, заглянул в крошечные блестящие глазки и, приложив ухо к груди, убедился в проходимости дыхательных путей. Затем он надел на их изящные лодыжки путы и дал команду укладывать животных на парусину,

чтобы втаскивать в клети. Когда все свиньи оказались на месте, Карло лично задвинул и закрыл скользящие двери.

Грузовики, выбиваясь из сил, доставили свиней через горы в Кальяри. В аэропорту их уже поджидал грузовой аэробус фирмы «Каунт флит эйрлайнз», специализирующейся на перевозке скаковых лошадей. Данный самолет обычно транспортировал американских скакунов на знаменитые скачки в Дубай и обратно. Сейчас на его борту находилась лишь одна лошадь, загруженная в Риме. Едва почувствовав запах свиней, лошадь начала проявлять беспокойство. Она ржала, била копытами и пыталась подняться на дыбы в своем небольшом, обитом мягкими матами стойле. Это продолжалось до тех пор, пока члены экипажа не вывели животное из самолета, введя тем самым Мейсона в дополнительные расходы. Чуть позже ему, чтобы избежать судебного иска, придется обеспечить доставку скакуна владельцу и оплатить все связанные с этим расходы.

Карло и его помощники летели вместе со своими питомцами в герметичном грузовом отсеке. Пока самолет находился над океаном, Карло каждые полчаса обходил животных и, возлагая ладонь на их заросшую щетиной грудь, проверял

биение диких сердец.

Даже пребывая в отличной форме и будучи голодными, шестнадцать свиней не способны полностью сожрать доктора Лектера за один прием. Для того чтобы целиком съесть кинорежиссера, им потребовались сутки.

Мейсон хотел, чтобы в первый день доктор мог наблюдать за тем, как свинки съедают его ноги. Ночью жизнь доктора будут поддерживать вливанием физиологического раствора, а затем его снова подадут к столу.

Мейсон обещал Карло, что тот в перерыве между сеансами сможет провести часок наедине с доктором Лектером.

За второй прием свиньи съедят его полностью, выжрав за первый час лицо и брюхо. После этого самые крупные кабаны вместе с беременной маткой, насытившись, отойдут в сторону и в дело вступит остальная орава. К этому времени, правда, представление уже можно будет считать закончившимся.

Глава 65

Барни никогда раньше не приходилось бывать в амбаре. Он прошел в него через боковую дверь под трибунами, окаймляющими с трех сторон старую арену для показа лошадей и их выездки. Заброшенная и тихая арена (лишь воркование голубей под стропилами нарушало тишину) все еще хранила атмосферу напряженного ожидания. За кафедрой аукционера, собственно, и начинался длинный амбар. Широкие двустворчатые ворота, ведущие к стойлам и в помещение, где хранилась сбруя, стояли распахнутыми.

Услышав голоса, Барни крикнул:

— Хэлло!

— Мы — там, где сбруя, Барни, — раздался глубокий голос Марго. — Иди к нам.

Помещение, куда пригласили Барни, оказалось местом довольно веселым. Его украшали развешанная повсюду упряжь и разнообразные, изящной формы, седла. Здесь господствовал аромат кожи. Теплые лучи солнца, прорываясь через запыленные окна под самым карнизом, делали запах кожи и сена еще сильнее. Открытый люк в одной из стен вел на сеновал.

Марго занималась тем, что разгребала конские скребницы и недоуздки. Ее волосы были светлее, чем солома, а глаза такими же синими, как печать санитарной инспекции на мясной туше.

— Привет, — произнес, стоя в дверях, Барни.

Ему показалось, что помещение выглядит немного театрально, словно его специально оборудовали для посещающих имение детей. Высотой потолков и потоками света, льющегося из высоко расположенных окон, хранилище сбруи напоминало церковь.

— Привет, Барни. Потопчись здесь немного, мы приступим к еде минут через двадцать.

Откуда-то сверху, с сеновала, до него донесся голос Джуди Инграм:

— Барни-и-и! Доброе утро. Потерпи чуть-чуть и ты увидишь, что мы приготовили на обед! Марго, у тебя не возникло желание поесть на воздухе?

У Марго и Джуди вошло в привычку каждое воскресенье перед самым прибытием детей обрабатывать скребницей жирных шотландских пони. После этого они всегда устраивали себе пикник.

— Давай попробуем расположиться у южной стены амбара, на солнце, — ответила Марго.

Каждый из присутствующих казался чуть-чуть

излишне возбужденным. Человек с таким опытом работы в психиатрической лечебнице, как у Барни, не мог не знать, что чрезмерное возбуждение и жизнерадостность не сулят весельчаку ничего хорошего.

В антураже помещения господствующее место занимал лошадиный череп, прикрепленный к стене чуть выше человеческого роста. На череп были нацеплены уздечка и шоры, и его слегка прикрывала драпировка, окрашенная в скаковые цвета Вергеров.

— Это Флит Шэдоу. В 1952 году он выиграл приз «Лоджпол» — единственный победитель скачек, которым когда-либо владел отец, — пояснила Марго. — Папаша был слишком прижимист для того, чтобы заказать чучело. — Она подняла взгляд на череп и добавила: — Правда, здорово похож на Мейсона?

В углу комнаты находились горн с принудительной вентиляцией и кузнечные меха. Марго, чтобы немного согреть помещение, разожгла в горне небольшой огонь. На огне стоял глиняный горшок, из которого исходил запах, слега смахивающий на запах супа.

На верстаке был разложен полный набор инструментов ковочного кузнеца. Марго взяла в

руки молоток с короткой рукояткой и тяжелой головкой. С такими мощными руками и грудью она вполне могла сама не только подковывать лошадей, но и заниматься кузнечным ремеслом в полном объеме. Правда, это был бы кузнец с заметно выдающимися вперед грудями.

— Ты не хочешь бросить мне попоны? — спросила сверху Джуди.

Марго подняла связку только что отстиранных седельных попон и одним броском могучей руки отправила ее в открытый люк.

— О'кей, теперь я могу умыться и перетащить барахло из джипа. Приступим к приему пищи в пятнадцать ноль-ноль. Не возражаете? — сказала Джуди, слезая с сеновала.

Барни, чувствуя пристальное внимание Марго, не стал всматриваться в задницу Джуди. В помещении находилось несколько укрытых попонами тюков сена, предназначенных для сидения. Марго и Барни сели.

— Ты не увидел пони. Их отправили в конюшню в Лейстер, — сказала Марго.

— С какой стати?

— В связи с некоторыми делами Мейсона.

Наступило молчание. Обычно в их молчании не чувствовалось никакого напряжения, но на

сей раз было совсем не так.

— Что же, Барни, — нарушила молчание Марго, — иногда наступает момент, когда для слов места не остается. Когда надо переходить к действиям. Как по-твоему, не оказались ли мы именно в таком положении?

— Завести роман или что-то в этом роде? — сказал Барни, чувствуя, что запахло неприятными воспоминаниями.

— Роман? У меня для тебя есть кое-что получше. Ты знаешь, о чем мы говорим?

— В основном.

— Но если ты решишь, что не станешь ничего делать, а это все равно произойдет без твоего участия, возврата ко мне для тебя не будет. — С этими словами она похлопала ладонью (возможно, машинально) по головке молотка, глядя на Барни своими голубыми глазами мясника.

За свою жизнь Барни много раз приходилось видеть странные выражения лиц, и он остался жив лишь потому, что умел их разгадывать. Барни видел, что сейчас Марго говорит правду.

— Знаю.

— Допустим, что мы что-то совершим. Я могу быть исключительно щедрой. Но только один раз. И этого тебе хватит. Хочешь знать сколько?

— Марго, во время моего дежурства ничего не произойдет. До тех пор, пока я принимаю деньги за заботу о нем.

— Но почему, Барни?

— Сделка есть сделка, — ответил он, пожимая плечами.

— И ты называешь это сделкой? Хочешь настоящую? — спросила Марго. — Пять миллионов долларов, Барни. Те пять, которые должен получить Крендлер, если сможет продать ФБР. Чтобы ты знал.

— Мы говорим о том, как добыть у Мейсона достаточно спермы для того, чтобы Джуди могла забеременеть?

— Не только об этом. Ты прекрасно понимаешь, что если ты выдавишь из Мейсона его сущность и оставишь при этом в живых, он тебя, так или иначе, достанет. Нет такого далекого места, где ты мог бы скрыться. Ты отправишься на корм его проклятым свиньям.

— И что же я должен сделать?

— Ты не понимаешь, Барни? Ты действительно Semper[47] F № 1, как хвастает татуировка у тебя на руке?

---

[47] Примечания: 47
Semper fidelis — всегда верен *(лат.)*

— Когда я согласился брать у мистера Мейсона Вергера деньги, я обещал заботиться о нем. Пока я здесь работаю, я не причиню ему никакого вреда.

— Но ты и не должен… ему что-либо причинять, кроме медицинской помощи в сборе спермы, когда он умрет. Я не могу прикасаться к этому месту. Больше ни разу. Кроме того, тебе, возможно, придется помочь мне разобраться с Корделлом.

— Но если убить Мейсона, то можно сделать всего один забор.

— Мы получим пять кубиков нормальной (хотя и близкой к нижнему уровню жизнеспособности) спермы и, таким образом, сможем сделать пять попыток искусственного оплодотворения. Мы можем сделать это in vitro[48] — все женщины в роду у Джуди очень фертильны.

— Ты не думала о том, чтобы купить Корделла?

— Нет. Он никогда не выполняет условий сделки. Его слово ничего не стоит. Рано или поздно он снова сядет мне на шею. Его придется убрать.

— Похоже, что ты все тщательно продумала.

— Именно. Барни, в твоих руках будет контроль за всеми мониторами на станции наблюде-

---

[48] Примечания: 48
Здесь: оплодотворение в пробирке *(лат.)*

ния. Все показания мониторов дублируются на пленке. Каждая секунда. Там установлено пять телевизоров, но ни одной видеокамеры. Мы… я суну руку под крышку респиратора и остановлю движение его грудной клетки. Мониторы покажут, что респиратор работает. К тому времени когда изменится ритм работы сердца и упадет кровяное давление, примчишься ты и, обнаружив, что босс без сознания, начнешь возвращать его к жизни всеми известными тебе способами. От тебя требуется лишь одно — не замечать меня. Я буду давить ему на грудь до тех пор, пока он не умрет. Ты много работал на вскрытии. На что они смотрят прежде всего, если подозревают удушение?

— Кровоизлияния на внутренней стороне век.

— У Мейсона век нет вообще.

Что же, у нее было такое воспитание. Она привыкла покупать все и всех.

Барни посмотрел ей в лицо, в то же время не выпуская из поля зрения молотка в ее руке.

— Нет, Марго, — сказал он.

— А если я позволю тебе меня трахнуть, ты это сделаешь?

— Нет.

— Сделаешь, если я тебя сама удовлетворю?

— Нет.

— Ты бы пошел на это, если бы не работал здесь и на тебе не лежала медицинская ответственность?

— Скорее всего нет.

— Это что, вопрос этики? Или ты просто наложил в штаны?

— Не знаю.

— Попробуем выяснить. Ты уволен, Барни.

Он кивнул, видимо, не удивившись.

— И теперь, Барни, — она поднесла палец к губам, — ш-ш… Ты дашь мне слово молчать? Должна ли я напоминать о том, что я могу покончить с тобой в связи с тем решением суда, который состоялся в Калифорнии? Думаю, что в этом нет необходимости. Разве не так?

— Ты можешь не беспокоиться, — сказал Барни. — Волноваться должен я. Мне неизвестно, как Мейсон увольняет своих работников. Может быть, они просто исчезают.

— Ты тоже можешь не беспокоиться. Я скажу Мейсону, что у тебя гепатит. О его делах ты знаешь лишь то, что он пытается помочь правосудию, кроме того, ему известно, что у нас в руках есть копия судебного решения. Поэтому Мейсон позволит тебе уйти.

Интересно, кого бы доктор Лектер счел более интересным для себя пациентом — Мейсона Вергера или его сестру, подумал Барни.

Глава 66

Когда длинный серебристый трейлер подкатил к амбару фермы «Мускусная крыса», уже наступила ночь. Они опоздали, и это вызвало всеобщее раздражение. В Международном аэропорту Балтимор — Вашингтон поначалу все шло согласно договору. Поднявшийся на борт инспектор Министерства сельского хозяйства без проблем шлепнул печать на документы шестнадцати ввозимых в страну животных. Инспектор считал себя экспертом по части свиней, но ничего подобного ему видеть еще не доводилось.

Затем Карло Деограчиас заглянул в предоставленный им грузовик. Это была специализированная машина для перевозки скота, и дух в ней стоял соответствующий. В кузове виднелось множество повреждений, причиненных прежними пассажирами. Карло распорядился не сгружать своих свиней с самолета. Аэроплану пришлось простаивать, пока обозленный водитель, Карло и Пьеро Фальчоне не нашли другой транспорт, более приспособленный для перевозки клетей. Перегрузка совершилась лишь после того, как кузов грузовика был хорошенько промыт и обез-

заражен горячим паром.

У самых ворот «Мускусной крысы» произошла еще одна неприятность. Охранник, проверив общий тоннаж машины, отказался их пропустить, заявив, что изящно украшенный мост такой груз не выдержит. Он направил их на служебную дорогу, идущую через национальный лесной заповедник. Последние три километра пути крышу фургона непрерывно царапали ветки.

Однако просторный, чистый амбар фермы пришелся Карло по вкусу. Особенно ему понравился небольшой погрузчик, который нежно перетащил клети в лошадиные стойла.

Когда водитель фургона принес электрический щуп и предложил с его помощью проверить, насколько глубок сон свинок, Карло вырвал инструмент из рук шофера и напугал беднягу так, что тот, уезжая, забыл попросить вернуть ему злополучный щуп.

Карло предпочитал, чтобы животные пришли в себя, находясь в полумраке. Он не собирался выпускать их из клетей до тех пор, пока они полностью не встанут на ноги и не обретут свою обычную живость. Он опасался также, что первый проснувшийся может полакомиться кусочком находящегося под наркозом сони. Если

все стадо не дремало одновременно, любое распростертое на земле тело привлекало внимание бодрствующих.

Пьеро и Томмазо должны были удвоить осторожность после того, как свиньи полакомились режиссером Оресте и его предварительно, побывавшим в морозильнике помощником. Людям теперь было опасно находиться вместе с животными и в загоне, и на пастбище. Свиньи не демонстрировали угрожающих действий. Они не ощеривались, как делают дикие кабаны, они просто следили за человеком и с ужасающим, свойственным этому виду упорством постепенно приближались к нему. Оказавшись достаточно близко, свиньи без предупреждения бросались в атаку.

Карло, столь же упрямый, как и его подопечные, не отправился на отдых до тех пор, пока не обследовал с ручным фонарем ограждение заросшего деревьями пастбища Мейсона, примыкающего к огромному лесному заказнику.

Карло поковырял перочинным ножом почву, изучил состав плодокорма под деревьями на пастбище и обнаружил там желуди. Подъезжая через лес к ферме, он слышал крики соек и решил, что здесь обязательно окажутся желуди. Так

и оказалось. На огражденном пастбище росли дубы, правда, их было совсем немного. Он не хотел, чтобы свиньи находили себе пропитание на земле, что они могли без труда сделать, если бы находились в большом лесу.

У открытого конца амбара Мейсон соорудил прочную изгородь с голландскими воротами — точно такими, какие были у Карло на Сардинии, Находясь в безопасности за этим барьером, Карло мог кормить свиней, бросая в гущу животных человеческую одежду, нашпигованную дохлыми курами, бараньими ногами и разнообразными овощами.

Свинки не были до конца одомашнены, однако ни люди, ни шум их уже не пугали. Даже Карло не смел оставаться вместе с ними в загоне. Свиньи не похожи на других животных. В них присутствуют проблески интеллекта, и им присуща удивительная практичность. Его свиньи вовсе не были враждебными существами. Они просто любили питаться человечиной. Эти свиньи были легки на ноги подобно лани, могли рвать зубами добычу не хуже овчарок, а все их передвижения вокруг хозяев имели характер зловещей продуманности. Пьеро едва удалось спастись, когда он пытался вернуть из загона рубашку, надеясь

использовать ее вторично.

Подобных свиней раньше просто не существовало. Они были столь же агрессивны, как европейский дикий кабан, но при этом гораздо крупнее. Карло ощущал себя их создателем. Он знал, что им предстоит свершить. Его свиньи призваны уничтожить зло, и уже это было достаточной платой за все его труды.

К полуночи все те, кто находился в амбаре, погрузились в сон. Карло, Пьеро и Томмазо без всяких сновидений спали на сеновале, свиньи храпели в своих клетях, их крохотные элегантные копытца уже начинали двигаться во сне, а два-три животных даже зашевелились на своих чистых подстилках. На них взирал едва видимый в тлеющих углях горна череп призового рысака по кличке Флит Шэдоу.

Глава 67

Истребление агента ФБР при помощи улик, сфабрикованных Мейсоном, явилось для Крендлера тяжелым испытанием. Он даже немного испугался. Если Генеральный прокурор схватит его за руку, то просто раздавит как таракана.

В деле уничтожения Старлинг Крендлера волновала лишь проблема собственной безопасности; других сдерживающих факторов для него не существовало. Все обстояло бы несколько поиному, если бы речь шла о мужчине. Мужчина обязан содержать семью — так, как сам Крендлер содержит свою, несмотря на всю алчность и неблагодарность ее членов.

Старлинг определенно должна уйти. Даже просто исходя из того, что, распутывая нить своими ничтожными, самодельными, бабскими методами, она может добраться до Ганнибала Лектера. Если это допустить, то Мейсон Вергер не даст Крендлеру ни цента.

Чем скорее удастся лишить ее поддержки и выставить в качестве приманки, тем лучше.

Крендлеру и раньше на пути к власти приходилось сокрушать чьи-то карьеры — вначале в

качестве прокурора штата, активно подвизающегося в политике, а затем и позже, уже работая в Министерстве юстиции. По собственному опыту он знал, что разрушить карьеру женщины значительно проще, нежели карьеру мужчины. Если женщину предполагают повысить по службе, а допустить этого нельзя, то лучше всего запустить слушок, что дама карабкается по служебной лестнице, лежа на спине.

Однако к Старлинг такое обвинение не прилипнет, подумал Крендлер. С другой стороны, никто больше Старлинг не нуждался в этом способе для ускорения продвижения по грязной служебной дороге. Крендлер частенько, ковыряя пальцем в носу, представлял в своем воображении этот акт.

По правде говоря, Крендлер даже себе не мог дать отчета о причине своей враждебности к Клэрис Старлинг. Она сидела у него внутри в том месте, к которому он давно не осмеливался обращаться. В этом месте были закрытые чехлами сиденья, льющийся из-под купола свет, двери с расшатанными ручками и кривые рамы окон. Там стояла девушка, цветом волос похожая на Старлинг, но лишенная ее здравого смысла. Трусики девицы валялись на полу, обвивая ее лодыжку, а она твердила: «Почему ты не начина-

ешь? Почему ты это не делаешь? *Может быть, ты голубой?» Может быть, ты голубой? Может быть, ты голубой?*

Если не знать, какая сучка эта самая Старлинг, размышлял Крендлер, то ее успехи, если брать черное и белое, значительно больше, чем те немногие награды, которые она за них получила, — не признать этого невозможно. Однако ее достижения радовали очень немногих. Добавляя в течение многих лет каплю за каплей яда в характеристику Старлинг, Крендлер сумел так повлиять на отдел кадров, что ей несколько раз отказывали в представлении на весьма заманчивые посты. Успеху Крендлера в немалой степени способствовали как слишком независимое поведение девушки, так и ее чересчур острый язык.

Мейсон не станет ждать результатов разбора событий на рыбном рынке Феличиана. Кроме того, не было никаких гарантий, что при разбирательстве на Старлинг удастся вылить достаточно много дерьма. Убийство Эвельды Драмго и других, вне всякого сомнения, явилось следствием скверной организации операции. Просто чудо, что Старлинг сумела спасти этого крошечного ублюдка, именуемого ребенком. Еще одна сопливая деталь на потребу публики. Снять для себя

пенки с этого отвратительного события — не проблема, но для устранения Старлинг потребуется нечто более эффективное.

Способ, предложенный Мейсоном, видимо, все же лучше. Он принесет скорый результат, и ее выкинут со службы. Время для этого сейчас самое подходящее.

В Вашингтоне действует аксиома, справедливость которой доказывалась неоднократно. Суть ее состоит в следующем: если кто-то громко испортит воздух в комнате и виновник этого очевиден, то другие, находящиеся в этой комнате, тоже могут слегка пукнуть при условии, что все делается одновременно.

Отсюда следует вывод — дело об импичменте президента настолько занимает Министерство юстиции, что Крендлер безбоязненно сможет пустить Старлинг под откос.

Мейсон хотел, чтобы доктор Лектер увидел отклики в прессе на это событие. Но Крендлер должен был обстряпать дело так, чтобы публикации выглядели как неприятный инцидент в результате нежелательной утечки информации. По счастью, и здесь открывалась хорошая возможность — приближался юбилей ФБР.

Совесть Крендлера была существом ручным и

легко прощала все грехи своему хозяину.

Сейчас совесть его твердила: если Старлинг лишится работы, то даже в самом худшем случае девке придется лишь обходиться без спутниковой телевизионной антенны для приема спортивных каналов в ее вонючей берлоге. В любом случае он дает возможность сорвавшейся со своего места корабельной пушке откатиться в сторону, чтобы та больше никому не могла угрожать. Откатившаяся в сторону «сорвавшаяся с места пушка» перестанет «раскачивать корабль». Он был страшно доволен. Пара военно-морских метафор являла собой логическое уравнение. А аксиома, заключающаяся в том, что срывает пушку с места именно качка, его совершенно не беспокоила.

Крендлер дал волю своему воображению, насколько это позволяла его фантазия. Он с удовольствием представил себе Старлинг спотыкающейся старой каргой с отвислыми сиськами, с опухшими, покрытыми синими венозными узлами и едва двигающимися ногами. Старуха ползает вверх-вниз по лестнице, таская корзину с грязным бельем и воротя морду от пятен на простынях. Она зарабатывает себе на кусок хлеба, прислуживая в ночлежке, принадлежащей двум заросшим шерстью старым подонкам.

Он придумал, что скажет ей с триумфом после того, как все свершится. «Кукурузная, деревенская жопа», — скажет он ей.

Вооруженный благодаря профессору Демлингу пониманием внутренней сущности Старлинг, он останется рядом с ней после ее падения и скажет, почти не открывая рта: «Даже для белых отбросов с юга ты уже слишком стара для того, чтобы трахаться со своим папочкой». Он еще раз повторил в уме фразу и решил, что ее стоит записать.

Крендлер имел достаточно средств, времени и яда для того, чтобы приступить к уничтожению Старлинг. В этом ему помогли случай и поступившее из Италии сообщение.

Глава 68

Кладбище «Бэттл-Крик», расположенное в Техасе неподалеку от городка Хабборд, являет собой лишь небольшой шрам на желтой шкуре льва, какой представляется центральный Техас в декабре. Сейчас там свищет ветер. Но он там свищет постоянно. Переждать вам его не удастся.

В новой части кладбища могильные плиты лежат горизонтально вровень с землей. Это сделано для того, чтобы легче было подстригать траву. Над одной из могил танцует серебряный, в форме сердца, шарик — сегодня день рождения лежащей под камнем девочки. На старой территории траву вдоль аллей стригут постоянно, а между памятниками газонокосилку используют лишь в тех случаях, когда это возможно. Обрывки лент и остатки сухих цветов втоптаны в почву. В самом конце кладбища расположилась компостная куча, в которую сваливают увядшие цветы. Где-то посередине кладбища между танцующим шариком и компостной кучей работает на холостом ходу двигатель небольшого экскаватора. В его кабине сидит молодой негр. Его напарник, стоя рядом на земле, сложил ладони ковшиком и

пытается на ветру закурить сигарету…

— Мистер Клостер, я пригласил вас присутствовать, дабы вы могли собственными глазами увидеть то, с чем мы имеем дело. Надеюсь, что вам удастся убедить родных и близких усопшего не смотреть на останки, — произнес мистер Гринли, директор «Похоронного дома» города Хаббарда. — Что же касается приобретенного вами гроба, то я хочу еще раз поздравить вас с проявлением высокого вкуса — таким подарком можно гордиться, и пусть родные ограничатся его лицезрением. Я счастлив предоставить вам профессиональную скидку. Мой папа, который, увы, скончался, покоится точно в таком же.

Он кивнул машинисту, и ковш экскаватора выгрыз кусок земли из заросшей травой, немного осевшей могилы.

— Вы решительно отказываетесь от камня, мистер Клостер?

— Да, — ответил доктор Лектер. — У детей уже есть один общий камень для отца и матери.

Они стояли молча, а ветер трепал обшлага их брюк. Экскаватор закончил работу на глубине двух футов.

— С этого места, пожалуй, лучше действовать лопатами, — заметил мистер Гринли.

Рабочие спрыгнули в могилу и принялись выбрасывать из нее землю привычными, размеренными, широкими движениями.

— Осторожнее, — сказал мистер Гринли, — там от гроба мало что осталось. Ничего похожего на то, что он получает теперь.

Дешевый гроб из прессованного картона действительно рассыпался, прикрыв обломками своего обитателя. Гринли велел могильщикам расчистить вокруг гроба землю и подвести под его дно, которое еще сохранилось, парусину. В этом гамаке гроб извлекли из могилы и осторожно перенесли в кузов грузовика. В гараже «Похоронного дома» ящик водрузили на верстак и извлекли из него то, что осталось от крышки. Под обломками обнаружился внушительных размеров скелет.

Доктор Лектер окинул его оценивающим взглядом. Пуля повредила ребро над печенью, и в левой верхней части лба имелось входное отверстие от второй пули. Череп, заплесневелый и покрытый клочьями кожи, обнажился лишь частично. Он обладал великолепными, высокими скулами, которые доктору Лектеру уже доводилось видеть раньше.

— Земля мало что сохраняет, — сказал мистер

Гринли.

Кости были чуть прикрыты остатками сгнивших брюк и обрывками ковбойской рубашки. Перламутровые кнопки застежки рубахи провалились сквозь ребра. На груди скелета покоилась касторовая ковбойская шляпа, замятая в стиле Форт-Уэрт. На ее полях была царапина, а в тулье — дырка.

— Вы знали покойного? — поинтересовался доктор Лектер.

— Мы купили похоронную контору и приняли на себя заботу о кладбище только в 1989 году, — ответил мистер Гринли. — В соответствии с программой расширения нашей группы. Теперь я живу здесь, но главный офис фирмы расположен в Сент-Луисе. Не хотите ли вы сохранить то, что осталось от одежды? Или я мог бы предложить вам новый костюм, хотя, конечно…

— Благодарю вас, не надо, — сказал доктор Лектер. — Очистите щеткой кости и никакой одежды — кроме шляпы, пряжек и сапог. Сложите малые кости рук и ступней в мешок и заверните вместе с черепом и длинными костями в самый лучший шелковый саван. Не надо выкладывать их в порядке — просто сложите их все. Надеюсь, что надгробный камень компенсирует ваши рас-

ходы, связанные с предстоящим закапыванием могилы.

— Конечно, сэр, распишитесь вот здесь, и я дам вам все необходимые копии, — ответил мистер Гринли, страшно довольный тем, что ему удалось продать такой дорогой гроб. Большинство владельцев похоронных контор, явившись за покойником, свалили бы кости в коробку, а родственникам продали бы гроб из своего заведения. Разрешение на извлечение и перемещение тела, которое предъявил доктор Лектер, полностью соответствовало разделу 711.004 закона штата Техас «О санитарии». Это нисколько не удивляло доктора, поскольку он собственноручно состряпал указанное разрешение, изучив предъявляемые требования и сделав копии необходимых форм в Юридической справочной библиотеке, принадлежащей Ассоциации графств штата Техас.

Двое рабочих, радуясь наличию механического подъемника на арендованном клиентом грузовике, поставили новый гроб на прилагаемую к нему специальную тележку и поместили агрегат в кузов рядом с картонным платяным шкафом. Никаких иных предметов в кузове не было.

— Какая прекрасная идея, возить с собой шкаф! — восхитился мистер Гринли. — Не прихо-

дится мять церемониальный наряд в чемодане, не так ли?

Приехав в Даллас, доктор извлек из гардероба футляр для виолончели и поместил в него завернутые в шелк кости, шляпа как нельзя лучше уместилась в нижней секции футляра, так же как и череп.

Гроб доктор выбросил у дальнего забора кладбища «Фиш трап» и вернул арендованный автомобиль в аэропорту Даллас — Форт-Уэрт. Затем он сдал футляр для виолончели в багаж на прямой рейс в Филадельфию.

Часть IV
ВЫДАЮЩИЕСЯ СОБЫТИЯ В КАЛЕНДАРЕ УЖАСОВ

Глава 69

В понедельник Клэрис Старлинг должна была проверить несколько весьма экзотических покупок, и, кроме того, ее компьютерная система начала давать сбои, для исправления которых требовалась помощь специалиста из Инженерного управления. Даже после того, как список наиболее удачных для виноделия лет был сведен до двух-трех, а число виноторговцев до пяти, после уменьшения до минимума количества поставщиков гусиной печенки и особо деликатесной продукции, объем покупок, которые следовало проверить, оставался весьма внушительным. Все входящие звонки от владельцев винных магазинов, откликнувшихся на объявление в специальном бюллетене, пришлось обрабатывать вручную.

После идентификации доктора Лектера как убийцы охотника на оленей, Старлинг оставила в списке лишь покупки, совершенные на Восточном побережье, исключение было сделано лишь для гусиной печенки. Фирма «Фошон» из Парижа от сотрудничества отказалась. Что говорили по телефону сотрудники «Вера даль 1926» во

Флоренции, Старлинг не поняла, и ей пришлось обратиться в Квестуру с вопросом, не заказывал ли недавно доктор Лектер белых трюфелей.

К концу дня понедельника семнадцатого декабря Старлинг осталось проверить еще двенадцать пунктов. Это были комплексные покупки, оплаченные по кредитным карточкам. Один человек купил ящик «Петрю» и «ягуар» с компрессорным наддувом, расплатившись по карточке «Американ экспресс».

Другой заказал себе ящик «Батард-Монтраше» и коробку свежих устриц из Жиронды.

Старлинг обратилась в местные отделения ФБР с просьбой проверить каждый из двенадцати оставшихся пунктов.

Старлинг и Эрик Пикфорд работали раздельно, но их смены немного перекрывали одна другую, чтобы офис не оказался пустым в то время, когда розничные торговцы еще работают.

Пикфорд работал лишь четвертый день, и половину рабочего времени он потратил на программирование автоматического набора в своем телефонном аппарате. Надписей с именем абонента на кнопке он делать не стал.

Когда Эрик вышел, чтобы выпить кофе, Старлинг нажала верхнюю кнопку. Трубку на про-

тивоположном конце провода поднял сам Пол Крендлер.

Старлинг положила трубку и молча вернулась на свое место. Пора домой. Медленно поворачиваясь вместе с вращающимся креслом, она внимательно осмотрела заполняющие «Дом Ганнибала» предметы. Книги, книги, стол с артефактами. Затем, вскочив с кресла, она подбежала к занавесям, отбросила их в сторону и выскочила в коридор.

Кабинет Крофорда был открыт и пуст. Связанный женой Джека свитер одиноко болтался на стоящей в углу вешалке. Она поднесла руку к свитеру, но так и не притронулась к нему. Поправив на плечах плащ, Старлинг вышла из кабинета и отправилась в длинный путь к своей машине.

Увидеть Квонтико ей больше никогда не придется.

Глава 70

Вечером 17 декабря в доме Старлинг раздался звонок. Звонили в дверь. Выглянув в окно, она увидела, что на подъездной аллее за ее «мустангом» стоит машина федерального исполнителя. На ней прибыл Бобби, тот самый исполнитель, который доставил ее домой из больницы после перестрелки на рыбном рынке Феличиана.

— Привет, Старлинг.

— Привет Бобби. Входите.

— С удовольствием, но прежде я обязан вручить вам уведомление.

— Какого дьявола? Вручите мне его дома, где по крайней мере тепло, — сказала Старлинг, окаменев внутри.

Уведомление, напечатанное на официальном бланке Генерального инспектора Министерства юстиции, предписывало ей явиться 18 декабря в девять утра в Центр Эдгара Дж. Гувера, где должно состояться слушание.

— Вас подвезти завтра? — спросил федеральный исполнитель.

— Очень вам благодарна, Бобби, — покачивая головой, ответила Старлинг, — но я поеду на

своей машине. Хотите кофе?

— Спасибо, не надо. Мне так жаль, Старлинг… — Бобби явно хотелось удалиться как можно скорее. — Ваше ухо, кстати, выглядит прекрасно, — закончил он.

Когда Бобби подавал машину назад, она, стоя у дверей, махала ему рукой.

Письмо просто предписывало ей явиться. О цели слушания ничего не сообщалось.

Арделия Мэпп, ветеран всех междоусобных войн ФБР и заноза в заднице сообщества старых приятелей, тут же заварила подруге крепчайший целебный чай по рецепту своей бабушки. Считалось, что этот чай способен серьезно повысить умственные способности пьющего.

На Старлинг напиток этот всегда наводил ужас, но избежать страданий возможности не было.

— Генеральный инспектор ни хрена тебе объяснять не обязан, — постукивая ноготком по письму, вещала Арделия. — Если к тебе имеет претензии Комиссия по служебным расследованиям ФБР, — продолжала она между глотками волшебного напитка, — или, не дай Бог, Комиссия по служебным расследованиям Минюста, то они должны тебе сообщить детали и ознакомить с документами. Они должны дать тебе эту про-

клятую форму шестьсот сорок пять или шестьсот сорок четыре с изложением обвинений. Если ты обвиняешься в уголовном преступлении, то имеешь право на адвоката и на все те привилегии, которыми обладает любой жулик или мошенник. Разве не так?

— Красиво излагаешь.

— Именно. Короче, в этом случае ты успеваешь их надуть и залечь в нору. Совсем иная хрень — Генеральный инспектор. Это фигура политическая, имеющая право принять к рассмотрению любое дело.

— И ты считаешь, что он принял это?

— Только потому, что Крендлер не перестает гундосить своему шефу в задницу. Как бы то ни было, но если ты пожелаешь обратиться к Закону о равных возможностях, я дам тебе все нужные статьи. Теперь слушай меня внимательно, Старлинг. Ты должна потребовать у них, чтобы вся процедура записывалась на пленку. Генеральный инспектор не привык подписывать печатные протоколы. Лонни Гейнз по этому поводу устроил у них большую бучу. Они ведут стенограмму всего того, что ты говоришь, и иногда случается так, что позже запись меняется. Первоначальную расшифровку стенограммы там не показывают.

Когда Старлинг позвонила Джеку Крофорду, ей показалось, что она подняла его с постели.

— Я не знаю, в чем дело, Старлинг, — сказал он. — Попробую выяснить. Точно мне известно лишь одно — завтра я там буду.

Глава 71

Утро. Возведенное из армированного бетона и похожее на огромную решетчатую клетку здание ФБР угрюмо плавает в молочном тумане. В наш век начиненных взрывчаткой автомобилей главный вход и въезд во внутренний двор большую часть времени остаются закрытыми, а установленные вокруг здания старые машины ФБР играют роль своего рода защитного барьера.

Копы округа Колумбия, следуя политике полицейского управления, с тупым упорством день за днем продолжают лепить извещения о штрафе на ветровые стекла машин; под дворниками копятся толстые пачки квитанций, которые при сильных порывах ветра разлетаются по улице.

Какой-то бродяга, греющийся на решетке тротуара, окликнул Старлинг и протянул руку за подаянием. Одна сторона его физиономии была совершенно оранжевой от бетадина, нанесенного в пункте «Скорой помощи». В руке бродяга сжимал пенопластовый, обкусанный по краям стаканчик, Старлинг порылась в сумочке в поисках доллара, затем, сама не зная почему, дала ему две бумажки, склонившись навстречу теплому,

пахнущему паром потоку воздуха из решетки.

— Да благословит вас Господь, — сказал бродяга.

— Это было бы хорошо, — ответила Старлинг. — Мне может понадобиться любая помощь.

Старлинг взяла большую кружку кофе в заведении на Десятой улице рядом с Центром Гувера, как не однажды это делала в течение всех лет работы в ФБР. После неспокойного сна ей очень хотелось крепкого кофе. Но выпить Старлинг решила лишь половину. Не хватает только описаться во время слушания, подумала она.

Заметив через окно Джека Крофорда, девушка вышла на тротуар и спросила:

— Не хотите ли взять мой кофе, мистер Крофорд? Они мне нальют еще чашку.

— Надеюсь, он у вас без кофеина?

— Нет.

— В таком случае, пожалуй, не стоит. Боюсь, что под действием кофеина я вылезу из своей шкуры.

Крофорд был возбужден и казался очень старым. На кончике его носа висла большая капля. Они стояли чуть в стороне от потока людей, вливающегося в здание ФБР через вход со стороны Десятой улицы.

— Я не знаю, о чем пойдет речь, Старлинг. Никого из других участников перестрелки на рынке Феличиана не пригласили. Вы — единственная, и это все, что я сумел выяснить. Я пойду с вами.

Старлинг дала Крофорду салфетку, чтобы тот мог вытереть нос, и они влились в поток сотрудников ФБР, отправляющихся на дневную смену.

Старлинг показалось, что канцелярская братия штаб-квартиры выглядит сегодня необычайно нарядно.

— Девяностая годовщина ФБР, — пояснил Крофорд. — Буш собирается произнести речь.

На боковой улице расположились четыре грузовика с нацеленными в небо спутниковыми антеннами.

На тротуаре суетилась съемочная команда из «Дабл-эф-ю-эл ТВ». Молодой человек с гладко выбритым черепом что-то говорил в ручной микрофон. Сидевший на крыше микроавтобуса помощник режиссера узрел в толпе Старлинг и Крофорда.

— Вот она, вот она! — закричал он. — В темно-синем плаще!

— Время! — распорядился бритый. — Поехали!

Оператор протолкался сквозь толпу пешеходов, чтобы запечатлеть лицо Старлинг крупным

планом.

— Специальный агент Старлинг, не могли бы вы прокомментировать ход расследования побоища на рыбном рынке Феличиана? Было ли уже представлено заключение? Предъявлено ли вам обвинение в убийстве пятерых…

Крофорд снял с головы свою широкополую шляпу и, сделав вид, что закрывается от света, прикрыл на несколько мгновений линзу камеры. Телевизионную банду смогли сдержать лишь охраняемые двери.

Этих сукиных детей кто-то известил.

Миновав зону охраны, они задержались в вестибюле. На их плащах и на шляпе Крофорда осели мелкие капли дождя. Крофорд всухую проглотил таблетку.

— Старлинг, думаю, что они остановились на этом дне из-за того шума, который поднялся в связи с импичментом и юбилеем. Что бы они ни намеревались сделать, они хотят это сделать под шумок и как можно быстрее.

— Но если это делается под шумок, то почему информирована пресса?

— Видимо, не все на этом слушании поют по одной и той же партитуре. У вас есть еще десять минут для того, чтобы припудрить носик.

Глава 72

Старлинг очень редко приходилось подниматься на седьмой этаж, где располагались кабинеты начальства. Семь лет назад она вместе со своим выпускным классом была в кабинете Директора, и тот поздравлял Арделию Мэпп по случаю ее блестящей прощальной речи. Однажды Старлинг еще раз пришлось побывать на седьмом этаже — заместитель Директора вызвал ее, чтобы вручить медаль чемпиона по стрельбе из боевого пистолета.

Такого пушистого ковра, как тот, который закрывал пол в офисе помощника Директора Нунана, Старлинг никогда еще не видела. В помещении для совещаний с его кожаными креслами царил клубный дух. В воздухе стоял густой табачный запах. Интересно, подумала Старлинг, проветривали ли они помещение перед приходом и куда дели окурки? Скорее всего спустили в унитаз.

Когда она и Крофорд вошли в комнату, трое мужчин встали с кресел, и лишь один остался сидеть. Поднялись на ноги ее бывший босс Клинт Пирсал, шеф Вашингтонского регионального

отделения ФБР; помощник Директора ФБР Нунан и высокий рыжеволосый человек в костюме из шелка-сырца. Сидеть остался Пол Крендлер из Минюста. Торчавшая на длинной шее голова Крендлера повернулась в сторону Старлинг так, словно он уловил ее появление по запаху. Когда Крендлер обратился к девушке лицом, она смогла увидеть одновременно два его закругленных уха. К своему удивлению, Старлинг заметила в углу комнаты незнакомого ей федерального исполнителя.

Сотрудники ФБР и Министерства юстиции всегда одеваются весьма аккуратно, но сегодня они были вычищены и отутюжены так, словно им предстояло показаться перед телевизионными камерами. Старлинг догадалась, что они позже намерены принять участие в торжествах внизу в обществе экс-президента Буша. Если бы это было не так, то ее вызвали бы не в Центр Эдгара Гувера, а в Министерство юстиции, Увидев рядом со Старлинг Джека Крофорда, Крендлер сурово сдвинул брови.

— Мистер Крофорд, мне кажется, что в вашем присутствии на этом собрании нет необходимости, — сказал он.

— Я являюсь непосредственным начальни-

ком специального агента Старлинг, и мое место здесь.

— Думаю, что это не так, — произнес Крендлер и, обратившись к Нунану, продолжил: — Согласно документам ее боссом является Клинт Пирсал, а к Крофорду она лишь временно прикомандирована. Полагаю, что мы можем побеседовать с агентом Старлинг без посторонних. Что же касается начальника отдела мистера Крофорда, то мы попросим его оставаться поблизости на тот случай, если нам потребуется дополнительная информация.

Нунан кивнул, соглашаясь, и сказал:

— Джек, мы с удовольствием познакомимся с твоим мнением, после того как выслушаем независимые показания этой… специального агента Старлинг. Оставайся поблизости, Джек. Если хочешь, устройся в читальне библиотеки. Я тебя найду.

— Мистер Нунан, я могу сказать…

— Вы можете уйти, вот что вы можете, — бросил Крендлер.

Нунан резко поднялся с кресла.

— Потише, мистер Крендлер, — сказал он. — Собрание веду я до тех пор, пока не дам вам слова. Джек, мы с тобой бок о бок прошли здесь длин-

ный путь, а джентльмен из Минюста получил свой пост слишком недавно для того, чтобы понять, что это значит. Ты получишь возможность сказать все, что считаешь нужным. Теперь оставь нас и позволь Старлинг высказаться самостоятельно. — Нунан наклонился к Крендлеру и прошептал ему на ухо нечто такое, от чего лицо джентльмена из Минюста залилось краской.

Крофорд посмотрел на Старлинг. Продолжая настаивать, он мог лишь еще сильнее навредить делу.

— Благодарю вас, сэр, за то, что вы пришли, — сказала девушка.

Федеральный исполнитель проводил Крофорда к дверям.

Услышав, как захлопнулась дверь, Старлинг выпрямилась и с достоинством посмотрела на сидящих перед ней мужчин.

Начиная с этого момента слушание своей скоростью стало напоминать ампутацию, производимую в восемнадцатом столетии.

Самый высокий пост среди присутствующих занимал Нунан, однако Генеральный инспектор имел право отменять его решения, а он, судя по всему, передал свои полномочия по рассматриваемому вопросу Крендлеру.

Нунан придвинул к себе лежащую на столе папку и сказал:

— Не могли бы вы идентифицировать себя для протокола?

— Специальный агент Клэрис Старлинг, сэр. Но разве протокол ведется, мистер Нунан? Я хотела бы, чтобы это было именно так. — Не получив ответа, Старлинг продолжила: — Вы не станете возражать, если я запишу нашу беседу? — С этими словами она извлекла из сумочки небольшой магнитофон.

— Вообще-то такого рода предварительные обсуждения проводятся в офисе Генерального инспектора в здании Министерства юстиции. Мы собрались здесь только потому, что ввиду предстоящей церемонии это всех устраивает. Однако и в данном случае действуют все правила Генерального инспектора. Никаких записей, поскольку это дело может иметь международные последствия.

— Изложите ей обвинения, мистер Крендлер, — сказал Нунан.

— Агент Старлинг, вы обвиняетесь в незаконной передаче информации бежавшему и находящемуся в розыске преступнику, — сказал Крендлер, тщательно следя за выражением свое-

го лица. — В частности, вы обвиняетесь в том, что поместили объявление в итальянских газетах с целью известить находящегося в розыске Ганнибала Лектера об опасности ареста.

Маршал передал Старлинг смазанную копию из «Ла Нацьоне». Она повернула листок к свету и прочитала:

«А.А. Аарон — сдайтесь ближайшим к вам органам власти. Враг близок. Ханна».

— Что вы на это скажете?

— Я этого не делала. И никогда не видела этого.

— Как вы можете объяснить то, что под объявлением стоит подпись «Ханна» — кодовое имя, известное лишь доктору Лектеру и ФБР? Кодовое имя, использовать которое вас просил доктор Лектер.

— Не знаю. Кто это обнаружил?

— Служба документации Лэнгли случайно наткнулась на него в ходе перевода из «Ла Нацьоне» материалов о Ганнибале Лектере.

— Если кодовое имя известно только ФБР, то каким образом служба документации Лэнгли могла обратить на него внимание? Служба документации принадлежит Центральному разведывательному управлению. Почему бы не

поинтересоваться в ЦРУ, кто привлек их внимание к слову «Ханна»?

— Я уверен, что они знакомы с файлом по делу Лектера.

— Неужели в такой степени? Сомневаюсь. Давайте спросим у них, кто им посоветовал столь пристально следить за делом. Кроме того, откуда я могла знать, что доктор Лектер находится во Флоренции?

— Вы единственная, кто обнаружил интерес Квестуры Флоренции к электронному файлу Лектера, — сказал Крендлер. — Запрос из Флоренции поступил за несколько дней до гибели Пацци. Нам неизвестно, когда вы об этом догадались. С какой стати Квестура итальянского города вдруг проявила интерес к электронному досье находящегося в розыске преступника?

— Но в силу каких мотивов я могла его предупредить? Почему этим занимается офис Генерального инспектора, мистер Нунан? Я в любое время готова пройти испытание на полиграфе. Попросите вкатить сюда детектор лжи.

— Итальянцы заявили дипломатический протест по поводу того, что находящийся в их стране беглый преступник получил предупреждение, — сказал Нунан. Указав на рыжеволосого мужчину

в шелковом пиджаке, он добавил: — Это мистер Монтенегро из итальянского посольства.

— Доброе утро, сэр, — сказала Старлинг. — Скажите, как об этом узнали итальянцы. Неужели из Лэнгли?

— Дипломатический протест направил мяч на нашу половину площадки, — вмешался Крендлер прежде, чем мистер Монтенегро успел открыть рот. — Мы намерены все выяснить к полному удовлетворению итальянских властей, так же как к удовлетворению Генерального инспектора и моего тоже. Мы хотим сделать это как можно быстрее и без огласки. Будет лучше, если мы сообща рассмотрим все факты. Какие отношения сложились между вами, мисс Старлинг, и доктором Лектером?

— По распоряжению начальника отдела мистера Крофорда мной было проведено несколько допросов доктора Ганнибала Лектера. Со времени его побега я за семь лет получила от него два письма. Оба письма сейчас находятся в вашем распоряжении, — сказала Старлинг.

— На самом деле в нашем распоряжении писем больше, — произнес Крендлер. — Вот это мы получили только вчера. Получали ли вы еще что-нибудь, нам знать не дано. — Он опустил руку за

спинку кресла и извлек на свет картонную коробку, залепленную множеством марок и изрядно потрепанную от многочисленных пересылок.

Крендлер сделал вид, что наслаждается источаемым коробкой ароматом. Он ткнул пальцем в ярлык с адресом, не удосужившись показать его Старлинг.

— Здесь обозначен ваш адрес в Арлингтоне, специальный агент Старлинг. Мистер Монтенегро, вас не затруднит сказать нам, какие предметы содержатся в данной посылке?

Итальянский дипломат принялся показывать пальцем на отдельно завернутые предметы. При каждом движении запонка на рукаве его рубашки красиво поблескивала.

— Это лосьоны. Это sapone di mandorle, знаменитое миндальное мыло из «Фармачия Санта-Мария Новелла» во Флоренции, это духи. Вещи, которые люди дарят, когда хотят показать свою любовь.

— Ведь это все было проверено на наличие токсинов, не так ли, Клинт? — спросил Нунан у бывшего начальника Старлинг.

— Да, — ответил Пирсал, и девушке показалось, что ему немного стыдно. — Ничего не обнаружено.

— Дар любви, — удовлетворенно произнес

Крендлер. Достав из коробки листок пергамента, он его развернул и продемонстрировал рисунок: вырезанное из газеты лицо Старлинг с телом крылатой львицы. Затем Крендлер развернул рисунок к свету и прочитал написанные каллиграфическим почерком доктора Лектера слова:

> Вы когда-нибудь задавали себе вопрос, Клэрис, почему филистимляне вас не понимают? Попытаюсь объяснить. Это происходит потому, что вы — ответ на загадку Самсона. Вы — мед, заключенный в тело львицы.

— Il miele dentro leonessa, — повторил вслух по-итальянски мистер Монтенегро, чтобы лучше запомнить фразу и позже ее использовать.

— Что-что? — спросил Крендлер.

Итальянец отмахнулся от вопроса, понимая, что Крендлер не улавливает музыки метафоры доктора Лектера и ему чужды те чувства, которые рождает этот образ.

— В силу того, что данное дело приобрело международное звучание, Генеральный инспектор полностью берет расследование в свои руки, — объявил Крендлер. — Какой характер оно приобретет в будущем — административный

или криминальный, — будет зависеть от хода следствия. Если выяснится, что вы совершили уголовное преступление, специальный агент Старлинг, то им займется Управление общественной безопасности Министерства юстиции. УОБ будет представлять дело в суде. Вас проинформируют заранее, чтобы вы имели достаточно времени для подготовки. Прошу вас, мистер Нунан…

Нунан набрал полную грудь воздуха и поднял топор:

— Агент Старлинг, я отправляю вас в административный отпуск на то время, которое потребуется для разрешения данного дела. Вы должны сдать оружие и удостоверение сотрудника ФБР. Ваш допуск в здание ограничен лишь теми местами, которые открыты для публичного посещения. Здание вы покинете в сопровождении федерального исполнителя. А сейчас, пожалуйста, передайте оружие и предметы, удостоверяющие личность, специальному агенту Пирсалу. Прошу вас.

Подходя к столу, Старлинг вдруг увидела в этих людях мишени на соревнованиях по стрельбе. Она может прикончить четверых, прежде чем кто-либо из них успеет выхватить пистолет. Но

образ мишеней тут же исчез. Она достала свой главный калибр и, не сводя глаз с Крендлера, выбросила на ладонь магазин, а затем, передернув затвор, освободила и патронник. Крендлер поймал вылетевший патрон и сжал так крепко, что косточки его пальцев побелели.

За «кольтом» сорок пятого калибра последовали значок и удостоверение.

— У вас есть вспомогательное оружие? — спросил Крендлер. — И ружье?

— Старлинг… — предостерегающе произнес Нунан.

— Заперты в машине.

— Другие боевые принадлежности?

— Шлем и бронежилет.

— Офицер, примите указанные предметы, после того как проводите мисс Старлинг к ее автомобилю. Имеете ли вы мобильный телефон с шифровальным устройством?

— Да.

Крендлер повернулся лицом к Нунану и вопросительно поднял брови.

— Отдайте, — сказал Нунан.

— Я хочу что-то сказать. Думаю, что у меня на это есть право.

— Говорите, — бросил Нунан, посмотрев на

часы.

— Все это специально подстроено. По моему мнению, Мейсон Вергер в целях личной мести пытается похитить доктора Лектера. Я считаю, что он упустил его во Флоренции. Я полагаю, что мистер Крендлер может состоять в сговоре с Вергером и хочет обратить деятельность ФБР против доктора Лектера на пользу Мейсону Вергеру. Думаю, что Пол Крендлер из Министерства юстиции получает за это деньги. Не сомневаюсь, что он стремится меня уничтожить по этой причине. Кроме того, Пол Крендлер испытывает ко мне личную неприязнь. На этой неделе он обозвал меня «кукурузной деревенщиной». И это еще одна причина, в силу которой он хочет меня уничтожить. Я бросаю мистеру Крендлеру вызов — согласен ли он вместе со мной пройти испытание на детекторе лжи. Что касается меня, то я в вашем распоряжении. Почему бы не сделать это прямо сейчас?

— Вам повезло, специальный агент Старлинг, что вас сегодня не привели к присяге, иначе… — начал Крендлер.

— Приводите! Но и вы должны присягнуть.

— Хочу заверить вас, что если, подозрения не подтвердятся, то вы без всякой предвзятости

будете восстановлены на службе, — произнес Крендлер самым сладким тоном, на какой только был способен. — Тем временем вы будете получать жалованье и на вас по-прежнему распространяется положение о страховке и медицинские привилегии, — продолжил Крендлер, переходя на доверительный тон. — Например, вы сможете использовать свободное время для того, чтобы снять грязь с вашей щеки. Не сомневаюсь, что медики…

— Это не грязь, а пороховой ожог, — сказала Старлинг, — неудивительно, что вы перепутали.

Федеральный исполнитель уже ждал ее, протянув руку.

— Весьма сожалею, Старлинг, — сказал Клинт Пирсал, руки которого были заняты полученными от нее вещами.

Она бросила на него взгляд и отвернулась. Пол Крендлер приблизился к ней, в то время как все остальные выжидали, давая возможность дипломату первым покинуть помещение. Крендлер начал произносить сквозь стиснутые зубы заранее подготовленную фразу:

— Старлинг, даже для бел…

— Простите.

Это был Монтенегро. Высоченный дипломат,

уже почти находясь в дверях, повернулся и подошел к ней.

— Простите меня, — повторил он и не отрывал взгляда от Крендлера до тех пор, пока тот не отошел, с искривленным от злобы лицом.

— Я очень сожалею о том, что с вами произошло, — сказал он. — Верю, что вы невиновны. Обещаю, что мы надавим на Квестуру Флоренции, чтобы та выяснила, каким образом inserzione… простите… объявление, попало в «Ла Нацьоне» и кто его оплатил. Если вы считаете, что… по моей линии в Италии что-то еще можно проверить, сообщите, пожалуйста, мне, и я настою на том, чтобы это было сделано. — Монтенегро вручил ей визитную карточку — маленькую, твердую и всю бугорчатую от многочисленных тисненых надписей. Затем итальянец повернулся и, сделав вид, будто не замечает протянутой руки Крендлера, пошел к двери.

Репортеры, оттертые в связи с предстоящей церемонией от главного входа, роились во внутреннем дворе. Некоторые из них, похоже, знали, за кем надо следить.

— Разве вы не обязаны держать меня за локоть? — спросила Старлинг у федерального исполнителя.

— Нет, мэм, не обязан, — ответил он и стал пролагать путь сквозь толпу с микрофонами.

На сей раз бритоголовый, видимо, точно знал, о чем следует спрашивать, и выкрикивал следующие вопросы:

— Правда ли, что вас отстранили от дела Ганнибала Лектера? Ожидаете ли вы, что против вас выдвинут обвинения в преступлении? Что вы ответили на обвинения итальянцев?

В гараже Старлинг отдала федеральному исполнителю бронежилет, шлем, помповое ружье и вспомогательное оружие. Федеральный исполнитель терпеливо ждал, пока Старлинг разряжала маленький пистолет и протирала его промасленной тряпицей.

— Я наблюдал за тем, как вы стреляли в Квантико, агент Старлинг, — сказал он. — Я дошел до четвертьфинала в соревнованиях нашей службы. Я смажу ваш «кольт» перед тем, как его сдать.

— Спасибо.

Федеральный исполнитель тянул время, ожидая, когда Старлинг сядет в «мустанг». Мотор громко заработал, и в этот момент офицер что-то сказал. Девушка опустила стекло, и он повторил свои слова:

— Мне страшно жаль, что это случилось с ва-

ми.

— Благодарю вас, сэр. Я высоко ценю ваши слова.

Принадлежащая прессе машина преследования поджидала ее у выезда из гаража. Старлинг надавила на газ, оставив ее позади, но уже в трех кварталах от здания ФБР была остановлена и оштрафована за превышение скорости. Фотографы смогли запечатлеть, как полицейский округа Колумбия выписывает ей квитанцию.

Помощник Директора Нунан сидел за своим рабочим столом и растирал переносицу, на которой остались следы от очков.

Устранение Старлинг его не очень беспокоило — он считал, что женщины привносят в работу слишком много эмоций, и это не всегда способствует деятельности Бюро. Но он страдал от того, как обошлись с Джеком Крофордом. Джек был одним из «старых парней». Может быть, Джек немного слеп в отношении этой девчонки? Так иногда бывает. Жена Джека умерла, и все такое… У самого Нунана однажды случилась неделя, когда он не мог оторвать глаз от премиленькой стенографистки. От девочки пришлось избавиться, пока из-за нее не начались неприятности.

Нунан нацепил очки и спустился на лифте в

библиотеку. Он нашел Джека Крофорда в читальном зале. Старый приятель сидел в кресле, прислонив откинутую голову к стене. Нунану показалось, что Джек дремлет. Лицо его было серым, а на лбу проступили капельки пота. Крофорд открыл глаза и захватил воздух широко открытым ртом.

— Джек! — Нунан потрепал коллегу по плечу, а затем прикоснулся к его лицу, на котором всегда сохранялось дружелюбное выражение. — Эй, библиотекарь! — прогремел его голос. — Вызывайте медиков!

Крофорда отвезли в медпункт ФБР, а оттуда прямиком в реанимацию отделения кардиологии Мемориальной больницы им. Джефферсона.

Глава 73

О такой подаче события в прессе Крендлер даже не смел мечтать.

К празднованию девяностолетия Федерального бюро расследований была приурочена экскурсия журналистской братии в лишь недавно открытый Кризисный центр ФБР. Службы телевизионных новостей крайне редко допускались в здание, носящее имя Эдгара Гувера, и теперь, пользуясь случаем, телевизионщики старались выжать из этого посещения как можно больше. Компания «Си-СПАН» полностью транслировала в прямом эфире приветственное слово экс-президента Буша и речь Директора ФБР. Си-эн-эн воспроизводила выдержки из выступлений в своих передачах, а общенациональные каналы посвятили юбилею много времени в вечерних новостях. Когда все знаменитости, следуя друг за другом в затылок, удалились с подиума, пришел звездный час Крендлера. Юный талант с бритым черепом задал первый вопрос:

— Мистер Крендлер, это правда, что агент Старлинг отстранена от дела Ганнибала Лектера?

— Полагаю, что слишком рано и несправедливо

в отношении агента давать какие-либо комментарии по данному делу. Могу сказать лишь то, что офис Генерального инспектора внимательно вникает во все проблемы, имеющие отношение к делу Ганнибала Лектера. Никаких обвинений против кого-либо выдвинуто не было.

Корреспондент Си-эн-эн, почувствовав, откуда дует ветер, подхватил эстафету.

— Мистер Крендлер, итальянские средства массовой информации располагают сведениями, что доктор Лектер получил предупреждение от официальных лиц нашей страны и это якобы позволило ему бежать. Не по этой ли причине была отстранена агент Старлинг? И не этим ли обстоятельством объясняется тот факт, что дело взял в свои руки офис Генерального инспектора, а не Комиссия по служебным расследованиям?

— Я не вправе комментировать сообщения зарубежной прессы, Джефф. Я лишь могу сказать, что мы расследуем предположения, которые пока не нашли убедительных доказательств. В отношении своих сотрудников мы должны проявлять лояльность не меньше, чем проявляем ее в отношении наших зарубежных друзей, — произнес Крендлер, уставив палец в потолок наподобие Кеннеди. — Дело Ганнибала Лектера находится

в хороших руках. Не подумайте, что оно только в руках Пола Крендлера. Им занимаются различные эксперты ФБР и Министерства юстиции. Сейчас мы работаем над воплощением специального проекта, о котором мы вам, конечно, расскажем, но лишь после того, как он принесет свои плоды.

Немецкий лоббист — домохозяин доктора Лектера поставил в своем доме гигантский телевизор фирмы «Грюндиг» и, чтобы тот лучше вписался в общий декор, водрузил на ультрамодерновый ящик самую маленькую из своих любимых бронзовых фигурок, изображающих Леду и Лебедя.

Доктор Лектер смотрел фильм, посвященный великому астрофизику Стивену Хокингу[49] и его трудам. Фильм именовался «Краткая история времени», и доктор Лектер видел его уже много раз. Сейчас он наслаждался своими любимыми кадрами, в которых чайная чашка падает со стола на пол и разбивается.

Сидящий в инвалидном кресле Хокинг повернулся лицом к зрителю и заговорил сгенериро-

---

[49] Примечания: 49

Стивен Уильям Хокинг (род. 1942) — английский физик-теоретик и астрофизик. Среди прочего занимался проблемой так называемых черных дыр во Вселенной и вопросами, связанными с теорией относительности.

ванным компьютером голосом: «Каким образом возникает различие между прошлым и будущим? Законы природы не делают различия между прошлым и будущим. Тем не менее в обычной жизни между прошлым и будущим существует огромная разница.

Вы можете видеть, как со стола падает и разбивается при ударе о пол чашка. Но вам никогда не удастся увидеть, как чашка вновь собирается из осколков и поднимается с пола на стол».

Пленка пускается в обратном направлении, демонстрируя, как чашка восстанавливается и возвращается на стол.

«Возрастание беспорядка, или, по-иному, энтропия, — вот что отличает прошлое от будущего и определяет движение времени».

Доктор Лектер восхищался работами Хокинга и, насколько позволяла возможность, следил за ними в математических журналах. Ему было известно о том, что Хокинг одно время считал, что Вселенная прекратит расширяться и начнет сжиматься, в результате чего станет снижаться и уровень энтропии. Позже Хокинг скажет, что ошибался.

Ганнибал Лектер обладал выдающимися способностями в области высшей математики, но

никакого сравнения с Хокингом в этом отношении он, естественно, не выдерживал. Можно без преувеличения сказать, что весь мир летит в одном самолете, а Стивен Хокинг отдельно от остального человечества — в другом. Много лет доктор Лектер обольщал себя надеждой, что, может быть, Хокинг был все же прав: расширение Вселенной прекратится, энтропия уменьшится и съеденная давным-давно Мишу снова оживет.

Время. Доктор Лектер выключил видеомагнитофон и перешел к новостям.

Все имеющие отношение к ФБР новости ежедневно упоминались в Сети на открытом для публики сайте Бюро. Доктор навещал этот сайт каждый день, дабы еще раз убедиться в том, что на фотографии среди десяти самых важных преступников изображено его прежнее лицо. Поэтому он заранее узнал о предстоящем юбилее и мог не спеша настроиться на прием. Доктор Лектер, облаченный в свободную домашнюю куртку и с галстуком в стиле аскот на шее, сидел в глубоком кресле и наблюдал за тем, как врет Крендлер. Он следил за Крендлером из-под полуопущенных век, легонько покачивая поднесенный к носу пузатый коньячный бокал. Последний раз доктор видел эту бледную рожу еще в Мемфисе перед са-

мым своим побегом. Крендлер тогда стоял рядом с его клеткой.

В местных новостях из Вашингтона он увидел, как штрафуют Старлинг за превышение скорости и как репортеры суют микрофоны в окно ее «мустанга». К этому времени телевизионные станции уже вовсю вещали о том, что «агент Старлинг обвиняется в угрозе безопасности США путем разглашения тайны следствия по делу Ганнибала Лектера».

При виде Старлинг глаза доктора широко открылись и в глубине зрачков сверкнули огоньки. Своим мысленным взором он удерживал ее образ точно и четко еще очень долго после того, как она исчезла с экрана. Затем перед ним возникло еще одно лицо, которое начало сливаться с первым. Мишу все больше и больше сплавлялась в единое целое со Старлинг. Это продолжалось до тех пор, пока во все стороны не брызнули искры, унося их единый образ на восток, в ночное небо, к вращающимся над океаном звездам.

Теперь, если Вселенная начнет сжиматься, время повернет вспять и разбитая чашка снова соберется на столе, для Мишу найдется место в этом мире. Доктор Лектер знал, что сестра окажется в самом достойном месте. Она возродится

в Старлинг, займет ее место во Вселенной. Если до этого дойдет дело, если время потечет назад, то нисхождение Старлинг освободит место для Мишу, столь же светлой и сияющей, как медная ванночка в саду под лучами солнца.

Глава 74

Доктор Лектер запарковал свой пикап на платной стоянке в квартале от Больницы милосердия и тщательно протер четвертаки, прежде чем опустить их в счетчик. После этого он направился к главному входу больницы. Доктор был одет в комбинезон на подкладке — такие комбинезоны носят рабочие, спасаясь от холода. А голову его украшало кепи с большим козырьком, способным скрыть лицо от объективов камер наблюдения.

Прошло более пятнадцати лет после того, как доктор Лектер последний раз побывал в Больнице милосердия штата Мэриленд, но с тех пор, похоже, общее расположение помещений в больнице не очень изменилось. Возвращение в то место, где он начинал свою врачебную практику, не затронуло его чувств. Охраняемые верхние этажи, правда, претерпели кое-какие косметические изменения, но в сущности остались такими же, как в то время, когда он здесь практиковал. Если, конечно, верить поэтажному плану, составленному Архитектурным управлением.

Пропуск посетителя, полученный доктором в регистратуре у входа, открыл ему путь в лечеб-

ные отделения. Он пошел вдоль коридора, читая имена пациентов и врачей на дверях палат. Это было послеоперационное отделение, куда доставляли из реанимации больных, перенесших кардиологическую или черепную операцию.

Наблюдая за двигающимся по коридору доктором Лектером, вы могли бы подумать, что он едва-едва умеет читать. Он читал мучительно медленно, губы его при этом беззвучно шевелились, а сам он время от времени с глупым видом скреб затылок. Затем он уселся в зале ожидания и провел полтора часа в обществе рассказывающих друг другу семейные трагедии пожилых женщин. Его страдания усугублял телевизор, по которому показывали бесконечную игру «Угадай цену». Наконец он заметил того, кого столь терпеливо ждал. Хирург, все еще одетый в зеленый операционный наряд, совершал обход. Причем делал он это в одиночестве. Хирург, направляющийся к пациенту… Кто бы это мог быть? Скорее всего доктор Сильверман. Доктор Лектер поднялся со стула, сладко потянулся и, прихватив с крайнего стола оставленную кем-то растрепанную газету, покинул зал ожидания. Палата, в которой лежал пациент доктора Сильвермана, была третьей по коридору, если считать от того места, где столь

бездарно провел полтора часа доктор Лектер. Ганнибал Лектер незаметно скользнул в палату. Там царил полумрак, а пациент, к счастью, спал. Его голова и половина лица скрывались под бинтами. На экране монитора бесконечной гусеницей ползла светлая линия.

Доктор Лектер поспешно освободился от своего утепленного комбинезона и остался в зеленом наряде хирурга. Затем он натянул чехлы на обувь, на голову надел колпак, а лицо прикрыл маской. Покончив с переодеванием, доктор достал из кармана и развернул пластиковый мешок для мусора.

В палату вошел доктор Сильверман. На пороге он обернулся и произнес через плечо несколько слов. Неужели к нему присоединилась медсестра? Слава Богу, нет.

Доктор Лектер поднял мусорную корзину и принялся перегружать ее содержимое в мешок для мусора.

— Простите, доктор, я уже ухожу, — сказал он.

— Все в порядке, — ответил хирург, беря со спинки кровати листок с записью жизненных показаний больного. — Спокойно заканчивайте свою работу.

— Благодарю вас, — сказал доктор Лектер и,

сделав кроткий замах, нанес затянутой в кожу плоской дубинкой удар в основание черепа доктора Сильвермана. Практически это был даже не замах, а простое движение кистью. Хирург осел, и доктор Лектер, не давая коллеге упасть, обхватил его за грудь. То, как доктор Лектер несет свою превосходящую его по весу жертву, всегда вызывает изумление и восхищение. Он сразу становится похожим на трудолюбивого, сильного муравья. Доктор Лектер отнес хирурга в туалет, расстегнул и спустил его брюки и усадил на унитаз.

Доктор Сильверман сложился почти напополам, так, что его голова касалась коленей. Ганнибал Лектер привел хирурга в сидячее положение, посмотрел ему в зрачки, отцепил от его груди карточку с фамилией и пришпилил ее к своему зеленому наряду.

Затем, прикрепив к груди доктора свой пропуск посетителя, он повесил себе на шею его стетоскоп, а лоб украсил весьма замысловатой хирургической линзой. Плоская, затянутая в кожу дубинка отправилась в рукав.

Теперь доктор Лектер был готов для проникновения в самое сердце Больницы милосердия штата Мэриленд.

Больница скрупулезно выполняла федераль-

ные правила обращения с наркотическими препаратами. На всех этажах, где размещались пациенты, эти препараты хранились в запертых шкафах рядом с пультом дежурной сестры. Чтобы проникнуть в шкаф, требовалось открыть два замка. Один ключ хранился у дежурной сестры, а второй у ее помощницы. Кроме того, велся тщательный учет всех выдач.

В операционные, которые были наиболее защищенными помещениями больницы, необходимые для очередной процедуры наркотические препараты доставлялись всего за несколько минут до появления там пациента. Медикаменты, нужные анестезиологу, помещались в шкаф рядом с операционным столом. Одна половина шкафа являлась холодильником, а во второй лекарства оставались при комнатной температуре.

Запас лекарств хранился в специализированной аптеке хирургического отделения рядом с комнатой для мытья рук. В хирургической аптеке имелись некоторые прописи, которых не было в общем хранилище внизу, такие, как сильнодействующие седативы и препараты двойного гипнотического и седативного действия, позволяющие проводить операции на открытом сердце и нейрохирургические операции без общего

наркоза. При подобного рода операциях пациент оставался в сознании и мог реагировать на действия хирурга.

В течение рабочего дня в аптеке обязательно кто-то находился, и шкафы, когда фармацевт был в помещении, не запирались. В экстренных ситуациях, которых при операциях на открытом сердце бывало предостаточно, времени на то, чтобы хлопать себя по карманам в поисках ключей, не оставалось. Доктор Лектер, поправив на лице маску, вступил через открывающиеся в обе стороны стеклянные двери в ту часть больницы, где размещались операционные.

В попытке сделать помещение более веселым, его стены выкрасили в несколько цветов, сочетание которых могло вывести из себя даже тех, кто был готов отправиться в лучший мир. Несколько врачей, вошедших чуть раньше доктора Лектера, расписались у стойки дежурной и отправились в комнату для мытья. Доктор Лектер поднял картонку и поводил ручкой над прикрепленным к ней листком с подписями. Никаких следов он на нем, естественно, не оставил.

Из висевшего на доске объявлений расписания следовало, что рабочий день хирургов начнется через двадцать минут в операционном поме-

щении «Б» с удаления опухоли мозга. Войдя в комнату для мытья, доктор Лектер снял перчатки, сунул их в карман, тщательно с мылом оттер руки до локтей, высушил их, попудрил и опять натянул перчатки. Теперь снова в зал. Аптека должна быть рядом справа. Нет. Соседняя дверь оказалась выкрашенной в абрикосовый цвет, и на ней значилось: «АВАРИЙНЫЕ ГЕНЕРАТОРЫ», а чуть дальше была видна двустворчатая дверь операционной «Б». Сзади у его локтя задержалась какая-то сестра.

— Доброе утро, доктор.

Доктор Лектер глухо кашлянул под маской и пробормотал приветствие. Медсестра задержала на нем взгляд на мгновение и вошла в операционную. Ганнибал Лектер вернулся в комнату для мытья с таким видом, словно чего-то забыл. Он стянул с рук резиновые перчатки и отправил их в бачок для мусора. Никто не обратил на него внимания. У него с собой имелась еще одна пара. Тело его оставалось на месте, а разум мчался через вестибюль Дворца памяти, мимо бюста Плиния и вверх по лестнице в Зал архитектуры. В прекрасно освещенном помещении стояла модель собора Святого Павла работы самого Кристофера

Рена[50], а на столе его ожидали различные чертежи и планы, в числе которых были и поэтажные планы Больницы милосердия, составленные Архитектурным управлением города Балтимор. Так… Он находится здесь. Аптека хирургического отделения была в этом месте. Нет. Чертеж не точен. После того как он был сделан, больницу перепланировали. Генераторы раньше располагались в зеркально ином порядке — рядом с операционной «А». Возможно, аптеку и генераторы поменяли местами. Наверняка. Во всяком случае, он не может себе позволить действовать методом проб и ошибок.

Доктор Лектер вышел из комнаты для мытья и решительно направился по коридору в направлении операционной, обозначенной литерой «А». Дверь слева. На ней написано «ЛМД». Вперед! Следующая дверь оказалась дверью аптеки. Они поделили помещение на две части: в одной половине разместилась лаборатория магнитно-резонансной диагностики, а в другой аптека.

Удерживаемая противовесом тяжелая дверь аптеки стояла нараспашку. Доктор Лектер быстро нырнул в аптеку, потянув за собой дверь.

---

[50] Примечания: 50

Кристофер Рен (1632–1723) — английский архитектор, математик и астроном. Речь идет о соборе Святого Павла в Лондоне (1675–1710).

Пухлый коротышка фармацевт пыхтел, укладывая какие-то лекарства на нижнюю полку.

— Вы позволите мне помочь вам, доктор?

— Да, пожалуйста.

Молодой человек начал было подниматься, но закончить это действие так и не успел. Удар дубинки — и фармацевт, судорожно захватив открытым ртом воздух, рухнул на пол.

Доктор Лектер поднял подол своей зеленой хирургической блузы и заправил его за обнаружившийся под ней фартук садовника.

Он сверху вниз пробежал взглядом по полкам, прочитав с молниеносной скоростью названия лекарств. Затем с такой же скоростью доктор принялся рассовывать их по многочисленным карманам фартука. В карманы отправились: амбьен, амобарбитал, амитал, хлоралгидрат, даламан, флюразепам, хальцион, за которыми последовала дюжина других флаконов. Покончив со шкафом, доктор обратился к холодильнику. Мидозалам, ноктек, скополамин, пентотал, квазепам, солзидем. Не прошло и сорока секунд, как доктор Лектер снова очутился в коридоре, не забыв при этом аккуратно закрыть за собой дверь.

Он снова прошел в комнату для мытья и проверил в зеркале, нет ли на его теле слишком

заметных выпуклостей. Убедившись, что все в порядке, он не спеша вышел через двойные, открывающиеся в обе стороны двери. Карточка на его груди была сознательно повернута лицевой стороной к телу, маска плотно сидела на лице, очки прикрывали глаза, хирургическая линза сидела на лбу, а частота пульса держалась на уровне семидесяти двух ударов в минуту. Доктор на ходу невнятно бурчал приветствия встречающимся «коллегам». Он вошел в лифт и начал спускаться все ниже и ниже, не отрывая взгляда от истории болезни, которую захватил где-то по пути. Хирургическая маска по-прежнему оставалась на его лице.

Входящие в кабину лифта посетители не могли не удивляться, видя его в маске. Однако доктор Лектер не снимал ее до тех пор, пока не оказался почти у выхода, вне поля камер наблюдения. Зеваки на улице тоже могли испытать удивление, обратив внимание на то, что доктор из столь уважаемой клиники водит такой разбитый, старый грузовик.

Тем временем в операционном отделении больницы анестезиолог долго и безуспешно стучал в дверь аптеки. Наконец, открыв дверь без приглашения, он обнаружил лежавшего без сознания

фармацевта. Прежде чем открылась пропажа лекарств, прошло еще пятнадцать минут.

Доктор Сильверман, придя в себя, свалился с унитаза на пол и остался лежать с приспущенными брюками. Он не помнил, как попал в туалет, и вообще слабо представлял, где находится. Доктор даже решил, что, возможно, у него возникло какое-то мозговое явление, вызванное тем, что он слишком сильно тужился, сидя на унитазе. Будучи медиком квалифицированным, доктор очень боялся двигаться, дабы не потревожить возможный тромб. Но затем, преодолев страх, он осторожно, очень осторожно, выполз из туалета и подполз к дверям так, чтобы его рука оказалась в коридоре. Обследование показало, что у доктора Сильвермана всего лишь легкое сотрясение мозга.

По пути домой Ганнибал Лектер сделал еще остановку. Он задержался на короткое время, чтобы получить сделанный по Интернету заказ на некоторые похоронные принадлежности. Это был смокинг с вшитой в него белой манишкой с галстуком-бабочкой. Смокинг был предусмотрительно распорот вдоль спины.

Теперь ему оставалось купить лишь вино. Вино должно быть по-настоящему праздничным. Для

этого надо будет поехать в Аннаполис. Как приятно было бы прокатиться туда на «ягуаре».

Глава 75

Когда позвонил Эрик Пикфорд, Крендлер уже влез в тренировочный костюм для пробежки на свежем воздухе и ему пришлось расстегнуть «молнию», чтобы не перегреться.

— Эрик, отправляйтесь в кафетерий и позвоните мне оттуда из автомата.

— Простите, мистер Крендлер. Я вас не понял.

— Делайте то, что вам говорят.

Крендлер стянул со лба повязку, а с рук перчатки и швырнул их на стоящий в гостиной рояль. Выстукивая пальцем ритм музыкальной темы из «Облавы», он ждал повторного звонка. Когда разговор возобновился, Крендлер сказал:

— Старлинг работала техническим агентом. И мы не знаем всех способов, которыми она может подключиться к телефону. Мы обязаны хранить секреты правительства.

— Так точно, сэр, — согласился Пикфорд и без паузы продолжил: — Звонила Старлинг, сэр. Она желает получить свой цветок и глупую птичку, которая пьет воду из стакана и предсказывает погоду. Но кроме того, Старлинг сообщила и кое-что полезное. Она предложила сопоставить

последние цифры почтовых кодов, по которым рассылаются вызывающие наше подозрение подписные издания. Выявить те из них, которые отличаются друг от друга не более чем на три единицы. Бывший специальный агент Старлинг допускает, что доктор Лектер может пользоваться несколькими находящимися рядом почтовыми отделениями.

— И?

— Получилось. «Журнал нейрофизиологии» идет по одному коду, а «Физика Скрипта» и «ИКАРУС» по другому. Расстояние между почтовыми отделениями не больше десяти миль. Подписка сделана на разные имена и оплачена по платежному поручению.

— Что такое «ИКАРУС»?

— Международный журнал, посвященный проблемам изучения Солнечной системы. Двадцать лет назад доктор Лектер был его привилегированным подписчиком. Почтовое отделение и абонентский ящик находятся в Балтиморе. Журнал обычно поступает десятого числа каждого месяца. Кроме того, минуту назад поступило сообщение о продаже бутылки «Шато», как его там… «Юкум».

— Это произносится «Икем», Эрик. А подробнее

можно?

— Первоклассная винная лавочка в Аннаполисе. Я сопоставил дату покупки с представляющими интерес датами из списка Старлинг. Она ближе всего ко дню рождения самой Старлинг. И год, когда было сделано вино, совпадает с годом ее рождения. За вино уплачено наличными триста двадцать пять долларов и…

— Это было до или после того, как вы говорили со Старлинг?

— После, буквально минуту назад…

— Следовательно, она об этом не знает?

— Нет. Могу ли я ей сооб…

— Итак, вы говорите, что продавец проинформировал вас о покупке одной бутылки?

— Так точно, сэр. У нее есть заметка, что на всем Восточном побережье имеется всего три бутылки такого вина. И она предупредила продавцов каждой из трех. Нельзя не восхититься, сэр.

— Кто купил вино? Как он выглядел?

— Мужчина. Белый. Рост… средний. Борода. Воротник поднят. Лица как следует рассмотреть не удалось.

— Имеется ли в винной лавке камера наблюдения?

— Да, сэр. Это — первое, о чем я спросил. Я ска-

зал, что мы пришлем кого-нибудь за пленкой. Пока это еще не сделано. Продавец не читал бюллетеня, но сообщил о покупке хозяину — настолько она была необычной. Хозяин выбежал из магазина, чтобы взглянуть на покупателя, — во всяком случае, он считает, что это покупатель. Тот уже отъезжал на потрепанном пикапе. Серый, с лебедкой в кузове. Вы не считаете, что он попытается передать вино Старлинг? Может быть, лучше ее предупредить?

— Нет, — сказал Крендлер. — Ничего ей не говорите.

— Следует ли предупредить службу Сети, чтобы там ввели эти данные в электронный файл Лектера?

— Нет, — ответил Крендлер, пытаясь соображать как можно быстрее. — Пришел ли ответ из Квестуры на запрос о компьютере Лектера?

— Нет, сэр.

— В таком случае вы не должны ставить в известность электронщиков, поскольку нельзя исключать то, что доктор Лектер имеет доступ к файлам. Он мог унаследовать тот код доступа, который имелся у Пацци. Да и Старлинг может найти способ прочитать данные и предупредить его так, как уже сделала во Флоренции.

— Верно, сэр, я понимаю. Теперь об Аннаполисе, сэр. Местное отделение Бюро может забрать пленку.

— Оставьте это дело мне.

Пикфорд продиктовал адрес винной лавки.

— Продолжайте работать с подпиской, — инструктировал его Крендлер. — Когда Крофорд вернется на работу, сообщите ему о ваших открытиях по части журналов. Он организует просмотр всех абонентских ящиков начиная с десятого числа.

Крендлер набрал номер Мейсона. Закончив разговор, он вышел из своего дома в Джорджтауне и затрусил в направлении парка «Рок-Крик».

В наступающей ночи были видны лишь его белая головная повязка фирмы «Найк», белые кроссовки все той же фирмы и белые полосы по бокам темного найковского тренировочного костюма. Создавалось впечатление, что человека там вовсе нет, а бежит только одна известная торговая марка.

Это была довольно быстрая получасовая пробежка. Он услышал шум винта вертолета в тот момент, когда уже подбегал к посадочной площадке рядом с зоопарком. Почти не снижая темпа бега, он нырнул под вращающиеся лопасти и

вбежал в машину по спущенному трапу. Быстрый подъем вертолета с реактивным двигателем привел его в восхищение. Город, залитые светом известные всему миру монументы уходили вниз, по мере того как винтокрылая машина возносила его на ту высоту, которую он заслуживал. Крендлер мчался в Аннаполис за пленкой, чтобы как можно быстрее доставить ее Мейсону.

Глава 76

— Не мог бы ты улучшить эту вшивую фокусировку, Корделл? — раздался радиоголос Мейсона. Слова «вшивую» и «фокусировку» звучали как «хивую» и «хокухировку».

Крендлер, чтобы лучше видеть высоко поднятый монитор, стоял рядом с постелью Мейсона в затемненной части комнаты. В помещении было жарко, и ему пришлось снять куртку своего модного, в стиле яппи, спортивного костюма и обвязать рукава вокруг пояса, выставив напоказ майку с эмблемой Принстонского университета. Головная повязка и кроссовки белели в неярком свете аквариума.

По мнению Марго, плечи у Крендлера были как у цыпленка. Сестра хозяина дома и заместитель помощника при встрече удостоили друг друга едва заметным кивком.

Счетчика кадров или указателя времени на пленке не было, а торговля в преддверии Рождества шла весьма бойко. После появления очередного покупателя Корделл нажимал кнопку быстрой перемотки, пропуская сцену покупки. Мейсон же проводил это время, говоря гадости.

— Что вы сказали в лавочке, ворвавшись туда в спортивном наряде и демонстрируя свою медяшку, Крендлер? Заявили, что участвуете в Олимпиаде?

После того как Крендлер начал депонировать чеки на свой счет в банке, Мейсон стал обращаться с ним практически без всякого уважения. Оскорбить Крендлера, когда на кону стояли его интересы, было невозможно.

— Я сказал, что работаю под прикрытием. Какие силы вы привлекли к операции?

— Скажи ему, Марго, — произнес Мейсон, видимо, вознамерившись поберечь дыхание для новых оскорблений.

— Мы выписали двенадцать сотрудников из нашей службы безопасности в Чикаго. Они разбиты на три команды, один человек в каждой команде имеет статус помощника шерифа, полученный в Иллинойсе. Если полиция застанет их за захватом доктора Лектера, то они заявят, что, узнав беглого преступника, производят гражданский арест и так далее и тому подобное… Команда, которая захватит доктора, передаст его Карло. После этого они отправятся в Чикаго. Больше им ничего не известно.

Тем временем пленка продолжала свой бег.

— Стойте. Корделл, отмотай-ка назад секунд на тридцать, — сказал Мейсон. — Взгляните на это.

Зона видимости камеры охватывала пространство от входной двери до кассы.

На экране возник расплывчатый образ человека в кепи с большим козырьком, в красной клетчатой куртке лесоруба, воротник которой был поднят. На руках посетителя были рукавицы. Густые усы и бакенбарды частично скрывали лицо человека. На носу сидели большие темные очки. Он повернулся спиной к телевизионной камере и тщательно закрыл за собой дверь.

Некоторое время покупатель объяснял продавцу, что ему надо, а затем они оба направились к полкам с бутылками, исчезнув на время из поля зрения камеры.

Прошли три томительные минуты. Но вот они снова возникли на экране. Продавец сдул с бутылки пыль и обернул в мягкую ткань, перед тем как положить в сумку. Покупатель, сняв с руки лишь правую рукавицу, расплатился наличными. Губы продавца зашевелились — он, видимо, благодарил за покупку. К этому времени человек, успев повернуться к нему спиной, уже направлялся к двери.

Проходит несколько секунд, и продавец кого-то

зовет. На экране появляется плотный человек и тут же спешит к выходу.

— Это хозяин, который успел увидеть грузовик, — заметил Крендлер.

— Корделл, не мог бы ты скопировать последний кусок и увеличить голову посетителя?

— Это займет некоторое время, мистер Мейсон. И изображение будет еще менее четким.

— Действуй.

— Он не снял левую рукавицу, — сказал Мейсон. — Я думаю, что меня опять кинули с рентгенограммой, за которую я заплатил деньги.

— Но разве Пацци не утверждал, что руку ему починили? Не говорил, что лишний палец отрезали? — спросил Крендлер.

— Пусть Пацци загонит этот палец себе в задницу… Не знаю, кому верить. Марго, что ты думаешь? Ведь ты же его видела. Перед нами Лектер?

— Это было восемнадцать лет назад, — ответила Марго. — Он провел со мной всего три сеанса и, когда я появлялась, стоял за столом. При мне доктор никогда не ходил. Был совершенно неподвижен. Лучше всего я запомнила его голос.

— Мистер Вергер, здесь Карло, — сообщил Корделл через интерком.

Карло как никогда сильно благоухал свиньями. Он вошел в комнату прижав шляпу к груди. Когда итальянец наклонил голову, в ноздри Крендлера ударил дух несвежей колбасы из кабанины. В знак уважения к аудитории Сардинец полностью извлек изо рта хрящик и теперь крепко сжимал его в кулаке.

— Карло, посмотри на это. Корделл, отмотай назад и проведи его снова от самых дверей.

— Это тот самый сукин сын, — произнес Карло, едва покупатель успел сделать четыре шага. — У него теперь борода. Но по тому, как двигается, это точно он.

— Во Флоренции ты видел его руку, Карло?

— Да.

— На левой — пять пальцев или шесть?

— …Пять.

— Ты не уверен?

— Просто думал, как будет cinque по-английски. Нет, их было пять. Точно.

Мейсон чуть разомкнул свои обнаженные зубы черепа, что должно было изображать улыбку.

— Мне это нравится, — сказал он. — Лектер носит рукавицу, чтобы лучше соответствовать старому описанию своей внешности, в котором указывались шесть пальцев.

Возможно, что через систему аэрации аромат Карло добрался и до аквариума. Мурена выбралась из убежища, чтобы взглянуть на то, что происходит. В свой искусственный грот она не вернулась. Вместо этого она начала выписывать бесконечную петлю Мебиуса, демонстрируя при дыхании острые зубы.

— Карло, думаю, что мы скоро закончим это дело, — сказал Мейсон. — Ты, Пьеро и Томмазо образуете мою первую команду. Я верю в вас, несмотря на то что он ушел от вас во Флоренции. Я хочу, чтобы вы не спускали глаз с Клэрис Старлинг все время в течение трех дней, начиная со дня, предшествующего ее дню рождения. Вас будут сменять лишь на то время, пока она спит дома. Я дам вам микроавтобус с водителем.

— Патрон, — обратился к нему Карло.

— Слушаю.

— Я хочу побыть некоторое время наедине с доктором. Ради моего брата Маттео. Вы раньше сказали, что это можно сделать.

— Я хорошо понимаю тебя, Карло. И глубоко тебе сочувствую. Я хочу, чтобы доктор Лектер был съеден в два приема. В первый вечер свиньи сожрут его ступни, а он станет наблюдать за этим из-за решетки. Поэтому я хочу, чтобы ты доставил

его сюда в хорошей форме. Никаких ударов по голове, никаких сломанных костей или поврежденных глаз. Затем ему уже без ног придется всю ночь ждать того момента, когда свиньи его доедят. Я с ним немного побеседую, а затем он твой на час, перед тем как его снова подадут к столу. Прошу тебя, пусть доктор будет в сознании и оставь ему хотя бы один глаз, чтобы он мог видеть, как приближаются свиньи. Я хочу, чтобы он мог лицезреть их хари перед тем, как они начнут грызть его рожу. Если ты, например, пожелаешь лишить доктора Ганнибала Лектера его мужских достоинств, то я против этого возражать не стану. Однако при операции должен присутствовать Корделл, чтобы доктор не скончался от потери крови. И прошу запечатлеть все происходящее на пленке.

— А что, если он умрет от потери крови еще в загоне?

— Не успеет. Не умрет он и ночью. Ему придется ждать до утра с отъеденными ногами. Корделл проследит, чтобы все было в порядке, и возместит потерю жидкости. Думаю, что он всю ночь будет под капельницей, возможно, даже двумя.

— Если потребуется, то и четырьмя, — вмешался Корделл. — Я могу сделать ему разрезы

на ногах.

— Ты, Карло, можешь плюнуть и даже помочиться в капельницу перед тем, как доктора понесут на завтрак, — выдерживая сочувственный тон, сказал Мейсон. — А если хочешь, то даже можешь его и поиметь.

При этих словах лицо Карло посветлело, но, вспомнив что-то, он бросил на широкоплечую синьорину виноватый взгляд.

— Спасибо, патрон. Вы сможете прийти, чтобы наблюдать за тем, как он будет умирать?

— Не знаю, Карло. Пыль амбара весьма для меня неприятна. Скорее всего я буду следить за всем по монитору. Не мог бы ты привести ко мне одну из твоих свинок? Я хотел бы ее погладить.

— В эту комнату, патрон?

— Нет. Они ненадолго смогут спустить меня вниз. Для этого имеются механические приспособления.

— Но мне тогда придется погрузить животное в сон, — не скрывая своего сомнения, произнес Карло.

— Пусть это будет матка. Доставь ее на лужайку у лифта. Вильчатый погрузчик пройдет по траве.

— Вы рассчитываете провести захват, имея в своем распоряжении лишь микроавтобус, или

предполагаете использовать в придачу к нему и автомобиль поддержки? — поинтересовался Крендлер.

— Карло?

— Микроавтобуса вполне хватит. Дайте мне только помощника шерифа в качестве водителя.

— У меня для вас есть еще кое-что, — сказал Крендлер. — Нельзя ли чуть больше света?

Марго повернула ручку реостата, и Крендлер взял в руки свой рюкзачок, который положил до этого на стол рядом с вазой с фруктами. Затем он натянул на руки нитяные перчатки и извлек из рюкзачка прибор, похожий на маленький монитор. Прибор был снабжен зажимами для установки, из него торчала антенна и тянулся провод питания с преобразователем тока на нем.

— Следить за Старлинг будет сложно, — сказал Крендлер. — Ее дом стоит в тупике, и укрыться там негде. Но ей придется вылезать из норы — она помешана на поддержании спортивной формы. После того как ее выставили из ФБР, ей придется пользоваться частным тренажерным залом. В четверг, когда она была в спортзале, мы установили под ее «мустангом» излучатель. Источником питания служит никель-кадмиевая батарея, которая подзаряжается во время работы

двигателя. Заложенная в этот прибор программа охватывает пять близлежащих штатов. Кто будет работать с этой штукой?

— Корделл, подойди сюда.

Корделл и Марго присели рядом с Крендлером, а Карло склонился над ними, почтительно держа шляпу на уровне их ноздрей.

— Взгляните, — сказал Крендлер, включая монитор. — Это похоже на навигационную систему автомобиля. Вся разница лишь в том, что он указывает не ваше местонахождение, а то место, где находится наблюдаемый объект. — На экране возник общий вид Вашингтона с большой высоты. — Нажмите кнопку увеличения и укажите на нужный район этой стрелкой. Поняли? Да-да, он сейчас ничего не показывает. Сигнал излучателя зажигает вот этот огонек, и вы слышите звуковой сигнал. После этого вы увеличиваете изображение и ставите на нужное место стрелку. По мере приближения к источнику излучения сигнал учащается. Увеличиваем изображение. Перед нами место, где живет Старлинг, и все близлежащие улицы. Сигнала мы не слышим, так как находимся вне зоны досягаемости излучателя. В любой части Вашингтона или Арлингтона вы его обязательно услышите. В вертолете по пути

сюда он звучал великолепно. Это выпрямитель переменного тока, чтобы вы могли использовать прибор в машине. Да, и еще одно. Вы должны мне гарантировать, что аппарат не попадет в чужие руки. Я могу сильно погореть, так как машинка еще не появилась в лавках, торгующих шпионским оборудованием. Прибор должен вернуться ко мне, либо — в худшем случае — оказаться на дне Потомака. Ясно?

— Ты все поняла, Марго? — спросил Мейсон. — А ты, Корделл? Мольи будет водителем. Проинструктируйте его.

Часть V
ФУНТ ПЛОТИ

Глава 77

Прелесть духового ружья заключается в том, что из него можно стрелять, не высовывая ствол из окна машины, и при этом никого не оглушить.

Тонированное стекло надо лишь приспустить на несколько дюймов, и крошечная игла с мощной дозой асептомазина вонзится в мышечную массу доктора Лектера — его спину или ягодицу. Окружающие при этом ничего не заметят.

Раздастся лишь негромкий звук, похожий на звук ломающейся ветки. Не будет ни громкого хлопка, ни свиста летящей с почти звуковой скоростью пули, способных привлечь чье-то внимание.

Во время репетиции, в тот момент, когда «доктор Лектер» стал оседать, Пьеро и Томмазо, одетые в белые халаты, подхватили его, объявляя зевакам, что везут несчастного в больницу. Английским Томмазо владел лучше брата (язык он учил еще в семинарии), однако и у него возникали некоторые трудности с произношением.

Мейсон поступил совершенно правильно, возложив на итальянцев основную задачу по

захвату доктора Лектера. Несмотря на провал во Флоренции, они лучше, чем кто-либо другой, могли средь бела дня похитить человека и доставить его по месту назначения живым.

Каждой команде Мейсон разрешил иметь лишь один пистолет. В команде Карло им был вооружен Мольи — помощник шерифа из Иллинойса, находящийся временно вне службы. Этот человек уже много лет верой и правдой работал на семейство Вергеров. Мольи с детства говорил дома по-итальянски и всегда соглашался со всеми словами своих жертв, перед тем как их убить.

Карло и Пьеро с Томмазо не забыли свою сеть, дубинку и массу иных средств, способных обездвижить доктора Лектера. Всего этого им должно было хватить с избытком.

Они расположились в Арлингтоне на торговой улице в Пяти кварталах от дома Старлинг. На микроавтобусе было написано: «СЛУЖБА ПЕРЕВОЗКИ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН», а стоял он на месте, предназначенном для машин инвалидов. На зеркале заднего обзора висел соответствующий пропуск, а на хвостовом бампере виднелся фальшивый знак с силуэтом человека в коляске. В бардачке лежала квитанция из мастерской жестянщика, подтверждающая недавнюю замену бампера. Это

позволяло заявить, что в гараже им по ошибке поставили этот бампер, и запутать на некоторое время дело, если кто-то пожелает сверить номер пропуска с номером на знаке. Идентификационный номер машины и номер регистрации были подлинными. Так же как и предназначенные для взяток стодолларовые банкноты в бардачке.

Предоставленный Крендлером монитор был установлен на приборную доску и соединялся проводом с гнездом зажигалки. На экране изображалась сеть прилегающих к дому Старлинг улиц. Спутник глобального определения положения показывал как местонахождение автобуса, так и расположение машины Старлинг — яркое пятно перед ее жилищем.

В девять ноль-ноль Карло позволил Пьеро немного перекусить. В десять тридцать смог подзаправиться и Томмазо. Карло не хотел, чтобы оба оказались с набитым брюхом, если вдруг придется начать длительное пешее преследование. Полуденный прием пищи тоже оказался смазанным. Когда Томмазо копался в переносном холодильнике в поисках сандвича, монитор издал писк.

Источающая тяжкий дух башка Карло обратилась к экрану.

— Она двинулась, — объявил Мольи и завел мотор.

Томмазо опустил крышку холодильника.

— Вот мы. Мы поехали… Она движется по Тиндал в направлении главной дороги, — вел репортаж Мольи, вливаясь в поток машин. Он мог позволить себе роскошь оставаться в трех кварталах от Старлинг — там, где она не могла его заметить.

Но и Мольи не смог увидеть серый старый пикап, влившийся в уличное движение в одном квартале позади «мустанга». Из кузова пикапа сзади торчала вершина рождественской елки.

Вождение «мустанга» было одним из тех немногих удовольствий, которое Старлинг могла себе всегда позволить. Мощная машина без автоматической коробки передач и регулятора силы сцепления очень подходила для езды по скользким улицам большую часть зимы. Когда же дороги оставались сухими, было очень приятно немного прогонять мощный восьмицилиндровый двигатель на второй передаче, прислушиваясь к его реву.

Арделия Мэпп послала подругу за покупками, снабдив толстенной пачкой дающих право на торговую скидку купонов, собирать которые она

была великая мастерица, и длиннющим списком необходимых продуктов. Мэпп и Старлинг должны были приготовить ветчину, потушить мясо и запечь для него гарнир в двух горшочках. Их гости обещали принести с собой индейку.

У Старлинг совершенно не было настроения праздновать свой день рождения и тем более устраивать большой ужин. Но ей пришлось пойти на это, поскольку, помимо Мэпп, на удивление большое число женщин — агентов ФБР (некоторых она едва знала) поддержали ее в несчастье.

Мысли о Джеке Крофорде постоянно преследовали Старлинг. Она не смогла ни навестить его в реанимации, ни позвонить ему. В приемной больницы она оставляла для него веселые записки на открытках с забавными собачками.

Сейчас девушка игрой с «мустангом» старалась отвлечь себя от грустных мыслей. Дважды перебросив рычаг коробки скоростей, она перешла на вторую передачу и, затормозив с помощью двигателя, свернула на стоянку у супермаркета «Сейфвей». Педали тормоза она слегка касалась лишь для того, чтобы просигналить едущим сзади водителям, что снижает скорость.

Прежде чем она нашла место, ей дважды пришлось объехать огромную парковку. Да и эта

стоянка оказалась свободной только потому, что на въезде в нее была брошена тележка для перевозки покупок. К тому времени когда она начала вылезать из машины, чтобы убрать преграду, какой-то покупатель увел тележку.

Найдя еще одну пустую тележку рядом с входом, она вкатила ее в двери супермаркета.

Мольи увидел на экране, как Старлинг свернула на стоянку магазина, и вскоре чуть впереди и немного справа от микроавтобуса появилось громадное здание супермаркета.

— Она отправляется за покупками, — объявил Мольи и повернул на парковку.

Для того чтобы обнаружить ее машину, понадобилось лишь несколько секунд. Более того, Мольи успел даже показать на молодую женщину, катящую тележку к дверям магазина.

— Это Старлинг, — сказал Карло, наводя на нее бинокль. — Выглядит как на фотографиях. — С этими словами он передал бинокль Пьеро.

— Мне хотелось бы иметь ее снимок, — заметил Фальчоне, — У меня с собой есть телевик.

Напротив ее машины, по другую сторону проезда, находилась стоянка, отведенная для инвалидов. Мольи поставил микроавтобус на это место, опередив большой «линкольн» со знаком,

говорящим о том, что за рулем машины находится инвалид. Водитель «линкольна» принялся сигналить, раздраженно нажимая на кнопку клаксона.

Они посмотрели в заднее окно микроавтобуса на машину Старлинг.

Поскольку Мольи привык к виду разного рода американских машин, он первым заметил старый пикап, запаркованный вдалеке на самом краю площадки. Ему был виден только хвост серого пикапа.

Он показал машину Карло и сказал:

— Там сзади в кузове лебедка. О такой, кажется, упоминал тот парень из винной лавочки. Гляньте в бинокль, из-за этой вшивой елки я ничего не вижу.

— Да. Точно, там есть что-то вроде лебедки. В машине пусто.

— Не стоит ли проследить за девкой в магазине? — спросил Томмазо.

— Нет. Если он вообще что-нибудь сделает, то сделает только здесь, — ответил Карло.

Первым в ее маршруте оказался молочный отдел. Просмотрев купоны, Старлинг купила сыр, который пойдет на приготовление гарнира, и булочки типа «разогрей и ешь». Не хватало только

заниматься выпечкой для оравы гостей. Добравшись до мясного прилавка, девушка вспомнила, что забыла взять масло. Оставив тележку, она вернулась в молочный отдел.

Забрав масло и вернувшись к мясу, Старлинг обнаружила, что ее тележка исчезла. Кто-то вынул из нее все пока еще немногие покупки и сложил их на полку рядом. Купоны и список исчезли вместе с тележкой.

— Будь ты проклят! — сказала она достаточно громко для того, чтобы находящиеся вблизи покупатели услышали. Оглядевшись по сторонам, она не увидела ни одного человека с толстой пачкой купонов в руках. Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, девушка стала продумывать дальнейший ход своих действий. Можно, конечно, отправиться к кассам, попробовать найти свой список и отнять оставшиеся купоны. «Какого дьявола я зациклилась на этих купонах? Экономия в пару баксов не стоит того, чтобы из-за нее портить себе настроение».

Поскольку свободных тележек Старлинг не увидела, ей пришлось выйти из магазина, чтобы прихватить одну на автомобильной стоянке.

— Вот! — Карло увидел, как между машинами своей легкой, быстрой походкой шагает доктор

Лектер. На докторе было надето пальто из верблюжьей шерсти, на голове сидела широкополая фетровая шляпа. В руках Ганнибал Лектер нес свой подарок. — Мадонна! Он идет прямо к ее машине.

В Карло тут же пробудился охотник и, готовясь произвести выстрел, Сардинец задышал ровнее. Хрящик, который грыз Карло, на миг высунулся у него изо рта.

Заднее стекло микроавтобуса никак не хотело опускаться.

— Подай машину назад, чтобы встать к нему боком.

Доктор Лектер остановился у «мустанга» со стороны пассажирского места. Затем, передумав, он обошел автомобиль и встал у дверцы водителя. Ему, видимо, захотелось понюхать рулевое колесо.

Доктор огляделся по сторонам и извлек из рукава плоскую отмычку.

Автобус уже стоял к нему бортом. Карло приготовил ружье и нажал на кнопку подъема стекла. Никакого результата.

В тишине машины раздался противоестественно спокойный голос Карло:

— Мольи, окно!

Замки наверняка имеют страховку, чтобы их не мог случайно открыть ребенок. Мольи принялся лихорадочно искать нужный тумблер.

Доктор Лектер тем временем успел просунуть отмычку под стекло «мустанга» и открыть дверь. Он уже начал влезать в машину.

Выругавшись сквозь зубы, Карло чуть приоткрыл скользящую в пазах дверь и поднял ружье. Пьеро, освобождая пространство, подвинулся, и микроавтобус качнулся как раз в тот момент, когда щелкнул выстрел.

Стрелка сверкнула на солнце и, пробив крахмальный воротник рубашки, с чмокающим звуком вонзилась в шею доктора Лектера, Наркотик сработал почти мгновенно. Доза была большой, и стрела угодила в весьма чувствительное место. Доктор попытался выпрямиться, но колени его подогнулись, а пакет с подарком, выпав из рук, покатился под машину Старлинг. Прежде чем упасть между кузовом и дверью «мустанга», доктор каким-то чудом успел не только выхватить нож, но и открыть его. Но в этот момент его мышцы под действием наркотика окончательно превратились в желе.

— Мишу… — прошептал доктор, и мир вокруг него погрузился во тьму.

Пьеро и Томмазо, бросившись на доктора Лектера словно пара больших котов, прижали его к асфальту между машинами и удерживали до тех пор, пока не убедились в том, что он окончательно потерял сознание.

Старлинг катила по стоянке дребезжащую пустую тележку, когда до ее слуха донесся щелчок духового ружья. Повинуясь мгновенному рефлексу, девушка пригнулась, в то время как ничего не подозревающие люди вокруг нее продолжали заниматься своими делами. Девушка не поняла, откуда стреляли. Посмотрев в сторону своей машины, она увидела, как в стоящем рядом с «мустангом» микроавтобусе исчезают мужские ноги. Видимо, очередное ограбление, подумала Старлинг.

Бывший агент ФБР Клэрис Старлинг рефлекторно похлопала себя по бедру, где некогда обитал пистолет. Ничего не нащупав, она помчалась к микроавтобусу, лавируя между машинами.

«Линкольн» с престарелым водителем, объехав площадку, успел вернуться, старик за рулем отчаянно давил на кнопку клаксона, поскольку микроавтобус блокировал въезд на освободившееся место.

— Стоять! Стоять! ФБР! Стоять, или я стреляю! —

Она надеялась хотя бы запомнить номерной знак.

Пьеро, увидев, что она бежит к ним, схватил нож доктора Лектера, одним движением вырезал ниппель на переднем левом колесе «мустанга» и нырнул назад в микроавтобус. Автобус сорвался с места и, прыгая на неровностях асфальта, помчался кратчайшим путем к выезду с парковки. Старлинг успела заметить номер и быстро вывела его пальцем на запыленном капоте ближайшей машины.

С ключами в руках девушка направилась к «мустангу». Не доходя до него, она услышала шипение вырывающегося из шины воздуха. Обернувшись, Старлинг увидела крышу микроавтобуса. Он был уже почти у выхода.

Старлинг постучала по стеклу «линкольна», который теперь сигналил ей.

— У вас есть сотовый телефон? Я из ФБР. Дайте мне, пожалуйста, ваш мобильник!

— Уезжай, Ноель, — сказала сидящая в машине дама, вначале ткнув водителя пальцем в ногу, а затем и ущипнув его. — Здесь произошла какая-то неприятность. Нам не надо вмешиваться.

«Линкольн» укатил.

Старлинг нашла телефон-автомат и набрала

911.

Помощник шерифа Мольи ехал целых пятнадцать кварталов, стараясь не превысить лимитов скорости.

Карло вытащил из шеи доктора Лектера стрелу и вздохнул облегченно, увидев, что из раны не брызнула кровь. На шее под кожей виднелась гематома размером примерно в четвертак. Предполагалось, что инъекция будет сделана в место с большим объемом мышечной массы. Этот сукин сын вполне может отдать концы еще до того, как его сожрут свиньи.

В микроавтобусе никто не говорил. Там слышалось лишь тяжелое дыхание мужчин да под приборной доской попискивал работающий на полицейских волнах сканнер. Доктор Лектер лежал на полу в своем великолепном пальто. Шляпа свалилась с его аккуратной головы. На белоснежном воротнике рубашки виднелось маленькое пятнышко крови. Доктор был элегантен, как фазан в клетке перед забоем.

Мольи въехал в общественный гараж и поднялся на третий уровень. Там он задержался лишь для того, чтобы содрать с кузова клейкую ленту с надписью и сменить номерные знаки.

Для волнений не было никаких оснований. Мо-

льи рассмеялся, когда сканнер принял очередной полицейский бюллетень. Оператор на номере 911, видимо, не понял слова Старлинг «серый микроавтобус» и сообщил о большом автобусе фирмы «Грейхаунд». Все остальное оператор передал правильно, перепутав лишь одну цифру в номерном знаке.

— Ну точно как в Иллинойсе, — хмыкнул Мольи.

— Увидев нож, я испугался, что он убьет себя и избежит наказания, — сказал Карло, обращаясь к Пьеро и Томмазо. — Думаю, он еще пожалеет о том, что не перерезал себе глотку.

Проверяя другие шины, Старлинг обнаружила под машиной какой-то пакет.

Бутылка «Шато-д'Икем» ценой три сотни долларов и записка, начертанная знакомым каллиграфическим почерком:

«С днем рождения, Старлинг».

Только теперь до нее дошло, свидетельницей какого события она стала.

Глава 78

Все необходимые телефонные номера Старлинг хранила в памяти. Проехать десять кварталов до дома и позвонить оттуда? Нет. Вернувшись к таксофону, она, извинившись, взяла липкую трубку из рук какой-то молодой особы и бросила в монетоприемник несколько четвертаков. Юная дама отправилась звать на помощь охранников супермаркета.

В первую очередь Старлинг набрала номер оперативной части Вашингтонского отделения ФБР.

Оперативники, с которыми Старлинг столько времени работала бок о бок, соединили ее с кабинетом Клинта Пирсала. Старлинг лихорадочно рылась в сумке в поиске монет, одновременно объясняясь с охранником, снова и снова требующим от нее удостоверение личности.

— Мистер Пирсал, я видела, как трое, может быть, четверо людей похитили доктора Ганнибала Лектера. Похищение произошло пять минут назад на стоянке у супермаркета «Сейфвей». Они разрезали мне шину, и я не смогла их преследовать.

— Это тот автобус, о котором сообщила поли-

ция?

— Не знаю, что сообщили копы, но речь идет о сером микроавтобусе, судя по номеру, для перевозки инвалидов. — Она продиктовала номер.

— Откуда вам известно, что это Лектер?

— Он… он принес мне подарок. Я нашла пакет под своей машиной.

— Понимаю… — протянул Пирсал.

Старлинг, воспользовавшись паузой, продолжила:

— За этим, мистер Пирсал, стоит Мейсон Вергер. Должен стоять. Никто другой этого делать не стал бы. Мейсон Вергер садист, он прикажет истязать доктора Лектера, пока тот не умрет, а сам станет наблюдать за его мучениями. Нам следует получить информацию о всех принадлежащих Вергерам машинах и надо просить федерального прокурора в Балтиморе, чтобы тот дал санкцию на обыск дома Мейсона Вергера.

— Старлинг… Боже мой, Старлинг. Послушайте, я должен спросить вас еще раз. Вы уверены в том, что вы видели? Не торопитесь с ответом. Подумайте. Вспомните о тех хороших делах, которые вы совершили, работая здесь. Подумайте о вашей присяге. Назад пути не будет. Итак, что же вы видели?

Что я могу сказать? Что я не истеричка? Но именно с этого заявления начинают все истерики.

Старлинг в этот момент поняла, что утратила доверие Пирсала, и ей стало ясно, на какой зыбкой почве это доверие зиждилось.

— Я видела, как три, возможно, четыре субъекта похитили мужчину на автомобильной стоянке у супермаркета, принадлежащего к сети магазинов фирмы «Сейфвей». На месте похищения я обнаружила подарок доктора Ганнибала Лектера — бутылку «Шато-д'Икем», урожая года, совпадающего с годом моего рождения, и записку, написанную его почерком. Описание транспортного средства, принадлежащего предполагаемым похитителям, я дала ранее. Таково мое сообщение, мистер Клинт Пирсал. Эта информация направлена вам формально, как сотруднику Вашингтонского отделения ФБР, расположенного в месте, именуемом «Гнездо сарыча».

— Мы возбуждаем дело о похищении человека, Старлинг.

— Я приеду к вам. Меня можно произвести во временные помощники, и я приму участие в операции.

— Не приезжайте, я не имею права пустить

вас к себе.

Старлинг страшно жалела, что не успела убраться отсюда до появления полиции Арлингтона. Пятнадцать минут ушло лишь на то, чтобы правильно описать для ориентировки транспортное средство похитителей. Толстенная женщина в полицейском мундире и тяжелых форменных ботинках записала показания Старлинг. Записная книжка, радио, наручники, дубинка торчали на ее широкой заднице во все стороны, а шлицы на форменном пиджаке топорщились. Дама долго не могла решить, записать ли Старлинг сотрудницей ФБР или обозначить ее безработной. Рассердившись на Старлинг за то, что она отвечает на вопросы, прежде чем те заданы, полицейская дама стала работать еще медленнее. Когда девушка показала следы всепогодных шин и царапины от зимних шипов в том месте, где микроавтобус наехал на разделительный камень, оказалось, что ни один из дознавателей не позаботился о фотоаппарате. Пришлось показать полицейским, как пользоваться ее собственной камерой.

Старлинг отвечала на вопросы, а в голове ее билась одна мысль: *Я должна была их преследовать, я должна была их преследовать. Надо было*

выбросить старого осла из «линкольна» и начать преследование.

Глава 79

До Крендлера докатились первые волны, вызванные похищением. Он пообщался со своими источниками в ФБР и тут же позвонил Мейсону по защищенному телефону.

— Старлинг видела захват, на что мы не рассчитывали. Она подняла шум в Вашингтонском отделении. Рекомендовала запросить ордер на обыск в вашем доме.

— Крендлер… — Заместитель помощника не знал, что значит эта пауза. Мейсон, возможно, выжидает очередного движения респиратора а возможно, его охватило отчаяние.

— Крендлер, — продолжил Мейсон, — я уже заявил местным властям, шерифу и федеральному прокурору, что Старлинг преследует меня; звонит по ночам и произносит бессвязные угрозы.

— Это действительно так?

— Конечно, нет. Но доказать обратного она не сможет. Моя жалоба тем временем замутит воду. Со стороны графства и штата никакого ордера на обыск не будет — это я могу гарантировать. Вас я все же попрошу позвонить федеральному прокурору нашего штата и еще раз напомнить

ему, что эта истеричная сучка мне угрожает. С властями графства я справлюсь сам, поверьте.

Глава 80

Освободившись наконец от полиции, Старлинг сменила колесо и поехала домой к своим телефонам и компьютеру. Ей страшно не хватало сотового телефона. Замену сданному в ФБР аппарату она приобрести еще не успела.

Включив автоответчик, Старлинг услышала сообщение Арделии Мэпп: «Старлинг, сдобри специями мясо и поставь тушить на медленный огонь. Ни в коем случае не клади пока овощи. Вспомни, что случилось в прошлый раз. Я проторчу на этом проклятом слушании дела о высылке из страны примерно до пяти».

Старлинг включила портативный компьютер и попыталась выйти на файл доктора Лектера в программе «Преступления, связанные с насилием». Однако она не получила доступа не только в эту программу, но и в сеть ФБР в целом. Возможности войти в сеть теперь у нее было не больше, чем у рядового констебля из американской глубинки.

Зазвонил телефон. На проводе был Клинт Пирсал.

— Старлинг, вы угрожали Мейсону Вергеру по

телефону?

— Никогда. Клянусь.

— Он заявляет, что вы это делали. Пригласил к себе шерифа, чтобы тот осмотрел дом и прилегающую территорию. Местные власти сейчас находятся там. Никакого ордера на обыск нет и не предвидится. Мы не обнаружили свидетелей похищения. Вы — единственная.

— Там был белый «линкольн», с пожилой парой в нем. Мистер Пирсал, вы не пробовали проверить все покупки, сделанные в «Сейфвей» перед самым похищением? В случае оплаты по кредитным картам, на слипах указывается время.

— Мы займемся этим, но для…

— …для этого потребуется время, — закончила за него Старлинг.

— Старлинг…

— Да, сэр?

— Строго между нами. Я буду держать вас в курсе дела, в его самой важной части. Но прошу помнить, что вы, будучи отстраненной от дел, уже не являетесь сотрудником правоохранительных органов и не имеете права на получение информации. Вы теперь у нас — Джон-Пошел-Вон.

— Да, сэр. Знаю.

На что мы смотрим, когда принимаем реше-

ние? Наша культура не относится к культурам, сияющим отраженным светом, и мы не обращаем взгляд горе. Как правило, мы принимаем самые важные решения, либо уставясь в линолеум пола казенных помещений, либо в комнате, в углу которой несет свою обычную чушь телевизор.

Старлинг в поисках ответа на пока неизвестный ей вопрос прошла на половину Арделии Мэпп, где, как всегда, царил идеальный порядок. Там она первым делом взглянула на фотографию маленькой несгибаемой и суровой бабушки — изобретательницы знаменитого чая. После этого Старлинг перевела взгляд на заключенный в рамку страховой полис все той же бабушки. Часть дома, в которой жила Арделия Мэпп, выглядела именно так, как должна выглядеть обитель Арделии Мэпп.

Старлинг вернулась к себе. Ее жилище казалось вообще необитаемым. Что она могла повесить на стену? Разве что диплом об окончании Академии ФБР. У нее не сохранилось ни одной родительской фотографии. Девочка жила без родителей очень долго, и их образ остался лишь в ее памяти. Иногда, уловив какой-то запах, услышав обрывок разговора или ласково произнесенные слова, она, казалось, вновь чувствовала прикосновение

родительских рук. Но больше всего родители проявлялись в представлениях их дочери о добре и зле.

Кто она, наконец, черт побери?! Неужели так никто и не поймет ее сущности?

Вы, Клэрис, воительница. Человек может быть сильным ровно настолько, насколько хочет этого.

Старлинг вполне понимала желание Мейсона убить Ганнибала Лектера. Если бы Мейсон прикончил его сам или даже нанял кого-нибудь, она выдержала бы. У него на это имелись достаточные основания.

Однако ей была совершенно невыносима мысль о тех муках, которые перед смертью придется претерпеть доктору Лектеру. Думая об этом, она страдала так, как страдала много лет назад, когда убивали ягнят и лошадей.

Вы, Клэрис, воительница.

Не менее гнусно и то, что Мейсон творит все это при молчаливом согласии людей, которые давали клятву хранить закон. Таков, видимо, мир;

Нет, там, где она способна что-то сделать, мир будет иным.

Очутившись, сама не зная как, на табурете у открытого стенного шкафа, она протянула руку к

верхней полке.

Старлинг слезла с табурета, держа в руках шкатулку Джона Бригема, которую ей еще осенью отдал его адвокат.

В традиционном ритуале передачи личного оружия павшего бойца оставшемуся в живых соратнику есть нечто мистическое. И мистика эта в том, что система ценностей ушедшего из жизни продолжает свое существование, побеждая саму смерть.

Люди, живущие в то время, когда их безопасность обеспечивают другие, понять это не способны.

Шкатулка, в которой хранилось оружие Бригема, сама по себе была ценным подарком. Видимо, он приобрел ее на востоке в то время, когда служил в морской пехоте. Ларец черного дерева с инкрустированной перламутром крышкой. Оружие являло собой отражение сущности самого Джона Бригема. Побывавшее во многих переделках, однако находящееся в отменном состоянии и безукоризненно вычищенное. Вооружение состояло из «кольта» сорок пятого калибра и из пистолета с укороченным стволом типа «сафари» того же калибра. Это оружие предназначалось для скрытого ношения. Кроме того, в шкатулке

оказался кинжал с зазубренным с одной стороны лезвием. Ножны у Старлинг имелись свои. Старый значок агента ФБР, которым когда-то был Бригем, был прикреплен к пластинке из черного дерева. Значок с последнего места службы Джона просто валялся на дне шкатулки.

Старлинг сняла с пластинки и сунула в карман значок ФБР. «Кольт» отправился в кобуру на бедре под прикрытие длинного жакета.

Короткоствольный «сафари» был прикреплен к одной лодыжке, а кинжал к другой. Затем она вынула диплом из рамки и, сложив, положила в карман. В темноте и неразберихе кто-нибудь сможет принять его за ордер на арест или обыск. Складывая хрустящую твердую бумагу, Старлинг вдруг поняла, что с ней происходит нечто необычное, и это ее почему-то обрадовало.

Еще три минуты ушло на работу с компьютером. Из сайта «Мэпквест» в Интернете она извлекла и вывела на принтер подробную карту фермы «Мускусная крыса» и прилегающего к ней лесного заповедника. Некоторое время она изучала мясное королевство Вергеров, обводя пальцем его границы.

Струя газа, вырвавшаяся из выхлопных труб, прижала к земле сухую траву, и «мустанг» резко

рванулся с места. Старлинг отправилась нанести визит Мейсону Вергеру.

Глава 81

Тишина на ферме «Мускусная крыса» напоминала ту тишину, которая когда-то в прошлом воцарялась в День отдохновения. Возбужденный Мейсон был безмерно горд тем, что сумел довести задуманное дело до конца. В глубине души он считал свое достижение столь же эпохальным, как открытие радия.

Из всех своих школьных учебников Мейсон лучше всего усвоил иллюстрированный курс естественных наук. Дело в том, что это была единственная книга, большой формат которой позволял ему мастурбировать прямо в классе. Предаваясь этому занятию, он частенько рассматривал фотографию мадам Кюри. Сейчас он вспомнил о том, сколько тонн урановой смолки ей пришлось переработать, чтобы получить совсем немного радия. Труд этой женщины во многом напоминал те усилия, которые ему пришлось приложить для достижения цели.

В воображении Мейсона доктор Лектер рисовался конечным продуктом многотрудных исследований и огромных затрат. Ганнибал Лектер был для Мейсона тем же самым, что и

светящаяся в темноте пробирка для мадам Кюри. Он представлял, как свиньи, сожрав доктора, отправятся спать в лес, а их набитые животы будут светиться словно электрические лампочки.

Был вечер пятницы. Почти стемнело. Обслуживающие ферму рабочие уехали. Никто из них не мог видеть микроавтобуса, поскольку тот прибыл не через главные ворота, а по служебной дороге через лес. Шериф и его команда, завершив поверхностный досмотр, отбыли задолго до того, как пленника доставили в амбар. Теперь главный въезд находился под надежной охраной, а на ферме из всего персонала остались лишь наиболее доверенные люди.

Корделл находился на своем посту в игровой комнате — его сменщица должна была прибыть в полночь. Марго и Мольи, со значком, который он нацепил, дабы заморочить голову шерифа, были рядом с Мейсоном, а банда профессиональных похитителей хлопотала в амбаре.

К вечеру воскресенья все закончится. Улики либо сгорят в огне, либо переварятся в желудках шестнадцати свиней. Мейсон подумал о том, что было бы недурно попотчевать и гигантского угря каким-нибудь деликатесом. Носом доктора Лектера, например. Затем много, много лет Мейсон

сможет любоваться тем, как злобная, хищная живая лента выписывает свою вечную восьмерку. Этот знак бесконечности будет постоянно говорить ему о том, что доктор Лектер мертв, и мертв навсегда.

Однако Мейсону было известно, насколько опасно получить все, что желаешь. Что станет он делать после того, как убьет доктора Лектера? Можно, конечно, разрушать приютившие чужих детей семьи, можно мучить самих детей и пить мартини с их слезами. Но в чем он найдет подлинное, непреходящее развлечение?

Ну разве не глупо отравлять этот восхитительный час триумфа страхами о будущем? Он подождал, когда тонкая струйка жидкости обмоет его единственный глаз. Как только линза над глазным яблоком прояснилась, Мейсон дунул в трубку, включающую монитор. Как славно, что в любое время, как только пожелает, он может посмотреть на свой бесценный приз…

Глава 82

От горна тянет запахом раскаленных угольев, а воздух в помещении, где хранится упряжь, пропитан застойным духом животных и людей. Багровые отсветы пляшут на длинном лошадином черепе, безмозглом, как сама Судьба, взирающая на мир зашоренными глазами.

Хрипло свистят, выдыхая воздух, кузнечные меха, уголья в горне светлеют и вспыхивают, а раскаленная докрасна железная полоса в руках Карло разогревается еще сильнее.

На стене под черепом Флит Шэдоу наподобие чудовищного алтарного распятия висит доктор Лектер. Руки его вытянуты в стороны и накрепко привязаны к крестовине тяжелого дубового дышла от повозки, в которую впрягают пони, чтобы катать детей. Дышло на спине доктора чем-то похоже на ярмо. Оно прикреплено к стене при помощи металлических скоб, выкованных самим Карло. Ноги Ганнибала Лектера не достают до пола, они освобождены от штанин и похожи на готовый отправиться в духовку ростбиф, поскольку во многих местах перетянуты прочной бечевкой. Каждое кольцо бечевки закреплено

отдельным узлом. На Ганнибале Лектере нет ни ножных кандалов, ни наручников, на нем вообще нет ничего, что могло бы повредить зубы свиней и отвратить их от приема пищи.

Когда железная полоса раскаляется добела, Карло кузнечными щипцами переносит ее на наковальню и при помощи легкого молота придает железу форму скобы. В полутьме фонтаном разлетаются искры. Красные огоньки отскакивают от груди Карло и от висящего на стене доктора Ганнибала Лектера.

На пленника смотрит видеокамера. Стоящий на паучьего вида треноге современный прибор выглядит в первобытной обстановке амбара совершенно чужеродным телом. На верстаке установлен монитор, экран которого пока еще не светится.

Карло еще раз разогревает скобу и мчится с ней на воздух к вильчатому подъемнику. Он торопится, пока железо еще светится и не потеряло пластичность. Звук молота долетает до амбара и отражается эхом от стен. БАНГ-банг, БАНГ-банг.

С сеновала доносятся негромкое хрипение и посвистывание. Это Пьеро на коротковолновом приемнике пытается поймать репортаж о футбольном матче. Сегодня его любимое «Кальяри»

встречается в Риме с ненавистным «Ювентусом».

Томмазо восседает в плетеном кресле, рядом с ним у стены стоит ружье, заряженное транквилизатором. Его темные глаза священника неотрывно смотрят в лицо доктора Лектера.

Томмазо замечает, что в неподвижно висящем теле что-то изменилось. Похоже, пленник пришел в себя. Этот человек способен на сверхъестественный контроль над собой. Смену состояния выдавало лишь едва заметное изменение ритма дыхания.

В помещение возвращается Карло, в зубах у сардинца, как всегда, хрящик. Хрящик то высовывается сильнее, то совсем исчезает во рту. Карло приносит с собой пару штанин, набитых фруктами, зеленью и дохлыми курами, и натирает штанинами тело доктора Лектера.

Стараясь держать руку подальше от лица пленника, он берет Ганнибала Лектера за волосы и поднимает его голову.

— Buona sera, Dottore.[51]

В мониторе раздается треск, экран светлеет, и на нем появляется лицо Мейсона…

— Включите освещение над камерой, — произ-

---

[51] Примечания: 51
Добрый вечер, доктор. *(ит.)*

носит Мейсон. — Добрый вечер, доктор.

Карло показалось, что в глазах пленника сверкнули красные огоньки, но это вполне могло быть всего лишь отражением раскаленных углей. Однако на всякий случай, защищая себя от дурного глаза, сардинец перекрестился.

— Привет, Мейсон, — бросил доктор Лектер в камеру; за Мейсоном на фоне аквариума виднелся силуэт Марго. — Добрый вечер, Марго, — продолжил он гораздо более вежливым тоном. — Очень рад снова с вами встретиться.

Судя по четкости его речи, доктор Лектер пришел в себя уже довольно давно.

— Приветствую вас, доктор Лектер, — раздался хрипловатый голос Марго.

Томмазо нашел выключатель расположенного над камерой прожектора и врубил свет.

Поток яркого света всех ненадолго ослепил.

— Доктор, — сказал Мейсон своим сочным радиоголосом, — через двадцать минут мы подадим свинкам первое блюдо. Этим блюдом явятся ваши ноги. После этого мы устроим небольшую вечеринку в пижамах — вы и я. Впрочем, к тому времени вам, наверное, придется носить шорты. Корделл обещает продержать вас живым достаточно долго…

Мейсон продолжал говорить, но на мониторе возникло лицо Марго, которая, видимо, хотела получше рассмотреть то, что происходит в амбаре.

Доктор Лектер покосился на экран и, убедившись, что Марго его видит, звенящим металлическим шепотом произнес почти в самое ухо Карло:

— Твой брат Маттео вонял даже хуже, чем ты сейчас. Он обгадился еще тогда, когда я распорол ему брюхо.

Карло запустил руку в задний карман и извлек из него электрический щуп для скота. В ярком свете прожектора все увидели, как он поднес его к голове доктора Лектера. Подняв одной рукой голову пленника, Карло нажал кнопку высокого напряжения и поднес щуп к лицу доктора. Между электродами на конце аппарата возникла зловещая сверкающая дуга.

— Мать твою… — взревел он и ткнул доктора Лектера щупом в глаз.

Ганнибал Лектер не издал ни звука, звук раздался из динамика. Мейсон, насколько ему позволял респиратор, взревел что-то невнятное. Томмазо, собрав все силы, оттащил Карло от его жертвы, усадил в плетеное кресло и делал все, чтобы соотечественник не мог подняться.

— Ослепишь его, и нам не видать никаких денег! — кричал он в ухо Карло.

Доктор Лектер тем временем опустил жалюзи в окнах Дворца памяти, чтобы глаза отдохнули от слепящего света. Уф-ф… Он прислонился щекой к холодному боку мраморной Венеры.

А здесь, в амбаре, доктор Лектер повернулся лицом к видеокамере и произнес ясным голосом:

— Я не ем шоколада, Мейсон.

— Сукин сын свихнулся. Мы с самого начала знали, что он сумасшедший, — сказал помощник шерифа Мольи. — Но Карло тоже психопат порядочный.

— Ступай туда и стань между ними, — распорядился Мейсон.

— А вы уверены, что у свиновода нет пистолета? — поинтересовался Мольи.

— Тебя наняли потому, что ты считаешься очень крутым. Разве не так? Однако успокойся, пистолетов у них нет. Только ружье с транквилизатором.

— Позволь мне пойти туда, — сказала Марго. — Я удержу Карло от дури вроде проявления мужской гордости. Мама — объект преклонения у итальянцев. Кроме того, Карло знает, что деньгами распоряжаюсь я.

— Пройдись с камерой и покажи мне свинок, — распорядился Мейсон. — Ужин в восемь.

— Надеюсь, мне не обязательно на нем присутствовать? — спросила Марго.

— Нет, напротив. Совершенно обязательно, — ответил Мейсон.

Глава 83

Прежде чем войти в амбар, Марго сделала глубокий вдох. Если она готова его убить, то у нее должно хватить воли посмотреть ему в глаза. Еще не открыв дверь в помещение, где висел доктор Лектер, девушка почувствовала источаемое свиноводом амбре. Переступив через порог, она увидела, что Пьеро и Томмазо расположились по обеим сторонам от своего пленника. Братья не сводили глаз с сидящего в плетеном кресле Карло.

— Buona sera, signori[52], — сказала Марго. — Ваши друзья, Карло, совершенно правы. Никаких денег, если вы превратите его в калеку.

Карло, казалось, навсегда зафиксировал взгляд на лице доктора Лектера.

Марго извлекла из кармана свой сотовый телефон, нажав на светящиеся кнопки, набрала нужный номер и протянула аппарат Карло.

— Возьмите, — сказала она, становясь между ним и пленником, — и прочитайте.

На дисплее автоматического набора значилось:

---

[52] Примечания: 52
Добрый вечер, синьоры *(ит.)*

«Банк Стебен».

— Это ваш банк в Кальяри, синьор Деограчиас. Завтра утром, когда все закончится, когда вы заставите его заплатить за смерть вашего брата Маттео, я снова наберу этот номер, назову банкиру свой код и скажу: «Выдайте синьору Деограчиасу все остальные деньги, которые вы для него держите». Ваш банкир подтвердит вам это по телефону. Завтра вечером вы будете в воздухе на пути домой. Вы уже будет богачом. Семья Маттео тоже станет богатой. В закрытом наглухо на «молнию» пластиковом мешке вы можете привезти им в утешение части тела доктора, которых вы его лишите во время личной встречи тет-а-тет. Но в том случае, если доктор Лектер не сможет увидеть собственной смерти, не увидит, как приближаются свиньи, чтобы сожрать его лицо, вы не получите ничего. Будьте мужчиной, Карло. Созывайте своих свиней. А с этим сукиным сыном посижу я. Через полчаса, когда животные начнут грызть ему ноги, вы услышите его визг.

Карло откинул голову, втянул воздух сквозь сжатые зубы и прошипел:

— Piero, andiamo! Tu, Tommasso, rimani.

Томмазо занял свое место в плетеном кресле рядом с дверью.

— Ситуация под контролем, Мейсон, — сказала Марго в видеокамеру.

— Я хочу, чтобы его нос доставили в дом, — заявил Мейсон. — Скажи Карло.

Экран погас. Вывоз Мейсона из комнаты был предприятием весьма трудным как для самого Мейсона, так и для окружающих. Он требовал подключения аппарата искусственного дыхания к новому силовому блоку переменного тока, а всех трубок и проводов — к контейнерам, смонтированным на передвижной кровати.

Марго взглянула доктору Лектеру в лицо.

Поврежденный глаз у него заплыл, а с двух сторон на брови, там, где ее коснулись электроды, чернели пятна обуглившейся кожи.

Доктор Лектер открыл здоровый глаз, на своей щеке он все еще ощущал прикосновение холодного мраморного тела Венеры.

— Мне нравится ваша мазь. Она несет с собой аромат лимона и прохладу, — сказал доктор. — Благодарю вас за визит, Марго.

— Именно так вы выразились, когда воспитательница в первый раз привела меня к вам. В то время они впервые открывали дело Мейсона.

— Неужели я это говорил?

Только что вернувшись из Дворца памяти, где

перечитал текст своих бесед с Марго, он знал, что девушка точно воспроизвела его слова.

— Да. Я плакала. Я приходила в ужас от того, что мне придется рассказать все о Мейсоне и о себе. Я также очень боялась присесть. Но вы тогда не предложили мне сесть. Ведь вы знали, что мне наложили швы. Разве не так? Мы с вами прогуливались в саду. Помните, что вы мне сказали?

— Ты виновата в том, что случилось…

— …не больше, чем если бы тебя в попку укусила бешеная собака, сказали вы. Мне тогда сразу стало легче. Другие сеансы тоже помогли. Но оценить все это я смогла лишь значительно позже.

— Что еще я вам говорил?

— Вы сказали, что вы даже более странный человек, чем я, и в том, чтобы быть странным, нет ничего плохого.

— Если вы напряжетесь, то вспомните все, что я вам говорил. Помните, как…

— Прошу вас, не умоляйте меня ни о чем. — Слова эти вырвались у нее помимо воли. Она вовсе не собиралась произносить ничего подобного.

Доктор Лектер слегка шевельнулся, и веревки заскрипели.

Томмазо поднялся с кресла и подошел, чтобы проверить узлы.

— Attenzione alla bocca, signorina. Опасайтесь его рта.

Марго не поняла, что имел в виду Томмазо — рот доктора в буквальном смысле или его слова.

— Марго, с того времени, когда я вас лечил, прошло очень много лет, но мне хотелось бы потолковать с вами о вашей болезни наедине, — сказал доктор Лектер, обратив свой действующий глаз на Томмазо.

— Томмазо, — произнесла Марго после недолгого раздумья, — не могли бы вы оставить нас вдвоем ненадолго.

— Прошу прощения, синьорина, не могу. Но я могу выйти, оставив дверь открытой. Я буду следить за доктором Лектером издали.

— Марго, я никогда не позволю себе поставить вас в неловкое положение, умоляя о чем-то. Но мне было бы очень интересно понять, почему вы делаете это. Не могли бы вы мне сказать? Неужели после стольких лет борьбы с ним вы начали «принимать шоколад из его рук», как любит выражаться ваш братец? Не стоит делать вид, что вы желаете отомстить мне за его лицо.

Марго ему все рассказала. О Джуди, о том, как ей хочется иметь ребенка. На это потребовалось не более трех минут. Марго была изумлена тем, с

какой легкостью ей удалось изложить в сжатом виде все свои проблемы.

В амбар через его открытый конец ворвался звук, похожий на визг или на крик. Карло, стоя рядом с изгородью, возился со своим магнитофоном. Записанными на пленку воплями ужаса и боли своих давно убитых или выкупленных жертв он призывал свиней с их лесного пастбища.

Если доктор Лектер и слышал крики, то он ничем этого не показал.

— Марго, неужели вы верите, что Мейсон сдержит слово и даст вам обещанное? Вы сейчас умоляете Мейсона. Разве он прислушался к вашим мольбам в то время, когда терзал вас? Это то же самое, что принять из его рук шоколад и предоставить ему полную свободу действий. Но шоколада не будет. Он заставит Джуди жевать сыр. А она к сыру непривычна.

Марго ничего не ответила, но лицо ее напряглось.

— Вам известно, что произойдет, если вы, вместо того чтобы умолять Мейсона, используете электрический щуп для воздействия на его простату? Карло оставил щуп на верстаке. Взгляните.

Марго повернулась, чтобы уйти.

— Послушайте, — прошипел доктор, — Мейсон вам откажет. Вы знаете, что вам придется убить его, и знаете это более двадцати лет. Вы знаете это с тех пор, когда он заставлял вас кусать подушку, чтобы не кричать.

— Неужели вы хотите убедить меня, что печетесь о моих интересах? Ни за что не поверю.

— Конечно, не ради вас. Но поверьте хотя бы в то, что никогда в будущем я не стану отрицать, что это убийство — дело моих рук. Если вы его убьете, то терапевтический эффект для вас будет очень сильным. Помните, что я советовал вам в то время, когда вы были ребенком?

— Подожди до тех пор, когда сможешь сделать это безнаказанно, сказали вы. В ваших словах я тогда нашла некоторое утешение.

— Если оценивать мои слова с профессиональной точки зрения, то я должен был рекомендовать вам, тогда еще ребенку, своего рода слабительное. Теперь же вы выросли. А что касается меня, то совершенно не важно, сколько мне приписывается убийств. Одним больше, одним меньше… Какая разница? Вы же знаете, что вам, так или иначе, придется его убить. А когда вы это сделаете, то ищейки пустятся по следу денег. След неизбежно приведет их к вам и к ребенку. Марго,

я — единственный, кого можно будет подозревать в преступлении. Других возможностей у вас не будет. Кого станут подозревать, если я умру раньше Мейсона? Вы сможете покончить с ним в любое удобное для вас время, а я, узнав об этом, напишу вам письмо, в котором сообщу, с каким удовольствием убивал вашего братца.

— Нет, доктор Лектер. Мне очень жаль, но уже слишком поздно что-либо менять. — Она посмотрела на него своими светло-голубыми глазами мясника и добавила: — Я могу сделать все, что надо, и спать без всяких угрызений совести. Впрочем, вы это знаете.

— Да, знаю. Мне всегда нравилась эта ваша черта. Вы гораздо интереснее, вы… способны на большее, чем ваш брат.

— Простите меня, доктор Лектер. За все, что заслуживает вашего прощения.

Марго направилась к выходу, но, прежде чем она дошла до двери, доктор Лектер спросил:

— Марго, когда у Джуди наступит очередная овуляция?

— Что? — переспросила она и тут же ответила: — Дня через два, наверное.

— Вы все успели подготовить? Наполнители? Оборудование для быстрого глубокого замора-

живания?

— В моем распоряжении все приборы и материалы, которые может обеспечить специализированная клиника искусственного осеменения.

— Не могли бы вы сделать для меня кое-что?

— Что именно?

— Если не возражаете, то обругайте меня, пожалуйста, как можно громче и выдерните с затылка клок волос, желательно с кожей. Возвратившись в дом, зажмите трофей в кулаке. Подумайте о том, как лучше вложить волосы в руку Мейсона, когда он умрет. Оказавшись дома, еще раз попросите у Мейсона то, что он вам обещал. Послушайте, что он скажет. Вы выполнили свою часть договора, доставив меня сюда. Когда брат засмеется вам в лицо, возвращайтесь. Вам надо будет всего лишь взять ружье с транквилизатором и выстрелить в того, кто стоит позади вас за порогом. При желании вы можете пристукнуть его молотом. У этого человека есть карманный нож. Обрежьте веревку на одной руке и дайте мне нож. После этого можете уходить. Я сделаю все остальное.

— Нет.

— Марго?

Она продолжила путь к двери, ожидая услышать мольбу.

— Вы все еще можете раздавить каштан?

Марго сунула руку в карман и извлекла на свет пару орехов. Мышцы ее предплечья напряглись, и послышался треск скорлупы.

— Изумительно, — фыркнул доктор. — Вы могли бы предложить Джуди поесть каштанов, чтобы та больше отвечала вкусам Мейсона.

Марго повернулась. Подойдя с перекошенной физиономией к доктору Лектеру, она плюнула в лицо пленника и вырвала клок волос с его макушки. Зачем она сделала это, Марго и сама не поняла.

Подходя к двери, она слышала, как доктор мычит какую-то мелодию.

Когда Марго подходила к освещенному дому, окровавленный кусочек скальпа присох к ее ладони и волосы свободно висели, Ей даже не надо было сжимать пальцы, чтобы их удержать.

Мимо нее на самодвижущейся тележке для перевозки клюшек при игре в гольф проехал Корделл. На сей раз тележка была нагружена медицинским оборудованием. Корделл направлялся в амбар, чтобы приготовить пациента к операции.

Глава 84

Проезжая по скоростному шоссе мимо съезда 30, Старлинг успела заметить освещенную сторожку — дальний форпост фермы «Мускусная крыса». Сторожка стояла метрах в семистах от главной дороги. Еще на пути в Мэриленд Старлинг решила, что проникнет на ферму через черный ход. Если попытаться воспользоваться парадным въездом, то, не имея ордера на досмотр фермы или иных полномочий, она рискует оказаться в тюрьме. В лучшем случае ее под присмотром шерифа просто вывезут за границу графства. К тому времени когда она освободится и снова сможет приступить к делу, все будет кончено.

Плевать на разрешения. Покинув шоссе на съезде 29 довольно далеко от «Мускусной крысы», она поехала назад по дороге, идущей параллельно главному пути и рядом с ним. Покрытое темным асфальтом полотно дороги после залитого светом скоростного шоссе казалось почти черным. Слева от дороги тянулся кювет, за которым возвышалась высокая сетчатая ограда, отделяющая проезжую часть от государственного лесного заповедника. Карта, предусмотрительно захва-

ченная Старлинг, говорила, что километрах в полутора от съезда 29 начинается противопожарная, засыпанная гравием просека, одновременно являвшаяся и служебной дорогой. Из сторожки увидеть просеку было нельзя. Именно у этого лесного проезда она по ошибке остановилась во время первого посещения фермы. Если верить карте, то служебная дорога шла через лес прямо к дому Вергеров. Чтобы определить пройденное расстояние, Старлинг внимательно следила за движением цифр километража на спидометре. Девушке казалось, что двигатель «мустанга» ревет сильнее обычного, несмотря на то что работает почти на холостом ходу. Видимо, звук выхлопа отражается от деревьев.

В свете фар возникли массивные, сваренные из металлических труб ворота. Вывеска «СЛУЖЕБНЫЙ ВЪЕЗД», которую она видела во время первого визита, теперь исчезла. Все пространство перед воротами заросло травой, так же как и переезд через кювет с дренажной трубой под ним.

В свете фар Старлинг увидела, что трава перед воротами была недавно примята, а на невысоком валике из песка, смытого с проезжей части, она заметила следы шин высокой проходимости. Следы

были похожи на те, которые оставил микроавтобус на выезде со стоянки перед супермаркетом. Она не могла точно сказать, принадлежат ли эти следы одной и той же машине, но в том, что они могли быть таковыми, сомнения не было.

Створки ворот связывала хромированная цепь, скрепленная подвесным замком. Проще простого. Старлинг окинула взглядом дорогу. Никого. Что же, придется совершить небольшое «нелегальное проникновение», что, по мнению юристов, является преступлением. Она проверила ворота на наличие сигнальной системы. Ничего. Зажав в зубах небольшой фонарик, девушка при помощи пары отмычек менее чем за пятнадцать секунд справилась с замком. Проехав довольно глубоко в лес, Старлинг вылезла из машины и вернулась к воротам. Сдвинув створки, она повесила на них цепь так, чтобы замок был снаружи, а свободные концы цепи оставались за воротами. Даже с близкого расстояния въезд казался закрытым. Теперь в случае необходимости створки ворот можно легко распахнуть, ударив по ним передним бампером машины.

Измерив пальцем расстояние по карте, Старлинг определила, что до фермы остается примерно три километра.

Машина медленно покатилась по темной, похожей на туннель дороге. Иногда сквозь ветви деревьев Старлинг видела над собой темное ночное небо, а когда ветви сближались, небо исчезало и она снова попадала в тоннель. «Мустанг», освещая путь лишь габаритными огнями, полз на второй передаче. Старлинг старалась вести машину как можно тише, и мотор урчал почти так, как это бывает на холостом ходу. Под днищем автомобиля шуршала сухая трава. Когда счетчик показал, что «мустанг» проехал два километра восемьсот метров, она выключила двигатель. В наступившей тишине до ее слуха из темноты донеслось карканье вороны. Птица явно на кого-то сердилась. Оставалось лишь надеяться на то, что объектом этого гнева является всего лишь другая ворона Во всяком случае, об этом Старлинг молила Бога.

Глава 85

Корделл уверенной походкой палача вошел в украшенное черепом коня помещение. Руки его были нагружены бутылками с физиорастворами. С бутылок свисали прозрачные трубки.

— А, тот самый доктор Ганнибал Лектер! — воскликнул он. — Вы представить не можете, насколько сильно я мечтал о том, чтобы украсить вашей маской наш клуб в Балтиморе. Я с подругой владею заведением в стиле камеры пыток. Ну вы, конечно, знаете — марихуана и черная кожа.

Он сложил бутылки на наковальню и сунул кочергу в раскаленные угли.

— У меня для вас есть одна хорошая новость и одна плохая, — продолжил Корделл фальшиво-веселым тоном, свойственным медицинским сестрам. Говорил он с заметным швейцарским акцентом. — Провел ли Мейсон с вами подготовительную беседу? Нет? В таком случае это попробую сделать я. Итак, через некоторое время я доставлю Мейсона сюда, и свиньи начнут есть ваши ноги. Затем вам придется подождать до утра, после чего Карло и его братья сунут вас головой вперед в загон, чтобы животные могли

полакомиться вашим лицом точно так, как собаки лакомились лицом Мейсона. До этого времени мне придется держать вас живым при помощи внутривенных вливаний и жгутов. Вам наступил конец, о чем вы, конечно, догадываетесь. Это — плохая новость.

Корделл бросил взгляд на телевизионную камеру и, убедившись, что она выключена, продолжил:

— А хорошая новость состоит в следующем. Все можно сделать так, что встреча со свиньями окажется для вас лишь немногим хуже, чем визит к дантисту. Взгляните-ка вот на это, доктор, — сказал Корделл, поднося к глазам Ганнибала Лектера объемистый шприц с длинной иглой. — Давайте поговорим как два медика, как коллеги. Я мог бы сделать вам инъекцию и провести спинномозговое обезболивание. Ниже места укола вы ничего не будете чувствовать. Можете закрыть глаза и попытаться не слушать. Вы ощутите, что вас всего лишь дергают и тянут за ноги. Когда Мейсон закончит наслаждаться вечерним спектаклем и вернется домой, я могу дать вам лекарство, которое просто остановит ваше сердце. Не желаете ли взглянуть?

Корделл положил на ладонь флакон с павуло-

ном и поднес к здоровому глазу доктора Лектера. Сделал он это так, чтобы доктор не мог его укусить.

Багровые пятна света от раскаленных углей танцевали на одной стороне алчной физиономии Корделла, а в выражении чуть поблескивающих глаз угадывалось счастье.

— У вас куча денег, доктор Лектер. Об этом все говорят. Мне известно, как работает система — я сам разместил средства в разных местах. Их можно изъять, перевести в другое место — одним словом, сделать то, что надо. Я могу распоряжаться своими средствами по телефону. Держу пари, что это можете делать и вы. — Корделл извлек из кармана сотовый телефон и продолжил: — Мы звоним вашему банкиру, вы называете ему свой код, он мне его подтверждает, и я немедленно делаю вам укол. — Он поднял шприц. — Давайте, давайте, доктор, отвечайте.

Доктор Лектер что-то пробормотал, и его голова упала на грудь.

— Чемодан… личный сейф… — было то немногое, что смог понять Корделл.

— Говорите, доктор, говорите. Когда мы все сделаем, вы сможете уснуть.

— Старые сотенные купюры… — произнес док-

тор Лектер и замолк.

Корделл склонился поближе к пленнику, и в этот момент Ганнибал Лектер, вытянув как можно дальше шею, вцепился мелкими, острыми зубами в бровь «коллеги» и вырвал большой клок кожи и мяса, когда Корделл отпрянул. Доктор Лектер выплюнул окровавленный комок в лицо Корделла так, как плюют шкурку от винограда.

Корделл приложил к ране тампон и закрепил его пластырем, что придало его лицу весьма комичное выражение.

— Все мои усилия вам помочь пошли прахом, — сказал он, пряча шприц. — Еще не наступит рассвет, а вы уже все будете видеть в ином свете. Как вам, может быть, известно, у меня имеются и стимуляторы, чтобы поддержать ваше существование. И я заставлю вас ждать.

Корделл снял раскаленную кочергу с горна.

— Теперь я соединю вас с бутылками, — сказал он. — Как только вы станете сопротивляться, я вас прижгу. Это будет выглядеть так.

Корделл поднес ярко-красный конец кочерги к доктору Лектеру, выждал мгновение и прижал его к груди пленника там, где должен был находиться сосок. Ему тут же пришлось гасить расширяющийся круг огня на рубашке доктора.

Доктор Лектер не издал ни звука.

Карло задним ходом ввел в помещение вильчатый подъемник и, сняв с помощью Пьеро доктора Лектера со стены, приковал вместе с дышлом к передней части машины. Теперь пленник сидел на зубцах подъемника. Руки его были привязаны к крестовине дышла, а ноги по отдельности — к торчащим вперед двум зубьям подъемника.

Корделл ввел иглы в запястья обеих рук доктора и закрепил их пластырем. Чтобы подвесить бутылки к кабине подъемника, ему пришлось встать на тюк сена. Сойдя с тюка, он отошел в сторону, чтобы полюбоваться своей работой. Доктор с вытянутыми в стороны руками и торчащими из кистей иглами выглядел несколько странно. Он напоминал Корделлу что-то очень знакомое, нечто такое, что тот неоднократно видел раньше. Но что именно напоминал доктор, Корделл никак не мог вспомнить. Затем Корделл закрепил на ногах доктора (чуть выше колен) жгуты со скользящим узлом и с привязанной к ним длинной бечевкой, которую можно было тянуть, находясь за пределами загона. Доктору нельзя было позволить отойти в мир иной от потери крови. Затянуть жгут заранее Корделл не мог. Мейсон впадет в ярость, если поймет, что

ноги пленника онемели.

Настало время спускать Мейсона вниз и грузить в микроавтобус. В оставленном за амбаром автомобиле царил холод. Сардинцы оставили там свой ленч. Корделл выругался и выбросил ящик с припасами на землю. Придется проветрить нутро машины. Так же как, впрочем, и дом. Проклятые дикари, продолжают повсюду дымить, несмотря на запрет. Зажигалки в гнезде не было. С приборной доски все еще свешивался силовой кабель монитора, по которому сардинцы следили за передвижением «мустанга».

Глава 86

Прежде чем открыть дверцу, Старлинг выключила плафон в кабине «мустанга» и потянула за рычаг, открывающий багажник машины.

Если доктор Лектер здесь и если ей удастся захватить его, то, возможно, она сможет, соединив наручниками ногу и руку доктора, запихнуть его в багажник и довезти по крайней мере до тюрьмы графства. В ее распоряжении имелись четыре пары наручников и достаточно веревки для того, чтобы связать Ганнибала Лектера, дабы тот не брыкался. О том, насколько доктор силен, ей думать не хотелось.

Гравий, на который девушка опустила ноги, был покрыт инеем. Когда она вылезла из «мустанга», сняв нагрузку с рессор, пожилой автомобиль облегченно скрипнул.

— Решил жаловаться, старый ты сукин сын? — спросила она у машины едва слышно.

Старлинг вдруг вспомнила свой разговор с Ханной — лошадью, на которой она бежала в ту ночь, когда убивали ягнят. Дверь машины девушка закрывать не стала. Ключи отправились в узкий карман джинсов — чтобы не звякали.

Небо было ясным, луна находилась в первой четверти, и там, куда не падала тень деревьев, Старлинг могла шагать, не пользуясь фонарем. Вначале она шла по гравию по краю дороги. Лежащий неровно рыхлый гравий скрипел под ногами. Проще было идти по колее, что Старлинг и сделала. Она шагала, повернув голову чуть в сторону, потому что в темноте периферическое зрение работает лучше. Все это напоминало переход через речку вброд ночью. Девушка чувствовала, как под ногами расступается гравий, но самого гравия не видела.

Самый трудный момент наступил, когда «мустанг» пропал из виду. Она машину уже не видела, но все еще ощущала ее дружелюбное присутствие. Ей очень не хотелось оставлять автомобиль в одиночестве.

Старлинг вдруг увидела себя затерянной в лесу, одинокой, с погубленной карьерой женщиной тридцати трех лет, не имеющей в своем распоряжении даже простого помпового ружья. Она ясно увидела свое лицо, включая первые морщинки в уголках глаз. Старлинг отчаянно захотелось вернуться к машине. Девушка вначале замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась, прислушиваясь к своему дыханию.

Прокаркала ворона, над головой под ветром постукивали голые ветки деревьев. И в этот момент покой ночи разорвал ужасающий вопль. *«Uccidimi!»* И снова вопль.

Первый крик заставил Старлинг замереть, второй же вынудил перейти на бег. «Кольт» все еще оставался в кобуре. Держа в одной руке негорящий фонарь и вытянув другую руку перед собой, она мчалась сквозь тьму. «Нет, Мейсон, нет! Нет, Мейсон, ты не смеешь! Быстрее. Ну быстрее же!» Вскоре она поняла, что может без труда оставаться в колее, прислушиваясь к звуку своих шагов. Вне ее гравий был рыхлее и скрипел громче. Дорога сделала поворот и пошла параллельно изгороди. Хорошая изгородь. Прочная. Высотой около двух с половиной метров. Сварена из металлических труб.

До нее долетели звуки громких рыданий и мольбы. Крики все нарастали, и Старлинг услышала за изгородью какие-то звуки. Кто-то продирался сквозь кусты. Затем раздался стук копыт. Так стучат копыта бегущей рысью лошади. Однако ритм был чаще, а звук — не таким громким. Старлинг услышала фырканье, которое тут же узнала.

Звуки боли теперь раздавались ближе. Голос был явно человеческим, хотя и сильно искажен-

ным. Вопли следовали один за другим примерно через секунду, и Старлинг поняла, что она слышит либо магнитофонную запись, либо голос, усиленный микрофоном. Между деревьями замелькал свет и возникла темная масса амбара. Старлинг прижалась лбом к трубам изгороди, чтобы лучше рассмотреть, что за ней происходит. Там мчались какие-то темные тени — очень длинные, а высотой чуть ниже пояса человека. А дальше за поляной, примерно в сорока метрах от Старлинг, виднелся амбар. Створки широких ворот на боковой стене были настежь распахнуты. Открытый конец амбара был превращен в загон для свиней, однако чуть дальше, в глубине помещения, его перекрывал прочный барьер с голландскими воротцами. Над барьером висело большое зеркало в вычурной раме. В зеркале отражались лампы амбара и прекрасно освещенный участок пола. На поляне перед амбаром находился плотный мужчина в шляпе. В руке мужчина держал ревущий динамик, связанный проводом с магнитофоном. Когда из динамика раздалась очередная серия душераздирающих воплей и рыданий, мужчина свободной рукой зажал одно ухо.

И вот они появились из кустов со скоростью

стаи волков. Дикие свиньи с хищными мордами, длинноногие, широкогрудые, с космами серой колючей щетины.

Карло нырнул в амбар и скрылся за голландской дверью, когда свиньи были от него еще в тридцати метрах. Животные, вбежав в загон, выстроились полукругом. Они изнывали от ожидания. Длинные изогнутые клыки поднимали их губы, и казалось, что свиньи скалятся в постоянной ухмылке. Похожие на готовых принять пас форвардов футбольной команды, они рванулись вперед, расталкивая соперников, а затем остановились. Животные клацали зубами и храпели.

Старлинг в жизни доводилось видеть разный домашний скот, но ничего похожего на подобных свиней она никогда не встречала. В облике животных и в их грации присутствовала какая-то пугающая красота. Свиньи, пыхтя и толкаясь, то подавались вперед, то снова отступали назад. При этом их рыла были постоянно обращены к перегораживающему амбар барьеру.

У барьера появился Карло. Он что-то крикнул и снова скрылся в глубине амбара.

В амбаре в поле зрения Старлинг возник пятящийся задом микроавтобус. Она сразу же узнала серую машину. Автобус остановился неподалеку

от барьера под некоторым углом к нему. Появился Корделл и отодвинул до конца скользящую дверь. Прежде чем были выключены огни в машине, Старлинг успела увидеть Мейсона, закованного в свой похожий на кирасу респиратор. Голова владельца фермы «Мускусная крыса» покоилась на высоких подушках, а длинная, свернутая кольцами коса лежала на его груди.

Как известно, лучшее место в зале всегда рядом с рингом. В амбаре вспыхнул ослепительно яркий свет.

Карло наклонился и поднял с пола какой-то предмет, какой именно, Старлинг вначале определить не смогла. Он походил на ноги или, скорее, на нижнюю часть человеческого тела. Если последнее предположение верно, значит, Карло обладает чудовищной силой. Старлинг со страхом подумала, что это могут быть останки доктора Лектера, но несколько успокоилась, увидев, что ноги сгибаются весьма странно, так, как это не могут позволить суставы. Они могли быть ногами доктора Лектера только в том случае, если его предварительно колесовали. Тем не менее это был тяжелый момент. Карло оглянулся и крикнул что-то в глубину амбара. До Старлинг донеслось урчание мотора.

В поле зрения девушки возник вильчатый погрузчик. Вел его Пьеро, а доктор Лектер сидел на высоко поднятых зубьях. Его раскинутые руки были привязаны к крестовине дышла, а над руками висели бутылки с плазмой. От движения машины бутылки покачивались, негромко позванивая. Доктора подняли так высоко для того, чтобы он мог увидеть свиней, понять, что ему предстоит.

Погрузчик передвигался величественно и торжественно со скоростью похоронной процессии. С одной стороны от распятого доктора шествовал Карло, с другой — помощник шерифа Джонни Мольи. Помощник шерифа был вооружен.

Старлинг бросила взгляд на значок Мольи. Звезда не походила на те, которые носят в этих краях. Седые волосы, белая рубашка, совсем как у водителя машины похитителей.

Из микроавтобуса раздался сочный радиоголос Мейсона:

— Пышность, соответствующая обстоятельствам, — протянул он и хихикнул.

Свиньи насторожили пятачки. Животные не боялись машины. Совсем напротив, создавалось впечатление, что они приветствуют появление подъемника.

Машина остановилась рядом с барьером. Мейсон сказал что-то доктору Лектеру — что именно, Старлинг не расслышала. Голова доктора не дрогнула, он вообще ничем не показал, что слышал слова Мейсона. Висевший на кресте доктор находился выше сидящего за рычагами управления Пьеро. Неужели он посмотрел в направлении Старлинг? Девушка этого так и не узнала, поскольку уже кралась вдоль изгороди, вдоль боковой стены амбара к распахнутым воротам, через которые вкатился микроавтобус.

Карло швырнул нашпигованные жратвой штаны в загон. Свиньи, все как одна, ринулись вперед. На каждой штанине места хватало только для двух. К вожделенной пище прорвались лишь самые могучие, отодвинув остальных в сторону. Счастливчики, ворча и хрюкая, тянули и рвали штанины, выхватывая оттуда дохлых кур. Когда свиньи трясли головой, из кур во все стороны брызгали потроха. Вид колышущегося моря покрытых щетиной спин не мог не впечатлять.

Карло подал своим питомцам весьма легкую закуску. Всего лишь трех кур и немного овощного салата. Через несколько секунд штаны превратились в лохмотья, и истекающие слюной свиньи обратили свои крошечные глазки на барьер.

Пьеро опустил зубья погрузчика почти до самой земли. Верхняя часть голландских дверей пока не подпускала свиней к жизненно важным органам доктора Лектера. Карло снял с ног доктора ботинки и носки.

— И три маленьких поросенка пришли — хрю… хрю… хрю… — домой, — раздался голос Мейсона из автобуса.

Старлинг, осторожно войдя в амбар, оказалась за спинами находящихся там людей. Глаза всех были обращены на свиней, в противоположную от девушки сторону. Миновав помещение для хранения упряжи, она оказалась в самом центре амбара.

— Теперь главное — не позволить ему истечь кровью, — распорядился из автобуса Корделл. — Как только я дам сигнал, немедленно затягивайте жгуты. — Наклонившись к Мейсону, он стал протирать марлей линзу над единственным глазом хозяина.

— Вы не желаете нам что-нибудь сказать, доктор Лектер? — спросил Мейсон.

Грохот выстрела в замкнутом помещении амбара был оглушающим. Вслед за выстрелом раздался голос Старлинг:

— Руки вверх! Всем стоять! Выключить мотор!

Пьеро, похоже, ничего не понял.

— Fermato il motore, — ласково подсказал ему доктор Лектер.

Наступившую тишину нарушало лишь нетерпеливое повизгивание свиней.

Старлинг пока видела лишь один пистолет. На бедре седоволосого человека со звездой на груди. Пистолет находился в кобуре, которую можно было расстегнуть движением большого пальца. Прежде всего их следует положить на землю.

Корделл поспешно скользнул за руль, и автобус пришел в движение. Мейсон выкрикнул нечто невнятное. Старлинг начала поворачиваться вслед за автобусом, но, уловив краем глаза движение седоволосого, резко обернулась к нему.

Человек со звездой с воплем «Полиция!» выхватывал из кобуры пистолет с явным намерением застрелить ее. Она дважды выстрелила ему в грудь. Тах! Тах! Быстрый двойной удар.

Грохнул выстрел, и из ствола его пистолета в направлении пола вырвался чуть ли не двухфутовый язык пламени. Сам помощник шерифа сделал полшага назад и упал на колени. Пуля большого калибра пробила значок и прошла через сердце. Значок, с дырой в центре, стал похож на блестящий цветок тюльпана.

Мольи бросил недоуменный взгляд вниз на грудь, завалился на спину и затих. Услышав выстрелы, сидевший в помещении для хранения упряжи Томмазо схватил духовое ружье, влез на сеновал и на коленях пополз к месту, с которого можно было увидеть то, что происходит внизу в амбаре.

— А теперь, — сказала Старлинг голосом, о существовании которого у себя она и не подозревала, — всем лежать! Ты — головой к стене! А ты — головой в эту сторону! Сюда, говорю!

— Girati dall altra parte, — перевел со своего вильчатого подъемника доктор Лектер.

Карло посмотрел на Старлинг и, убедившись, что она прикончит его без малейшего колебания, улегся на пол. Девушка быстро соединила итальянцев с помощью наручников, приковав руку Карло к лодыжке Пьеро и соответственно лодыжку Пьеро к руке Карло. При этом свой «кольт» девушка держала на боевом взводе.

Затем она достала кинжал и, обойдя подъемник, приблизилась к доктору.

— Добрый вечер, Клэрис, — произнес Ганнибал Лектер, когда смог ее увидеть.

— Вы способны передвигаться? Ваши ноги работают?

— Да.

— Вы можете видеть?

— Да.

— Я намерена вас освободить. Однако при всем моем к вам уважении, доктор, если вы попытаетесь меня наколоть, я застрелю вас. Здесь и сейчас. Вы это понимаете?

— Абсолютно.

— Ведите себя прилично, и вы спасены.

— Слышу знакомую речь протестанта.

Старлинг приступила к делу. Кинжал был заточен что надо. Выяснив, что зазубренная сторона лезвия работает быстрее, она начала перепиливать многочисленные узлы на новом скользком шпагате.

Первой освободилась его правая рука.

— Я сделаю все остальное, если вы отдадите мне кинжал.

Старлинг не знала, как поступить. После непродолжительного колебания она передала ему кинжал, а сама отступила от доктора на расстояние вытянутой руки.

— Моя машина — в паре сотен метров отсюда на противопожарной просеке, — сказала она. Ей приходилось одновременно следить как за доктором, так и за двумя распростертыми на полу

мужчинами.

Доктор Лектер сумел освободить одну ногу и теперь трудился над другой. Каждый оборот веревки ему приходилось разрезать отдельно. Он не мог видеть лежащих за его спиной лицом вниз Карло и Пьеро.

— Когда освободитесь, не пытайтесь бежать. Вы не успеете добраться до дверей. Я дам вам две пары наручников, — сказала Старлинг. — За вашей спиной валяются двое скованных парней. Заставьте их подползти к подъемнику, а затем прикуйте к нему, чтобы они не могли воспользоваться телефоном. После этого вы наденете наручники на себя.

— Двое? — переспросил он. — Осторожнее, их должно быть трое.

Доктор едва успел закончить фразу, как стрелка-шприц, вылетев из ствола духового ружья и сверкнув в свете ярких ламп, затрепетала в самом центре спины Старлинг. Девушка резко повернулась. Но почти в тот же миг голова у нее закружилась, а в глазах потемнело. Все же она попыталась найти цель. Заметив на краю открытого с ее стороны сеновала ствол, она выстрелила. Затем еще раз, еще и еще. Томмазо откатился в глубь сеновала. Ему в лицо летели, больно жаля,

щепки, а в ярком свете ламп к потолку поднимался синеватый пороховой дымок. Старлинг выстрелила еще раз, но свет в ее глазах померк окончательно. Даже когда колени ее подогнулись, она все еще пыталась нащупать у себя на бедре запасную обойму.

Шум, похоже, привел свиней в еще большее оживление. Увидев людей, лежащих в столь аппетитной позе, они захрюкали яростнее и стали сильнее напирать на барьер.

Старлинг упала вперед лицом вниз, пистолет с открытым казенником отлетел в сторону. Карло и Пьеро приподняли головы, огляделись и, похожие на летучую мышь, неуклюже поползли к телу Мольи, к его пистолету и ключам от наручников. С сеновала раздался глухой звук. Это Томмазо передернул помпу духового ружья. У него оставалась еще одна заправленная транквилизатором стрелка. Он приподнялся, подошел к краю сеновала и, глядя сквозь прицел, стал искать доктора Лектера. Оказалось, что доктора от него закрывал подъемник.

Томмазо двинулся по краю сеновала, спрятаться от него доктору не удастся.

Ганнибал Лектер поднял Старлинг, и, прижав ее к себе, стал пятиться в направлении голланд-

ских ворот, стараясь делать это так, чтобы между ним и Томмазо оставался подъемник. Доктор двигался медленно, не сводя глаз с ног, передвигающихся по краю сеновала. Томмазо выстрелил, и направленная в грудь Ганнибала Лектера стрела ударила в голень Старлинг. Доктор Лектер протянул руку к щеколде, удерживающей голландские ворота на запоре.

Пьеро дернул цепочку, на которой висели ключи помощника шерифа. Карло, собрав все силы, дотянулся до пистолета. В этот миг в амбар ворвались голодные свиньи и ринулись к своему деликатесу, который все еще пытался подняться на ноги. Карло каким-то образом ухитрился выстрелить, и одна из свиней рухнула на пол. Но другие, не останавливаясь, перескочили через павшую товарку и набросились на Пьеро, на Карло и на мертвое тело помощника шерифа Джона Мольи. Некоторые из животных, пробежав через весь амбар, выскочили в ночь.

Доктор Лектер, со Старлинг на руках, вышел из голландских ворот за секунду до того, как свиньи ринулись в амбар.

Томмазо сверху с сеновала увидел лицо брата, и уже через секунду лицо превратилось в кровавое месиво. Он в ужасе выронил бесполезное ружье.

Доктор Лектер между тем, двигаясь с горделиво выпрямленной, как у танцора, спиной и со Старлинг на руках, босым вышел из амбара сквозь строй диких свиней. Он шагал между покрытыми щетиной спинами по залитому кровью полу. Пара животных — одна из них была беременной маткой — наклонили головы и, готовясь напасть, двинулись в его сторону.

Доктор взглянул в их морды, и звери, не почувствовав запаха страха, зарысили назад в направлении более легкой, валяющейся на полу добычи.

Прибывающего из дома подкрепления доктор Лектер не увидел. Оказавшись в тени деревьев на лесной дороге, он остановился, чтобы выдернуть стрелки из тела Старлинг и отсосать ранки. Попавшая в кость голени игла согнулась.

Сквозь расположенные поблизости кусты с шумом продирались свиньи, Сняв со Старлинг ботинки, он натянул их на свои босые ноги. Обувь жала, но шагать было можно. Обнаружив на лодыжке у девушки пистолет, доктор устроил ее тело на руках так, чтобы можно было дотянуться до оружия.

Десять минут спустя охранник в сторожке у главного въезда на ферму оторвался от газеты.

Со стороны скоростного шоссе до него долетел странный звук, похожий на рев, который бывает при взлете винтомоторного истребителя. Это старый «мустанг» с объемом двигателя пять литров, развив обороты до 5800 в минуту, пошел на обгон.

Глава 87

Скулящего и плачущего Мейсона доставили в дом. Паралитик рыдал так, как рыдал в свое время мальчишкой в лагере, когда маленькие ребятишки успевали надавать ему тумаков, прежде чем он мог придавить их к земле своим весом.

Корделл и Марго подняли его на лифте в больничное крыло, уложили в постель и подсоединили все провода к перманентным источникам питания.

В такой ярости Марго брата никогда не видела. Кровеносные сосуды на обтянутом кожей черепе пульсировали словно обезумевшие черные черви.

— Пожалуй, пора дать ему что-нибудь успокоительное, — сказал Корделл, выйдя вместе с Марго в игровую комнату.

— Подождите. Ему следует немного подумать. Дайте мне ключи от вашей «хонды».

— Зачем?

— Кому-то надо туда проехать, чтобы выяснить, не остался ли там кто-нибудь в живых. Вы не желаете проехаться?

— Нет, но…

— Я могу провести вашу машину через малую дверь, автобусу там не пройти. Итак, гоните ключи.

Оказавшись внизу в машине, Марго увидела Томмазо. Итальянец рысил по поляне подальше от леса, постоянно оглядываясь назад. «Думай, Марго». Она бросила взгляд на часы. Восемь двадцать. К полуночи появится сменщица Корделла. Еще есть время для того, чтобы доставить на вертолете людей из Вашингтона и произвести уборку. Она прямо по траве подъехала к Томмазо.

— Я хотел вытащить их, но свинья меня уронила… Он… — Томмазо изобразил доктора Лектера, несущего на руках Старлинг. — Они уехали на громкой машине. Она получила due… — он поднял два пальца, — …due freccette. — Сардинец показал себе на спину и на ногу. — Freccette, Dardi. Воткнулись. Бам! Due freccette. — Он принял позу стреляющего из ружья человека.

— Стрелы, — подсказала Марго.

— Да, стрелы. Возможно, слишком много наркотиков. Возможно, она умерла.

Марго въехала через боковую дверь, через которую Старлинг чуть раньше проникла в амбар. Чавканье, хрюканье, ворчание и масса колышу-

щихся щетинистых спин. Марго, непрерывно нажимая на клаксон, отогнала свиней и увидела останки трех человек, ни одного из них опознать было невозможно.

Проехав назад к помещению, где висел череп скакуна, Марго и Томмазо вылезли из машины и плотно закрыли за собой дверь.

Марго вспомнила, что Томмазо был единственным — кроме Корделла — человеком, который видел ее этим вечером в амбаре.

Видимо, то же самое пришло на ум и Томмазо. Он отступил от Марго на безопасное расстояние, не сводя внимательных глаз с ее лица. По щекам итальянца катились слезы.

«Думай, Марго. Тебе вовсе ни к чему, чтобы сардинцы утопили тебя в дерьме. Им на своем острове известно, что деньгами распоряжаешься ты. Они разберутся с тобой очень скоро».

Томмазо неотрывно следил за рукой Марго, когда та стала опускать ее в карман.

Сотовый телефон. Марго набрала номер в Сардинии, где было половина третьего ночи, и подняла с постели владельца банка «Стебен». Коротко переговорив с ним, она передала аппарат Томмазо. Тот кивнул, что-то ответил, кивнул еще раз и вернул телефон Марго. Теперь деньги при-

надлежали ему. Он взобрался на сенник, чтобы взять свою сумку, а также прихватить спрятанные в сене пальто и шляпу доктора Лектера. Пока Томмазо собирал вещи, Марго взяла электрический щуп и, проверив напряжение, сунула себе в рукав. На всякий случай она прихватила и ковочный молот.

Глава 88

Томмазо подвел машину Корделла к дому, чтобы высадить Марго. Позже он оставит автомобиль на стоянке длительного хранения в Международном аэропорту имени Даллеса. Марго обещала ему достойно похоронить то, что осталось от Пьеро и Карло.

Томмазо чувствовал, что есть нечто такое, о чем он обязан сообщить Марго. Поднатужившись и собрав все свои знания английского языка в кулак, он сказал:

— Синьорина, свиньи… вы должны знать это… свиньи помогать доктор. Они отходить назад и становиться вокруг. Они убивать Карло, убивать моего брата, но отходить от доктор Лектер. Я думаю, они молиться ему. — Томмазо перекрестился. — Вы не должны его больше преследовать.

И вернувшись в Сардинию, Томмазо будет повторять эту историю всю свою отнюдь не короткую жизнь. А когда его возраст перевалит за шестьдесят, он уже станет уверять, что доктор Лектер с прекрасной дамой на руках покинул амбар, восседая на спинах диких свиней.

После того как машина скрылась на служебной дороге, Марго еще некоторое время стояла, глядя на освещенные окна Мейсона. Со своего места она видела, как по стенам движется тень Корделла, который, видимо, подключал брата к мониторам, регистрирующим пульс и ритм дыхания.

Сунув рукоятку ковочного молота за пояс брюк у спины, она одернула полы куртки, чтобы спрятать головку.

В тот момент, когда Марго выходила из кабины лифта, из комнаты Мейсона с горкой подушек в руках появился Корделл.

— Корделл, приготовьте ему мартини.

— Не знаю…

— Зато я знаю. Приготовьте.

Корделл положил подушки на короткий диван и склонился перед баром-холодильником.

— Там для меня сока не найдется? — спросила Марго и, подойдя к Корделлу, что есть силы ударила его молотом в основание черепа.

Голова швейцарца погрузилась в холодильник, затем вынырнула на свет, и сидевший на корточках Корделл рухнул навзничь. Он уставился в потолок открытыми глазами — один зрачок у него расширился до предела, а другой остался без изменений. Марго слегка повернула на полу

его голову и еще раз с силой опустила молот. Височная кость Корделла погрузилась в череп чуть ли не на дюйм, а из его ушей ручьями хлынула кровь.

Марго ничего не чувствовала. Она словно окаменела. Мейсон, услышав, как открылась дверь его комнаты, направил в сторону звука свой единственный, прикрытый линзой глаз. Он несколько минут дремал, и свет в помещении был слегка притушен. Гигантский угорь спал под своей искусственной скалой.

Широкоплечая фигура Марго заполнила почти весь дверной проем. Войдя в комнату, она тщательно закрыла за собой дверь.

— Привет, Мейсон.

— Что там произошло? Что тебя так задержало?

— Там внизу все мертвы, Мейсон, — сказала Марго, подошла к кровати брата и, выдернув соединительный штекер из телефонного аппарата, бросила провод на пол.

— Карло, Пьеро и Джонни Мольи умерли. Доктор Лектер бежал и унес с собой эту самую Старлинг.

Сквозь зубы Мейсона проступила пена, и он выругался.

— Томмазо я отправила домой с деньгами.

— Ты… что??? Ты — шелудивая сука, идиотка и потаскуха! Мы расчистим дерьмо и начнем все сначала. В нашем распоряжении целый уик-энд. Эта телка Старлинг нас больше беспокоить не должна. Если она в руках Лектера, то ее уже можно считать трупом.

— Меня она здесь в любом случае не видела, — пожала плечами Марго.

— Подай сигнал в Вашингтон и вызови сюда четырех мерзавцев. Пошли за ними вертолет. Покажи им мусор, покажи им… Корделл! Сюда!

Мейсон подул в свои трубки. Марго отвела в сторону эту пародию на свирель и склонилась над братом так, чтобы тот мог видеть ее лицо.

— Корделл не придет, Мейсон. Корделл умер.

— Что?!

— Я убила его в игровой комнате. Итак, Мейсон, ты сейчас дашь мне то, что обещал.

Она опустила боковые сетки кровати и, приподняв заплетенные косой и свернутые кольцом волосы, сдернула с него покрывало. Усохшие ноги Мейсона были не толще, чем скатанное и готовое для нарезки на булочки тесто. Его рука — единственная способная к движению конечность — потянулась к телефону. Респи-

ратор тем временем продолжал подниматься и опускаться в заданном ритме. Марго вынула из кармана и поднесла к лицу Мейсона не обработанный сперматоцидом презерватив, а из ее рукава появился электрический щуп для скота.

— Помнишь, Мейсон, как ты плевал на свой хер, чтобы смазать его? Не мог бы ты и сейчас набрать слюней? Если нет, то я сама могла бы попробовать.

Мейсон взревел, насколько ему позволял респиратор. Это была серия звуков, отдаленно напоминающих отвратительный ослиный рев. Вся процедура закончилась менее чем через полминуты, и закончилась, надо сказать, весьма успешно.

— Ты умрешь, Марго. — Ее имя прозвучало как «Нарго».

— Мы все умрем, Мейсон. Разве ты этого не знал? Но только не они, — сказала она, пряча теплый контейнер под куртку. — Они виляют хвостиками. Я покажу тебе как. Покажу тебе, как они виляют… покажу и расскажу.

Марго подняла лежащие рядом с аквариумом, усаженные шипами перчатки, которыми обычно брали рыбу.

— Я могу удочерить Джуди, — сказал Мейсон. —

Она станет моей наследницей, а с тобой мы могли бы заключить соглашение.

— Бесспорно, могли бы… — согласилась Марго, извлекая из бачка карпа. Затем она принесла стул, влезла на него, сняла крышку с аквариума и добавила: — Но делать этого мы не станем.

Марго склонилась над аквариумом, погрузив в воду свои мощные руки. Одной рукой она держала карпа за хвост рядом с входом в грот, другая ее рука была наготове. Как только мурена Кидаки появилась из своей норы, Марго крепко схватила ее чуть позади головы и вытащила из воды, высоко подняв руку. Толстая, мощная рыбина длиной была в рост Марго, ее кожа с веселой раскраской блестела в свете ламп. Марго подхватила гигантского угря второй рукой, и, когда тот забился, смогла удержать его, лишь вонзив шипы перчаток поглубже в кожу.

Осторожно спустившись со стула, она подошла к Мейсону, волоча за собой извивающееся чудовище. Голова рыбы своей формой напоминала ножницы для разрезания болтов, ее зубы стучали наподобие телеграфного ключа, ни одна жертва не могла выскользнуть из этих острых отогнутых назад зубов. Марго бросила угря на крышку респиратора и, удерживая его одной рукой, второй

стала обматывать длинной косой Мейсона. Один оборот, еще один, еще и еще.

— Посмотри, как он виляет хвостиком, Мейсон.

Продолжая держать рыбу одной рукой, Марго другой, свободной, надавила на нижнюю челюсть Мейсона. Она давила все сильнее и сильнее, навалившись на челюсть всем своим весом. Мейсон сопротивлялся изо всех сил, но сил ему не хватило, челюсть хрустнула и рот открылся необыкновенно широко.

— Тебе следовало бы есть шоколад, — сказала Марго и затолкала пасть чудовища в широко открытый рот брата.

Гигантский угорь острыми как бритва зубами вцепился в язык паралитика, словно это была рыба, и не отпускал его — свою жертву этот монстр никогда не отпускает. Обмотанный волосами угорь бился на груди Мейсона. Кровь залила дыры, зияющие на том месте, где когда-то был нос, и Мейсон Вергер захлебнулся.

Марго так и оставила их лежать вместе — Мейсона и угря. В аквариуме кругами плавал одинокий карп. Затем она уселась на рабочем месте Корделла и следила за мониторами до тех пор, пока все кривые, говорящие о деятельности

организма, не превратились в прямые линии.

Когда она вернулась в комнату Мейсона, угорь все еще шевелился. Респиратор по-прежнему поднимался и опускался, надувая брюхо рыбы кровавой пеной из легких Мейсона. Марго обмыла электрический щуп в аквариуме и сунула в карман.

Затем, достав из пластикового пакетика клок волос доктора Лектера и обрывок кожи с его скальпа, она соскребла ногтями мертвой руки брата кровь с кожи и сунула клок волос в его сжатые пальцы. Работа оказалась нелегкой, так как гигантский угорь все еще не желал успокаиваться. Напоследок она вложила один-единственный волосок в перчатку, которой брала рыбу.

Марго, не глядя на мертвого Корделла, вышла из дома и направилась к Джуди. Девушка прижимала к груди свою теплую добычу, торопясь поместить ее туда, где она никогда не остынет.

Часть VI
ПИРШЕСТВО

«И блюд, что подавали там, вкусней
В Италии ты не нашел бы всей».

Джеффри Чосер. Из «Кентерберийских рассказов». «Рассказ купца».

Глава 89

Клэрис Старлинг лежит без сознания на огромной кровати под льняной простыней и теплым пуховым одеялом. Ее руки, скрытые в широких рукавах шелковой пижамы, покоятся поверх покрывал. Шелковые шарфы ограничивают их движение, чтобы она не повредила себе лицо или не сорвала пластырь, удерживающий иглу капельницы на запястье.

В комнате всего лишь три светлые точки. Это низкая, затененная абажуром лампа и светящиеся красным светом зрачки доктора Лектера. Глаза доктора обращены на Клэрис Старлинг.

Он сидит в кресле, возложив подбородок на сцепленные пальцы. Через некоторое время доктор поднимается, чтобы измерить ее кровяное давление. При помощи миниатюрного фонарика он изучает зрачки девушки. Доктор сует руку под одеяло, нащупывает ее стопу, откидывает покрывало и, внимательно глядя в лицо Старлинг, легонько проводит кончиком ключа по своду стопы. Некоторое время он стоит молча, видимо, полностью погрузившись в свои мысли. Ступня девушки, словно крошечный зверек, покоится в

его руках. У производителя усыпляющих стрел он узнал химический состав транквилизатора. Поскольку вторая стрела ударила в кость голени, он надеется, что девушка не получила полной двойной дозы. Доктор Лектер с бесконечной осторожностью вводит ей стимуляторы, способные нейтрализовать действие наркотика.

В перерывах между уколами он сидит в своем кресле, производя сложные расчеты на листах пергаментной бумаги. Страница за страницей заполняются символами, имеющими отношение как к астрофизике, так и физике элементарных частиц. Время от времени появляются символы и других теорий. Немногие математики, способные проследить за ходом мыслей доктора, могли бы сказать, что его уравнения вначале поистине великолепны, но далее становятся все слабее и слабее, поскольку науку в рассуждениях Ганнибала Лектера начинают подменять его тайные желания и помыслы. Доктор Лектер стремится обратить время вспять — возрастание энтропии не должно более означать бег времени. Он хочет, чтобы возрастание порядка начало указывать новый путь времени. Он хочет, чтобы молочные зубки Мишу покинули выгребную яму. За его лихорадочными расчетами стоит отчаянное

желание дать Мишу место в этом мире, возможно, то место, которое занимает сейчас Клэрис Старлинг.

Глава 90

Утро. Игровую комнату фермы «Мускусная крыса» заливает желтый солнечный свет. Огромные мягкие игрушки равнодушно взирают своими пуговичными глазами на прикрытое простыней тело Корделла.

Даже в разгар зимы мясная муха ухитряется найти труп, и теперь она расхаживает по тем местам, где сквозь покрывало проступила кровь.

Если бы Марго знала, какое потрясение из-за ее поступка пришлось испытать преследуемому прессой полицейскому начальству, она ни за что не стала бы заталкивать угря в глотку своего братца.

Ее решение ничего не убирать на ферме, а просто укрыться, до тех пор пока не уляжется буря, оказалось весьма мудрым. Ни один из оставшихся в живых не видел ее в «Мускусной крысе» в тот вечер, когда были убиты Мейсон и все остальные.

Марго рассказала, что находилась дома вместе с Джуди, когда ее разбудил полный ужаса звонок медицинской сестры, явившейся в полночь сменить Корделла. Она сразу поехала в особняк и

прибыла туда вскоре после команды шерифа.

Главным следователем в офисе шерифа был детектив Кларенс Фрэнкс — молодой человек с немного близко поставленными глазами. К сожалению, он оказался не таким глупым, как надеялась Марго.

— Ведь этим лифтом пользовался лишь тот, у кого есть ключи. Разве не так? — спросил Фрэнкс у Марго.

Детектив и девушка, испытывая некоторую неловкость, сидели бок о бок на двухместном диванчике.

— Думаю, что так. Если, конечно, они пришли этим путем.

— «Они», мисс Вергер? Вы полагаете, что здесь могло быть больше чем один человек?

— Понятия не имею, мистер Фрэнкс.

Несмотря на то что тело брата прикрывала простыня, Марго видела, что оно по-прежнему составляет одно целое с угрем. Кто-то выключил аппарат искусственного дыхания. Криминалисты брали образцы воды из аквариума и мазки с пятен крови на полу. В высовывающейся из-под покрывала руке Мейсона она видела клочок скальпа доктора Лектера. Следователи его пока не обнаружили. Все криминалисты выглядели

для Марго на одно лицо, как Твидлдам и Твидлди для Алисы[53].

Детектив Фрэнкс с деловым видом что-то чиркал в записной книжке.

— Уже известно, кто эти другие несчастные люди? — спросила Марго. — Есть ли у них семьи?

— Мы работаем над идентификацией, — ответил Фрэнкс. — Пока нам удалось выяснить, что применялось три вида оружия.

По правде говоря, детективы вообще точно не знали, сколько человек погибло в амбаре, поскольку свиньи убежали в лес, утащив с собой часть останков, чтобы полакомиться позже.

— В ходе расследования мы можем обратиться к вам и к вашей… компаньонке с просьбой пройти испытание на полиграфе. В быту его называют детектором лжи. Вы согласитесь на это, мисс Вергер?

— Мистер Фрэнкс, ради того, чтобы поймать этих людей, я готова на все. Отвечая на ваш конкретный вопрос, скажу так: известите меня и Джуди, и мы незамедлительно явимся. Должна ли я побеседовать с нашим семейным адвокатом?

— Совершенно не обязательно, если вам нечего

---

[53] Примечания: 53

Комические персонажи из книги Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

скрывать от нас.

— Скрывать? — Марго удалось выжать слезу.

— Простите, мисс Вергер, но я должен был сказать это.

Фрэнкс хотел было обнять широкие плечищи Марго, но вовремя передумал.

Глава 91

Старлинг проснулась в благоухающем свежестью полумраке. Каким-то непостижимым образом она знала, что находится рядом с морем. Девушка слегка пошевелилась на кровати. Ощутив засевшую глубоко в теле боль, она снова впала в беспамятство. Пробудившись снова, Старлинг услышала тихий голос, уговаривавший ее что-то выпить из чашки. Она выпила теплый напиток, напоминавший по вкусу травяной настой, рецепт которого Арделия Мэпп унаследовала от своей бабушки.

Еще один день, и наступает очередной вечер. Запах свежих цветов в доме, и опять слабый укол иглы. Где-то вдали на горизонте сознания остатки страха вспыхивают словно огоньки далекого затухающего фейерверка. Но огоньки эти уже действительно далеко и ближе не станут. Она в безопасности, в «саду, что спокоен в глазе урагана».

— Пробудитесь. Пробудитесь мирно. Пробудитесь в этой милой комнате, — произнес голос. Откуда-то до нее доносились едва слышные звуки камерной музыки.

Она казалась себе необыкновенно чистой, тело ее благоухало мятой, а какое-то неизвестное ей притирание ласково грело кожу.

Старлинг широко открыла глаза.

В некотором отдалении от нее совершенно неподвижно стоял доктор Лектер. Так он стоял в своей камере, когда она впервые увидела его. Мы уже привыкли встречать доктора в его подлинной сущности без оков и без маски и не трепещем, когда видим Ганнибала Лектера в обществе другого смертного.

— Добрый вечер, Клэрис.

— Добрый вечер, доктор Лектер, — ответила она теми же словами, не имея ни малейшего представления о времени.

— Если вы испытываете некоторое неудобство, то это всего лишь результат ушибов, полученных вами при падении. С вами все будет в порядке. Но мне все же надо кое-что проверить. Поэтому не затруднит ли вас посмотреть на свет? — Он приблизился к ней, держа в руках небольшой карманный фонарь. От доктора Лектера исходил аромат только что выстиранного поплина.

Старлинг с трудом заставила себя держать глаза открытыми, пока он изучал ее зрачки. Как только доктор Лектер отступил от нее, она тотчас

смежила веки.

— Благодарю вас, — сказал он. — Рядом с вами располагается весьма комфортабельная ванная комната. Нет ли у вас желания проверить, как действуют ваши ноги? Рядом с кроватью вы найдете домашние тапочки. К сожалению, мне пришлось позаимствовать ваши ботинки.

Старлинг чувствовала себя словно в полусне. Ванная комната действительно оказалась весьма комфортабельной и была оборудована всем необходимым. В последующие дни девушка наслаждалась длительными ваннами, но в зеркало на себя не смотрела. Она все еще была очень далека от того, чтобы стать подлинной Старлинг.

Глава 92

Дни, проведенные за беседами. Иногда, слушая себя, Старлинг с изумлением задавала себе вопрос, кто с таким пониманием может выражать ее самые затаенные мысли. Дни продолжительного сна, крепких бульонов и омлетов.

И вот наступил момент, когда доктор Лектер произнес:

— Клэрис, вам, наверное, смертельно надоели халаты и пижамы. Там в стенном шкафу есть вещи, которые вам могут понравиться, правда, при том условии, что вы станете их носить. — Выдержав короткую паузу, он в том же тоне продолжил: — Я сложил ваши личные вещи: пистолет, сумочку и бумажник — в верхний ящик комода на тот случай, если вы решите воспользоваться одним из этих предметов.

— Благодарю вас, доктор Лектер.

В стенном шкафу обнаружилась коллекция блузок и юбок, платьев, брючных костюмов и сверкающий вечерний наряд, длиной до пола и с глубоким декольте. В шкафу оказались и кашемировые свитера и брюки, которые ей всегда нравились. Она выбрала для себя кашемировый

ансамбль бежевого цвета и мокасины.

В ящике комода Старлинг нашла свой ремень с пустой кобурой («кольт» сорок пятого калибра она потеряла), но ножная кобура с автоматическим короткоствольным пистолетом в ней соседствовала с ее сумочкой. Магазин был полон, а патронник пуст. Все осталось так, как было раньше, когда оружие висело на лодыжке: Здесь же лежал и кинжал в ножнах. Ключи от машины оказались в сумочке.

Старлинг большую часть времени оставалась сама собой. Однако, вспоминая случившееся, она видела все события и себя как бы со стороны, с далекого расстояния.

Когда доктор Лектер вывел ее на прогулку, она страшно обрадовалась, увидев в гараже свой «мустанг». Посмотрев на стеклоочистители, она подумала, что их, видимо, придется заменить.

— Клэрис, как, по вашему мнению, людям Мейсона удалось проследить за нами вплоть до самого супермаркета?

Она в задумчивости подняла глаза на потолок гаража.

Ей понадобилось менее двух минут для того, чтобы найти спрятанную за задним сиденьем антенну и по проводу антенны — излучатель.

Она отключила прибор и внесла в дом, держа за ус антенны — так, как могла бы нести большую крысу за хвост.

— Очень мило, — сказала она. — Хорошая штука и установлена прилично. Не сомневаюсь, что на приборе обнаружатся отпечатки пальчиков мистера Крендлера. У вас не найдется пластикового пакета?

— Не могут ли они провести поиск с воздуха?

— Прибор теперь отключен. А с воздуха поиск проводить станут лишь в том случае, если Крендлер признается, что использовал в своих целях новейшее изобретение. Мы знаем, что он этого не сделал. Что же касается Мейсона, то он может начать искать нас с вертолета.

— Мейсон умер.

— Хм-м, — протянула Старлинг. — Не могли бы вы сыграть для меня?

Глава 93

С момента убийств на ферме «Мускусная крыса» Пол Крендлер пребывал в состоянии умеренного страха. Иногда страх усиливался. Он сумел устроить так, чтобы местное отделение ФБР в Мэриленде направляло свои доклады непосредственно ему.

Аудиторской проверки бухгалтерских книг Мейсона он не очень опасался, так как путь перевода денег со счета Мейсона на его номерной счет благополучно терялся где-то на Каймановых островах. Однако теперь, когда Мейсон умер, Крендлер со своими грандиозными планами остался без покровителя. Марго Вергер знала о его деньгах и ей было известно, что он незаконно в личных целях пользовался секретными досье ФБР на доктора Лектера. Марго надо будет заставить держать язык за зубами.

Больше всего его беспокоила судьба монитора автомобильной слежки. Он взял его в Инженерном управлении в Квантико без всякой расписки. Однако в журнале посещений управления за тот день среди других имен значилось и его имя.

Доктор Демлинг и этот здоровенный «мед-

брат» — Барни, кажется, — видели его в «Мускусной крысе». Но он там был на законных основаниях с целью обсудить с Мейсоном Вергером возможные способы поимки Ганнибала Лектера.

Всеобщее облегчение наступило после того, как на четвертый день после убийства Марго Вергер смогла воспроизвести для детективов запись, только что поступившую на ее автоответчик.

Полицейские, стоя в немом изумлении в спальне рядом с кроватью, которую Марго делила с Джуди, слушали голос своего заклятого врага. Доктор Лектер, злорадствуя по поводу смерти Мейсона, уверял Марго в том, что смерть ее брата была мучительной и очень долгой. Марго рыдала, закрыв лицо ладонями, а Джуди удерживала ее за плечи. В конце концов Фрэнкс вывел ее из комнаты со словами:

— Вам не стоит выслушивать все это вторично.

С подачи Пола Крендлера запись переправили в Вашингтон, и анализ голоса подтвердил, что говорил действительно доктор Лектер.

Однако полное облегчение Крендлер ощутил лишь после телефонного разговора вечером на четвертый после убийства день.

Звонил ему не кто иной, как член палаты пред-

ставителей конгресса США от штата Иллинойс Партон Веллмор.

Крендлеру до этого редко приходилось беседовать с конгрессменом, но благодаря телевизору он хорошо знал его голос. Сам факт звонка являлся отличным успокаивающим средством: Веллмор работал в Юридическом подкомитете палаты и прославился в конгрессе как великий разгребатель дерьма. Если бы Крендлер был под подозрением, Веллмор кинул бы его без всяких колебаний.

— Мистер Крендлер, мне известно, что вы хорошо знали Мейсона Вергера.

— Да, сэр.

— Это просто отвратительно. Садист и сукин сын, вначале губит Мейсону жизнь, калеча его, а затем является, чтобы добить. Не знаю, известно ли вам это, но один из жителей моего избирательного округа тоже погиб в этой трагедии. Его звали Джонни Мольи, и он много лет стоял на страже закона в Иллинойсе.

— Нет, сэр. Я этого не знал. Выражаю вам свое соболезнование.

— Дело в том, Крендлер, что мы не имеем права останавливаться. Филантропическое наследие Вергеров и их интерес к публичной политике не

должны исчезнуть. Их дело будет продолжено. Я успел побеседовать с несколькими нужными людьми в двадцать седьмом округе. Марго Вергер поставила меня в известность о том, что вы интересуетесь публичной политикой. Выдающаяся женщина! Удивительно практичная. Скоро я с ней встречаюсь, чтобы в спокойной, неформальной обстановке обсудить наш план действий в предстоящем ноябре. Мы хотели бы видеть вас на борту нашего корабля. Вы могли бы принять участие в нашей встрече?

— Да, конгрессмен. Безусловно, мог бы.

— Марго посвятит вас во все детали. Встреча произойдет в ближайшие дни.

Крендлер положил трубку. Ему казалось, что он принял успокоительную ванну. Все его тревоги исчезли окончательно.

Обнаружение в амбаре «кольта», зарегистрированного на имя покойного Джона Бригема и принадлежащего теперь, как стало известно, Клэрис Старлинг, вызвало в ФБР большое смятение.

Старлинг была внесена в список лиц, пропавших без вести, но ее случай насильственным похищением не считался, так как никто не мог подобного акта засвидетельствовать. Ее даже не числили агентом, пропавшим без вести во время

исполнения служебных обязанностей. Старлинг являлась отстраненным от всех дел агентом. Была составлена ориентировка с идентификационными и регистрационными номерами ее «мустанга», но имя владельца в документе не указывалось.

Насильственное похищение по сравнению с простым исчезновением требует от правозащитных органов гораздо более активных действий. Подобная классификация настолько обозлила Арделию Мэпп, что она сгоряча настрочила рапорт об отставке из Бюро, но, хорошенько подумав, от этой идеи отказалась и решила действовать изнутри организации. Снова и снова Арделия заходила в ту часть дома, где жила Старлинг, надеясь обнаружить там подругу.

Арделию выводило из себя то, что электронный файл доктора Лектера и данные о нем в «Национальном информационном центре преступности» почти не пополнялись, а если и пополнялись, то какими-то совершенно тривиальными сведениями. Итальянская полиция наконец сумела найти компьютер доктора Лектера. Оказалось, что карабинеры поставили машину в комнате отдыха и часами гоняли на ней «Супер Марио». Все данные на жестком диске

стерлись, как только следователи нажали первую кнопку клавиатуры.

С момента исчезновения Старлинг Арделия Мэпп донимала всех более или менее влиятельных людей в Бюро, до которых только могла добраться.

Все ее звонки домой Джеку Крофорду остались без ответа.

Она позвонила в Отдел изучения моделей поведения, и ей сообщили, что Крофорд с болями в груди все еще находится в Мемориальной больнице Джефферсона.

В больницу ему Арделия Мэпп звонить не стала. Во всем ФБР она была последним и единственным ангелом-хранителем Клэрис Старлинг.

Глава 94

Старлинг полностью утратила чувство времени. Дни и ночи проходили за беседами. Иногда она безостановочно говорила сама, иногда внимательно слушала, а иногда безудержно смеялась над собой, слыша свои безыскусные откровения, которые в другое время могли бы показаться ей просто мерзкими. То, что она рассказывала доктору, было правдой. Случалось так, что эта правда изумляла ее саму, а некоторые события для нормального уха представлялись тошнотворными. Доктор Лектер тоже говорил — негромким, ровным голосом. Он, не скрывая интереса, побуждал ее к разговору и ни разу за все время ничему не удивился и ничего не осудил.

Доктор Лектер поведал ей о своем детстве и о Мишу. Иногда, для того чтобы начать разговор, они вместе смотрели на какой-нибудь блестящий предмет, и в помещении в это время, как правило, был лишь единственный источник света. Блестящие предметы день ото дня менялись.

В тот день они начали разговор, глядя на поблескивающий бок чайника, но по мере того, как беседа развивалась, доктор Лектер начал

чувствовать, что они подбираются к новым, еще не исследованным областям ее мышления. Не исключено, что он услышал, как за стеной затеяли возню тролли. Он убрал чайник и поставил вместо него серебряную пряжку от ремня.

— Это папина пряжка, — воскликнула Старлинг, всплеснув руками так, как это делают дети.

— Да, — ответил доктор Лектер. — Клэрис, не хотите побеседовать со своим отцом? Он здесь. Вам не хочется с ним поговорить?

— Папа здесь! Вот это да! Конечно, хочется!

Доктор Лектер приложил ладони к голове Старлинг, к тем местам, где располагаются височные доли мозга. Именно эти доли могли сообщить ей об отце все, что было нужно. Затем доктор Лектер заглянул в бездонный омут ее глаз.

— Я знаю, что вы хотите поговорить с ним без свидетелей. Я ухожу. Вы же продолжайте смотреть на пряжку. Через несколько минут вы услышите стук в дверь. Хорошо?

— Да! Просто классно!

— Вот и славно. Теперь вам остается лишь немного подождать.

Короткий, едва заметный укол тончайшей иглы — Старлинг даже не посмотрела, — и доктор Лектер вышел из комнаты.

Она не сводила глаз с пряжки до тех пор, пока не раздался стук в дверь — два уверенных, сильных удара. После этого в комнату вошел ее отец. В проеме двери он казался особенно большим. В руках отец держал шляпу, а мокрые волосы слегка слиплись — в таком виде он частенько являлся к ужину.

— Привет, детка! Интересно, когда в этом доме кормят?

Он не обнимал ее вот уже двадцать пять лет со дня своей смерти. Но когда она прижалась к нему, то кнопки застежки на ковбойской рубашке оказались все теми же, и пахнул отец по-прежнему — душистым мылом и крепким табаком. Старлинг чувствовала, как под рубашкой бьется его большое сердце.

— Детка! Детка! Ты что, свалилась? — Это были те самые слова, которыми он ее приветствовал, поднимая с земли после того, как она пыталась «на слабо» прокатиться верхом на большой козе. — Ты держалась отлично, пока она не начала слишком быстро менять направление.

На столе просторной кухни ее детства лежали два предмета: целлофановый пакет со «Снежками» и бумажный пакет с апельсинами.

Отец раскрыл перочинный нож с единствен-

ным, обломанным на конце лезвием и принялся чистить апельсины. Кожура длинной спиралью ложилась на клеенку стола. Они уселись на кухонные, с перекладинами на спинках, стулья, и отец стал делить апельсин на четвертушки, от которых, в свою очередь, отделял по дольке, отправляя одну из них себе в рот, а вторую в ротик дочери. Дочь вначале выплевывала зерна в ладонь, а затем начала складывать на прикрытые юбкой колени. Он же сидел на стуле выпрямившись, высокий, как Джон Бригем.

Отец предпочитал жевать на одной стороне, поскольку на коренном зубе с другой стороны челюсти сидела белая металлическая коронка — из тех, которые в сороковых годах любили ставить армейские дантисты. Когда отец смеялся, коронка поблескивала. Они съели по апельсину и по одному «Снежку», обмениваясь прикольными шутками. Старлинг успела забыть восхитительный вкус мороженого под слоем кокоса. Кухня вдруг куда-то исчезла, и они стали говорить как взрослые люди.

— Как твои дела, детка? — Это был очень серьезный вопрос.

— На работе на меня очень сильно наезжают.

— Мне это известно. Все эти типы, детка, — то

же самое что крючкотворы из суда. Поверь отцу, более жалкой банды, чем они, во всем мире не сыскать. Ведь ты стреляла только тогда, когда ничего другого не оставалось.

— Во всяком случае, я так считаю, и дело, видимо, совсем в другом.

— Но ты, надеюсь, никогда не врала?

— Никак нет, сэр.

— Ты спасла маленького ребенка.

— Да, с ним все в порядке.

— Я тогда по-настоящему гордился тобой.

— Благодарю вас, сэр.

— Мне пора, хорошая моя. Мы еще потолкуем.

— А ты не мог бы задержаться?

— Мы никогда нигде не можем задерживаться, детка, — ответил отец, положив ладонь ей на голову. — Никто не в силах остаться там, где ему хочется.

Он поцеловал ее в лоб и вышел из комнаты. Остановившись в дверях, отец помахал шляпой, и Старлинг успела заметить в тулье пулевое отверстие.

Глава 95

Старлинг, вне всякого сомнения, любила своего отца, как все мы любим самых близких нам людей. Она горой встала бы на его защиту, если бы кто-то попытался очернить его память. В то же время, пребывая в гипнозе и находясь под воздействием сильнодействующего психотропного препарата, Старлинг сказала буквально следующее:

— Вообще-то я на него страшно зла. Не понимаю, каким образом он позволил себе оказаться на задворках этой вшивой забегаловки посреди ночи один против пары засранцев, которые его и прикончили. Отец промедлил со своим старым помповым ружьем, и они его достали. Эти ничтожества убили его. Он никогда не понимал, что делает, и при этом не желал учиться.

Старлинг отвесила бы оплеуху любому, кто посмел бы произнести подобные слова.

Сидящий на стуле монстр подвинулся ровно на микрон. Ага, наконец-то мы до этого добрались. Детские воспоминания уже начали нагонять тоску.

Старлинг попыталась как маленькая поболтать

ногами под стулом, но ноги для этого оказались слишком длинными.

— Понимаете, он отправлялся на работу и делал то, что ему говорят. Слонялся, как ночной сторож, и был убит. А мама смывала кровь с его шляпы, чтобы похоронить ее вместе с ним. Кто после этого приходил в наш дом? Никто. И никаких «Снежков», вот что я вам скажу. Мама и я убирали номера в мотелях. Постояльцы бросали на тумбочках мокрые презервативы. Он позволил себя убить и покинул нас только потому, что был просто глуп. Ему следовало позволить той паре мерзавцев унести их добычу.

Она никогда не сказала бы этого, если бы высшие отделы ее мозга не были бы заблокированы.

С первых дней их знакомства доктор Лектер дразнил Старлинг, называя ее отца ночным сторожем. Теперь же он превратился в Лектера-Протектора, стоящего на страже светлой памяти ее отца.

— Клэрис, он всегда желал принести вам счастье и стремился к вашему благополучию.

— В одной руке желание, а в другой — говно, — сказала Старлинг. — Ну и какая же из рук наполнилась первой?

Подобное естественное для сиротского приюта

изречение, но слетевшее со столь привлекательных губ, кому-то могло показаться отвратительным, однако доктора Лектера оно, похоже, не только весьма обрадовало, но даже вдохновило.

— Клэрис, я хочу попросить вас пройти со мной в другую комнату, — сказал доктор Лектер. — Визит отца оказался таким, каким ему позволили быть ваши психические возможности. Вы видели, что, несмотря на ваше желание удержать его, он не остался. Но тем не менее отец вас посетил. Теперь для вас настало время нанести ему ответный визит.

Дальше по коридору располагалась спальня для гостей. Дверь в нее была плотно закрыта.

— Подождите немного, — сказал он и вошел в комнату.

Старлинг стояла в коридоре, положив ладонь на ручку двери. Через несколько секунд она услышала, как в гостевой спальне чиркнула спичка.

Доктор Лектер распахнул дверь.

— Клэрис, вы знаете, что ваш отец умер. Вам это известно лучше, чем кому-либо другому.

— Да.

— Войдите и посмотрите на него.

Скелет ее отца лежал на двуспальной кровати. Кости ног, таз и грудная клетка были прикрыты

простыней. Под белым покрывалом кости выглядели совсем не рельефно и вся фигура была похожа на ангела, которого дети лепят из снега.

Череп отца, очищенный от плоти крошечными пожирателями падали, обитающими в океане рядом с домом доктора Лектера, осветленный и отполированный, покоился на подушке.

— Где его звезда, Старлинг? — спросил доктор Лектер.

— Власти отняли ее у нас. Сказали, что она стоит семь долларов.

— Вот как он сейчас выглядит. Это — все, что от него осталось. Время превратило его в то, что вы видите.

Старлинг посмотрела на кости, повернулась и быстро вышла из комнаты. На бегство это не походило, и доктор Лектер не стал преследовать ее. Стоя в полумраке комнаты, он ждал ее возвращения. Он ничего не опасался, но тем не менее прислушивался к ее шагам, напрягая слух так, как напрягает его стоящий на страже своего стада горный козел.

В ее руке что-то поблескивало. Значок. Значок Джона Бригема. Она положила его на покрывало.

— Какой смысл скрыт для вас в этом значке,

Старлинг? Ведь находясь в амбаре, вы без колебаний пулей проделали дыру в одном из них.

— Для него значок был всем. Больше он ничего и знать не желааа… — Конец фразы вдруг исчез, а уголки ее рта опустились.

Она взяла череп отца в руки и села на край другой кровати. По ее щекам вдруг потекли слезы.

Подобно маленькому ребенку, Старлинг приподняла нижний край своего пуловера и, чтобы подавить рыдания, прижала его к щекам. Из глаз девушки лились слезы и с глухим звуком капали на лежащий на ее коленях череп отца. Коронка во рту мертвой головы весело поблескивала.

— Я люблю моего папочку, он всегда был добр ко мне и знал, что надо делать. Это было лучшее время моей жизни. — И это было сущей правдой, такой же правдой, как слова, которые она, выплескивая свой гнев, произнесла всего несколько минут назад.

Когда доктор Лектер дал ей салфетку, она зажала ее в кулаке и вытерла лицо.

— Клэрис, я сейчас выйду и оставлю вас с этими останками. Останками, Клэрис. Вы можете сколько угодно изливать свое горе в его пустые глазницы, но ответа не последует. — Он положил ладони ей на виски и продолжил: — Все, что вам

нужно от вашего отца, находится здесь, в вашей голове, и выносить суждения обо всем должны только вы, а вовсе не он. Теперь я вас оставляю. Вы хотите, чтобы я зажег свечи?

— Да. Пожалуйста.

— Когда будете уходить отсюда, возьмите с собой лишь то, в чем вы действительно нуждаетесь.

Он ждал в гостиной, сидя рядом с камином и играя на терменвоксе. Творя музыку, он двигал руками в электронном поле. Эти руки доктор Лектер совсем недавно возлагал на голову Клэрис Старлинг, а теперь он ими управлял музыкой. Еще не закончив пьесу, он знал, что за его спиной вот уже некоторое время стоит Старлинг.

Обернувшись, доктор Лектер увидел, что девушка мягко и печально улыбается. В руках она ничего не держала.

Доктор Лектер всегда пытался найти систему.

Он знал, что личность Клэрис Старлинг, как личность любого разумного существа, сформировалась из матриц раннего опыта, матриц, которые могут служить ключом для понимания ее более поздних представлений.

Разговаривая со Старлинг много лет назад через решетки клетки в лечебнице для невменяемых

преступников, он понял сущность одного из основополагающих мотивов ее поведения. Мучения забиваемых ягнят и лошадей на приютившей девочку ферме навсегда запечатлелись в ее сознании.

Старлинг с такой яростной одержимостью охотилась на Джейма Гама потому, что не могла вынести мучений его жертвы.

По той же самой причине она спасла от мук и его самого.

Прекрасно. Вот она система поведения.

Рассмотрев отдельные ситуации, доктор Лектер пришел к выводу, что в Джоне Бригеме Старлинг видела все достоинства своего отца, в результате чего бедняга Бригем был обречен на то, чтобы стать для нее исключающим любое кровосмесительство табу. Бригем и, возможно, Крофорд являлись для нее носителями хороших качеств отца. В ком же сконцентрировались все его отрицательные черты?

Доктор взялся за изучение другой части этой расколотой надвое матрицы. Используя психотропные препараты и технику гипноза, претерпевшую существенные изменения со времен камеральной терапии, он сумел обнаружить в личности Клэрис Старлинг жесткие, неподат-

ливые узлы, похожие на твердые уплотнения в древесине. Это были старые очаги негодования, способные в любой момент вспыхнуть с новой силой.

Доктор Лектер наткнулся в душе Старлинг на потрясающей ясности детальные картины — очень старые, но прекрасно сохранившиеся, — которые заставляли ее разум вспыхивать безудержным гневом наподобие того, как вспыхивают зарницы перед грозовым фронтом.

Большая часть этих картин была так или иначе связана с Полом Крендлером. Негодование, вызванное несправедливыми и злобными нападками этого человека, удесятерялось гневом дочери на отца — гневом, о существовании которого она не осмеливалась признаться даже самой себе. Она не могла простить отцу его смерти. Он бросил семью и перестал чистить апельсины в кухне. Он обрек ее мать на швабру и помойное ведро. Отец перестал прижимать Старлинг к груди, и она больше не слышала, как бьется его огромное сердце. Позже так билось лишь сердце Ханны, на которой она скакала в ночь, подальше от криков ягнят.

Крендлер являлся живым символом ее неудач и нереализованных устремлений. Его можно об-

винять во всем. Но способна ли она бросить ему вызов? Неужели Крендлер, как и другие представители власти, был для нее табу, порожденным тем явлением, которое доктор Лектер именовал «низкими сводами ее жизненных представлений»?

Правда, ему казалось, что имеется один весьма обнадеживающий знак. Несмотря на то что одним из самых ярких и прочных Штампов в ее памяти была звезда шерифа, она смогла прострелить этот знак власти и убить его носителя. Почему? Видимо, потому, что, будучи человеком действия, она увидела в носителе значка преступника и приняла мгновенное решение, перечеркнув запечатленный в глубоких отделах мозга символ. Проявление потенциальной гибкости. Результат деятельности коры головного мозга. Означает ли это, что внутри Старлинг найдется место для Мишу? Или это всего лишь еще одно положительное качество того места, которое Старлинг все-таки придется освободить?

Глава 96

Барни вернулся в свое жилище в Балтиморе и вновь приступил к сменной работе в больнице штата Мэриленд. В этот день его смена была с трех дня до одиннадцати вечера. По дороге он задержался в кофейне, чтобы подкрепиться там тарелкой супа, и вернулся домой только около полуночи.

Включив свет, он обнаружил, что за столом в кухне восседает Арделия Мэпп. Ему в лицо смотрел ствол пистолета. По диаметру дульного отверстия Барни определил, что калибр оружия — сорок.

— Присаживайся, медбратец, — сказала Мэпп. Говорила она хриплым голосом, а белки темных глаз казались оранжевыми. — Оттащи стул вон туда и сядь спиной к стене.

Барни больше испугала не крупнокалиберная пушка в руках девушки, а совсем другой, лежащий перед ней на столе пистолет. Это был «кольт-вудсмен», двадцать второго калибра, к стволу которого в качестве глушителя была прикреплена пластиковая бутылка.

Стул под тушей Барни жалобно скрипнул.

— Если ножки не выдержат, не стреляйте, — сказал он. — Я с этим ничего не могу поделать.

— Тебе известно что-нибудь о Клэрис Старлинг?

— Нет.

Мэпп подняла со стола мелкокалиберный пистолет.

— Дерьма с тобой, Барни, я разводить не буду, — сказала она. — Как только я увижу, что ты врешь, ты у меня начнешь срать кровью. Ты мне веришь?

— Да, — ответил Барни, и это целиком соответствовало истине.

— Поэтому я спрашиваю тебя еще раз: тебе известно что-то такое, что поможет мне отыскать Клэрис Старлинг? На почте мне сказали, что целый месяц вся твоя корреспонденция направляется в дом Мейсона Вергера. Что это за хрень, Барни?

— Я там работал. Ухаживал за Мейсоном Вергером, а он расспрашивал меня о Лектере. Мне там не понравилось, и я уволился. Мейсон — тот еще мерзавец.

— Старлинг исчезла.

— Знаю.

— Может быть, ее увез Лектер, но не исключе-

но, что она досталась свиньям. Если доктор ее захватил, что он станет с ней делать?

— Честно — не знаю. Если бы я мог, то обязательно помог бы Старлинг. Почему нет? Она мне в некотором роде нравилась, и она собиралась помочь мне снять обвинения. Посмотрите в ее отчетах, заметках или…

— Смотрела. Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу, Барни. Если тебе что-то известно о ней, расскажи сразу. Это одноразовое предложение. Если я когда-нибудь узнаю (не важно, сколько времени пройдет до тех пор), что ты утаил сведения, способные мне помочь, я вернусь к тебе и последнее, что ты увидишь, будет этот пистолет. Я прострелю твою толстую безобразную задницу. Ты мне веришь?

— Да.

— Тебе известно что-нибудь?

— Нет.

Наступило молчание. Такой долгой паузы в беседе он не помнил.

— Сиди на месте, пока я не уйду.

***

Уснуть Барни смог только через полтора часа. Он лежал на кровати, пялясь в потолок. Его

широкий и выпуклый, как у дельфина, лоб то покрывался потом, то снова высыхал. Барни не оставляла мысль о тех, кто его еще сможет посетить. Перед тем как погасить свет, он прошел в ванную комнату и достал из походного несессера зеркальце для бритья из нержавейки — продукт, специально созданный для Корпуса морской пехоты.

Пройдя в кухню, он открыл дверцу электрического распределительного щита и прикрепил к ней зеркало.

Больше он ничего сделать не мог. Во всяком случае, пока. Всю ночь до утра он ворочался во сне, как беспокойная собака.

Закончив очередную смену, он принес домой из госпиталя специальный набор предметов, которые употреблялись при расследовании случаев изнасилования.

Глава 97

Не выбрасывая мебель, доктор Лектер мало что мог сделать для улучшения интерьера немецкого дома. Помогали цветы и ширмы. Яркие пятна в полумраке в сочетании с массивной мебелью выглядели весьма занятно, чем-то напоминая залитую светом бабочку, устроившуюся на бронированном кулаке рыцаря.

Его постоянно отсутствующий домовладелец, видимо, зациклился на Леде и Лебеде. Их межвидовое совокупление было представлено не менее чем в четырех бронзовых изображениях — лучшим из которых была копия творения Донателло, — и в восьми живописных полотнах. Одна из картин казалась доктору Лектеру просто очаровательной. Это была работа некоей Энн Шинглтон, которой удалось не только передать весь пыл акта, но и весьма точно изобразить анатомические подробности совокупляющихся. Остальные картины доктор закрыл занавесями. Отвратительная коллекция бронзы с изображениями охотничьих сцен тоже исчезла под покрывалами.

Рано утром доктор Лектер тщательно сервиро-

вал стол на три персоны. Почесывая кончик носа пальцем, он внимательно изучил свое творение, дважды переставил подсвечник и, отказавшись от подблюдных камчатных салфеток, накрыл столешницу одной общей скатертью. Таким образом он смог немного сузить поле, на котором предстояло пиршествовать. Приставные сервировочные столики — темные и непривлекательные, — после того как их украсили сверкающие медные подогреватели и иные кухонные принадлежности, почти утратили свое сходство с крыльями самолета. Кроме того, доктор Лектер вынул несколько ящиков из письменного стола и устроил из них нечто напоминающее висячий сад.

Он не мог не видеть, что в комнате слишком много цветов, но тем не менее решил добавить еще чуть-чуть. Слишком много есть слишком много, однако на сей раз — чем больше, тем лучше. Доктор Лектер поставил пару цветочных композиций на стол — небольшую горку белых, как «Снежки», пионов на серебряном блюде и высокий букет из голландских ирисов, ирландских колокольчиков, орхидей и попугайных тюльпанов. Букет несколько скрадывал просторы стола и создавал интимную обстановку.

Рядом со вспомогательными тарелками бу-

шевало маленькое ледяное моря хрусталя, но столовое серебро находилось в обогревателе, чтобы быть поданным на стол в последний момент.

Первое блюдо предполагалось готовить рядом со столом, и поэтому доктор Лектер соответствующим образом расположил спиртовые горелки, медную универсальную кастрюлю, медный же сотейник, соусник, разнообразные приправы и пилу, которой обычно пользуются патологоанатомы.

Когда он сказал Клэрис Старлинг, что на некоторое время должен ее покинуть, уехав из дома, та ничуть не обеспокоилась. Перед уходом доктор Лектер спросил девушку, не хочет ли та немного поспать.

Глава 98

На пятые сутки после убийств далеко за полдень Барни закончил бритье и уже протирал лицо спиртом, когда до него с лестницы донесся звук чьих-то шагов. Ему уже было пора уходить на работу.

Решительный стук. На пороге стояла Марго Вергер. В руках она держала объемистую сумку и небольшой рюкзачок.

— Привет, Барни. — Она выглядела утомленной.

— Привет, Марго. Входи.

Предложив ей сесть за кухонным столом, он спросил:

— Кока-колы не выпьешь?

Спросил и тут же пожалел об этом, вспомнив, что Корделл перед смертью ткнулся головой в открытый холодильник.

— Спасибо, не хочу.

Он сел напротив нее, и Марго бросила взгляд на его ручищи так, как это делает культурист, оценивая своего соперника, а затем посмотрела ему прямо в лицо.

— Марго, у тебя все в порядке?

— Думаю, что так, — ответила она.

— Похоже, что тебе не о чем беспокоиться, во всяком случае, судя по тому, что я прочитал.

— Иногда мне на ум приходят наши разговоры, Барни. Я припоминаю некоторые твои мысли, которыми ты со мной делился.

Интересно, припрятала она в своей сумке молот или нет, подумал Барни.

— Теперь ты услышишь обо мне только в том случае, если я захочу поинтересоваться, как у тебя дела. Ничего у тебя просить не буду. На мой счет, Марго, ты можешь не волноваться.

— Ты же знаешь, люди всегда беспокоятся, когда остаются болтаться какие-нибудь концы. А скрывать мне абсолютно нечего.

Барни понял, что она получила сперму. Итак, Марго считает, что он может представить опасность после того, как станет известно о беременности Джуди. Если той, конечно, удастся забеременеть.

— Не буду кривить душой, его смерть была ниспослана мне Богом.

Скорость, с которой были произнесены эти слова, подсказала Барни, что Марго собирается с духом.

— Ты знаешь, я, наверное, не против того, что-

бы выпить колы, — продолжила девушка.

— Прежде чем налить колу, я хочу тебе кое-что показать. Поверь, я могу сделать так, что у тебя не останется оснований для беспокойства, и это тебе ничего не будет стоить. Подожди немного. Потерпи.

Он взял отвертку из стоящего на шкафу ящика с инструментами. Сделать это можно было, не упуская Марго из поля зрения.

В стене кухни было две распределительные электрические коробки. Действовала лишь одна правая, а левая сохранилась со времени последнего ремонта здания.

Находясь у распределительных коробок, Барни должен был стоять спиной к Марго. Не теряя ни секунды, он распахнул дверцу левой. Теперь Барни мог видеть ее отражение в укрепленном на внутренней стороне дверцы зеркале. Марго сунула руку в большую сумку. Сунула, но не вытащила. Отвернув четыре гайки, Барни извлек из коробки распределительный щит с двумя рубильниками-прерывателями. За щитом в стене обнаружилась неглубокая ниша.

Запустив в нее руку, он осторожно извлек на свет пластиковый мешок.

Когда он достал из мешка хранящийся в нем

предмет, до него донесся судорожный вздох Марго. Она узнала знаменитый злобный образ — маску, которую силой надевали на доктора Лектера в лечебнице для душевнобольных преступников, чтобы доктор не кусал окружающих. Это был последний и наиболее ценный экспонат в его коллекции, имеющей отношение к Ганнибалу Лектеру.

— Вот это да! — выдохнула Марго.

Барни положил маску лицом вниз на стол на лист вощеной бумаги под яркий свет кухонной лампы. Он знал, что доктору Лектеру никогда не позволяли чистить маску. Внутри ее, вокруг отверстия для рта образовалась корка засохшей слюны. В том месте, где к маске крепились ремни, можно было увидеть вырванные с корнем и застрявшие в пряжке волосы.

Покосившись на Марго и поняв, что в данный момент ему ничто не грозит, он достал из кухонного шкафа набор, используемый для экспертизы при изнасиловании. В небольшой пластмассовой коробке находились гигиенические ватные палочки, стерилизованная вода, тампоны и стерильные флаконы из темного стекла.

С бесконечной осторожностью с помощью смоченной в стерилизованной воде гигиенической

палочки Барни собрал с маски чешуйки засохшей слюны и перенес вместе с палочкой во флакон. Так же осторожно он извлек застрявшие в застежке волоски и сложил их во второй флакон.

Затем Барни поочередно прижал большой палец к клейкой стороне двух кусков скотча. Убедившись в том, что на образцах остались четкие отпечатки, он заклеил ими крышки обоих флаконов. Затем Барни поместил флаконы в мешочек и вручил его Марго.

— Предположим, со мной что-нибудь случится, у меня поедет крыша и я пожелаю на тебя накатить. Скажем, пытаясь облегчить свою участь, расскажу полиции что-нибудь о тебе. Эти бутылки послужат доказательством того, что я по меньшей мере являюсь соучастником в убийстве Мейсона Вергера. Нельзя будет исключить и того, что убийство вообще дело только моих рук. В любом случае у тебя останутся образцы ДНК доктора Лектера.

— Ты успеешь получить судебный иммунитет до того, как тебя загонят в угол.

— Как участник сговора, возможно. Но не в случае прямого участия в получившем широкую огласку убийстве. Они пообещают мне иммунитет за заговор и тут же меня поимеют, обвинив в

том, что я участвовал в убийстве в натуре. Тогда мне крышка. Так что я теперь целиком в твоих руках.

Барни показалось, что его слова звучат достаточно убедительно, хотя до конца он в этом уверен не был.

При желании она может оставить следы ДНК доктора Лектера на хладном трупе Барни в любое удобное для нее время. Они оба прекрасно это понимали.

Марго обратила взгляд своих светло-голубых глаз мясника на Барни. После молчания, показавшегося ему бесконечным, она положила рюкзачок на стол со словами:

— Здесь куча денег. Хватит, чтобы увидеть всех Вермеров, какие есть в мире. Но только один раз, — бросила Марго легко и небрежно, хотя было заметно, что она, как ни странно, счастлива. — Мне пора. У меня в машине сидит кошка Франклина. Франклин, его приемная мать, сестра Ширли и еще один тип по имени Стрингбин намерены нанести визит в «Мускусную крысу», когда мальчишка выпишется из больницы. Ловля это проклятой кошки обошлась мне в пятьдесят баксов. Оказывается, она поселилась под другой кличкой по соседству с бывшим домом

Франклина.

Марго не стала класть мешочек с флаконами в сумку и понесла его в руках. Барни понял — это сделано потому, что она не хочет показывать, какие иные пути решения проблемы находятся в ее сумочке.

У самых дверей он сказал:

— Неужели я не заслуживаю поцелуя?

Марго поднялась на цыпочки и клюнула его в губы.

— Этого, полагаю, достаточно, — чопорно произнесла она, и ступени заскрипели под ее тяжелыми шагами.

Барни запер за ней дверь и простоял несколько минут, прижавшись лбом к прохладному телу холодильника.

Глава 99

Старлинг пробудили пикантный аромат готовящейся пищи и далекое звучание камерной музыки. Девушка проснулась на удивление посвежевшей и страшно голодной. Послышался легкий стук в дверь, и в комнату вошел доктор Лектер. На докторе были черные брюки и белоснежная рубашка с галстуком в стиле аскот. В одной руке доктор держал длинный чехол для одежды, а в другой — чашку капуччино.

— Надеюсь, вы спали хорошо?

— Просто здорово! Спасибо.

— Шеф заверяет, что мы начнем ужинать через полтора часа. К коктейлю можно будет приступить через час, если не возражаете. Надеюсь, что, вам это понравится. Взгляните, как оно на вас сидит. — Он повесил чехол в стенной шкаф и, не произнеся больше ни слова, удалился.

Старлинг заглянула в шкаф лишь после того, как приняла ванну и хорошенько потрудилась над своим внешним видом. Открыв дверцы шкафа, она обнаружила вечерний наряд, состоящий из шелкового кремового платья длиной до пола и великолепной, расшитой бисером накидки.

Платье имело спереди узкий, но весьма глубокий вырез.

На туалетном столике оказалась пара сережек в виде изумрудных подвесок без всякой огранки — так называемых кабошонов. Камни пылали огнем, несмотря на отсутствие на них привычных граней.

С волосами у Старлинг никогда не было никаких проблем. Даже не имея привычки к такого рода одеяниям, она не стала долго торчать перед зеркалом. Бросив взгляд на свое отражение и убедившись в том, что все предметы туалета сидят как надо, Старлинг вышла из спальни.

Немец-домовладелец расстарался и соорудил камины гигантских размеров. В камине гостиной ярко пылало бревно внушительной длины. Шелестя шелком, Старлинг подошла к теплотворному очагу.

Из угла гостиной доносились звуки клавесина. За инструментом сидел доктор Лектер. Он был облачен во фрак.

Доктор поднял глаза и у него, казалось, оборвалось дыхание. Рука его повисла в воздухе над клавиатурой. Поскольку звучание клавесина замирает мгновенно, в помещении наступила тишина, и лишь спустя некоторое время они оба

услышали, как вздохнул доктор Лектер.

У камина их ждали два ликера с тонким ломтиком апельсина в каждом бокале. Передав один из бокалов Старлинг, доктор Лектер произнес:

— Даже в том случае, если мне пришлось бы видеть вас ежедневно, этот вечер я запомнил бы навсегда.

— Кстати, сколько раз вы меня видели? Этого я не знаю.

— Только три раза.

— Но здесь…

— Все, что недавно происходило здесь, находилось вне времени. В том, что я видел, нет и не могло быть ничего личного, и оно надежно закрыто от всех, включая меня, вместе с вашей историей болезни. Однако должен признаться, мне сегодня было приятно смотреть на вас спящую. Вы очень красивы, Старлинг.

— Игра природы, доктор Лектер.

— Если бы человек мог заслужить привлекательность своими трудами, то и в этом случае, Старлинг, вы оставались бы столь же прекрасной.

— Спасибо, доктор.

— Никогда не говорите «спасибо». — Легкого движения головы Ганнибала Лектера оказалось

достаточно, чтобы выразить всю степень его недовольства. Кто-то иной на его месте, возможно, швырнул бы свой бокал в камин.

— Я говорю то, что хочу сказать, — ответила она. — Неужели вам больше понравилось бы, если бы я произнесла: «Весьма рада, что вы так считаете, доктор». Звучало бы это, конечно, витиеватее, но содержало бы смысла не больше, чем мои незатейливые слова. Впрочем, и в том и другом случае все было бы чистой правдой.

Она подняла бокал на уровень своих глаз цвета прерий, считая тему исчерпанной.

Доктор Лектер вдруг осознал, что, несмотря на свою ученость и все попытки проникнуть в ее сознание, он не способен ни предсказать поступки Старлинг, ни, тем более, их контролировать. Он мог сколько угодно кормить гусеницу и шептать заклинания над куколкой, но то, что вылупится из нее, все равно станет отвечать только ее натуре и окажется вне его контроля. Доктора даже заинтересовало, не нацепила ли она сейчас под платье на ногу свой «сафари» сорок пятого калибра.

Старлинг улыбнулась ему, изумрудные кабошоны серег сверкнули в свете камина, и монстр, именуемый Ганнибалом Лектером, еще раз вос-

хитился про себя своим вкусом и хитростью.

— Клэрис, пища взывает к чувствам обоняния и вкуса — самым древним нашим чувствам, центры которых расположены в самых глубинах мозга. Восприятие вкуса и запаха предшествовало возникновению чувства жалости, и поэтому жалости не остается места за моим столом. Игра на коре головного мозга, скрытой под сводом черепа, является подобием того света, который открывает нашему взору чудеса, изображенные на стенах собора и под его сводами. Чудеса эти могут оказаться более занимательными, нежели театральное представление. — Доктор Лектер приблизил лицо к лицу Старлинг, чтобы лучше увидеть выражение ее глаз, и продолжил: — Я хочу, чтобы вы поняли роль, которую вы призваны сыграть в нашем ужине, и то, какие новые богатые краски вы можете в него внести. Клэрис, давно ли вы внимательно изучали свое отражение в зеркале? Думаю, что давно. Сомневаюсь, что вы вообще когда-либо делали это. Пройдите в зал и встаньте перед трюмо.

Доктор Лектер снял с каминной доски канделябр и подошел к зеркалу.

Высокое зеркало являло собой прекрасный антик восемнадцатого века. Стекло его слега за-

туманилось, и в амальгаме появились трещинки. Когда-то трюмо стояло в замке «Во-ле-Виконт», и только Богу известно, что оно успело увидеть.

— Посмотрите, Клэрис. Это очаровательное видение в стекле — вы. Этим вечером вы некоторое время будете видеть себя со стороны. Как бы с расстояния. Вы увидите то, что явится выражением справедливости, и будете говорить только правду. У вас всегда хватало отваги говорить то, что вы думаете. Но при этом на вашем пути стояли некоторые ограничения. Я хочу повторить еще раз — жалости нет места за этим столом.

Будут произнесены слова, которые сейчас могли бы показаться вам неприятными, но за ужином вы найдете их забавными или даже очень смешными. Если вы услышите слова настолько правдивые, что они причинят вам боль, помните — истина этих слов относительна, преходяща и изменчива. — Отпив из бокала, доктор продолжил: — Если вы вдруг почувствуете, что в вашей душе начинает завязываться боль, помните, что завязь эта скоро распустится пышными цветами облегчения. Вы меня понимаете?

— Нет, доктор Лектер. Но я помню все, что вы сказали. Однако я желаю, чтобы ужин был приятным.

— Обещаю. — Он улыбнулся, и улыбка эта могла бы многих повергнуть в ужас.

Ни один из них больше не смотрел на ее изображение в туманном стекле; они взирали друг на друга сквозь колеблющееся пламя тонких восковых свечей, а старинное зеркало наблюдало за ними.

— Посмотрите, Клэрис.

Старлинг увидела, как в глубине его глаз появились красные огоньки, и она ощутила радостное возбуждение. Такое возбуждение испытывает ребенок, приближаясь к павильонам ярмарки. Доктор извлек из кармана крошечный шприц с тонкой, как волос, иглой и, действуя не глядя, на ощупь, ввел иглу в запястье Старлинг. Когда он выдернул иглу, из ранки не появилось ни капли крови.

— Что вы играли, когда я вошла? — спросила девушка.

— Композиция называется «Если бы властвовала истинная любовь».

— Вещь, наверное, очень старинная?

— Генрих Восьмой сочинил ее примерно в 1510 году.

— Не могли бы вы сыграть ее для меня? Сыграть до конца.

Глава 100

Когда они вошли в столовую, огоньки свечей и пламя подогревателей от легкого дуновения воздуха немного заколебались. До этого Старлинг видела эту комнату лишь мимоходом, и сейчас ее приятно поразили произошедшие здесь чудесные изменения. Столовая предстала перед ней светлой и гостеприимной. Высокие хрустальные бокалы воспроизводили огоньки свечей, а барьер из цветов, закрывая большую часть стола, придавал всей обстановке особую интимность.

Хозяин дома достал из подогревателя столовое серебро в самый последний момент, и, изучая сервировку своего места, Старлинг ощутила, как от рукоятки ножа исходит почти лихорадочный жар.

Доктор Лектер разлил по бокалам вино и дал Старлинг на закуску какой-то пустячок вроде единственной устрицы и кусочка колбасы. Сам же доктор с бокалом вина в руках восхищался видом девушки на фоне великолепно сервированного стола.

Высота подсвечников оказалась как раз той, что требовалась. Свет проникал далеко в глубь ее

декольте, и, кроме того, можно было не опасаться, что она случайно сожжет рукава.

— Так что же у нас на ужин?

— Никогда не спрашивайте, чтобы не испортить сюрприз, — ответил доктор Лектер, поднося к губам указательный палец.

Они обсудили методы обработки вороньих перьев и их влияние на звучание клавесина, и Старлинг лишь на мгновение вспомнила ту ворону, которая давным-давно ограбила стоящую на балконе мотеля рабочую тележку матери. Воспоминание это показалось ей совершенно неуместным, и она сознательно отмела его в сторону.

— Проголодались?

— Да.

— В таком случае мы можем приступать к нашему первому блюду.

Доктор Лектер взял с приставного столика единственный находящийся там поднос и поставил на стол рядом с собой. Затем он подкатил к своему месту сервировочную тележку, на которой на сей раз были его сковороды, горелки и приправы в маленьких хрустальных чашах.

Доктор зажег горелки и начал с того, что положил добрый кусок сливочного масла в небольшую

кастрюлю. Он принялся тщательно размешивать плавящееся масло, добавляя в него мелко молотый фундук. Процедура продолжалась до тех пор, пока растопившееся масло не приобрело ровный коричневый цвет. Удовлетворившись полученным результатом, доктор снял кастрюлю с огня и водрузил на таган.

Затем доктор улыбнулся Старлинг, продемонстрировав на удивление белые зубы.

— Клэрис, вы припоминаете, что мы говорили о приятных и неприятных словах и предметах, которые по своему содержанию могут быть очень забавными?

— Масло пахнет просто божественно. Да, конечно, помню.

— А вы помните, кого видели в зеркале и насколько великолепно выглядело это существо?

— Доктор Лектер, надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что все это начинает напоминать сказку про белого бычка. Да, я все помню прекрасно.

— Вот и славно. Мистер Крендлер примет участие в нашем пиршестве. Во всяком случае, во время подачи первого блюда.

Доктор Лектер передвинул большую цветочную композицию с главного стола на приставной

столик.

За столом на прочном дубовом кресле восседал во плоти сам заместитель помощника Генерального инспектора Пол Крендлер. Крендлер широко открыл глаза и огляделся по сторонам. Лоб его украшала лента, которой обычно пользуются бегуны, а облачен заместитель помощника был в очень милый похоронный смокинг, со вшитой в него манишкой с галстуком-бабочкой. Наряд был разрезан вдоль спины, и доктор Лектер каким-то образом ухитрился надеть его на Крендлера поверх многих ярдов ленты, крепящей ответственного сотрудника Министерства юстиции к спинке кресла.

Ресницы Старлинг лишь едва дрогнули, и она слегка пожевала губами, как всегда делала, оказавшись на линии огня в тире.

Доктор Лектер взял с приставного столика серебряные щипцы и отодрал ленту, заклеивающую Крендлеру рот.

— Еще раз добрый вечер, мистер Крендлер.

— Добрый вечер. — Заместитель помощника, казалось, был сам не свой. Перед ним на столе стояла лишь маленькая супница.

— Не хотите ли вы пожелать доброго вечера мисс Старлинг?

— Привет, Старлинг. — Его лицо даже немного посветлело. — Мне всегда хотелось посмотреть, как ты жрешь.

Старлинг видела его как бы со стороны, так, как смотрит на людей старое, мудрое, слегка потускневшее зеркало.

— Здравствуйте, мистер Крендлер. — Обратив взор на возящегося с кастрюлями доктора Лектера, она спросила: — Как вам удалось схватить его?

— Мистер Крендлер отправился на важное совещание, где должен был решиться вопрос о его участии в большой политике, — сказал доктор Лектер. — Марго Вергер оказала мне услугу, пригласив его. В некотором роде услуга за услугу. Мистер Крендлер затрусил к посадочной площадке в парке «Рок-Крик». Он хотел встретить там вертолет Вергеров, но вместо него повстречался со мной. Не желаете ли вы, мистер Крендлер, прежде чем приступить к еде, воздать хвалу нашему Творцу? Мистер Крендлер, вы меня слышите?

— Хвалу? Да, конечно. — Крендлер закрыл глаза и начал: — Отец наш, мы возносим Тебе хвалу за те благости, которыми Ты нас одаришь, и мы обращаем их на службу Тебе. Старлинг уже здо-

ровая девка для того, чтобы трахаться со своим папочкой, хотя и прибыла с вонючего юга. Молю Тебя, прости ее и поставь мне на службу. Во имя Господа Иисуса нашего. Аминь.

Старлинг обратила внимание на то, что во время молитвы доктор Лектер сидел, благочестиво закрыв глаза.

Она чувствовала себя уверенно, и реакция ее оказалась быстрой.

— Должна сказать вам, Пол, что даже ваш тезка апостол Павел не смог бы сделать это лучше вас. Он тоже ненавидел женщин.

— На сей раз тебе крышка, Старлинг. На работе тебя никогда не восстановят.

— Творя молитву, вы, кажется, предлагали мне работу? Я вас правильно поняла? Никогда не видела, чтобы это делалось столь тактично.

— Я собираюсь в конгресс, — сказал, отвратительно улыбаясь, Крендлер. — Приходи в мой предвыборный штаб, и я, возможно, подыщу для тебя занятие. Ты могла бы стать секретаршей. Печатать и вести канцелярию умеешь?

— Безусловно.

— Стенография?

— Обычно я использовала аппаратуру для идентификации голоса, — ответила Старлинг. —

Извините, что я за столом обсуждаю деловые вопросы, но я скажу так: вы слишком заторможены для того, чтобы успешно воровать в конгрессе. Вы лишь способны на то, чтобы при помощи грязных трюков добывать кое-какие сведения. Вы смогли бы подольше продержаться, став мальчиком на побегушках у серьезного жулика.

— Не ждите нас, мистер Крендлер, — настоятельно произнес доктор Лектер. — Отведайте вашего бульона, пока он не остыл.

С этими словами он поднес закрытую супницу с торчащей из нее соломинкой к губам Крендлера.

— Не нравится мне ваш суп, — недовольно скривившись, сказал Крендлер.

— Скорее, это можно назвать настойкой петрушки и тимьяна, — пояснил доктор Лектер, — и приготовлен он больше в наших интересах, чем в ваших. Сделайте еще несколько глотков, и пусть настой циркулирует по организму.

Старлинг, судя по всему, занималась тем, что оценивала ситуацию, держа ладони перед собой, словно чаши весов самой Фемиды.

— Знаете, мистер Крендлер, каждый раз, когда вы злобно на меня косились, у меня возникали тайные опасения, что я действительно в чем-то виновата. — Она подвигала ладонями вверх и

вниз, как бы что-то взвешивая. — Я не заслуживала подобного отношения. Каждый раз, когда вы вносили очередную каплю яда в мое личное дело, я возмущалась, но тем не менее начинала копаться в себе. На какой-то момент я начинала в себе сомневаться и пыталась успокоить себя тем, что Папа, видимо, знает больше.

Но оказалось, что вы знали не больше моего, мистер Крендлер. А если по правде, то вы вообще ничего не знали. — Старлинг сделала паузу, чтобы отпить немного великолепного белого бургундского, а затем, обращаясь уже к доктору Лектеру, продолжила: — Мне очень нравится вино, но кажется, нам пора снять его со льда. — Превратившись снова во внимательную хозяйку, она повернулась лицом к гостю. — Вы всегда были болваном, и на вас не стоило обращать внимания, — произнесла Старлинг весьма приятным тоном. — И хватит об этом за таким прекрасным столом. Поскольку вы гость доктора Лектера, я надеюсь, что вы получите в его доме удовольствие.

— Кто вы такая? — спросил Крендлер. — Вы — не Старлинг. У вас тоже есть пятно на лице, но вы — не она.

Доктор Лектер положил лук-шалот в расплавленное масло и, как только источаемый им

аромат стал еще божественнее, добавил туда измельченные каперсы. Сняв с огня кастрюлю, он поместил на ее место сотейник. Затем доктор взял с приставного стола большую, наполненную ледяной водой хрустальную чашу и серебряный поднос и поставил их на стол рядом с Полом Крендлером.

— У меня есть план, как использовать твой болтливый рот, — снова заговорил Крендлер. — Но на работу я тебя не возьму. И вообще, кто устроил тебе встречу со мной?

— Я не надеюсь, что вы полностью измените свою точку зрения, мистер Крендлер, как сделал тот, иной, Павел, — сказал доктор Лектер. — Однако вы в отличие от него не на пути в Дамаск и даже не на пути к вертолету Вергеров.

С этими словами доктор Лектер снял со лба Крендлера ленту так, как снимают резинку, обтягивающую банку с икрой.

— Мы просим вас, мистер Крендлер, чтобы вы открыли для нас свой разум, — продолжил хозяин дома. Он осторожно поднял крышку черепа заместителя помощника, положил ее на серебряное блюдо и перенес блюдо на приставной столик.

С ровного разреза не просочилось ни капли крови. Крупные сосуды доктор Лектер перевязал,

а более мелкие прижег под местным наркозом. Сам распил был произведен в кухне за полчаса до начала ужина.

Примененный Ганнибалом Лектером способ вскрытия черепа восходил к временам древнеегипетской медицины, если, конечно, не считать того, что он пользовался электрической пилой со специальным полотном, ключом для снятия кости и современными обезболивающими препаратами. Что касается самого мозга, то он боли не чувствует.

Серо-розовый купол мозга Пола Крендлера возвышался над обрезом его черепа.

Став над Крендлером, доктор Лектер с помощью инструмента, похожего на тот, которым удаляют гланды, отделил от предлобной доли мозга вначале один тонкий ломтик, затем второй, третий и четвертый. Крендлер поднял взгляд, словно наблюдал за тем, что происходит. Кулинар погрузил ломтики в ледяную воду, немного сдобренную лимонным соком. Это было сделано для того, чтобы придать кусочкам мозга нужную твердость.

— Покачайся на хвосте кометы, — вдруг запел Крендлер, — принеси себе в кроватку свет луны.

Классическая кухня требует, чтобы мозги вымочили, осушили, чуть спрессовали и затем

выдержали ночь в прохладе, Повар, имеющий дело с абсолютно свежим продуктом, рискует получить вместо аккуратного кусочка бесформенную желеобразную массу.

С непостижимым мастерством доктор перенес чуть затвердевшие ломтики на блюдо, слегка обвалял их вначале в сдобренной специями муке, а затем — в сухарях из пшеничных бриошей. После этого кулинар растер в соусе свежий черный трюфель и закончил действо, выжав на мозги сок лимона. Быстро переместив ломтики в сотейник, доктор Лектер жарил их до тех пор, пока они не подрумянились с обеих сторон.

— Пахнет классно! — заявил Крендлер.

Доктор Лектер положил золотистые мозги на гренки, уже разложенные по подогретым тарелкам, полил их соусом и украсил ломтиками трюфеля. Веточки петрушки, цельные ягоды каперса со стебельками и единственный цветок настурции (дабы придать кулинарному изделию некоторую объемность) завершили создание шедевра.

— Ну и как? — поинтересовался Крендлер, который снова был скрыт цветами. Спросил он неприлично громким голосом, к чему, впрочем, склонны все перенесшие лоботомию люди.

— Просто великолепно, — ответила Старлинг. — Мне раньше никогда не приходилось есть каперсы.

Доктор Лектер обратил внимание на то, как интенсивно движутся ее блестящие от масляного соуса губы.

Скрытый зеленью Крендлер вдруг запел. Выл он в основном песенки, которые распевают в детском саду, и при этом требовал к себе внимания.

Старлинг и доктор Лектер тем временем вели беседу о Мишу. Девушка знала о судьбе Мишу из разговоров о потерях близких людей, но теперь доктор говорил так, словно надеялся на возвращение сестры.

Старлинг, со своей стороны, сказала, что с удовольствием встретилась бы с Мишу.

— Я запрещаю тебе поднимать телефонную трубку в моем офисе! У тебя голос, как у кукурузной деревенской растопырки! — проревел из-за цветов Пол Крендлер.

— Скажите, я не очень буду похожа на Оливера Твиста, если скажу: ЕЩЕ, — произнесла Старлинг, позволив тем самым радости доктора Лектера вырваться наружу. Доктору удавалось до сих пор удерживать ее в себе лишь ценой чудовищных усилий.

На вторую порцию ушла вся лобная часть почти до самой моторной зоны. Заместитель помощника теперь мог бессвязно кричать лишь о тех вещах, которые находились в поле его зрения, да невнятно, но достаточно громко бормотать, видимо, засевший где-то в подкорке длинный похабный стишок, известный под названием «Влечение».

Поглощенные беседой доктор Лектер и Старлинг обращали на него внимания не больше, чем на громкий разговор за соседним столиком, находись они в ресторане. Но когда сила звука превысила все допустимые нормы и стала мешать их общению, доктору Лектеру пришлось взять стоявший в углу комнаты арбалет.

— Прошу вас, Клэрис, послушать, как звучит этот струнный инструмент.

Выждав момент, когда Крендлер замолк, доктор пустил стрелу через стол сквозь высокий букет.

— Частота, на которой звенит тетива арбалета, если вам доведется услышать ее еще когда-нибудь, будет всегда означать для вас свободу, внутренний мир и самодостаточность, — сказал доктор Лектер.

Оперение и часть стрелы торчали из букета и двигались наподобие дирижерской палочки,

управляющей ритмом сердца. Голос Крендлера умолк мгновенно, а через несколько ударов замерла и дирижерская палочка.

— Мне кажется, что это «ре», чуть ниже среднего «до».

— Именно.

Через секунду из-за букета донесся булькающий звук. Но это был всего лишь спазм гортани, вызванный повышением кислотности организма, как часто случается у только что умерших.

— Пора переходить к следующему блюду, — сказал доктор Лектер. — Однако прежде чем приступить к куропаткам, выпьем немного шербета, дабы освежить наше чувство вкуса. Нет-нет, не вставайте. Мистер Крендлер поможет мне убрать со стола, если не возражаете.

Все было сделано очень быстро. Скрывшись за цветами, доктор Лектер стряхнул остатки еды с тарелок в череп Крендлера, а тарелки сложил ему на колени. Затем он вернул на место крышку черепа, натянул ленту на лоб покойника и, подняв с пола веревку, привязанную к тележке под креслом, увез все в кухню.

Там же доктор Лектер перезарядил свой арбалет. Для натяжения тетивы он воспользовался той же батареей, которой раньше приводил в

действие пилу патологоанатома.

Кожица перепелок приятно похрустывала, а тушки были нашпигованы паштетом из гусиной печенки. Доктор Лектер делился своими мыслями о Генрихе Восьмом как о композиторе, а Старлинг поведала ему об изобретении с помощью компьютера такого двигателя, звук работы которого приятен для уха.

Затем доктор Лектер объявил, что десерт будет подан в гостиную.

Глава 101

Суфле и бокалы с «Шато-д'Икем» перед камином в гостиной и кофе на столике у локтя Старлинг. В золотом вине танцует пламя, и его аромат образует сочные обертоны для запаха горящих поленьев.

Они говорили о разбитых чашках, о времени и о законах энтропии.

— И таким образом я пришел к убеждению, — говорил доктор Лектер, — что в мире должно быть место для Мишу, и тем местом, которое следует освободить для нее, являетесь вы, Клэрис. Я решил, что это самое лучшее место во всем мире.

Огонь камина освещал вырез ее платья не так хорошо, как свечи, но зато он изумительно красиво играл на лице девушки.

— Позвольте мне спросить вас кое о чем, доктор Лектер, — сказала Старлинг, немного подумав над его словами. — Если для Мишу требуется самое лучшее место в этом мире, то почему таким местом не можете стать вы? Оно занято хорошим человеком, и я знаю, что вы ей не откажете. Я и Мишу могли бы быть как сестры. И если во мне, как вы утверждаете, есть место для моего отца, то

почему в вас не сыщется места для Мишу?

Доктор Лектер, казалось, был страшно доволен. Правда, что именно его радовало — идея, высказанная Старлинг, или находчивость девушки, — определить было трудно. Возможно, у него возникли неясные опасения, что он создал не совсем то, что хотел.

Ставя бокал на столик у локтя, Старлинг толкнула кофейную чашку, и та разлетелась вдребезги, ударившись о каминную решетку. Девушка даже не взглянула на нее.

Доктор Лектер, напротив, внимательно смотрел на осколки, но все они остались лежать на месте.

— Полагаю, что вам не обязательно принимать решение сию минуту, — сказала Старлинг. Ее глаза и камни серег сияли в свете камина. Огонь со вздохом вспыхнул ярче, и девушка сквозь наряд ощутила его тепло, и в тот же миг в ее памяти всплыли недавно услышанные слова. Доктор Лектер много лет назад спрашивал у сенатора Мартин, кормила ли та грудью свою дочь. Сверхъестественное спокойствие покинуло Старлинг. На мгновение перед ее мысленным взором возникло огромное количество выстроившихся друг за другом открытых окон, и она смогла заглянуть

в неведомую даль — гораздо дальше, чем позволял ей собственный жизненный опыт.

— Скажите, Ганнибал Лектер, вскармливала ли вас мать грудью? — спросила она.

— Да.

— Вас никогда не охватывало чувство обиды за то, что вы должны были уступить материнскую грудь Мишу? Вам не казалось, что вас заставляют пожертвовать материнской грудью ради сестры?

Молчание. И затем ответ:

— Я не помню этого, Клэрис. Если я и жертвовал, то делал это охотно.

Клэрис Старлинг запустила руку в вырез платья и извлекла на свет грудь с твердым торчащим соском.

— Теперь вам не придется этим жертвовать, — сказала она. Глядя в его глаза, девушка мизинцем захватила немного теплого «Шато-д'Икем» из своего рта, и на кончике соска повисла большая, сладкая, похожая на золотой кабошон капля. Капля чуть дрожала от дыхания.

Доктор Лектер поднялся, быстро подошел к ней и, опустившись на колени, приник к кораллу ее соска. Черные, гладко причесанные волосы доктора поблескивали в свете камина.

Глава 102

Буэнос-Айрес, Аргентина, три года спустя.

Барни и Лилиан Гирш прогуливаются ранним вечером у Обелиска на авениде 9-го Июля. Мисс Гирш — преподаватель Лондонского университета, находящаяся в годичном отпуске. Лилиан познакомилась с Барни в Мехико в Музее антропологии, и они понравились друг другу. Они путешествуют вместе уже вторую неделю, встречаются каждый день и получают от общения все больше и больше удовольствия. Друг от друга они совсем не устают.

Лилиан Гирш и Барни прибыли в Буэнос-Айрес лишь во второй половине дня — слишком поздно для посещения Национального музея, где временно была выставлена картина Вермера. Миссия Барни, заключавшаяся в том, чтобы увидеть все творения великого художника, забавляла мисс Гирш, тем более что одержимость ее нового приятеля совершенно не препятствовала приятному времяпрепровождению. Барни уже успел обозреть четверть работ Вермера, но до завершения миссии было еще очень далеко.

Они искали какое-нибудь приятное кафе, поз-

волявшее поесть на воздухе.

Лимузины то и дело подкатывали к «Театро Колон» — великолепной опере Буэнос-Айреса.

Лилиан и Барни задержались немного, чтобы посмотреть на то, как любители оперного искусства входят в здание.

В этот вечер давали «Тамерлана», голоса были великолепными, а валившие на премьеру меломаны стоили того, чтобы на них посмотреть.

— Барни, как ты относишься к опере? Думаю, что тебе понравится. Если пожелаешь вкусить высокого искусства, то весь «харч» оплачиваю я.

Его всегда веселило, когда Лилиан употребляла подобные словечки.

— Если протащишь меня через дебри высокого искусства, то уж на пару баксов я как-нибудь «расколюсь», — ответил ей Барни в тон. — А ты уверена, что нас в таком виде туда пустят?

В этот момент к тротуару с легким шелестом подкатил «Мерседес-Майбах». Швейцар спешно кинулся открывать дверцу темно-синей, с серебром, машины.

Из автомобиля появился невысокий элегантный мужчина во фраке. Он обернулся и протянул руку, чтобы помочь выйти своей даме. При виде женщины по собравшейся у входа толпе пронесся

восхищенный шепот. Ее прическа являла собой платиновый, прекрасной формы, шлем, а тело обтягивало мягкое, узкое, цвета коралла, платье под серебрящимся, похожим на морозные узоры тюлем. На шее зелеными брызгами сверкали изумруды. Прежде чем дама и ее эскорт исчезли за дверями театра, Барни успел увидеть ее только мельком через головы толпы.

Мужчину Барни смог рассмотреть лучше. У него был нос с имперской горбинкой — совсем как у Перона, — а гладкие блестящие волосы смахивали на мех выдры. Мужчина нес себя так, что казался выше ростом.

— Барни... Эй, Барни! — сказала Лилиан. — Когда ты придешь в себя, если это вообще произойдет, ответь мне: хочешь ты послушать оперу или нет. В том случае, конечно, если они нас пустят в одеянии дервишей. Я давно хотела сказать «одеяние дервишей», хотя это, может быть, и не совсем...

Барни даже не поинтересовался, кто такие эти «дервиши», и Лилиан на него удивленно покосилась, так как Барни всегда спрашивал буквально обо всем.

— Да, — рассеянно ответил Барни, — и «харч» я сам оплачу.

У него была куча денег. Распоряжался он ими аккуратно, но прижимистым не был. Тем не менее они смогли достать билеты лишь на галерку, где сидели в основном студенты.

Догадываясь, что их места окажутся где-то под стропилами, Барни запасся в вестибюле театральным биноклем.

Огромный зал в архитектурном отношении являлся смесью итальянского ренессанса, греческого и французского стилей. Он сверкал бронзой, позолотой и переливался алым плюшем. Драгоценности на зрителях вспыхивали яркими искрами, наподобие фотовспышек во время финального матча.

До начала увертюры Лилиан шепотом на ухо успела пересказать Барни либретто оперы. Еще не погас свет, чтобы погрузить во тьму их дешевые места, а Барни нашел среди зрителей платиновую блондинку и ее эскорт. Раздвинув золотистые гардины, они входили в свою похожую на бонбоньерку ложу чуть сбоку от сцены. Когда она занимала место, изумруды на ее шее в свете люстр сверкали яркими искрами.

Когда дама входила в оперу, Барни видел ее в профиль справа. Теперь он получил возможность рассмотреть женщину и с левой стороны.

Студенты — ветераны галерки — запаслись самыми разнообразными зрительными приборами. У одного из них оказалась мощная подзорная труба — такая длинная, что все время лохматила волосы впереди сидящего человека. Барни на время поменял бинокль на трубу, чтобы получше рассмотреть парочку в отдаленной ложе. Поле зрения трубы было очень узким, и он не сразу нашел ложу, но когда нашел, пара оказалась на удивление близко.

На щеке женщины виднелась мушка. Она темнела на том месте, которое французы называют «Отвага». Женщина обежала взглядом зал, включая то место, где сидели Барни и Лилиан. Она казалась возбужденной, но тем не менее мастерски контролировала свою мимику и движение губ. Склонившись к мужчине, дама что-то прошептала ему на ухо, после чего они оба рассмеялись. Она положила ладонь на его руку, чуть прихватив большой палец.

— Старлинг, — пробормотал Барни себе под нос.

— Что? — шепотом переспросила Лилиан.

Барни лишь с большим трудом удавалось следить за развитием действия в первом акте оперы. Когда в антракте зажглись огни, он снова обратил

свой зрительный прибор на ложу. Мужчина снял высокий бокал шампанского с подноса в руках официанта, передал бокал даме и взял вино для себя. Барни сосредоточил все внимание на лице джентльмена и на форме его ушей.

Затем он изучил руки женщины по всей их длине. У дамы были обнаженные, без всяких отметин и с хорошо развитой мускулатурой руки — у Барни на этот счет глаз был хорошо наметан.

Пока бывший медбрат смотрел, джентльмен обратил лицо в ту сторону, где сидели Барни и Лилиан. Затем джентльмен поднес к глазам театральный бинокль, и Барни был готов поклясться, что линзы бинокля смотрят прямо на него. Он поднял программку на уровень лица и вжался в кресло, пытаясь казаться примерно одного роста с окружающей его публикой.

— Лилиан, — прошептал он, — я прошу тебя об огромной услуге.

— Хм… — ответила она. — Если ты просишь у меня то, что обычно, то я, прежде чем согласиться, должна твою мольбу хотя бы услышать.

— Мы уходим, как только погасят свет, и сегодня же летим в Рио. Ничего не спрашивай.

Вермер в Буэнос-Айресе остался единственным

Вермером, которого Барни так и не смог увидеть.

Глава 103

Стоит ли нам следить за красивой парой после того, как она покинет оперу? Ну хорошо… Однако будем вести себя крайне осторожно.

На переломе тысячелетий весь Буэнос-Айрес находится во власти танго, и в нем пульсирует ночная жизнь. Стекла окон «мерседеса» опущены, чтобы открыть путь доносящейся из дансингов и клубов музыке. Машина мягко катится по району Реколета в направлении авениды Альвеар, а затем исчезает во дворе изумительного дома в стиле боз-арт неподалеку от здания французского посольства.

Ночь теплая, и поздний ужин накрыт на террасе верхнего этажа, однако все слуги уже ушли.

Прислуга в этом доме — преданная и высоконравственная, но в то же время она должна подчиняться некоторым железным правилам. Слугам, например, запрещено подниматься на верхний этаж особняка до полудня и после того, как на стол подано первое блюдо ужина.

За ужином Старлинг и доктор Лектер частенько общаются на разных языках, а не только на родном для нее английском. Она в колледже учила

французский и теперь его значительно улучшила, впрочем, как и испанский. Выяснилось, что Старлинг весьма одарена в части изучения иностранных языков. Беседуют они и на итальянском. В образных нюансах этого языка она находит какую-то особую свободу.

Иногда во время ужина наша пара танцует. Случается даже так, что им не удается закончить ужин. Их отношения в огромной степени зависят от проницательности Старлинг, способности, которую она тщательно бережет и стремится развивать. Зависит это и от ее умения освобождать доктора Лектера от ограниченной оболочки его жизненного опыта. Мы не можем исключать того, что Клэрис Старлинг иногда даже пугает доктора. Секс является прекрасной ежедневной пристройкой к зданию их отношений.

Дворец памяти Клэрис Старлинг тоже постепенно строится. Правда, некоторые залы Дворца доктора Лектера находятся в их общем пользовании — он несколько раз заставал ее там, — но и ее собственный Дворец становится все обширнее. Он постоянно пополняется новыми предметами и людьми. Старлинг может навещать там своего отца. Рядом с Дворцом на зеленом лугу пасется Ханна. Иногда она смотрит, как в одном из залов

Дворца, склонившись над своим письменным столом, сидит Джек Крофорд. Джек вернулся домой, проведя в больнице месяц. Однажды ночью он снова почувствовал боль в груди. Однако вместо того, чтобы вызвать «скорую помощь» и повторить курс лечения, Джек предпочел просто перекатиться за утешением на ту сторону кровати, которую прежде занимала его покойная жена.

О смерти Джека Крофорда Старлинг узнала во время посещения доктором Лектером открытого для публики сайта ФБР. Доктор делал это регулярно, чтобы еще раз полюбоваться своим портретом, помещенным в галерее наиболее опасных преступников, находящихся в розыске. Портрет восхищал доктора тем, что отставал от его современного облика по меньшей мере уже на два лица.

Прочитав некролог Джеку Крофорду, Старлинг почти целый день бродила в одиночестве и вернулась домой ближе к ночи и очень радовалась своему возвращению.

Примерно год назад она попросила вставить один из своих изумрудов в перстень, на внутренней стороне которого была гравировка: АМ-КС. Арделия Мэпп получила его в ничем не приме-

чательной, довольно потрепанной упаковке. Кольцо было завернуто в записку: «Дорогая Арделия, у меня все хорошо, и даже более чем хорошо. Не ищи меня. Я тебя люблю. Прости, что я тебя напугала. Сожги это. Старлинг».

Арделия отнесла подарок к реке Шенандоа, вдоль которой Старлинг любила совершать пробежки. Держа кольцо в кулаке, Мапп проделала весь долгий путь пешком, с горящими от злости глазами. Она была готова бросить перстень в реку и рисовала себе картину, как он, мелькнув в воздухе, с легким бульканьем исчезнет под водой. В конце концов она надела подарок на палец и сунула руку в карман. Арделия Мэпп плакала крайне редко. На сей раз ей, чтобы успокоиться, пришлось прошагать очень много. Когда она вернулась к своей машине, было уже совсем темно.

Нам трудно сказать, что Старлинг помнит из своей прошлой жизни и что она стремится сохранить. Лекарства, которые поддерживали ее первое время, перестали играть в их жизни какую-либо роль. Впрочем, как и бесконечные разговоры с единственным источником света в комнате.

Время от времени доктор Лектер намеренно роняет чайную чашку на пол и бывает вполне до-

волен, когда чашка не воссоздается из осколков. Вот уже много месяцев он не видит во сне Мишу.

Не исключено, что придет такой день, когда чашка сама по себе восстановится из осколков. Или Старлинг вдруг услышит звук спускаемой тетивы арбалета и проснется, если она будет в этот момент спать.

Но сейчас, пока они танцуют на террасе, нам лучше удалиться. Мудрый Барни уже покинул город, и мы должны последовать его примеру. Если хоть один из них нас обнаружит, нам грозит смерть.

Мы знаем лишь то, что успели узнать, и, возможно, останемся в живых.

От автора

В структуре Дворца памяти доктора Лектера мне помогли разобраться прекрасная книга Фрэнсиса А. Йейтса «Искусство памяти» и труд Джонатана Д. Спенса «Дворец памяти Маттео Риччи»…

Фраза «сад в глазу урагана» принадлежит Джону Чьярди и входит в заглавие одного из его произведений.

Стихи, которые припоминает Старлинг в лечебнице в Балтиморе, являются цитатой из «Четырех квартетов» Т.С. Эллиота.

Благодарю Пейс Барнз за ее поддержку и мудрые советы.

Кэрол Бэрон, мой издатель, помогла значительно улучшить это творение.

Атена Варониус и Билл Трибл из США, так же как Руджеро Перуджини из Италии, показали мне все самое лучшее в правоохранительных органах. Но ни один из них — так же как и любой другой из ныне живущих — не является прототипом для персонажей этой книги. Таким образом, все то зло, которое вы в ней встречаете, я извлек

из собственных запасов.

Никколо Каппони поделился со мной своими глубокими знаниями Флоренции и ее искусства, а также позволил доктору Лектеру пожить в его фамильном палаццо. Я благодарен Роберту Хелду за уроки и Каролине Микаэллес за возможность лучше понять душу Флоренции.

Сотрудники Библиотеки Карнеги в округе Кохома, штат Миссисипи, много лет подбирали для меня материалы. Спасибо им.

Многим я обязан и Маргрет Шмитт. С помощью единственного белого трюфеля, а также магией своего сердца и рук она познакомила нас с чудесами Флоренции. Благодарить Маргрет уже поздно, и сейчас, завершая книгу, я просто хочу упомянуть ее имя.